Дивер Джеффри

Во власти страха

Посвящается Денису, Патти, Мелиссе и Филипу

Существа, которых я видел, не были людьми. Это были животные, превращенные в людей, триумф вивисекции.

Г.Д. Уэллс. Остров доктора Моро

Jeffery Deaver

THE SKIN COLLECTOR

I

Распроданная книга

5 ноября, вторник, полдень

Глава 1

Подвал… Ей необходимо было спуститься в подвал. Хлоя очень не любила там находиться, но они распродали десятый и двенадцатый размеры платьев «Рю дю Канн» – немодных, цветастых, с зубчатым подолом и глубоким вырезом, – и ей требовалось вновь заполнить вешалки для покупательниц. Хлоя была актрисой, а не специалистом по продаже одежды и работала в магазине недавно. И она не могла понять, почему в холодном ноябре эти платья так хорошо распродаются, пока начальница не объяснила, что хотя их магазин и находится в Сохо, на Манхэттене, покупательницы приезжают из Джерси, Уэстчестера и с Лонг-Айленда.

– Почему?

– Круизы, Хлоя. Круизы.

– А-а.

Хлоя Мур пошла в глубь магазина. Здесь он представлял собой противоположность торговому залу, был таким же унылым, как и склад. Она нашла ключ среди тех, что свисали с ее запястья, и отперла дверь в подвал. Включила свет и осмотрела шаткую лестницу. Вздохнув, стала спускаться, дверь на пружине за ней закрылась.

Будучи довольно крупной женщиной, Хлоя ступала по лестнице осторожно. Кроме того, на ней были туфли от Веры Ванг, а высокие каблуки и постройка столетней давности могли быть опасным сочетанием.

Подвал. Ненавистный. Хлоя не беспокоилась, что там кто-то окажется. Входом и выходом служила единственная дверь, в которую она только что вошла. Но подвал был затхлым, сырым, холодным… и с паутиной в самых неожиданных местах, а значит, и с коварными, хищными пауками.

Хлоя знала, ей потребуется щетка, чтобы удалить пыль с темно-зеленой юбки и черной блузки – от «Бордо» и «Сены» соответственно.

Она ступила на неровный, потрескавшийся бетонный пол, свернула влево, чтобы обойти большую паутину. Но к ней прицепилась другая – длинная нить, щекоча, прилипла к ее лицу. Исполнив комичный танец в попытке смахнуть эту гадость и не упасть, Хлоя продолжила поиски и пять минут спустя нашла партию «Рю дю Канн», которая хоть выглядела и звучала по-французски, но прибыла в картонных коробках с большими китайскими иероглифами.

Снимая картонки с полки, Хлоя услышала скрип и замерла, прислушиваясь. Скрип не повторился. Но она услышала другой звук: *кап, кап, кап.*

Где-то течь? Хлоя часто, хотя не по своей воле и нехотя, спускалась сюда и ни разу не слышала шума воды. И оставив у лестницы коробки с якобы французскими платьями, она пошла проверить. Большая часть товара лежала на полках, но несколько картонных ящиков стояли на полу. Течь могла привести к катастрофическим последствиям. И хотя Хлоя мечтала попасть на Бродвей, в ближайшем будущем ей все-таки придется работать здесь, в магазине «Шез Норд». А тут ей как раз и платили за предотвращение порчи дорогих платьев за десять тысяч долларов.

Она пошла в глубь подвала, твердо решив найти течь, хоть и боялась пауков.

Звуки капающей воды становилось громче по мере приближения к задней стене подвала. Там было еще темнее, чем впереди, у лестницы.

Хлоя остановилась за полкой с огромной партией блузок, таких неприглядных, что носить их не стала бы даже ее мать. Этот большой заказ, решила она, сделал сотрудник, знавший, что его все равно уволят.

Кап, кап…

Хлоя прищурилась.

Странно. Что это? В дальней стене была открыта дверца лаза. Капанье доносилось оттуда. Размер дверцы, окрашенной той же серой краской, что и стены, составлял примерно три на четыре фута.

Куда она ведет? Существует еще нижний подвал? Хлоя никогда не видела этой дверцы, но она никогда и не смотрела на стену за последней полкой. Зачем?

И почему она открыта? В городе постоянно ведется строительство, особенно в таких старых районах, как Сохо. Однако никто не говорил продавщицам – ей, во всяком случае – о ремонте под зданием.

Может, что-то ремонтирует этот странный уборщик – поляк, или румын, или русский? Нет, не может быть. Управляющий ему не доверяет: у него даже нет ключа от двери в подвал.

Наверное, здесь деформация бетона.

«Постарайся все выяснить. Скажи Марджи про течь и открытую дверцу. Отправь сюда Влада, Михаила или как там его, пусть отрабатывает свою зарплату».

Снова раздался скрип, и на сей раз, похоже, от шагов на неровном бетоне.

«Черт, хватит! Уходи отсюда!»

Но прежде чем Хлоя ушла, даже прежде чем она повернулась, мужчина набросился на нее сзади, ударив головой о стену, и прижал ей тряпку ко рту. От испуга она едва не упала в обморок. В шее вспыхнула боль.

Хлоя быстро повернулась к нему лицом.

Господи… Господи…

Хлою едва не вырвало при взгляде на закрывающую всю голову желтую латексную маску с прорезями для глаз, рта и ушей, тугую, искажающую контуры лица внизу. Напавший был одет в рабочий комбинезон с надписью, которую она не могла разобрать.

Плача и качая головой, Хлоя молила и кричала через кляп, который он прижимал к ее рту рукой в перчатке, такой же тугой, как маска, и такой же отвратительно желтой.

– Послушайте, пожалуйста! Не делайте этого! Вы не понимаете! Послушайте, послушайте… – Но ее слова, проходя через ткань, становились лишь невнятными звуками.

Хлоя лихорадочно думала: «Почему я не оставила дверь открытой? Была же у меня такая мысль…» И отчаянно злилась на себя.

Неизвестный оглядывал ее спокойными глазами – не груди, не губы, не бедра, не ноги. Только кожу ее обнаженных рук, горло, шею, маленькую синюю татуировку тюльпана.

– Ни хорошо, ни плохо, – прошептал он.

Хлоя плакала, дрожала, стонала.

– Что, что, что вам нужно?

Но зачем же спрашивать? Она знает. Разумеется, знает. И с этой мыслью Хлоя подавила в себе страх и собралась с духом. Ладно, скотина, хочешь позабавиться? Сам виноват.

Она обмякла. Его глаза, окруженные желтым латексом, словно нездоровой кожей, казались растерянными. Напавший, очевидно, не ожидал, что жертва перестанет сопротивляться, и подхватил ее, чтобы она не упала.

Едва ощутив, что его руки ослабели, Хлоя рванулась вперед и схватила его за воротник комбинезона. Молния лопнула, ткань порвалась – и верхняя одежда, и белье.

Хлоя принялась отчаянно бить по груди и лицу. Вскинула колено к его паху. Еще раз, еще. Но удары не достигали цели. Она промахивалась. Он казался очень легкой мишенью, но Хлоя вдруг потеряла координацию, ощутила дурноту. Он перекрыл ей воздух своим кляпом – может, дело в этом, а может, в последствиях удара о стену.

«Действуй, – твердила она себе. – Не останавливайся. Он боится. Сама видишь. Мерзкий трус…»

И она пыталась хлестать его, раздирать ногтями его кожу, но почувствовала, что силы быстро убывают. Удары ее были почти неощутимыми, и, опустив глаза, Хлоя заметила, что рукав его задрался. Она увидела причудливую красную татуировку – какое-то насекомое с десятками ножек, клыками и человеческими глазами. Потом она перевела взгляд на пол подвала. Блеснула игла шприца. Вот что было источником боли в шее и потери сил! Он сделал ей какой-то укол.

Снадобье, которое он ввел, было сильнодействующим. Хлоя чувствовала себя все более изнуренной. Разум ее метался, она словно то засыпала, то просыпалась и обнаружила, что мыслями ее почему-то завладели дешевые духи «Шез Норд», продававшиеся на кассе.

– Кто будет покупать такую дрянь? Почему не…

«Что я делаю? – подумала Хлоя, когда сознание к ней вернулось. – Сражайся! Сражайся с этим сукиным сыном!»

Но руки ее висели неподвижно, а голова была тяжелой, как камень. Она сидела на полу, потом помещение накренилось и задвигалось. Он тащил ее к дверце лаза.

«Нет, пожалуйста, не туда! Послушай меня! Я могу объяснить, почему не следует этого делать. Не тащи меня туда! Послушай!»

Здесь, в подвале, по крайней мере, была надежда, что Марджи заглянет вниз, увидит их обоих, закричит, и он удерет на своих ножках насекомого. Но когда Хлоя окажется глубоко под землей, в его гнезде, будет слишком поздно. В подвале темнело, но темнота была странной, словно лампы под потолком, все еще включенные, не испускали свет, а втягивали лучи в себя и гасили.

«Сражайся!» Но она не могла, все больше приближаясь к черной бездне.

«Кричи!» Она закричала, но из ее рта вырвалось лишь шипение, треск цикады, жужжание жука.

Потом он протаскивал ее через дверцу в Страну Чудес, на другую сторону. Как в кино. Или в мультфильме. Или черт знает где.

Хлоя увидела внизу маленькую подсобку. Ей показалось, что она падала, причем долго. Потом она оказалась на полу, на земле, силясь вдохнуть, но от удара при падении из легких вышел весь воздух. Боли не ощущалось. Звук капающей воды стал отчетливей, и Хлоя увидела струйку, бегущую из-под старого камня в дальней стене, покрытой проводами и трубами – ржавыми, старыми, приходящими в негодность.

Кап, кап…

Струйка яда насекомого или его блестящей прозрачной крови.

Она думала: «Я Алиса в кроличьей норе. Гусеница с кальяном, Мартовский Заяц, Червовая Королева, красное насекомое на его руке». Ей никогда не нравилась эта чертова сказка!

Хлоя перестала кричать. Ей хотелось уползти, свернуться в клубок и поплакать, побыть в одиночестве. Но она не могла пошевелиться. Она лежала на спине, глядя вверх на слабый свет из подвала магазина, который она ненавидела и в котором так теперь хотела оказаться, чтобы сновать, стоя на гудящих ногах, и кивать с поддельным восторгом.

«Нет-нет, из-за этого ты выглядишь о-очень жалкой. Право…»

Потом свет потускнел еще больше – когда напавшее на нее желтолицее насекомое влезло в отверстие, закрыло за собой дверцу и спустилось к ней по короткой лесенке. Затем туннель заполнился ярким светом: незнакомец включил шахтерскую лампу на лбу. Белый луч слепил, и она закричала – или не закричала? – от слепящей яркости.

Внезапно свет исчез, и наступила полная темнота. Хлоя очнулась через несколько секунд, или минут, или через год.

Теперь Хлоя находилась где-то в другом месте, не в подсобке, а в большой комнате, нет, в туннеле. Она почти ничего не видела, там был только слабый свет вверху да направленный на нее луч со лба человека-насекомого. Луч слепил ее всякий раз, когда человек поворачивался к ней. Хлоя опять лежала на спине, глядя вверх, а он стоял подле нее на коленях.

Но то, чего она с ужасом ждала, не происходило. Однако в определенном смысле это было хуже, потому что *то* — срывание с нее одежды и затем дальнейшее – было бы, по крайней мере, понятно. Входило бы в известную категорию страхов.

Это было иным.

Да, ее блузка была задрана, но только слегка, открывая живот от пупка до нижнего края лифчика. Юбка была туго обернута вокруг бедер, словно он не хотел никакого намека на неприличие.

Подавшись вперед, сгорбясь, он пристально смотрел своими спокойными глазами, глазами насекомого, на гладкую белую кожу ее живота, словно на холст в Музее современного искусства: склонив голову под нужным углом, чтобы оценить разбрызгивание краски с кисти Джексона Поллока, зеленое яблоко Магритта.

Потом он медленно протянул руку и провел по ее коже указательным пальцем. Своим желтым пальцем. Поводил по ней ладонью взад-вперед. Оттянул кожу, захватив большим и указательным пальцами. Разжал пальцы и смотрел, как она опустилась.

Его рот насекомого искривился в легкой улыбке.

Ей показалось, что он сказал: «Отлично». Или, может, это сказала гусеница с кальяном или насекомое на его руке?

Хлоя почувствовала легкое жужжание вибрации. Он посмотрел на часы. Потом взглянул на ее лицо, увидел ее глаза и словно бы удивился – возможно, тому, что она все еще в сознании. Повернувшись, вытащил рюкзак и достал из него наполненный шприц. Снова уколол ее, на этот раз в вену на руке.

По телу разлилось тепло, страх отступил. Тьма струилась вокруг нее, звуки исчезали, Хлоя видела его желтые пальцы, пальцы червяка, когти насекомого, снова полезшие в рюкзак и бережно вынувшие небольшой ящичек. Он поставил его рядом с ее обнаженной кожей с тем же благоговением, с каким священник ее прихода ставил на алтарь серебряный потир с кровью Христа прошлым воскресеньем во время божественной литургии.

Глава 2

Билли Хейвен выключил тату-машинку «Америкэн игл», чтобы поберечь батарейки, и снова сел на корточки. До этого он разглядывал свою работу. Сканировал ее глазами.

Состояние не идеальное, но исполнение хорошее.

Занимаясь декоративной модификацией тела, всегда вкладываешь в это все, на что способен. Начиная от самого простого креста на плече официантки до американского флага на груди подрядчика – трехцветного, со множеством складок, развевающегося на ветру, ты работаешь, как Микеланджело на потолке Сикстинской капеллы, как Бог с Адамом.

Теперь, находясь здесь, Билли мог бы действовать быстро. В данных обстоятельствах это извинительно.

Но нет. Стиль должен быть стилем Билли. Как это называлось дома, в его мастерской.

Он ощутил на лице струйку пота. Подняв защитную маску дантиста, рукой в перчатке утер пот с глаз, спрятал косметическую салфетку в карман. Бережно, чтобы не упала ни одна нить. Предательские нити могут быть так же опасны для него, как татуировка для Хлои.

Маска была удручающей. Но необходимой. Учитель татуировки преподал ему этот урок. Заставил Билли надеть маску перед тем, как парень впервые взял в руку машинку. Билли, как и большинство юных учеников, запротестовал: защита для глаз есть, а больше ничего не нужно. Было жарко. Носить какую-то дурацкую маску казалось оскорбительным.

Делай свое дело.

Но потом учитель усадил Билли рядом с собой, когда татуировал клиента. Это была небольшая работа – лицо Оззи Осборна. Непонятно, зачем оно ему понадобилось.

Черт возьми, сколько же летело брызг – крови и какой-то жидкости. Маска была заляпана, как ветровое стекло джипа в августе.

– Будь благоразумным, Билли, запомни это.

– Непременно.

С тех пор он был уверен, что каждый клиент заражен или вирусом ВИЧ, или какими-то распространенными венерическими заболеваниями.

И в течение нескольких следующих дней, нанося татуировку, он, разумеется, не допускал, чтобы на него попала хоть капля. Защита была необходима.

Теперь Билли надевал латексную маску и капюшон, чтобы не уронить ни одного волоска из буйной шевелюры или омертвевшую клетку эпидермы. А еще, чтобы исказить черты лица. Существовала некоторая вероятность, что без этого, несмотря на тщательный выбор уединенных мест для убийства, его опознают.

Сейчас Билли Хейвен снова осматривал свою жертву. Хлою.

Ее имя он прочел на бирке, ему предшествовала претенциозная надпись *Je m appelle*[1]. Что бы это значило? Может быть, «привет». Может, «доброе утро». Он опустил руку в перчатке – в двух перчатках – и провел по ее коже, сдавливая, натягивая, замечая эластичность, строение, упругость.

Билли заметил также небольшой выступ между ее ног под темно-зеленой юбкой. Нижнюю линию лифчика. Но о непристойном поведении не могло быть и речи. Он никогда не трогал клиентов там, где не следует.

То плоть, это кожа. Совершенно разные вещи. А Билли Хейвен любил только кожу.

Он утер пот новой салфеткой и тщательно ее спрятал. Ему было жарко, кожу покалывало. В туннеле, несмотря на ноябрь, стояла жара. Давно – около ста лет назад – он был закрыт с обоих концов, что означало отсутствие вентиляции. Так было во многих туннелях здесь, в Сохо, южнее Гринвич-Виллиджа. Построенные в девятнадцатом и двадцатом веках, эти туннели пронизывали местность, их использовали для транспортировки товаров под землей к заводам, складам и перегрузочным станциям. Заброшенные, они прекрасно служили целям Билли Хейвена.

Часы на его правом запястье снова зажужжали. Через несколько секунд такой же звук раздался из запасных часов в кармане. Они напомнили ему о времени: Билли часто забывал о нем, увлекшись работой.

«Дайте мне только обработать эти пальцы, дайте всего минуту…»

Из наушника с микрофоном в левом ухе раздался стук. Он послушал несколько секунд, потом снова взял «Американ игл». Это была старая модель с вращающейся головкой, двигающей иглу, как в швейной машинке, в современных устройствах использовалось вибрирующее кольцо. Он включил аппарат и отпустил маску.

Миллиметр за миллиметром Билли вел иглу по линиям крови, которые сделал очень быстро. Он был прирожденным художником, блестяще делавшим рисунки карандашом и пером, пркрасно работавшим пастелью. Блестяще работавшем иглами. Рисовал от руки на бумаге, рисовал от руки на коже. Большинство художников-татуировщиков, даже самых талантливых, пользовались заранее изготовленными трафаретами. Бездарные покупали трафареты, прикладывали их к коже и рисовали по ним. Билли делал так редко. В этом не было нужды. «От божьего замысла к твоей руке», – сказал его дядя.

Пришло время закраса. Он сменил иглы. Очень, очень осторожно. Татуируя Хлою, Билли использовал знаменитый древнеанглийский, или готический шрифт. Для него характерны очень жирные и очень тонкие линии. Билли избрал фрактуру[2], потому что этим шрифтом напечатана Библия Гутенберга и потому что он требует напряжения сил. Он художник, а кто из художников не захочет блеснуть мастерством?

Через десять минут конец работы был близок. А как чувствует себя его клиентка? Билли оглядел ее тело, потом приподнял веки. Глаза по-прежнему незрячи. Правда, лицо несколько раз дернулось. Пропофол

скоро прекратит действие. Но, разумеется, одно снадобье заменяет другое.

Неожиданно грудь Билли пронзила боль. Это его встревожило. Он был молод, находился в отличной физической форме, и мысль о сердечном приступе отверг. Но оставался вопрос: не вдохнул ли он что-то, чего не следовало?

Это было вполне реальной и смертельной возможностью. Он ощупал себя, обнаружил, что боль на поверхности. И понял. Когда он только схватил Хлою, она отбивалась. Он был так возбужден, что не заметил, как сильны были ее удары. Но теперь действие адреналина прекратилось, и Билли почувствовал боль. Он опустил взгляд. Никаких серьезных повреждений нет, только разорваны комбинезон и рубашка. Не думая больше о боли, он вновь принялся за работу.

Билли заметил, что дыхание Хлои стало глубже. Действие анестезии скоро закончится. Он приложил к ее груди руку – Очаровательная Девушка не возражала бы – и ощутил, что под его ладонью сердце бьется сильнее.

И тут у него возникла мысль: каково было бы нанести татуировку на живое, бьющееся сердце? Возможно ли это? Для осуществления своих планов в Нью-Йорке Билли месяц назад взломал дверь компании медицинских принадлежностей. Вынес оборудование на тысячи долларов, лекарства, химические реактивы и другие материалы. Смог бы он набраться умения, чтобы положить человека на операционный стол, вскрыть ему грудь, вытатуировать рисунок или слова на сердце и зашить грудь? Чтобы клиент жил всю жизнь с этим измененным органом?

Что бы Билли наколол? Крест. Слова: «Принцип кожи». А может быть: «Билли + Очаровательная Девушка-навсегда».

Идея интересная. Но мысль об Очаровательной Девушке опечалила его, и он, вернувшись к Хлое, стал доводить последние буквы.

Превосходно. Стиль Билли. Но это еще не все. Из темно-зеленого футляра от зубной щетки он достал скальпель, подался вперед и снова оттянул великолепную кожу.

Глава 3

Рассматривать смерть можно двояко.

По правилам криминалистической науки следователь смотрит на смерть отвлеченно, видит в ней лишь событие, требующее целого ряда задач.

Хорошие полицейские смотрят на это событие словно бы через объектив повествования: лучше всего видеть в смерти вымысел, а в жертве – человека, который никогда не существовал.

Отстраненность – необходимый инструмент для работы на месте преступления, такой же, как латексные перчатки и альтернативные источники света.

Сидя в красно-сером электрическом кресле-каталке перед окном своего таунхауса на улице Сентрал-Парк-Уэст, Линкольн Райм думал о недавней смерти именно таким образом. На прошлой неделе в центре города грабитель убил человека. Поздним вечером, когда этот человек уходил со службы в городском департаменте охраны окружающей среды, его втащили на безлюдную стройплощадку по другую сторону улицы. Вместо того чтобы отдать бумажник, он предпочел драться и в драке был заколот.

Дело, папка с которым лежала перед Раймом, было обыденным, с немногочисленными уликами, что характерно для убийств подобного рода: дешевое оружие – зазубренный кухонный нож с отпечатками пальцев, которых нет ни в ОАСУЛОП[3], ни где бы то ни было, нечеткие отпечатки ног в талом снегу, укрывшем землю ночью, и никаких следов, предметов или сигаретных окурков, кроме однодневной или недельной давности и потому бесполезных. Судя по всему, это было непродуманное преступление: не имелось никаких нитей, ведущих к вероятному преступнику. Полицейские расспрашивали сослуживцев убитого, разговаривали с родными и друзьями. Не было ни связи с наркоторговлей, ни рискованных сделок, ни ревнивых любовниц, ни ревнивых мужей любовниц.

Поскольку улик почти не нашлось, Райм знал, что это дело может быть раскрыто только одним образом: кто-то неосторожно похвастается, что отнял бумажник возле муниципалитета. А слышавший это, схваченный за наркотики, домашнее насилие или мелкую кражу, заключит сделку с правосудием и выдаст хвастуна.

Это ограбление с убийством представляло собой для Линкольна Райма смерть, наблюдаемую издали. Давнюю. Вымышленную. Это был взгляд номер один.

Второй способ рассматривать смерть шел от сердца: когда человека, с которым ты был крепко связан, больше нет на этой земле. И другая смерть, о которой думал Райм в тот угрюмый ветреный день, глубоко его трогала – не так, как гибель жертвы грабителя.

Близких людей у Райма было немного, и это объяснялось не его физическим состоянием – ниже шеи он был полностью парализован. Нет, он никогда не был человеком общества. Он был человеком науки. Человеком ума.

У него было несколько близких друзей, родственников и любовниц. Жена, теперь бывшая. Том, его помощник. И, конечно же, Амелия Сакс. Но второй человек, скончавшийся несколько дней назад, в определенном смысле был ближе всех остальных, и вот почему: он требовал от Райма усилий как никто другой, вынуждал думать, выходя за границы привычных шаблонов, заставлял предвидеть, вырабатывать стратегию, сомневаться. Заставлял и сражаться за жизнь: ведь этот человек едва не убил его.

Часовщик стал самым интригующим преступником, с каким Райм сталкивался в своей жизни. Менявший фамилии и внешность, Ричард Логан был прежде всего профессиональным убийцей, хотя организовывал всевозможные преступления – от нападения террористов до грабежа. Соглашался работать на всех, кто платил щедрый гонорар, – при условии, что работа будет достаточно интересной. Этим же критерием пользовался и Райм, решая, браться ли за дело в роли криминалиста-консультанта.

Часовщик был одним из немногих преступников, способных его перехитрить. Хотя Райм в конце концов устроил ловушку, приведшую Логана в тюрьму, он все-таки переживал из-за того, что не смог предотвратить его нескольких удачных преступлений. А Часовщик, даже терпя неудачу, ухитрялся причинять зло. Когда Райм сорвал попытку убийства мексиканского полицейского, ведущего расследование деятельности наркокартелей, Логан все-таки спровоцировал международный инцидент, хотя в конце концов решили сделать вид, что этой попытки не было.

И вот теперь Часовщика не стало.

Логан умер в тюрьме – не был убит сокамерником, не покончил с собой, как заподозрил Райм, узнав эту новость. Нет, причина смерти была прозаическая – остановка сердца во время тяжелого приступа. Врач, с которым Райм говорил накануне, сообщил, что даже если б удалось спасти Логана, он бы страдал от необратимого и тяжелого повреждения мозга. Медики никогда не произносят фраз типа «смерть стала для него благом», но по тону врача у Райма создалось именно такое впечатление.

Порыв сильного ноябрьского ветра сотряс окна таунхауса. Райм находился в передней гостиной – это место он считал самым уютным в мире. Построенная как викторианская общая комната, теперь она

полностью превратилась в криминалистическую лабораторию с чистыми столами для осмотра улик, с компьютерами и мониторами высокого разрешения, с полками для инструментов, со сложной аппаратурой вроде зондов для анализа дыма и частиц, с камерами для снятия скрытых отпечатков пальцев, микроскопами – оптическим и электронным – и, главное, с газовым хроматографом/масс-спектрометром, рабочей лошадью лаборатории.

Все маленькие или даже средние полицейские управления в стране могли позавидовать этому набору, стоившему несколько миллионов. Райм все оплачивал сам. Расходы после несчастного случая на месте преступления, сделавшего его инвалидом, были значительными; значительными были и гонорары, которые он получал от полицейского управления Нью-Йорка и других правоохранительных агентств, пользовавшихся его услугами. Время от времени поступали предложения и из других источников, которые могли бы приносить доход, например от Голливуда – выступить в роли консультанта для телефильмов, основанных на делах, по которым он работал. Одним из таких фильмов был «Человек в кресле». Другим – «Райм и разум». Том видоизменил ответ своего подопечного на эти предложения, превратив фразу «Они что, спятили?» в «Мистер Райм попросил меня передать благодарность за ваш интерес. Но он боится, что в настоящее время слишком занят для таких проектов».

Райм повернул кресло и взглянул на изящные, красивые карманные часы, стоящие в рамке на каминной доске. «Брегет». Как ни странно, подарок самого Часовщика.

Печаль Райма была сложной, отражавшей его двойственные взгляды на смерть. Разумеется, существовали аналитические – криминалистические – причины для расстройства по поводу этой утраты. Теперь он больше не сможет исследовать разум этого человека, находя в этом некое удовольствие. Как предполагало его прозвище, Логан был одержим временем и часами – даже собственноручно изготавливал карманные и настольные часы – и планировал свои преступления со скрупулезной точностью. С тех пор как их пути впервые пересеклись, Райм всегда восхищался работой мысли Логана. Даже надеялся, что тот позволит навестить себя в тюрьме, чтобы они могли поговорить о его похожих на шахматные партии преступлениях.

Смерть Логана оставила и другие, практические заботы. Прокурор предложил ему сделку – смягчение приговора в обмен на имена людей, которые его нанимали и вместе с которыми он действовал: у Часовщика имелась обширная сеть коллег по преступному ремеслу, о которых полиции хотелось бы знать. Ходили также слухи о планах, которые Логан составил перед тем, как оказаться в тюрьме.

Но Часовщик на сделку не пошел. Более того, он признал себя виновным, лишив Райма очередной возможности узнать побольше о нем самом, о членах его семьи и сообщниках. Райм даже планировал использовать технологию распознавания лиц для установления личностей присутствующих на суде. Однако в конце концов он понял, что тяжело воспринимает уход из жизни Логана из-за своего второго взгляда на смерть – то есть из-за связи между ними. Нас часто заставляет жить то, что противостоит нам. И со смертью Часовщика Линкольн Райм в каком-то смысле умер тоже.

Он посмотрел на двух других людей в комнате. Один был самым младшим в его команде – патрульный полицейский Рон Пуласки, собиравший улики по делу ограбления с убийством возле муниципалитета.

Другой был помощник Райма, Том Рестон, красивый, стройный, как всегда безупречно одетый. В тот день на нем были темно-коричневые брюки с острыми на зависть складками, светло-желтая рубашка и зеленый с коричневым галстук – с него как будто смотрели два обезьяньих лица. Сам Райм обращал на одежду мало внимания. Его черные рубашки и зеленый свитер были теплыми и удобными для работы, а это все, что ему нужно.

– Я хочу послать цветы, – объявил Райм.

– Цветы? – переспросил Том.

– Да. Цветы. Пошли их. Полагаю, люди все еще это делают. Венки с надписью «Покойся с миром». Хотя какой в этом смысл? Что еще остается покойнику? Однако это лучше, чем «Желаю удачи», верно?

– Послать цветы… Постой. Ты имеешь в виду Ричарда Логана?

– Разумеется. Кто еще из недавно скончавшихся достоин цветов?

– Достоин цветов? – переспросил Пуласки. – Линкольн, я никак не ожидал от тебя такого высказывания.

– Да, цветов, – раздраженно повторил Райм. – Почему бы их не отправить?

– А почему ты в дурном настроении? – поинтересовался Том.

«Иногда мы походим на старую супружескую пару», – подумал Райм. И ответил:

– Я не в дурном настроении. Просто хочу послать цветы в похоронное бюро. Но никто этого не делает. Адрес можно узнать в медцентре, где делали вскрытие. Оттуда должны были отправить труп в похоронное бюро. В медцентрах ведь не бальзамируют и не кремируют.

– Знаешь, Линкольн, – заметил Пуласки, – справедливость все же существует. Можно сказать, что Часовщика в конце концов настигла смертная казнь.

Белокурый, решительный и усердный Пуласки обладал блестящими задатками для работы на месте преступления, и Райм взял на себя обязанности его наставника. Это предполагало не только наставления в криминалистике, но и обучение способности думать. В настоящее время Рон, похоже, этого не делал.

– Послушай, новичок, а каким образом случайная закупорка артерии приравнивается к правосудию? Если прокурор штата Нью-Йорк не потребовал смертной казни, можно сказать, что безвременная смерть подрывает правосудие, а не содействует ему.

– Я… – Молодой человек покраснел.

– Ну, давай отойдем от нелепых замечаний насчет цветов. Выясни, когда и куда отправили тело из медцентра «Уэстчестер мемориэл». Я немедленно пошлю туда цветы, независимо от того, будет там заупокойная служба или нет, со своей карточкой.

– Что в ней будет написано?

– Только мое имя.

– Цветы? – послышался голос Амелии Сакс из коридора, ведущего на кухню и к задней двери таунхауса. Она вошла в гостиную, кивнув всем в знак приветствия.

– Линкольн хочет послать цветы в похоронное бюро для Ричарда Логана. Заняться этим придется мне, – пояснил Пуласки.

Амелия повесила свою черную куртку на вешалку в коридоре. На ней были облегающие черные джинсы, желтый свитер и черный шерстяной жакет. Единственным указанием на ее звание полицейского детектива был «глок» высоко на бедре, хотя логическая связь между оружием и службой в полиции могла быть лишь предположительной. Впервые увидев эту высокую стройную женщину с прямыми, густыми рыжими

волосами, можно было принять ее за манекенщицу. Амелия и являлась ею до поступления в полицейское управление Нью-Йорка.

Сакс подошла к Райму и поцеловала его в губы. Он ощутил вкус губной помады и запах пороховой гари; утром она была в тире.

При мысли о косметике Райм вспомнил, что человек, убитый и ограбленный возле муниципалитета, брился перед самым уходом с работы: почти незаметные остатки крема для бритья и крохотные волоски бороды были обнаружены прилипшими к щекам и шее. Кроме того, он использовал средство после бритья. Пока Райм обдумывал эти факты, возможно, имевшие значение для расследования, Сакс сидела неподвижно. Наконец она произнесла:

– Значит, он собирался не домой, а возможно, на свидание – для друзей не бреются. Знаешь, Райм, если бы он провел последние пять минут в туалете, все оказалось бы по-другому. В тот вечер он бы уцелел. И, возможно, жил бы долго и счастливо.

Или мог бы сесть пьяным в машину и врезаться в автобус со школьниками, подумал Райм. Анализировать прихоти судьбы – пустая трата времени.

Взгляд на смерть номер один, взгляд на смерть номер два.

– Знаешь похоронное бюро? – спросила Сакс.

– Нет еще.

Не подозревая, что его вот-вот арестуют, и полагая, что он убьет Райма через несколько минут, Логан пообещал сохранить жизнь Сакс. Возможно, это милосердие было еще одной причиной того, что Райм переживал из-за его смерти.

Том обратился к Амелии:

– Кофе? Может, еще чего-нибудь?

– Спасибо, только кофе.

– А вы, Линкольн?

Криминалист покачал головой.

Помощник вернулся с чашкой и протянул ее Сакс, та взяла кофе и поблагодарила его. Хотя почти все нервные окончания Райма были бесчувственными, его вкусовые клетки действовали превосходно, и он

знал, что Том Рестон готовит очень хороший кофе. Никаких гранул, никакого предварительного помола. Даже слова «растворимый» в его лексиконе не было.

Помощник сказал Сакс с кривой улыбкой:

– Ну так вот, насчет цветов. Что ты думаешь об эмоциональной составляющей Линкольна?

Амелия грела ладони о чашку.

– Нет, Том, думаю, в его намерении есть система.

«Узнаю Сакс. Она всегда думает». Это была одна из причин любви к ней. Их глаза встретились. Райм понимал, что его улыбка, пусть и едва заметная, соответствует ее широкой ухмылке.

Сакс продолжала:

– Часовщик всегда представлял собой загадку. Мы знали о нем очень немного – у него были связи с Калифорнией, вот почти и все. Какие-то дальние родственники, которых мы не смогли найти, и никаких сообщников. Возможно, это шанс найти людей, знавших его и работавших с ним – легально или в его преступных проектах. Правда, Райм?

На сто процентов, подумал он. И сказал Пуласки:

– Когда найдешь похоронное бюро, поедешь туда.

– Я?

– Это будет твоя первая работа в штатском.

– Не первая, – поправил тот.

– Первая в похоронном бюро.

– Это верно. Как мне назваться?

Райм сказал первое, что пришло в голову:

– Гарольд Голубь.

– Гарри Голубь?

– Я думал о птицах. – Райм указал подбородком на сапсанов на карнизе, которые жались друг к другу, чтобы укрыться от ветра. В плохую погоду они предпочитали устраиваться пониже.

– Гарри Голубь. – Патрульный покачал головой. – Не пойдет.

Сакс засмеялась. Райм состроил гримасу.

– Тогда придумай себе имя сам.

– Стэн Валеса. Это отец моей матери.

– Превосходно. – Райм бросил раздраженный взгляд на ящик в углу комнаты. – Вон там. Возьми один.

– Что это?

Сакс объяснила:

– Одноразовый мобильный. Их там с полдюжины. Мы держим их специально для таких операций.

Молодой полицейский выбрал телефон.

– «Нокиа». Хм. Хороший аппарат, – язвительно заметил он. – Современный.

Не успел он нажать на кнопки, как Сакс сказала:

– Обязательно запомни номер, чтобы не маяться, если кто спросит.

– Конечно. Непременно.

Пуласки набрал номер своего телефона, запомнил его и отошел, чтобы позвонить. Сакс и Райм занялись протоколом осмотра места убийства с ограблением возле муниципалитета и обменялись несколькими замечаниями. Пуласки вернулся.

– В медцентре говорят, что ждут указаний, куда отправить тело. Директор морга сообщил, что ему позвонят через несколько часов.

Райм внимательно посмотрел на него.

– Ты готов к этому?

– Думаю, что да. Конечно.

– Если будет заупокойная служба, уходи. Если нет, подойди к похоронному бюро, когда будут забирать останки. С цветами от меня. Начни разговор так: «Человек, которого Ричард Логан хотел убить и который посадил его в тюрьму, прислал цветы на его похороны».

– Кем должен быть Валеса?

– Сообщником Логана. Точно не знаю. Нужно будет подумать. Но это должен быть человек опасный и загадочный. – Райм нахмурился. – Хотелось бы, чтобы ты не выглядел мальчиком, прислуживающим в алтаре. Было такое в твоей биографии?

– Прислуживал вместе с братом.

– Постарайся выглядеть непривлекательно.

– И казаться опасным, – добавила Сакс, – хотя это будет потруднее, чем загадочным.

Том принес Райму кофе в чашке с соломинкой. Очевидно, заметил, как тот смотрел на Сакс. Райм кивком поблагодарил его. Старая супружеская пара…

– Линкольн, сейчас на душе полегчало, – заговорил Том. – С минуту мне казалось, что ты проявляешь слабость, и это сбивало с толку. Но то, что ты решил понаблюдать за семьей покойного, восстановило мою веру в тебя.

– Это совершенно логично, – пробурчал Райм. – Ты же знаешь, я не такой бесчувственный, как все считают.

Однако отчасти Раймом двигала и сентиментальность – он хотел выразить уважение достойному противнику и полагал, что Часовщик сделал бы для него то же самое.

Взгляд на смерть номер один и взгляд на смерть номер два, разумеется, не исключали друг друга. Райм склонил голову.

– Что такое? – спросила Сакс.

– Какая температура воздуха?

– Около нуля.

– Значит, на ступеньках снаружи лед?

В таунхаусе Райма были и лестница, и пандус для инвалидных колясок.

– Сзади был, – ответила она, – спереди, наверно, тоже.

– Думаю, у нас вот-вот появится гость.

Хотя это замечание было в значительной мере шутливым, Райм подумал, что после несчастного случая, лишившего его многих возможностей восприятия действительности, сохранившиеся стали более острыми. В частности, слух. Он услышал, как кто-то с хрустом поднимается по передним ступенькам.

Через несколько секунд раздался звонок, и Том пошел открыть дверь. По звуку шагов в коридоре стало ясно, кто пожаловал.

– Лон.

Старший детектив Лон Селлитто показался из-за угла и прошел под аркой, снимая на ходу элегантное пальто фирмы «Берберри» – цвета бронзы и сильно помятое, как почти вся его одежда, казавшаяся неопрятной из-за полноты и небрежности хозяина. Райм удивлялся, почему он не носит темные вещи, на которых помятость будет не так заметна. Когда пальто было снято и брошено на плетеное кресло, Райм обратил внимание, что темно-синий костюм тоже заметно измят.

– Дрянная погода, – пробормотал Селлитто. Он провел ладонью по редеющим черным с проседью волосам, и на пол упало несколько капель мокрого снега. Детектив проследил за их падением. От его ног оставались грязные следы.

– Прошу прощенья, натоптал, – сказал он.

Том ответил, что не стоит беспокоиться, и принес ему чашку кофе.

– Дрянная, – повторил детектив, грея ладони о чашку, как до него Сакс. Глянул в сторону окна, за которым помимо соколов видны были мокрый снег, туман, черные ветви и кое-какие детали Центрального парка.

Райм редко покидал дом, да и в любом случае погода мало что для него значила, если только не являлась фактором при осмотре места преступления. Или не помогала его системе раннего обнаружения гостей.

– Это дело почти закончено, – сообщил он, указав подбородком на протокол осмотра места преступления возле муниципалитета.

– Да, да, я здесь не поэтому, – скороговоркой произнес Лон.

Внимание Райма обострилось. Селлитто был детективом в отделе расследования тяжких преступлений, и если он приехал не за этим протоколом, то, возможно, на горизонте появилось еще что-то, более интересное. Благоприятным знаком было то, что Селлитто заметил поднос с печеньем, приготовленным Томом, и отвернулся, словно ничего не видел. Значит, задача у него была важной и поэтому интересной.

– Линк, сегодня нам позвонили из отдела расследования убийств в Сохо. Мы тянули жребий, и выбор пал на тебя. Надеюсь, ты свободен.

– Как выбор мог пасть на меня, если я не тянул жребия?

Глоток кофе. Слова Райма были пропущены мимо ушей.

– Дело сложное.

– Я слушаю.

– Женщину увели из подвала в магазине, где она работала. Это какой-то бутик. Убийца вытащил ее через дверцу лаза в туннель под зданием.

Райм знал, что под Сохо находится целый лабиринт туннелей, прорытых много лет назад для перевозки товаров из одного места в другое. И всегда был уверен, что их превращение в зону убийств – просто вопрос времени.

– Изнасилование? – уточнила Сакс.

– Нет, Амелия, – ответил Селлитто. – Преступник, видимо, тату-мастер. И, судя по сообщению, отличный. Он нанес ей татуировку. Только не краской. Ядом.

Райм был криминалистом много лет и часто делал точные выводы из скудных предварительных данных. Но умозаключения складывались лишь тогда, когда новые факты соотносились с уже известными. На памяти Райма это сообщение было единственным в своем роде и не становилось отправной точкой ни для каких версий.

– Какой яд использовался?

– Они не знают. Я же говорю, это произошло только что. Место преступления охраняется.

– Еще один вопрос, Лон. Какой рисунок он нанес?

– Говорят, несколько слов.

Еще интереснее.

– Знаешь каких?

– Звонившие не сообщили. Но говорят, это похоже на часть фразы. И ты можешь догадаться, что это значит.

– Ему потребуются новые жертвы, – сказал Райм, бросив взгляд в сторону Сакс. – Для остальной части сообщения.

Глава 4

– Имя Хлоя Мур, возраст двадцать шесть лет, – рассказывал Селлито. – Почти безработная актриса – съемки в рекламе, несколько ролей без слов в триллерах. Работала в бутике, чтобы сводить концы с концами.

Сакс задавала стандартные вопросы: трудности с любовником, мужем или с тем и другим?

– Нет, ничего подобного не было. Я начал опрос в том районе, но продавщицы в магазине и соседка по комнате уверяют, что она общалась с приличными людьми. Была очень скромной. Любовника в настоящее время не было, ссор с кем-то тоже.

Интерес Райма усилился.

– Были у нее еще какие-то татуировки, кроме той, что повлекла за собой смерть?

– Не знаю. Как только группа медэксперта объявила ППМ, прибывшие туда первыми спасатели тут же уехали.

ППМ – «потерпевший признан мертвым». Это официальное заявление городского медицинского эксперта означает начало всех процедур. После объявления ППМ никому нет смысла оставаться на месте преступления. Райм знал, что спасатели покинули его, чтобы случайно не уничтожить следы.

– Хорошо, – сказал он Селлитто. Его взгляд на эту смерть определенно относился к «номеру один». – Так, Сакс. Как у нас дела с убийством возле муниципалитета?

Амелия посмотрела на протокол осмотра того места преступления.

– По-моему, все сделано. Ждем сведений о людях, которые покупали такие ножи. Но, держу пари, преступник не пользовался кредитной

карточкой и не заполнял анкету о качестве обслуживания. Больше там делать нечего.

– Согласен. Хорошо, Лон, мы беремся за это дело. Хотя, должен заметить, ты об этом и не просил. Вытащил за меня жребий, а потом притопал сюда по слякоти в уверенности, что я не откажусь.

– Линк, а что еще, черт возьми, тебе делать? Кататься на лыжах по Центральному парку?

Райму нравилось, когда люди не сюсюкали с ним из-за его состояния, не боялись отпускать шутки, как Селлитто. И, напротив, его приводило в бешенство, когда с ним обращались как со сломанной куклой.

Успокойся, успокойся, бедняга…

– Я звонил в отдел экспертизы в Куинсе, – сообщил Селлитто. – Они выслали АБР[4]. Амелия, тебе позволено прибыть первой.

– Еду. – Сакс надела шерстяной шарф и перчатки, взяла с вешалки другую кожаную куртку, подлиннее, до середины бедра.

За все годы знакомства Райм ни разу не видел ее в пальто. Только в кожаных или спортивных куртках. Изредка в ветровке, если Амелия не была на секретном задании или тактической операции.

Ветер снова обрушился на старые окна, рамы задребезжали, и Райм хотел сказать Сакс, чтобы она вела автомобиль осторожно – машина у нее была среднего размера, с мощным мотором и задним приводом, плохо слушающаяся руля на льду, – но говорить Сакс об осторожности было бессмысленно, как Райму о терпеливости: этих качеств у них попросту не имелось.

– Тебе нужна помощь? – спросил Пуласки.

Райм задумался и посмотрел на Сакс.

– Он тебе нужен?

– Не знаю. Пожалуй, нет. Одна жертва, ограниченное пространство.

– Пока что, новичок, будешь нашим тайным плакальщиком на похоронах. Оставайся здесь. Придумаем тебе легенду.

– Хорошо, Линкольн.

– Я позвоню с места, – сказала Сакс, взяла черную брезентовую сумку с переговорным устройством, по которому общалась с Раймом, находясь на объекте, и быстро вышла. Раздалось завывание ветра, потом, после скрипа и хлопка двери, наступила тишина.

Райм увидел, что Селлитто протирает глаза. Лицо его было серым, изможденным. Детектив, заметив, что Райм смотрит на него, пояснил:

– Это чертово музейное дело. Совсем не спал. Кто вламывается в помещение, где картин на миллиард долларов, разгуливает по нему и выходит с пустыми руками? Никакого смысла.

На прошлой неделе по крайней мере трое ловких преступников проникли в музей «Метрополитен» на Пятой авеню после его закрытия. Видеокамеры оказались отключены, сигнализация тоже. Дело было нелегким, но тщательный обыск места преступления выявил, что преступники задержались в двух местах: в зале древнего оружия, открытом для посетителей и восторгавшем школьников – с мечами, секирами, панцирями и сотнями других искусных приспособлений для отсечения частей тела, – и в подвале, где находились архивы, хранилища и реставрационная мастерская. Они ушли через несколько часов и вновь включили сигнализацию – дистанционно. Картина вторжения была воссоздана в результате компьютерного анализа неполадок системы безопасности и физического осмотра помещений после обнаружения бездействия сигнализации.

Казалось, взломщики вели себя точно так же, как и многие посещавшие музей туристы: посмотрели, заскучали и отправились в ближайший ресторан или бар. Полная инвентаризация показала, что хотя некоторые вещи в обоих местах передвигали, взломщики не похитили ни одной картины, ни одного предмета коллекционирования или даже упаковки стикеров. Следователи на месте преступления – по этому делу Райм и Сакс не работали – были потрясены громадными площадями, которые требовалось осмотреть: выставка оружия и средств защиты была достаточно большой сама по себе, а сеть архивов и хранилищ тянулась под землей далеко на восток от Пятой авеню.

Дело требовало времени, но Селлитто признал, что это было не самым худшим.

– Политика. Политика, черт бы ее побрал, – объяснил он. – Его честь мэр думает, что вторжение в его сокровищницу выглядит скверно. В переводе это означает: «Моя команда работает сверхурочно, и к черту все остальное». Линк, у нас в городе есть террористические угрозы. Красный, оранжевый или какой там цвет уровня угрозы обозначает, что дела наши из рук вон плохи[5]. У нас есть группа Тони Сопрано. А чем

занимаюсь я? Тщательно осматриваю каждую пыльную комнату, каждое непонятное полотно, каждую статую. Линк, хочешь знать мое отношение к искусству?

– Каково же оно, Лон? – спросил Райм.

– К черту искусство. Вот мое отношение.

Но теперь новое дело – мастера смертельной татуировки – отодвинуло старое на задний план, к явному облегчению детектива.

– Раз появляется такой убийца, газеты будут недовольны тем, что мы тратим время из-за картин с кувшинками и статуй греческих богов с крохотными достоинствами. Видел ты эти статуи, Линк? Кое-кто из этих ребят… Право, некоторым натурщикам следовало бы попросить скульптора добавить дюйм-другой. – Лон грузно опустился в кресло и отпил еще кофе, по-прежнему не проявляя интереса к печенью.

Райм нахмурился.

– Лон, один вопрос.

– Да?

– Когда именно произошло это убийство?

– Около часа назад. Может, около полутора.

– Анализ яда так быстро не сделать, – пришел в недоумение Райм.

– Да, медэксперт сказал, что нужно около двух часов.

– Тогда как они узнали, что жертва отравлена?

– Один из медиков вел дело об отравлении года два назад. Он сказал, что это можно определить по искривлению губ и позе, вызванным болью. Жуткая смерть. Линк, мы должны найти этого сукина сына.

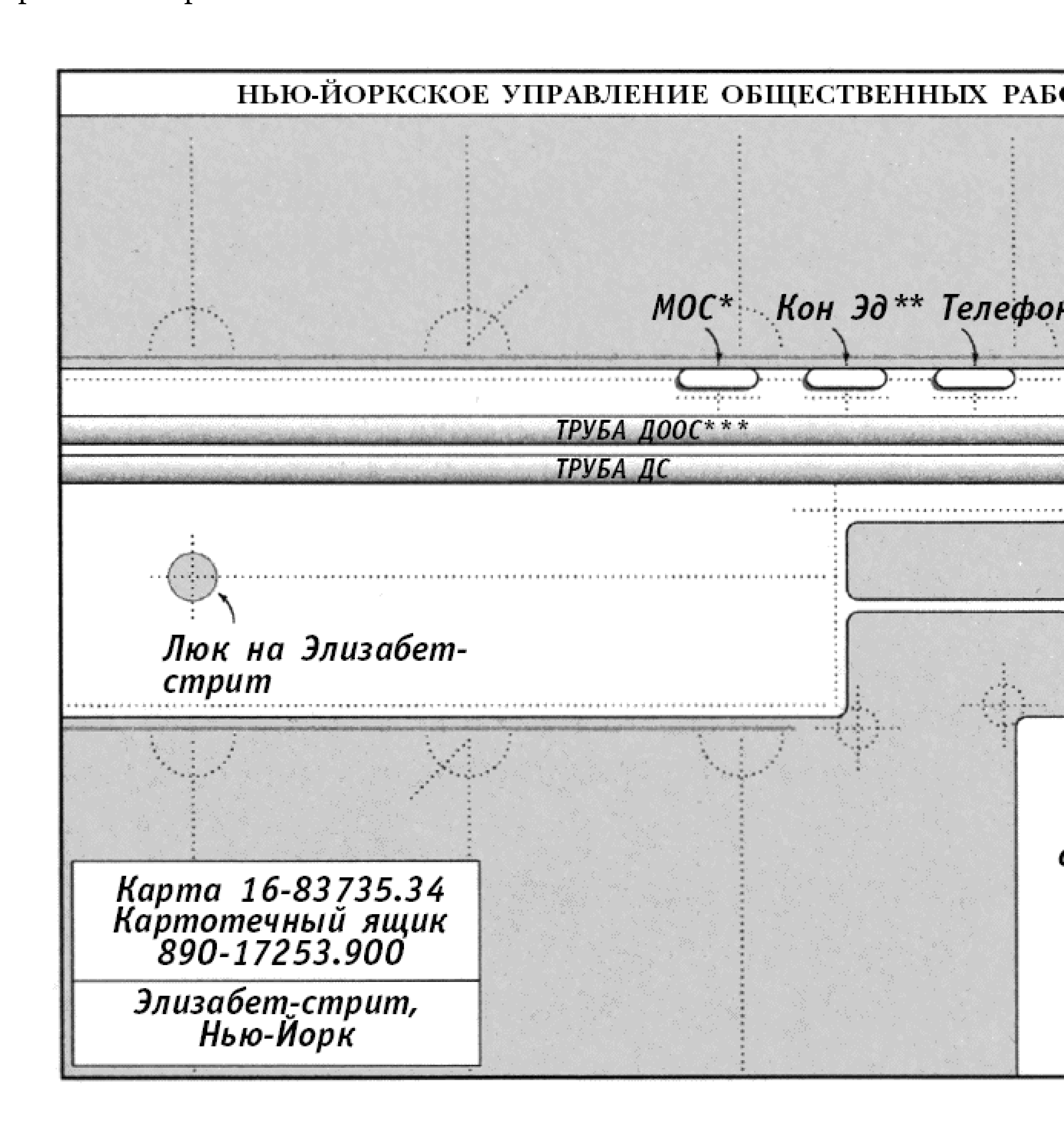
Глава 5

Замечательно. Прямо-таки превосходно. Стоя в подвале бутика, где была похищена Хлоя Мур, Амелия Сакс, морщась, наклонилась и заглянула в подсобку. Она посмотрела в узкий туннель, ведший из этого помещения к месту преступления – очевидно, большему туннелю, где Хлоя и была убита.

Тело было едва видно и ярко освещено прожекторами, которые установили спасатели. У Сакс вспотели ладони, она продолжала вглядываться в узкий туннель, по которому ей придется ползти.

Прямо-таки превосходно.

Она вернулась в подвал, сделала несколько глубоких вдохов, втягивая в легкие затхлый воздух. Несколько лет назад Линкольн Райм создал информационную базу о расположении подземных помещений, взяв сведения в департаменте строительства и других правительственных учреждениях города. Амелия вывела ее на экран своего айфона и со страхом осмотрела.



* Международные оптоволоконные сети.

** Крупнейшая газовая и электрическая компания США.

*** ДООС – департамент охраны окружающей среды; ДС – департамент санитарии.

«Откуда берутся фобии? – подумала Сакс. – Из каких-то детских травм, из генетической памяти, которая не позволяет прикасаться к ядовитым змеям или прыгать на горных выступах?»

Змеи и высота ее не волновали, проблему представляла клаустрофобия. Если бы она верила в переселение душ, то могла бы представить, что в одном из ранних воплощений была похоронена заживо. Или, если следовать логике кармы, была жестокой королевой, которая таким образом расправлялась с соперницами.

Рослая, под шесть футов, Сакс посмотрела на карту своей судьбы: проход диаметром двадцать восемь – тридцать дюймов вел из подсобки в более просторный транспортный туннель, где было совершено убийство. Узкий проход, судя по карте, имел длину двадцать три фута.

Это круглый гроб, подумала она.

К месту убийства можно было добраться и через люк, находящийся в тридцати футах от тела. Убийца вполне смог проникнуть этим путем, но Сакс понимала, что ей придется пробираться через узкий туннель, отыскивая при этом следы, поскольку он наверняка прополз по нему в подвал бутика и протащил Хлою, перед тем как убить.

– Сакс? – сквозь треск раздался в наушнике голос Райма. Она подскочила и убавила громкость. – Где ты? Я ничего не вижу.

В переговорном устройстве Амелии были не только микрофон и наушник, но и видеокамера высокой четкости размером с пальчиковую батарейку. Сакс включила ее и услышала:

– Отлично. – Потом ворчливое: – Все-таки очень темно.

– Потому что *вокруг* темно. Я в подвале и собираюсь влезть в туннель диаметром с хлебную корзину.

– Я ни разу не видел хлебной корзины, – ответил Райм. – И не уверен, что они существуют. – Он всегда бывал в хорошем расположении духа, начиная работать на новом месте преступления. – Ну, за дело. Осматривай все внимательно. Посмотрим, что у нас есть.

Сакс часто брала с собой эту аппаратуру, отправляясь на задание. Райм давал ей советы – правда, теперь гораздо реже, чем в начале их совместной работы, когда она была новенькой. Ему нравилось и следить за ее безопасностью, хотя в этом он не признавался. Линкольн требовал, чтобы детективы осматривали место преступления в одиночку, – иначе они слишком часто отвлекались. Лучшие эксперты-криминалисты устанавливали с местом преступления психологическую связь, отождествляя себя то с жертвой, то с преступником, и благодаря этому находили улики, которые иначе могли бы пропустить. Такая связь невозможна или почти невозможна, когда с тобой работает кто-то еще. Но одиночество связано с риском. Поразительно, сколько раз место преступления оказывалось опасным. Убийца возвращался или оставался и нападал на полицейского. Однажды случилось даже нападение, никак не связанное с расследованием. На Сакс бросился бездомный сумасшедший, решивший, что она пришла украсть его воображаемую собаку.

Амелия еще раз заглянула в подсобку, чтобы показать ее Райму, а потом бросила взгляд в мрачный, словно вход в ад, туннель.

– Ага, – произнес Райм, поняв ее озабоченность. – Действительно, хлебная корзина.

Сакс в последний раз проверила свое снаряжение. На ней были белый комбинезон, капюшон и синтетические бахилы. Поскольку убийца воспользовался ядом, дышала она через респиратор Н-95. По информации, полученной от спасателей, яд был введен татуировочным пистолетом, и они не заметили распыленных в воздухе реактивов, однако зачем рисковать?

В затхлом, сыром подвале бутика «Шез Норд» послышались приближающиеся шаги. Сакс оглянулась на коллегу – симпатичную женщину, помогавшую осматривать бутик. Она уже несколько лет знала Джин Иглстон – одну из лучших экспертов по осмотру места преступления. Иглстон допрашивала управляющую магазином, обнаружившую тело. Сакс поинтересовалась, подходила ли управляющая к месту, где лежал труп Хлои, чтобы выяснить, что случилось с продавщицей.

– Нет, – ответила Иглстон. – Она заметила, что дверь открыта, заглянула в подсобку и увидела тело. Этого для нее оказалось достаточно. Дальше она не пошла.

Нельзя винить управляющую, подумала Сакс. Если даже не испытываешь клаустрофобии, зачем лезть в безлюдный туннель, где

лежит очевидная жертва убийства и, возможно, все еще находится преступник?

– Как она могла увидеть жертву? – спросил Райм, слышавший их разговор. – Мне показалось, я вижу оставленное спасателями освещение. Значит, там не было темно?

Сакс переадресовала этот вопрос Иглстон, но та не смогла на него ответить.

– Управляющая сказала лишь, что увидела тело.

– Ладно, выясним, – пообещал Райм.

Иглстон добавила:

– На месте преступления, кроме нее, были только полицейский в форме и медик. Но они вышли, как только убедились, что жертва мертва. Стали ждать нас. У меня есть образцы их следов, так что обращать внимания на них не нужно. Они сказали, что прикасались только к жертве, чтобы определить ее состояние. А фельдшеры «Скорой» были в перчатках.

Стало быть, загрязнение места преступления – появление следов, не имеющих отношения к преступлению, – будет минимальным. Это единственный плюс при работе в такой дыре. Место преступления на улице оказывалось под воздействием десятков факторов – от летящей пыли, проливного дождя и сильного мокрого снега (как сегодня) до прохожих и даже охотников за сувенирами. Но больше всего загрязняют его собратья-полицейские, особенно начальство, рисующееся перед репортерами, чтобы попасть в удачный кадр и появляться на телеэкранах в каждом выпуске новостей.

«Ладно, – подумала Амелия Сакс, бросив еще один взгляд в круглый гроб. – Пора сжимать кулаки…»

Это была фраза ее отца, работавшего патрульным полицейским на маршруте Дьюс – Южный Мидтаун. Таймс-сквер тогда походила на Дедвуд[6] 1800-х годов, а фраза «Пора сжимать кулаки» относилась к тем минутам, когда приходилось действовать, преодолевая самые серьезные страхи.

Хлебная корзина…

Сакс вернулась к двери и спустилась в подсобку, расположенную ниже подвала. Потом взяла у Иглстон сумку для сбора улик. Спросила:

– Джин, ты обыскивала подвал?

– Обыщу сейчас, – ответила Иглстон. – А потом передам все АБР.

Подвал они осмотрели быстро. Но было очевидно, что преступник провел там совсем немного времени. Схватил Хлою, как-то подавил ее сопротивление и оттащил к двери в подсобку: здесь отметины от ее каблуков были ясно видны.

Сакс поставила на землю тяжелую сумку и открыла ее. Сфотографировала и собрала улики в подсобке, хотя, как и в подвале, преступник и жертва провели там мало времени: он хотел увести ее оттуда как можно скорее. Амелия складывала улики в пластиковые и бумажные пакеты, наклеивала на них этикетки и ставила на пол в подвале, чтобы другие спустившиеся туда полицейские доставили их в АБР.

Потом Сакс повернулась к крохотному отверстию хода и посмотрела в него, как смотрят в дуло пистолета в руке преступника.

Хлебная корзина…

Она стояла на месте, слыша, как колотится сердце.

– Сакс, – прозвучал в наушнике голос Райма.

Она не ответила.

Линкольн мягко сказал:

– Понимаю. Но… – Что означало: «Пошевеливайся».

Все правильно.

– Поняла, Райм. Не беспокойся.

Пора сжимать кулаки…

Ход не такой уж длинный, успокаивала себя Амелия. Двадцать три фута. Это пустяки. Потом по какой-то необъяснимой причине ее возмутили футы, превышавшие число двадцать. Когда она подошла к отверстию, ее ладони сильно вспотели; кожа головы тоже, она зудела сильнее, чем обычно. Амелии захотелось почесаться, запустив ногти, – нервная привычка. Это желание усилилось, когда она оцепенела – во всех смыслах: физически, эмоционально и интеллектуально.

Как она ненавидела это состояние статичности!

Амелия дышала часто и неглубоко.

Сориентировавшись, она коснулась «глока-17» в пристегнутой к бедру кобуре. Оружие представляло небольшой риск загрязнения, даже если ей не придется стрелять, но давало ощущение безопасности. А если преступник и планировал напасть на собирающего улики полицейского, это должно было произойти здесь.

Сакс привязала сумку для улик нейлоновой веревкой к поясу, чтобы она волочилась за ней. Вперед! Остановившись перед отверстием, Амелия опустилась на четвереньки и полезла в ход. Она не хотела включать головной прожектор – видеть туннель ей было неприятнее, чем сосредоточиваться на цели в его конце, – но боялась упустить какие-нибудь улики.

Раздался щелчок, и под галогенным лучом металлический гроб словно сузился и заключил ее в свою стальную оболочку. Вперед!

Сакс вынула из кармана липкую щетку-ролик и начала вести ею по основанию туннеля, двигаясь вперед. Она понимала, что из-за тесноты и, возможно, борьбы преступника с жертвой он, скорее всего, оставил оброненные улики, поэтому сосредоточилась на швах и неровностях, где могли остаться какие-то следы.

Ей вспомнилась старая шутка Стивена Райта: «Я пошел в больницу на обследование. Хотел узнать, страдаю ли клаустрофобией».

Однако юмор и сосредоточенность на задаче ненадолго отогнали страх.

Его ледяное лезвие пронзило ее, когда Амелия преодолела треть пути. Вылезай, вылезай, вылезай!

Несмотря на духоту, у нее застучали зубы.

– Все отлично, Сакс, – послышался баритон Райма в наушнике.

Она была благодарна ему за поддержку, но не хотела ее и убавила громкость.

«Еще несколько футов. Дыши, дыши. Сосредоточься на работе».

Сакс старалась сосредоточиться. Но ее руки ослабели, она выронила ролик-щетку, и от лязга ручки о металлическое покрытие туннеля у нее перехватило дыхание.

А потом она обезумела от страха. Решила, что этот неизвестный субъект – Икс – позади нее. Как-то забрался на крышу подсобки, потом слез на пол и ползет вслед за ней. «Почему я не посмотрела вверх? Всегда поднимай взгляд на месте преступления! Черт».

Рывок. Она ахнула. Это не сумка для улик зацепилась за что-то. Нет, это рука преступника! Он хочет связать ее. А потом заполнить туннель грязью, медленно, начиная с ее ног. Или залить водой. В подсобке она слышала, как капает вода – здесь должны быть трубы. Он снимет заглушку, откроет вентиль. Она утонет, она будет кричать, пока вода станет подниматься, и не сможет двинуться ни взад, ни вперед. Нет!

То, что это было совершенно невероятно, не имело значения. Страх превращал неправдоподобное, даже невозможное в более чем вероятное. Страх стал еще одним обитателем туннеля, он дышал, целовал, приставал, обвивал похожими на щупальца руками ее тело.

Сакс разозлилась на себя: «Не сходи с ума. У тебя существует опасность получить пулю, когда вылезешь из туннеля, а не быть заживо закопанной несуществующим преступником с несуществующей лопатой. Туннель никак не обрушится и не стиснет тебя, как мышь в челюстях змеи. Этого… не… может… случиться…»

Но потом этот образ – змея и схваченная мышь – проник в ее сознание, и страх усилился. «Черт. Я проиграю эту игру. Проиграю к чертовой матери».

Конец туннеля находился уже примерно в восьми футах, и ее охватило желание выбежать из него, но она не могла этого сделать. В такой тесноте можно было только ползти. И, кроме того, Сакс понимала, что попытка спешки может привести к несчастью. Прежде всего, она рискует пропустить улики. К тому же более быстрое движение лишь усилит ужас, который зреет в ее сердце и угрожает взорваться.

И наконец, бегство из туннеля, даже будь оно возможным, стало бы поражением. Ее личным заклинанием – тоже взятым у отца – стал девиз: «В движении тебя не схватить». Но иногда, как теперь, ее можно было схватить именно в движении.

Поэтому Сакс приказала себе: «Остановись!» И остановилась. Замерла полностью. Она ощутила, как зловещие руки туннеля обхватили ее еще крепче. Страх вздымался, словно волны, и ранил, как ледяной нож.

«Не шевелись. Будь с ним, – велела себе Амелия. – Смело встречай его. Смотри ему в лицо». Ей казалось, что Райм обращается к ней, она слышала шелест его отдаленного голоса – недоумевающего, или озабоченного, или раздраженного, а может, все вместе. Громкость головного телефона понизилась до молчания.

«Дыши!» Сакс задышала. Вдох-выдох. Глаза ее были открыты и смотрели на диск света впереди – ее скорое избавление. «Нет, не думай

об этом. Улики. Ищи улики. Это твоя работа». Амелия начала осматривать металлическую оболочку, дюйм за дюймом.

И жало страха стало отдаляться. Не исчезло полностью, но отступило. «Отлично». Сакс продолжала ползти по туннелю, выискивая следы, собирая всякую мелочь, намеренно двигаясь медленнее, чем раньше. И наконец снаружи оказалась ее голова, а потом и плечи. Словно заново родившись на свет, Амелия негромко засмеялась и сморгнула заливавший глаза пот. Потом быстро переползла в более просторный туннель: по сравнению с узким лазом он показался концертным залом. Приподнявшись и полуприсев, она вынула «глок» из кобуры.

Но в нее никто не целился, по крайней мере, вблизи. Прожектора ярко светили, и угроза могла находиться в темноте за освещенным пространством. Амелия тут же навела в ту сторону луч фонарика, – никого.

Поднявшись, Сакс вытащила из туннеля свою сумку. Огляделась и убедилась, что чертеж из базы данных Райма был точен. Туннель походил на ствол шахты, его площадь составляла около двадцати квадратных футов. Он уходил на запад, в темноту. Амелия знала, что столетие назад его использовали для перевозки на тележках товаров на фабрики и склады. Теперь сырые, влажные туннели служили коридорами только для инфраструктуры Нью-Йорка. Наверху проходили толстые железные трубы, более тонкие алюминиевые и полихлорвиниловые, возможно, для электрических кабелей, проведенных через старые соединительные муфты. Новые трубопроводы выходили из ярко-желтых ящиков, запертых на висячие замки. Они были помечены буквами МОС. Сакс не знала, что они означают. На железных трубах были буквы НЙ ДООС и НЙ ДС – обозначения департаментов охраны окружающей среды и санитарии – учреждений, занимавшихся городской канализацией и водоснабжением.

Амелия вдруг сознала, что стоит в полной тишине, и увеличила громкость рации.

– ... возьми, что происходит?

– Извини, Райм, – ответила Сакс. – Мне нужно было сосредоточиться.

Он чуть помолчал. Потом, видимо, догадался о ее борьбе с хлебной корзиной.

– Так. Хорошо. Место преступления, насколько можешь судить, безопасно?

– Непосредственно здесь, да.

В восточной стороне туннель был вымощен кирпичом, но Сакс снова посмотрела в темноту западной стороны.

– Направь туда один из прожекторов. Он ослепит каждого, кто попытается в тебя целиться. И ты сможешь увидеть его раньше, чем он тебя.

Спасатели привезли два галогеновых прожектора, установили их на треноги, подсоединили к большим аккумуляторам. Сакс повернула один из них, как посоветовал Райм, и сощурилась, глядя в удаляющийся туннель. Никаких признаков угрозы.

Сакс надеялась, что перестрелки не будет. Толстые трубы наверху, очевидно, недавно проложенные – с маркировкой ДООС, – казались сделанными из толстого железа. Разрывные пули ее «глока» не пробьют металл, но если Икс вернется с огнестрельным оружием, пули у него могут оказаться бронебойными, способными пробить трубу. Амелия подумала, что из-за громадного давления внутри пробоина может вызвать сильный взрыв. Но даже если у него будут обычные пули, рикошет от металла или обложенных камнем стен может поразить, как прямое попадание.

Она снова вгляделась в туннель и не увидела в нем никакого движения.

– Чисто, Райм.

– Прекрасно. Давай действовать.

Он становился нетерпеливым. Сама Сакс уже давно горела нетерпением. Ей очень хотелось уйти отсюда.

– Начни с жертвы.

«Райм, она не просто жертва, – подумала Сакс. – У нее есть имя. Хлоя Мур. Ей было двадцать шесть лет, она работала продавщицей в бутике, продавала одежду с нитками, свисающими из швов. Получала почти минимальную зарплату, потому что была опьянена Нью-Йорком. Карьерой актрисы. Тем, что ей двадцать шесть лет. И она не заслужила смерти. Тем более такой».

Сакс натянула на бахилы резиновые ленты, чтобы отличать свои следы от следов преступника и бывших здесь до нее спасателей – следы их обуви она сфотографирует потом как контрольные образцы, – и подошла ближе к телу. Хлоя лежала на спине, блузка ее была задрана почти до грудей. Сакс обратила внимание, что даже в смерти ее красивое круглое

лицо искажено гримасой, мышцы напряжены. Это говорило о боли, которую испытала жертва, боли, ведущей к смерти. На ее губах виднелась пена. И обильная рвота. Запах был отвратительным. Сакс заставила себя отвлечься от него.

Руки Хлои были сомкнуты за спиной дешевыми наручниками. Пользуясь универсальным ключом, Амелия сняла их. Лодыжки жертвы стягивала клейкая лента. Сакс разрезала ее хирургическими ножницами и положила в сумку серые пыльные полосы. Поскребла под темно-красными ногтями молодой женщины, заметив волокна и грязно-белые частички. Возможно, она боролась с преступником, и значит, могли обнаружиться ценные следы, даже кусочки кожи, а если его ДНК есть в базе данных, личность можно будет установить за несколько часов.

– Сакс, я хочу видеть татуировку, – сказал Райм.

Амелия заметил маленькую синюю наколку на шее жертвы справа, возле плеча, но давнюю. Кроме того, легко было увидеть ту, что сделал убийца. Она опустилась на колени и навела видеокамеру на живот Хлои.

– Вот она, Райм.

– Его сообщение, – прошептал криминалист. – Собственно, часть сообщения. Как думаешь, что оно означает?

Глядя на буквы, Сакс понимала, что вопрос его риторический.

Глава 6

Единственное вытатуированное слово было около пяти дюймов длиной и шло горизонтально в одном дюйме над пупком жертвы.

Хотя убийца предположительно использовал яд, а не краску, буквы, слившиеся в воспаленную рану, было нетрудно прочесть.

– Так, – сказал Райм, – второй. И окаймление, фестоны. Интересно, зачем они?

– Они не так распухли, как буквы, – заметила Сакс. – Возможно, в них нет яда. Они похожи на рану, а не на татуировку. И посмотри на буквы, Райм.

– На то, как превосходно они выписаны?

– Совершенно верно. Каллиграфически. Это мастер, знающий свое дело.

– И еще одно замечание. Каллиграфия, должно быть, заняла немало времени. Убийца мог бы написать это слово грубо. Или просто ввести ей шприцем яд. Да, собственно говоря, и застрелить. Что за игру он ведет?

У Сакс возникла мысль.

– А если это заняло много времени, значит, она долго мучилась?

– Да, видны болезненные реакции, но, мне кажется, они появились потом. Хлоя не могла быть в сознании, пока он писал свое сообщение. Даже если она не пыталась вырваться, невольное движение испортило бы его работу. Нет, он каким-то образом обездвижил ее. На голове есть травмы?

Сакс внимательно осмотрела голову покойной, заглянула ей под блузку.

– Нет. И я не вижу никаких следов тазера[7]. Или электрошокера… А, Райм, видишь это?

Она указала на крохотную красную точку на шее Хлои Мур.

– Место укола?

– По-моему, да. Видимо, снотворного, не яда. Нет никакой опухоли или других раздражений, какие бы вызвал яд.

– Анализ крови покажет.

Сакс сфотографировала рану, наклонилась и старательно вытерла ее, снимая следы, а потом все тело и землю вокруг него. Такой внимательный преступник должен был действовать в перчатках – похоже, так оно и было. Однако он вполне мог оставить ценные улики на жертве и на месте преступления.

Эдмон Локар, французский криминалист, живший в двадцатом веке, сформулировал «принцип обмена»: всякий раз, когда совершается преступление, происходит передача улик между преступником и местом преступления или между преступником и жертвой. Улику (которую он

называет «пылью»), может быть, очень трудно обнаружить и собрать, но для усердного криминалиста-новатора она всегда существует.

– Райм, здесь что-то странное.

– Странное? – В его голосе послышалось пренебрежение к этому простому слову. – Продолжай, Сакс.

– Я использую только один оставленный прожектор – другой направлен в туннель. Но тут на земле две тени. – Амелия подняла взгляд и медленно пошла по кругу, чтобы все осмотреть. – Ага, тут еще источник света наверху, между двумя трубами. Похоже, фонарик.

– Его не оставили те, кто был здесь?

– Какой полицейский или медик бросит свой «маглайт»?

Большие черные фонарики трубчатой формы, которые используют все полицейские и пожарные, бесценны – это превосходные источники света, а в схватке могут служить ударным оружием. Фонарь же, который увидела Сакс, был дешевым, пластиковым.

– Он приклеен к трубе клейкой лентой. Райм, кто может оставить здесь фонарик?

– Вот и объяснение.

– Чему? – спросила Сакс.

– Тому, как управляющая обнаружила тело. Фонарик. Это наш преступник постарался, чтобы мы нашли его сообщение.

Слова Райма показались Сакс несколько язвительными, но она всегда подозревала, что его напускная грубоватость и сардоническая манера говорить являются защитной реакциюей, хотя и считала, что он возводит эти оборонительные баррикады выше, чем нужно. Сама она предпочитала оставлять свое сердце незащищенным.

– Я заберу его последним, – сообщила Сакс. – Всякий дополнительный свет мне на руку. – И она пошла по решетке – так Райм называл метод осмотра места преступления. Эта схема была наиболее логичной для поиска улик и оценки произошедшего. Полицейский медленно шел по обследуемой площади от начала до конца, потом поворачивался, делал шаг вправо или влево и возвращался к дальней стороне. Так продолжалось, пока он не доходил до конца. Потом поворачивался на девяносто градусов и снова проходил эту же площадь перпендикулярно, как при повторном кошении газона.

При каждом шаге он останавливался, смотрел вверх, вниз и в обе стороны. К месту преступления и принюхивались, хотя в данном случае Сакс не могла уловить ничего, кроме запаха рвоты. Ни метана, ни фекалий, что было удивительно, так как одна из труб соединялась с городской системой канализации.

Результатов поиска было немного. Все принесенные орудия преступник забрал – помимо фонарика, наручников и обрезков клейкой ленты. Сакс сделала одну находку – небольшой комок смятой бумаги, слегка пожелтевшей.

– Сакс, что это? Я не могу разглядеть.

Она объяснила.

– Оставь его как есть; развернем здесь. Внутри может оказаться след. Возможно, оставленный ею.

Ею. Жертвой. Хлоей Мур.

– Или преступником, Райм, – заметила Сакс. – Я нашла у нее под ногтями что-то похожее на бумажные волокна.

– А, это может пригодиться.

Они дрались? Она выхватывала у него что-то? Или он хотел вырвать что-то из ее пальцев, а она силилась это удержать? Вопросы, вопросы, вопросы.

Используя дополнительные липкие ролик-щетки и портативный пылесос, Сакс продолжала поиски. Когда находки были снабжены ярлычками и отправлены в сумку, она воспользовалась новым пылесосом и новой ролик-щеткой для сбора следов как можно дальше от того места, где лежала Хлоя и где ходил Икс. Это были контрольные образцы – естественные следы с этого места. Если анализ в лаборатории обнаружит, к примеру, глинистую землю у одного из следов Икс, не совпадающую с контрольными образцами, можно будет заключить, что он, возможно, живет, работает или имеет какое-то отношение к месту, где почва глинистая. Маленький шаг к поимке преступника… но все-таки шаг.

– Сакс, я не вижу следов ног.

Амелия смотрела на то место, где преступник стоял или ходил.

– Я могу сделать несколько снимков, но проку от них будет немного. На ногах у него были бахилы.

– Коллега, – пробормотал криминалист.

– Я скатаю его следы, но в электростатике нет смысла. – Сакс имела в виду листы пластика для снятия отпечатков обуви, очень похожего на снятие отпечатков пальцев. Образец следа мог не только дать представление о размере ступни, но и оказаться в большой базе данных по обуви, которую Райм создал в управлении полиции несколько лет назад. – И, по-моему, у него была своя липкая ролик-щетка. Похоже, он сгреб все, что мог.

– Ненавижу умных преступников.

«Нет, – подумала Сакс. – Он ненавидит глупых. Умные соперничают с ним, представляют гораздо больший интерес». Она улыбнулась под респиратором.

– Райм, я буду молчать. Проверю пути входа и выхода, люк.

Она достала свой «маглайт», включила сильный луч и пошла по туннелю, ведущему к лестнице, поднимавшейся к крышке люка. Амелия не ощущала ни малейшей боли от артрита, мучившего ее много лет: недавняя операция оказалась успешной. Тень от галогенового прожектора тянулась перед ней искаженным силуэтом марионетки. Земля под люком была влажной. Видимо, преступник влез через него в туннель и вылез наружу. Сакс отметила этот факт и пошла дальше, в открывшееся впереди темное пространство.

С каждым шагом ей становилась все неспокойнее. Теперь уже не из-за клаустрофобии – этот туннель был неприятным, но просторным по сравнению с предыдущим. Нет, тревога ее объяснялась тем, что она увидела дело рук преступника – татуировку, надрезы, яд. Сочетание его ума, расчетливости и извращенного выбора оружия предполагало, что он мог задержаться здесь, чтобы попытаться остановить своих преследователей.

Держа фонарик в левой руке, а правую положив на «глок», Сакс шла по все более темному туннелю, прислушиваясь, не раздастся ли звук шагов, дыхание преступника, щелканье входящего в патронник патрона, снимаемого предохранителя или взводимого курка. Но этих звуков не было, хотя Сакс слышала гудение от одного или нескольких трубопроводов или желтых ящиков с буквами МОС, что бы они ни обозначали. От водопроводной трубы слышался легкий шелест.

Потом раздался скрип, что-то мелькнуло. Она тут же выхватила «глок», левой рукой продолжая сжимать «маглайт». Рука с пистолетом оперлась

на предплечье, ствол его следовал за лучом фонарика, который метнулся туда-сюда. Где?

Снова выступил пот, глухо застучало сердце. Но это было совершенно не похоже на страх, вызванный клаустрофобией. Это был противный трепет – чувство предвкушения, охоты. И Амелия Сакс жила ради этого чувства.

Она была готова, палец лежал на спусковом крючке, но расслабленно; чтобы выстрелить из «глока», требуется легкое усилие.

Туда-сюда, туда-сюда… Где? Где? *Щелк…*

Сакс сделала полуприсед. Из-за стойки появилась крыса, беззаботно посмотрела в ее сторону, повернулась и поспешно убежала. Спасибо тебе, подумала Сакс, идя в ту же сторону – к далекому концу туннеля. Если крыса разгуливает так беспечно, то вряд ли там есть засада. Сакс продолжила путь и примерно через шестьдесят ярдов подошла к кирпичной стене. Там не было следов ног – обычных или в бахилах – значит, преступник здесь не проходил. Амелия вернулась к лестнице и, достав сотовый телефон, упакованный в чистый пластиковый футляр, вывела на дисплей карту системы глобального ориентирования. Она обнаружила, что находится под Элизабет-стрит, на восточной ее стороне, у края тротуара, и увеличила громкость головного телефона.

– Райм, я под люком. – Сакс объяснила, где находится люк, и добавила, что преступник наверняка спустился в туннель через него, потому что земля под ним довольно сырая. – Здесь грязно. – Последовал вздох. – Но следов нет. Естественно. Пусть Лон устроит выборочный опрос в близлежащих магазинах и квартирах, может, кто-то видел преступника.

– Я позвоню ему. И запрошу видеопленки камер наблюдения.

Райм скептически относился к свидетелям. Считал, что в большинстве случаев с ними больше хлопот, чем они того стоят. Они не наблюдательны, у них плохая память, и они боятся связываться с полицией. Цифровое изображение гораздо надежнее. Сакс не всегда с этим соглашалась.

Она снимала отпечатки со ступенек, поднимаясь по лестнице, и складывала пленки в пластиковые пакеты.

Наверху она «откатала» внутреннюю сторону крышки люка, потом подняла маленький альтернативный источник света, чтобы поискать на поверхности отпечатки пальцев. В лампах АИС используются видимые цвета спектра (к примеру, синий или зеленый) в сочетании со светофильтрами, чтобы сделать видимыми улики, которые невозможно

разглядеть в свете обычных ламп или при дневном освещении. В альтернативных источниках используются и невидимые лучи, например ультрафиолет, в котором светятся определенные вещества.

Осмотр, естественно, не выявил ни отпечатков пальцев, ни других улик, оставленных Икс. Сакс прикинула вес крышки люка: она могла приподнять ее, но лишь чуть-чуть, и решила, что та весит около ста фунтов. Открыть ее снизу трудно, но для сильного человека вполне возможно.

Сакс слышала движение машин наверху, шипение колес по мокрому снегу. Она навела свет прямо вверх и посмотрела в отверстие, куда рабочий опускает крюк, чтобы снять крышку, – нет ли следов, которые могли бы привести их к конкретной марке инструмента, которым пользовался преступник. Никаких.

И тут в отверстии появился глаз. Сакс ахнула.

– Господи…

В нескольких дюймах над ней на улице кто-то припал к крышке люка и смотрел на нее в отверстие для подъема. Сперва ничего не происходило, потом глаз стал у́же, словно человек – она была уверена, что это мужчина, – слегка прищурился. Может, он улыбнулся, или забеспокоился, или просто полюбопытствовал, почему из крышки люка в Сохо идет свет фонарика.

Сакс отвернулась, решив, что мужчина приставит к отверстию дуло пистолета и начнет стрелять. «Маглайт» полетел вниз, она ухватилась за верхнюю ступеньку обеими руками, чтобы не упасть.

– Райм!

– Что? Что там происходит? Ты дергаешься.

– На крышке люка кто-то есть. Ты звонил Лону?

– Только что. Думаешь, это преступник?

– Возможно. Звони диспетчеру. Немедленно отправь кого-нибудь на Элизабет-стрит!

– Звоню, Сакс.

Она приставила ладонь к крышке и толкнула изо всей силы раз, другой.

Железная крышка приподнялась на долю дюйма, не больше.

– Я дозвонился до Селлитто, – сообщил Райм. – Он отправляет полицейских в форме. И людей из ОБР[8]. Они едут, приближаются.

– Думаю, он ушел. Райм, я пыталась приподнять крышку. И не смогла. Не смогла, черт возьми. Я смотрела прямо на него. Должно быть, это преступник. Кто еще встанет на колени посреди улицы в такую погоду и станет смотреть в крышку люка?

Сакс сделала еще попытку приподнять крышку, подумав, что он мог сидеть на ней и потому она не поддалась. Но нет, это невозможно было сделать одной свободной рукой.

– Черт.

– Сакс?

– Слушаю.

– Один полицейский видел у крышки люка кого-то в коротком темно-сером пальто и вязаной шапочке. Он убежал. Скрылся в толпе на Бродвее. Белый мужчина. Хрупкого или среднего сложения.

– Черт возьми! – пробормотала она. – Это был он! Иначе зачем убегать? Райм, заставь кого-нибудь поднять крышку!

– Послушай, его преследует много людей. Продолжай ходить по сетке. Для нас это самое главное.

С колотящимся сердцем Сакс еще раз приставила ладонь к крышке люка – в тупой уверенности, что если поднимется на поверхность, то сможет найти преступника, даже если у других не получится. Амелия мысленно представила себе его глаз, опускающееся веко. Она была уверена, что преступник смеялся над ней, дразнил, потому что она не могла поднять крышку.

Какого цвета была радужная оболочка? Зеленого, серого, карего? Она не догадалась запомнить цвет. Эта оплошность ее бесила.

– Мне кое-что пришло на ум, – вернул ее к действительности Райм.

– Что?

– Мы знаем, как он проник в туннель, – через этот люк. Это означает, что он готовил место действия. У него должны быть дорожные конусы и лента или какое-то ограждение. И это может обнаружиться на видео.

– Или его мог видеть свидетель.

– Да, мог. Хотя, кто знает.

Сакс спустилась с лестницы и вернулась к убитой. Она уже наскоро проверила, не было ли изнасилования, но теперь с лампой АИС стала искать следы двух «С», присутствующих в большинстве сексуальных преступлений, – семени и слюны.

Таких следов она не обнаружила, но стало ясно, что преступник ощупывал кожу жертвы рукой в перчатке – во всяком случае, живот, руки, лицо и шею. Другие части тела казались нетронутыми.

Сакс осветила лампой остальную часть места преступления – от люка до хлебной корзины – и ничего не нашла.

Оставалось только забрать фонарик, который Икс оставил как маяк.

– Сакс? – окликнул ее Райм.

– Да?

– Почему бы нам не заставить коммунальщиков открыть люк, чтобы ты вылезла оттуда? Тебе все равно нужно обыскать то место на улице. Мы знаем, что он спустился в туннель этим путем и был там около пяти минут назад. Может, найдутся какие-то следы.

Она понимала: Райм предлагает это, чтобы ей не пришлось снова лезть в маленький туннель. В круглый гроб…

Сакс посмотрела в черную пасть лаза. Теперь она казалась еще теснее.

– Это мысль, Райм. Но, пожалуй, я выйду тем же путем, что вошла. – Она одолела свой страх и теперь уже не позволит ему одержать верх.

Используя грубый выступ кирпичной стены для опоры, Сакс поднялась, чтобы дотянуться до фонарика Икс. Достала из кармана хирургические ножницы и перерезала клейкую ленту.

Снимая фонарик, она смахнула горсть серого порошка, который, как вдруг ей стало понятно, преступник подложил в качестве сюрприза для полицейских. Вот почему он оставил фонарик! Порошок посыпался ей прямо в глаза, и, отчаянно смахивая его, она сдвинула респиратор и вдохнула большое количество яда.

– Нет! – Она почувствовала удушье. Дыхательные пути забило едким порошком. Внезапно началось неистовое жжение. Амелия упала на землю и попятилась, едва не споткнувшись о тело Хлои.

– Сакс! Что там такое? Я ничего не вижу, – прозвучал голос Райма в наушнике.

Она силилась вдохнуть, очистить от яда легкие. Словно острые иглы впились ей в горло. Сорвав маску, она отплевывалась, сознавая, что загрязняет место преступления, но не могла остановиться.

Райм что-то кричал. Сакс не могла понять, что именно, но верила, что он, возможно, произносит в свой телефон: «Медиков туда вниз! Немедленно!» А потом: «Не мое дело». И еще: «Центр контроля за случаями отравления. Быстро!»

Но Амелия слышала только свое затрудненное, мучительное дыхание.

Глава 7

Возвращаясь в свою мастерскую на Канал-стрит, западнее Китайского квартала, Билли Хейвен снова думал об Очаровательной Девушке, воспоминания о лице, голосе, прикосновениях которой назойливо возникали во время Модификации этой маленькой Мисс Манерность, Хлои.

Билли думал о слове, которое вывел: *второй*. И об окаймлении. Да, хорошая работа. Стиль Билли.

Он снял комбинезон, возможно, загрязненный ядом (зачем рисковать?), и сунул его в мешок для мусора. Потом бросил в мусорный бак далеко от бутика. Под комбинезоном у него была повседневная одежда: черные джинсы, кожаные перчатки, тоже черные. Темно-серое шерстяное пальто. Короткое – до середины бедер. Достаточно теплое и не настолько длинное, чтобы полы мешались, если придется убегать со всех ног, что, как прекрасно понимал Билли, в ближайшие несколько дней вполне возможно.

На голове у него была лыжная маска, загнутая вверх как вязаная шапочка. Выглядел он так же, как многие молодые люди в Манхэттене, идущие домой под ледяным дождем, сутулясь от холода.

Очаровательная Девушка… Билли вспомнил, как впервые увидел ее несколько лет назад. Собственно, это была фотография, даже не сама девушка. Но он влюбился – да-да, с первого взгляда. Вскоре после этого его тетя заметила: «О, да она очаровательная девушка. Ты мог бы найти гораздо хуже нее». Билли тут же стал использовать эти слова в качестве ласкового прозвища для возлюбленной – девушки с прекрасной кожей цвета слоновой кости.

Щурясь из-за дрянной погоды – ветер швырял ему в лицо ледяные капли дождя, – Билли плотнее запахнул пальто и сосредоточился на том, чтобы обходить замерзшие лужи. Это было непросто. Прошло уже несколько часов с тех пор, как он покончил с Хлоей в туннеле под бутиком. Все это время он оставался в том районе, держался в тени и наблюдал за полицией. Кто-то позвонил по номеру 911 минут через пять после того, как он вылез из люка на Элизабет-стрит. Полицейские приехали скопом, и Билли знакомился с их действиями. Запоминал, делал мысленные заметки, чтобы потом записать свои мысли. Заповеди Модификации, само собой, не были составлены по образцу библейских. Но одна из них могла бы иметь такое звучание: «Узнай врага своего, как самого себя».

Иди медленно, ступай осторожно. Он был молод, в хорошей форме, достаточно ловок, но не мог позволить себе падения. Сломанная рука стала бы катастрофой.

Мастерская Билли находилась недалеко от места нападения, но он возвращался домой кружным путем, убеждаясь, что никто из видевших его возле люка не пошел.

Он обошел квартал один раз, потом на всякий случай еще раз и вернулся к безобразному приземистому четырехэтажному бывшему складу, теперь почти жилому зданию. Точнее, почти легальному. Или, может, совершенно нелегальному. Как-никак, речь шла о нью-йоркской недвижимости. Билли платил деньги за кратковременную аренду жилья, большие деньги. Агент брал их с улыбкой и считал своим долгом не задавать вопросов. Но это было необязательно. Билли готов был рассказать убедительную историю, предъявить поддельные документы. *Выучи свою легенду наизусть.*

Потом, удостоверясь, что тротуар безлюден, Билли спустился по короткому лестничному маршу к своей парадной двери. Три замка три раза щелкнули, и он оказался внутри. Клаксоны раздраженных водителей, застрявших в Китайском квартале из-за отвратительной погоды, сменились на грохот и скрежет тормозов вагонов метро, проезжавших прямо под его приютом. Звуки подземелья. Успокаивающие.

Билли нажал кнопку выключателя, и слабый свет залил помещение площадью двадцать на двадцать пять футов – комбинацию гостиной, спальни, кухни и всего прочего. Комната даже напоминала подземную тюрьму. На одной стене красовался голый кирпич, три другие были кое-как оштукатурены. У Билли имелась и вторая квартира, значительно севернее – убежище, где он собирался жить чаще, чем здесь, при исполнении задач Модификации. Но мастерская оказалась уютнее

убежища, находящегося на оживленной улице, населенной людьми, которых он презирал.

Верстак был заставлен стеклянными сосудами, книгами, шприцами, деталями тату-машинок, пластиковыми сумками и инструментами. Здесь находились десятки книг о ядах и тысячи скачанных из Интернета документов, полезных и не очень. «Практический справочник ядовитых растений» был роскошно иллюстрирован, но не содержал того количества полезных сведений, какое можно было найти в блоге, озаглавленном «Убивай их, или Десяток смертоносных рецептов к тому времени, когда придет революция и нам придется отвечать ударом на удар!!!».

Все было аккуратно расставлено, как и в его домашней тату-студии. Дальний угол комнаты был залит холодным ультрафиолетом, освещавшим восемь террариумов. Билли подошел к ним и осмотрел растения. Листья и цветы успокоили его – они так напоминали о доме. Розовые и белые, пурпурные и зеленые множества оттенков. Их яркость противостояла тусклой, темной атмосфере этого города, ненавистный дух которого ежеминутно задевал сердце Билли Хейвена. В чемоданах хранилось белье и туалетные принадлежности. В спортивной сумке лежали несколько тысяч долларов: разложенные по достоинству купюры были старыми, мятыми, и проследить за их историей представлялось невозможным.

Он полил растения и всего за несколько минут сделал набросок одного из них с интересной конфигурацией листьев и веточек. Билли, хотя и рисовал всю жизнь, иногда задавался вопросом, откуда у него берется такое желание. Иногда ему было просто необходимо взять карандаш или цветной мелок и преобразовать то, что увянет в жизни, в нечто неувядающее. В то, что сохранится навеки.

Он делал наброски Очаровательной Девушки тысячу раз.

Карандаш выпал из его пальцев, он оставил набросок ветви незавершенным и отбросил блокнот. Очаровательная Девушка… Он не мог думать о ней, не слыша при этом мрачного голоса, низкого баритона своего дяди: «Билли. Я должен сказать тебе кое-что». Дядя взял его за плечи и посмотрел ему в глаза: «Кое-что случилось». И из этих простых ужасающих слов он узнал, что она умерла. Родители Билли тоже умерли, но много лет назад, и он смирился с этой утратой. А с утратой Очаровательной Девушки? Нет, никогда. Она была бы вечной спутницей его жизни. Стала бы его женой, матерью его детей. Она спасла бы его от прошлого, от всего плохого, от Олеандровой комнаты. Но она умерла, и все тут.

Но сейчас Билли не думал так много об этой ужасной вести, не думал о несправедливости случившегося, хотя случившееся было несправедливо.

Он не думал о жестокости, хотя случившееся было жестоко. Нет, сейчас, едва закончив татуировать Хлою, Билли думал, что находится на пути к концу страданий. Модификация набирала ход. Сидя за шатким столом в кухонном углу подвальной комнаты, Билли вынул из кармана рубашки листы из книги, которую он нашел этим утром.

Он узнал о существовании этой книги несколько недель назад и понял, что она нужна для завершения его планов Модификации. Книга была распродана, хотя он нашел несколько экземпляров, которые мог бы купить через Интернет у букинистов. Билли не мог заказать ее по кредитной карточке с доставкой на дом, поэтому искал ее в магазинах подержанных книг и в библиотеках. Два экземпляра были в Нью-Йоркской публичной библиотеке, но их не оказалось там, где им полагалось бы находиться, – на стеллажах среднеманхэттенского отделения или отделения в Куинсе.

Сегодня он сделал еще одну попытку, снова зайдя в библиотеку на Пятой авеню. Книга была там – стояла на полке. Билли взял ее и бегло просмотрел, спрятавшись в укромном месте.

Скверное издание, заметил он. Нелепая кричащая обложка в черном, белом и красном цветах. Однако текст и иллюстрации помогли понять, почему она была распродана. Но что в ней содержалось? Именно то, что ему и было нужно, – инструкции, как заполнять плоскими или круглыми иглами пространство между контурами татуировки.

Билли боялся выносить книгу из библиотеки – взять ее по абонементу он, разумеется, не мог. И возле фотокопировальных устройств стояли видеокамеры. В конце концов он решил вырезать нужные листы лезвием бритвы. Резал он глубоко, старательно, потом спрятал книгу так, чтобы никто не мог ее найти. Он знал, что в корешке книги находится чип, и на выходе могла сработать сигнализация, если попытаться вынести ее целиком. И просмотрел все украденные листы один за другим – нет ли второго чипа. Второго не оказалось, и он вышел из библиотеки, не подняв тревоги.

Теперь Билли хотелось проштудировать эти страницы, которые помогут завершить план Модификации. Однако, разложив их перед собой, он нахмурился. Что это? Первый лист поврежден, уголок оторван. Но он был уверен, что вынимал их из корешка целыми, ничего не порвав. Потом посмотрел на нагрудный карман рубашки и увидел, что он тоже разорван. Вспомнил, что Хлоя разорвала его комбинезон, когда отбивалась. Вот что произошло. Она разорвала одежду и лист.

Однако повреждение было незначительным – оторвана лишь небольшая часть. Он стал внимательно читать. Прочитал раз, другой. На третий сделал заметки и вставил их в заповеди. Полезно. Отлично. Очень полезно. Отложив листы, Билли ответил на несколько текстовых сообщений – необходимо поддерживать контакт с окружающим миром.

Теперь настало время наводить чистоту. Никто не опасается микробов, бактерий, вирусов больше, чем татуировщик. Билли нисколько не боялся вызвать у своих жертв заражения крови – собственно, в этом и была суть Модификации, – но очень боялся попадания в *свою* кровь того, что вводил клиентам, особенно тех замечательных веществ, которые использовал вместо краски.

Он подошел к раковине и расстегнул рюкзак. Натянув толстые перчатки, разобрал тату-машинку «Американ игл». Вылил из трубок жидкость и промыл их в двух ведрах воды, несколько раз ополоснул и высушил феном. Воду вылил в отверстие, прорезанное в полу, и дал ей впитаться в землю под зданием. Спускать ее в канализацию он не хотел. Пусть незначительная, но улика.

Однако промывка была только началом. Он протер каждую деталь машинки спиртом (спирт только очищает, не стерилизует). Положил их в ультразвуковую ванну с обеззараживающими средствами. Потом запечатал их в пакеты и положил в автоклав – стерилизующую печь. Обычно иглы выбрасывают, но эти особенные, их было очень трудно достать. Их он стерилизовал тоже.

Разумеется, Билли обеззараживал детали не только для того, чтобы защититься от ядов и инфекций. Существовала и другая причина: самый надежный способ уничтожить всякую связь между ним и жертвами – это сжечь ее при температуре 130 градусов Цельсия.

Месье Локар, вы не думаете, что так можно уничтожить даже вашу теорию «пыли»?

Глава 8

Линкольн Райм ждал с нетерпением. Наконец он спросил Тома:

– Как Амелия?

Помощник положил трубку городского телефона.

– Никак не могу дозвониться.

– Как это не можешь? В какой она больнице?

– В «Манхэттен дженерэл».

– Позвони туда еще раз.

– Только что звонил. Не могу пробиться к коммутатору. Там какая-то проблема.

– Не может быть. Это больница. Звони девять-один-один.

– Нельзя звонить в службу спасения, чтобы справиться о состоянии пациента.

– Я позвоню.

Но тут раздался звонок у парадной двери. Райм приказал Тому ответить и через минуту услышал шаги в переднем коридоре.

Двое полицейских, помогавших Сакс в бутике «Шез Норд», вошли в гостиную, держа в руках большие ящики, заполненные бумажными и пластиковыми пакетами для улик. Райм узнал женщину, детектива Джин Иглстон, она приветственно кивнула ему, он тоже ответил кивком. Другой полицейский, рослый, крепко сложенный блюститель порядка, произнес:

– Капитан Райм, работать с вами большая честь.

– Капитан в отставке, – пробормотал Райм. Он заметил, что погода, видимо, ухудшилась – куртки полицейских были в ледяной крупе и снегу. Обратил внимание, что они обернули ящики с уликами целлофаном. Молодцы.

– Как Амелия? – спросила Иглстон.

– Пока не знаем, – буркнул Райм.

– Мы сделаем все, что сможем, – сказал ее дюжий партнер, – только позвоните. Куда их? – Подбородком он указал на ящики.

– Отдайте Мелу. – Райм имел в виду последнего члена команды, который только что появился.

Худощавый, скромный детектив полицейского управления Нью-Йорка Мел Купер был известным экспертом. Райм давил на все руководство, и мэра в том числе, чтобы Купера направляли к нему, особенно для такого дела, как это, где яд представлялся специально выбранным орудием убийства. Купер, обладатель дипломов по математике, физике и органической химии, был незаменим для этого расследования.

Эксперт кивнул, приветствуя Иглстон и ее партнера, принимавшего, как и он, участие в большой операции на месте преступления в Куинсе. Несмотря на отвратительную погоду и холод в гостиной, Купер был одет в белую рубашку с короткими рукавами и неглаженые черные брюки, придающие ему вид старейшины мормонов или школьного учителя. На ногах – туфли «хаш паппис». Люди обычно не удивлялись, узнав, что он живет вместе с матерью; удивление наступало, когда они знакомились с его рослой красивой любовницей-шведкой, профессором Колумбийского университета. Они были чемпионами по бальным танцам.

Купер в лабораторном халате, латексных перчатках, защитных очках и маске указал на пустой стол для осмотра улик. Его коллеги поставили на него ящики, кивнули на прощание и снова вышли в метель.

– Ты тоже, новичок. Давай посмотрим, что у нас есть.

Рон Пуласки надел такую же защитную одежду, как у Купера, и подошел к столу, чтобы помочь.

– Осторожнее, – сказал Райм, но в его предостережении не было необходимости: Пуласки делал это около ста раз и был как никто осторожен с уликами.

Но криминалист продолжал беспокоиться, его мысли снова обратились к Амелии Сакс. Почему она не звонит? Он вспомнил, как порошок сыпался на линзы видеокамеры и одновременно ей в лицо. Вспомнил, как она задыхалась.

Повернулся ключ в двери, послышался шум ветра, и кто-то кашлянул, прочищая горло.

– Ну что? – окликнул Райм.

Амелия Сакс появилась из-за угла, на ходу снимая куртку. Пауза. Она снова откашлялась.

– Ну что? – повторил он. – У тебя все в порядке?

Ответом было бульканье воды из бутылки, которую протянул ей Том.

– Спасибо, – поблагодарила Сакс молодого человека, потом повернулась к Райму. – Да. – Ее низкий, волнующий голос стал еще более низким и волнующим, чем обычно. – Более-менее.

Райм знал, что она не была отравлена. Когда ее везли в медицинский Центр «Манхэттен дженерэл», он говорил с фельдшером «Скорой помощи», специалистом по ядам. Симптомы не типичны для

отравления, сказал фельдшер, и когда машина подъехала к пункту первой помощи, единственным, что ее беспокоило, был мучительный кашель и слезящиеся глаза, которые несколько раз промыли водой. Ловушка, устроенная Иксом, оказалась несмертельной, однако могла вызвать слепоту или причинить серьезный вред легким.

– Сакс, что там было?

Амелия объяснила, что мазки со слизистых оболочек и экспресс-анализ крови выявили, что «ядом» была пыль, состоящая главным образом из окиси железа.

– Из ржавчины?

– Они так сказали.

Потянув клейкую ленту со старой металлической арматуры, к которой Икс прикрепил фонарик, она сбросила горсточку этой пыли, которая посыпалась ей в лицо.

Как криминалист, Райм был знаком с Fe_2O_3 – соединением, более известным как «триокись железа». Ржавчина оставляет превосходные следы, у нее есть адгезивные свойства, она легко переходит от преступника к жертве, и наоборот. Она может быть ядовитой, но только в больших количествах. То, что ржавчина оказалась там, не казалось Райму делом рук преступника. Он велел Пуласки позвонить в департамент городских работ, выяснить, обычна ли пыль окиси железа в туннелях.

– Да, – сказал молодой полицейский, положив трубку. – По Манхэттену прокладывали новые водопроводные трубы. Арматуре, которую они срезали, сто пятьдесят лет. Из-за этого было много пыли. Приходилось даже работать в масках.

Значит, Икс случайно выбрал одну из этих арматур для того, чтобы подвесить фонарик.

Сакс снова закашлялась, сделала еще несколько глотков воды.

– Злюсь на себя из-за того, что забыла об осторожности.

– Сакс, а мы ждали звонка.

– Я пыталась позвонить. Линия была не в порядке. Один из фельдшеров сказал, что возникла какая-то проблема с Интернетом, которая повлияла и на телефонные коммутаторы. Это продолжается уже два дня. Какой-то

спор между компаниями проводных кабелей и новых, оптоволоконных. Война из-за сфер влияния. Даже говорят о диверсиях.

Взгляд Райма словно говорил: «Нам-то что?»

Еще немного покашляв, Сакс надела халат и подошла к пакетам с уликами.

– Давай займемся нашими таблицами.

Райм указал подбородком на белые классные доски, стоявшие, словно цапли, на длинных тонких ногах. Ими пользовались для записи улик по тому или иному делу. Заполнена была только одна – по делу о грабеже возле муниципалитета, обернувшемся убийством. Убийством человека, тщательно побрившегося для свидания перед тем, как выйти на улицу, где его ограбили и убили.

Сакс отодвинула эту доску в угол и поставила в центр чистую. Взяла стираемый маркер и спросила:

– Как мы его назовем?

– Сегодня пятое ноября. Давай не изменять нашей традиции. Икс Пять-Одиннадцать.

Сакс кашлянула, кивнула и написала своим четким почерком:

Элизабет-стрит, 237

● Жертва: Хлоя Мур

Райм посмотрел на белое пространство.

– Ну что ж, давай его заполнять.

Глава 9

Однако не успели они взяться за улики, как снова раздался звонок в дверь.

Послышался привычный уже вой ветра и дробный стук падающих льдинок, дверь закрылась, и в гостиную, топая ногами и обходя ковер, вошел Лон Селлитто.

– Погода еще больше портится. Черт! Ну и дела.

Райм не обратил внимания на его прогноз.

– Есть пленки систем безопасности?

Имелись в виду камеры видеонаблюдения на Элизабет-стрит, возле люка, через который преступник проник в туннель. И где, очевидно, наблюдал за Сакс.

– Нет.

Райм недовольно скривился.

– Но там был свидетель.

Снова кислый взгляд Райма.

– Линк, я понимаю твое раздражение. Но это все, что у нас есть. Человек, шедший домой после смены, видел кого-то возле этого люка минут за десять до звонка по номеру девять-один-один.

– Домой после смены, – проворчал Райм. – Значит, голова у него была чугунной от усталости.

– Да, но даже чертовски уставший свидетель, который видит преступника, лучше свежего, который не видит никого.

– Раз не видит, значит, не свидетель, – ответил Райм и, взглянув на стол для улик, спросил: – Люк был открыт?

– Да. Вокруг него были оранжевые конусы и сигнальная лента.

– Я так и думал, – проговорил Райм. – Значит, он поднимает крышку крюком, устанавливает конусы, спускается, убивает жертву и уходит. – Он повернулся к Сакс. – Ты сказала, у подножия лестницы было сыро. Значит, люк все время оставался открытым. Что с конусами и лентой?

– Когда я вышла, – ответила Сакс, – их там не было.

– Он не собирался оставлять их поблизости. Достаточно умен для этого. Лон, что твой свидетель говорит о преступнике?

– Белый мужчина в вязаной шапочке и темном пальто до середины бедер с черным или темным рюкзаком. Лица он не разглядел. Почти так же выглядел человек, который находился возле люка, когда Амелия внизу осматривала место преступления.

Тот, кто смотрел на Сакс. Кто побежал на Бродвей и скрылся в толпе.

– Как с уликами на улице?

– В такую погоду? – произнесла Сакс.

Скверная погода – классический загрязнитель следов, один из самых пагубных. А на месте возле люка существовала еще одна проблема: следы ног и принадлежностей работников «Скорой помощи» уничтожили все оставшиеся улики, когда они бежали, чтобы уложить Сакс в машину после предполагаемого отравления в западне, которой не было.

– Так, значит, оставляем это место без внимания и сосредотачиваемся на подземелье. Прежде всего, на подвале бутика.

Джин Иглстон и ее партнер обыскали и сфотографировали подвал и маленькую подсобку, но обнаружили очень мало следов. Мел Купер осмотрел следы, которые они собрали, и сообщил:

– Совпадают с образцами из подвала. Здесь нет ничего полезного.

– Ладно. Главный вопрос: что дал анализ яда? Причина смерти?

Они начали с предположения, что причиной смерти был яд, но это оставалось под вопросом, пока медицинский эксперт не завершит анализ. Сакс позвонила и горячо попросила главного эксперта немедленно прислать предварительный результат. Им требовался и яд, и успокоительное, которое, вероятно, преступник ввел Хлое, чтобы подавить ее сопротивление. Сакс подкрепила просьбу о срочности словами о том, что, по их мнению, это убийство может стать началом вакханалии серийных убийств. Эксперт, сообщила она, говорил устало, как все врачи, особенно городской службы, но обещал перенести дело Хлои Мур в начало очереди.

Райм спросил:

– Сакс, ты протерла тампоном место татуировки?

– Конечно.

– Мел, займись этим, посмотрим, не обгоним ли мы медэксперта.

– Сейчас.

Для этого анализа Купер воспользовался газовым хроматографом и масс-спектрометром – двумя большими, соединенными между собой аппаратами в углу гостиной. Газовый хроматограф анализирует неизвестное вещество, разлагая все содержащиеся в нем химикаты на основании их летучести – то есть времени испарения. Газовый хроматограф разделяет составные части; второе устройство,

масс-спектрометр, выявляет вещества, сличая их уникальную структуру с базой данных известных химикатов.

Работая на этой шумной, горячей машине – образцы, в сущности, сгорали, – Купер вскоре получил результаты.

– Цикута.

В полицейском управлении Нью-Йорка есть обширная база данных по ядам, которой Райм иногда пользовался, будучи главой отдела следственных ресурсов – это старое название отдела криминалистики, – хотя убийства путем отравления и тогда были нечастыми, а теперь стали еще более редкими. Купер просмотрел статью об этом веществе. Потом пересказал:

– Этот яд получается из растения болиголов пятнистый. Поражает центральную нервную систему. У жертвы была сильная рвота, видна пена. Мышцы подергивались. – Он поднял глаза. – Это одно из самых смертоносных растений в Северной Америке. – Купер указал подбородком на машину. – И яд был очищен. Нигде не зарегистрировано такой концентрации. Обычно после введения этого яда умирают очень долго. А при таком уровне? Наверно, жертва умирала полчаса, может быть, немного дольше.

– Этим ядом отравился какой-то знаменитый грек, да? – спросил Пуласки.

– Не совсем этим, – ответил Купер. – Другой разновидностью болиголова. Однако обе из семейства зонтичных.

– Какое нам дело до Сократа? – раздраженно произнес Райм. – Давайте сосредоточимся на своем. Кто-нибудь, кроме меня, заметил что-нибудь тревожащее относительно источника яда?

– Его можно найти в любом поле или на болоте по всей стране, – ответила Сакс.

– Совершенно верно.

Ядовитые вещества промышленного производства, находящиеся в открытой продаже, можно проследить до изготовителя и далее до покупателя. У некоторых есть даже этикетки, которые могут привести следователя к рецепту с написанной на нем фамилией преступника. Но если убийца выкопал свое орудие из земли, такой возможности нет.

Невозможно сузить поиски хотя бы до региона страны. А поскольку сейчас ноябрь, можно предположить, что выкопал он это растение давно.

Или даже вырастил в теплице у себя в подвале. Не менее тревожным был тот факт, что он каким-то образом создал из этого растения какую-то особенно смертоносную форму яда.

Рон Пуласки случайно оказался у белой доски, и Райм сказал ему:

– Новичок, добавь это к перечню улик своим четким почерком, которым чрезвычайно гордились бы монахини ордена Скептического Сердца.

Настроение Райма заметно улучшилось, так как появились вызовы, на которые нужно было ответить, тайны, которые нужно разгадать… и улики, с которыми можно работать.

Сакс продолжала:

– Дактилоскопических узоров не было.

Райм и не ожидал получить отпечатки пальцев. Нет, преступник для этого достаточно умен.

– Что до волосков, я нашла только несколько крысиных и несколько принадлежавших Хлое, так что, думаю, под вязаной шапочкой у него что-то было.

Облегающие головные уборы больше способствуют потере волос, чем их сохранности, особенно шерстяные или нейлоновые, так как тот, кто их носит, будет постоянно почесывать или потирать зудящие места. Райм догадывался, что преступник знал это и принял другие, более надежные меры предосторожности, чтобы не оставлять на месте убийства свои волосы и образцы ДНК.

– Предварительный осмотр на предмет изнасилования, – продолжала Амелия, – дал отрицательный результат – хотя медэксперт может что-то обнаружить. Однако гениталии и другие эрогенные зоны как будто нетронуты. Если не считать живота. – Сакс указала подбородком на фотографии. – Жертва была полностью прикрыта одеждой. Но когда я осветила ее лампой АИС, то обнаружила нечто интересное: десятки мест, где преступник касался ее кожи, гладил ее. Не только для того, чтобы натянуть кожу для татуировки. И у нее была маленькая татуировка на шее. Цветок. – Сакс показала фотографию на мониторе высокой четкости. – Было видно, что он гладил ее несколько раз.

– Но это не сексуальные прикосновения? – пробормотал Селлитто.

– Не традиционно сексуальные, – подчеркнула Амелия. – Возможно, он фетишист или извращенец. У меня создалось впечатление, что он был очарован ее кожей. Хотел ее касаться. Или не мог совладать с собой.

– Не мог совладать с собой? – переспросил Райм. – Сакс, это мне кажется сомнительным. Маловероятным. Принято к сведению, но давай двигаться дальше.

Они начали с анализа веществ, которые Сакс нашла у тела Хлои, и сравнения их с контрольными образцами из туннеля, стараясь отделить те, что не имели отношения к Иксу.

Купер не прекращал работы на газовом хроматографе и масс-спектрометре.

– Так, в общем, мы имеем окись азота, озон, железо, марганец, никель, серебро, бериллий, хлорированный углеводород, ацетилен.

Райм кивнул.

– Они находились возле тела?

– Да.

Сакс осмотрела свою подробную карту, где было отмечено точное местонахождение каждого образца.

– Хм, – буркнул Райм.

– Линк, что такое? – спросил Селлитто.

– Эти материалы используются при сварке. Может, они появились от нашего Икса, но, думаю, скорее от рабочих, которые прокладывали трубы. Но все равно нанесем это на карту.

Купер выбрал другой образец – с пола у лестницы, ведущей к люку. Покончив с его анализом, эксперт нахмурился.

– Да, возможно, здесь кое-что есть.

Райм вздохнул. «Так поделись этим с нами, и спасибо тебе», – говорила его усталая улыбка. Но Купер не позволял себя торопить. Он тщательно читал показания масс-спектрометра.

– Это тетродотоксин.

Райм был заинтригован.

– Да, здесь в самом деле кое-что есть. Еще одно возможное орудие убийства.

– Яд, Линк? – поинтересовался Селлитто.

– Яд, – заговорил Мел Купер. – Сильный. Из яичника собаки-рыбы, фугу. Это нейротоксин, известного противоядия нет. В Японии за год умирает около шестидесяти человек, евших эту рыбу. В малых дозах можно получить кайф… и выжить, чтобы оплатить чек. Говорят, тетродотоксин представляет собой снадобье для зомбирования.

– Что-что? – с отрывистым смешком спросил Селлитто.

– Действительно, – добавил Купер, – прямо как в кино. На Карибских островах люди принимают его для замедления биения сердца и дыхания до такой степени, чтобы казаться мертвыми. Потом возвращаются к жизни. То ли это религиозный ритуал, то ли мошенничество. Антропологи считают, что, возможно, это и стало источником мифа о зомби.

– Просто-напросто развлечение в скучные субботние вечера на Гаити, – пробормотал Райм. – Можем мы на этом сосредоточиться?

Купер поправил очки.

– Количество тетродотоксина ничтожно.

– Если медэксперт не найдет его в крови Хлои, это будет означать, что Икс, возможно, готовил этот яд для будущего нападения. – Райм скорчил гримасу. – И где, черт возьми, он его взял? Может, поймал собаку-рыбу – так же, как вырастил болиголов? Продолжай, Мел.

Купер читал надписи на карте Сакс.

– Здесь часть следа ноги – наверно, один из его следов, раз он возле лестницы. И неясный.

Бахилы…

– Совершенно верно, – подтвердила Сакс.

Купер показал ей масс-спектрометр, она кивнула, потом переписала результаты анализа на белую доску.

● Стеркобилин, моча 9,3 г/л, хлорид 1,87 г/л, натрий 1,17 г/л, калий 0, 75 г/л, креатинин 0,67 г/л.

– Дерьмо, – пробормотал Райм.

– Что случилось? – спросил Пуласки.

– Ничего, – ответил Райм. – В буквальном смысле. Фекальный материал. Почему он? Почему там? Есть какие-то соображения, девочки и мальчики?

– Там наверху были трубы ДС – департамента санитарии, – но я не видела никаких нечистот ни на земле, ни на стенах. Наверно, не оттуда.

– Из парка, где прогуливают собак? – предположил Селлитто. – Или у него есть собака.

– Оставьте, – произнес Райм, воздерживаясь от закатывания глаз. – Эти вещества предполагают человеческое дерьмо. Можно выделить ДНК, но это будет пустой тратой времени. Извините за выбор слов.

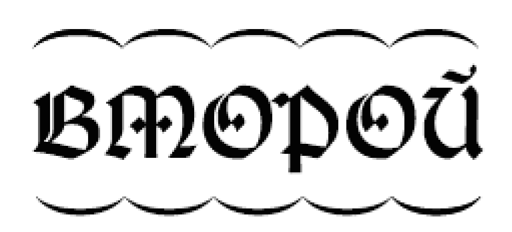
– Может, Икс посетил туалет перед тем, как спуститься под землю?

– Возможно, новичок, но, думаю, дерьмо у него из канализационной системы где-то в другом месте. Полагаю, это значит, что он проводит много времени в подземельях Нью-Йорка. Это его зона убийств. Он уютно там себя чувствует. И если на месте убийства Хлои Мур не было никакой утечки из канализации, значит, у него есть еще несколько мест. И это говорит о том, что он выбирает свои жертвы заблаговременно.

Зазвонил городской телефон. Сакс ответила и после недолгого разговора положила трубку.

– Медэксперт. Да, причиной смерти было отравление цикутой – не тетродотоксин. Ты был прав, Мел: концентрация в восемь раз выше, чем в соке растения. А обездвижил он ее пропофолом. Двумя уколами, в шею и руку.

– Лекарство, отпускаемое по рецепту, – заметил Райм. – Его на заднем дворе не вырастишь. Как он получил к нему доступ? Ладно, занеси это в карточку и пойдем дальше. По-настоящему меня интересует сама татуировка.



Райм смотрел на фотографию, которую сделала Сакс: татуировка была без краски, но ее легко видно по красной воспаленной коже. Гораздо

более четкое изображение, чем то, что он видел через видеокамеру на тускло освещенном месте преступления.

– Ну и ну, – произнес Пуласки, – красота.

– Я не знаком с миром тату, – заметил Райм, – но, думаю, существует мало художников, способных сделать это за короткое время.

– Я загляну в самые большие студии в городе, – вызвался Селлитто. – Посмотрю, что удастся узнать.

– Эти линии, – задумчиво произнес Райм, указав на окаймление, фестоны под словом и над ним. – Ты была права, Сакс. Они вырезаны, а не выколоты. Как будто он пользовался бритвой или скальпелем.

– Кромсал просто для красоты, – пробормотал Селлитто. – Ну и мерзавец.

– Не знаю, как это объяснить. Может, хотел блеснуть мастерством. Теперь слово: «второй». Что оно означает? Соображения?

– Второй труп? – предположил Пуласки.

Селлито рассмеялся.

– Этот тип, в сущности, не скрывает своих следов. Мы бы узнали, если бы был труп номер один, не считаешь? Держу пари, Си-эн-эн сообщила бы о нем.

– Да, конечно. Я не подумал.

Райм рассматривал фотографию.

– Пока делать выводы рано. А что в остальной части сообщения? Думаю, что тот, кто так хорошо владеет каллиграфией, знаком с правописанием и грамматикой. Первая буква строчная. Значит, этому слову предшествовало другое. Точки нет, значит, существует продолжение.

– Интересно, это выражение, которое он придумал сам? – проговорила Сакс. – Или цитата? Загадка?

– Трудно сказать… Лон, поручи кому-нибудь в управлении порыться в базе данных.

– Прекрасная мысль, рациональная: поисковая группа ищет слово «второй» в книге или где-то еще. Линк, думаешь, оно уже где-то появлялось?

– Во-первых, Лон, разве ироничные «воздушные кавычки» не устарели? Ближе к делу. Пусть ищут слово в известных цитатах о преступлениях, убийцах, татуировках, преступном мире Нью-Йорка. Пусть работают творчески!

– Ладно, – пробормотал Селлитто. – «Второй». А что касается цифр – с наращением на конце.

– Угу, – согласился Линкольн. Он об этом не подумал.

Лон прошел в угол комнаты, набрал номер и через несколько секунд стал громко отдавать приказы. Потом положил трубку и вернулся.

– Двигаемся дальше, – сказал Райм остальным.

Через некоторое время Мел Купер заметил:

– Нам несколько раз попадался хлорид бензалкония.

– Ага, – кивнул Райм. – Это четвертичные аммониевые соединения. Основное дезинфицирующее средство, его используют главным образом там, где существует особая опасность заражения. Например, в школьных столовых, на транспорте.

Купер продолжал:

– Латексный клей.

Райм объявил, что этот продукт используется повсюду, от наложения повязок до строительства.

– Обычный?

– Да.

– Разумеется, – проворчал Райм. Криминалисты предпочитали фирменные марки – найти их источник гораздо легче.

Эксперт продолжал анализ. Через несколько минут он взглянул на компьютерный экран.

– Недурно, недурно. Хорошие результаты для типа камня. Мрамор. Конкретно инвудский.

– В какой форме? – спросил Райм. – Выведи на экран.

Купер выполнил его просьбу, и Райм увидел пыль и различной величины крошки белого, грязно-белого и бежевого цветов.

– Разбитый, – заметил эксперт. – Видишь края того кусочка в верхнем левом углу?

– Конечно, – сказал Райм. – Прожарь его!

Купер пропустил этот образец через аппараты и объявил:

– Есть остаток товекса.

– Товекс? – удивился Селлитто. – Это же коммерческая взрывчатка.

Райм кивнул.

– У меня было предчувствие, что мы найдем нечто подобное. Применяется для создания котлованов в скальном грунте. Наш Икс взял вместе с мраморной крошкой следы товекса на стройплощадке или возле нее. Там, где много инвудского мрамора. Новичок, позвони в департамент строительства относительно разрешения на взрывные работы. А потом сверься с геологической базой данных в том районе. Что еще?

– В соскобах из-под ногтей Хлои Мур кожи нет, только грязно-белая хлопковая ткань и бумажные волокна.

Райм объяснил Селлитто:

– Хлоя, должно быть, боролась с ним, и это попало ей под ногти. Жаль, что не содрала лоскут его кожи. Где ДНК, когда она нужна? На доске, пусть там и будет.

Клейкая лента, которой Икс связал ноги Хлои, была обычной; наручники тоже. А фонарик – маяк, указывающий на его работу, – был дешевым, пластиковым. Ни на его поверхности, ни на батарейках внутри не нашлось ни отпечатков пальцев, ни волос или других следов, кроме клея, такого же, что и на липких ролик-щетках – тех самых, которыми пользуются на месте преступления для сбора следов. Как полагала Сакс, Икс, видимо, пользовался ею перед тем, как уйти.

– Этот парень даже умнее, чем я думал, – протянул Райм с невольным восхищением. – Сакс, там были электрические розетки? Я не помню.

– Нет. Прожектора, оставленные спасателями, были с аккумуляторным питанием.

– Значит, его тату-пистолет тоже с аккумуляторным питанием. Новичок, когда закончишь с департаментом строительства, выясни, кто производит тату-пистолеты, работающие на аккумуляторах.

Пуласки снова принялся за работу, сказав:

– С одной надеждой, что их окажется немного.

– О, вот это будет интересно.

– Что?

– Найти тату-пистолеты с надеждой.

– С чем-чем?

Селлитто кисло улыбнулся. Он знал, что за этим последует.

– Райм имел в виду, что ты неточно выразился, – решил пояснить Лон. – Надо было сказать: «Надеюсь, что портативные тату-пистолеты редки». Журналисты и учителя английского были бы тобой недовольны.

Молодой полицейский закивал.

– Линкольн, иногда, когда я с тобой разговариваю, мне кажется, что я оказался в одном из фильмов Квентина Тарантино.

Райм приподнял брови.

– Объясни.

Пуласки ворчливо продолжил:

– Ну, та сцена, где двое наемных убийц собираются застрелить кого-то, но целых десять минут болтают, болтают, болтают о том, что «желать» и «стремиться» не одно и то же, или «незаинтересованный» не значит «равнодушный». Прямо так и хочется их побить.

Сакс издала смешок.

– Эти два неправильных словоупотребления меня тоже беспокоят, – пробормотал Райм. – И разницу нужно знать. Так, теперь последняя улика, которая интересует меня больше всего. – Он снова повернулся к сумке, решив, что нужно выяснить, кто такой этот Тарантино.

Глава 10

Мел Купер осторожно открыл последний контейнер с уликой, вынул из него пинцетом смятый комок бумаги и стал медленно его разворачивать.

– Амелия, где он был? – спросил лаборант.

– Футах в трех от тела. Возле одного из желтых ящиков.

– Я их видел, – заметил Райм. – Эм-о-эс. Видимо, телефон, электросеть.

Бумага представляла собой оторванный верхний угол листа с печатным текстом. Дюйма три в длину, два в высоту. На передней правой стороне был текст:

да

его величайшим даром была способность предвидеть

На обратной стороне три слова:

тело было обнаружено.

Райм взглянул на Купера, тот смотрел в микроскоп Бауша-Ломa, сравнивая волокна бумаги с обрывка с теми, что были обнаружены под ногтями жертвы.

– Их можно объединить. Видимо, из одного и того же источника. И других образцов тканевых волокон под ногтями жертвы нет.

– Значит, исходим из того, что она оторвала этот клочок во время борьбы с ним.

– Почему этот лист был при нем? – поинтересовался Селлитто. – Откуда он?

Райм обратил внимание, что бумага не глянцевая, поэтому обрывок был не из журнала, И не газетная, так что вырвали его не из ежедневной, еженедельной или бульварной малоформатной газеты.

– По-моему, этот обрывок книжной страницы, – сказал он, глядя на треугольный клочок бумаги.

– Но как это возможно? – спросил Пуласки.

– Хороший вопрос. Ты имеешь в виду – если этот обрывок из кармана нашего Икса и Хлоя оторвала его во время схватки с ним, как этот лист может быть из книги?

– Именно.

– Я думаю, он вырезал бритвенным лезвием важные листы из книги и держал их при себе. Нужно узнать, что это за книга.

– Легким способом? – предложил Купер.

– О, «Гугл букс»? Или как там называется эта компьютерная служба, у которой в базе данных девяносто или около того процентов вышедших на земном шаре книг? Конечно, попробуй.

Но, как и следовало ожидать, этот поиск не принес результатов. Райм плохо представлял себе, как работают положения об авторском праве, но подозревал, что немало авторов, не желающих бесплатно делиться с кем-то своим творчеством, находятся под защитой американского закона.

– Значит, используем трудный способ, – объявил Райм. – Как это называется у хакеров? Грубая атака? – Он задумался, потом добавил: – Но мы можем сузить сферу поисков. Давайте посмотрим, можно ли выяснить, когда опубликована книга, и поискать вышедшие в то время издания о преступлениях. Тут ключевое слово – «тело». Итак, давайте устанавливать дату.

– Радиоуглеродным методом? – спросил Пуласки и увидел, что Мел Купер улыбнулся. – В чем дело?

– Не читал моей главы о радиоуглероде, новичок?

Имелся в виду учебник Райма по криминалистике.

– Читал, Линкольн.

– И что?

Пуласки стал цитировать: «Углеродное датирование представляет собой сравнение стабильного изотопа Цэ-двенадцать с радиоактивным

изотопом Цэ-четырнадцать, это даст представление о возрасте изучаемого предмета с «приблизительной точностью».

– Процитировано верно. Только жаль, что ты не обратил внимания на сноску.

– О, там были сноски?

– Предел погрешности для углеродного датирования составляет от тридцати до сорока лет. И это для недавних образцов. Если бы наш преступник носил с собой главу, отпечатанную на папирусе или на шкуре динозавра, отклонение было бы гораздо больше. – Райм указал на обрывок. – Так что нет, углеродное датирование не для нас.

– По крайней мере, мы узнаем, издана ли эта книга в последние тридцать или сорок лет.

– Это мы знаем, – отрывисто произнес Райм. – Издана в девяностые годы, я почти уверен. Мне нужна бульшая точность.

Теперь нахмурился Селлитто.

– Линк, откуда ты знаешь про десятилетие?

– По гарнитуре шрифта. Он называется «мириад». Создан Робертом Слимбахом и Кэрол Тумбли для «Эдоуби систем». Стал шрифтом «Эппл».

– По-моему, он похож на все другие шрифты без засечек, – заметила Сакс.

– Посмотри на строчную «у» и наклонную «е».

– Ты изучала шрифты? – с удивлением осведомился Пуласки. И почуствовал, что этот огромный пробел в криминалистическом образовании грозил поглотить его целиком.

Несколько лет назад Райм вел дело о похищении, и преступник составил требование о выкупе, вырезая буквы из журнала – из заголовков и рекламы. Сравнивая шрифты множества журналов и рекламных слоганов, Линкольн пришел к выводу, что буквы вырезаны из конкретного номера «Атлантик мансли». Список подписчиков – и другие улики – привели к аресту преступника и освобождению жертвы. Он рассказал об этом случае Пуласки.

– Но как установить дату точнее? – осведомился Селлитто.

– По типографской краске, – ответил Райм.

– По тэгам? – уточнил Купер.

– Сомневаюсь.

В шестидесятые годы производители красок, как и производители взрывчатки, стали применять тэги – химические маркеры, чтобы в случае преступления образцы краски было легко проследить до единственного источника или, по крайней мере, до фирменной марки краски. (Изначальной задачей тэгов было отслеживать фальсификаторов, однако благодаря маркерам удалось поймать нескольких похитителей и убийц-психопатов, которые оставляли сообщения на местах своих преступлений.) Но краска для печатания книг, как в этом образце, продавалась большими партиями, почти не снабжавшимися тэгами.

Поэтому, объяснил Райм, нужно сравнить состав этой краски с образцами базы данных в управлении полиции.

– Мел, извлеки эту краску. Посмотрим, из чего она состоит.

Купер взял с инструментальной полки над столом шприц с частично спиленной иглой и семь раз проколол ею бумагу. Получившиеся крохотные диски с образцами краски окунул в пиридин, чтобы извлечь краску. Высушил раствор до порошка, который и стал анализировать.

Купер с Раймом осмотрели получившуюся хроматограмму – столбцовую диаграмму выступов и впадин, представлявших краску, использованную для печатания этой загадочной книги.

Сам по себе анализ мало что дал, но сравнение результата с базой данных выявило, что краска соответствует той, что использовалась для печатания неспециализированных книг для взрослых с 1996 по 2000 год.

– Для взрослых? – спросил Пуласки.

– Нет, не *твоего* рода взрослых книг, – усмехнулся Селлитто.

– Моего… – Молодой полицейских густо покраснел. – Подожди, ты о чем?

– Имеется в виду – не детских, – пояснил Райм. – *Пристойных* книг для взрослых. А бумага? Проверь кислотность.

Купер провел обычный pH-анализ, использовав крошечный уголок бумаги.

– Кислотность очень высокая.

– Значит, бумага от массовых изданий в твердом переплете, – заключил Линкольн. – Не в бумажной обложке, потому что их печатают на газетной бумаге. И это издание массовое, так как более дорогие книги с ограниченным тиражом печатаются на низкокислотной или бескислотной бумаге. Лон, добавь-ка к перечню заданий твоей поисковой группы поручение найти эту книгу. Я склоняюсь к документальной литературе в названные годы. Возможно, о реальных преступлениях. И каждая глава посвящена особой теме, так как преступник вырезал только то, что ему нужно. Поручи своим людям поговорить с издателями, книготорговцами, коллекционерами книг о преступлениях… и с авторами таких книг. Много их может быть?

– Да, они поговорят в свободное время, когда не будут заняты поисками миллионов цитат со словом «второй».

– Да, кстати, займись этим в первую очередь. Если наш Икс искал эту книгу, вырезал листы и носил их с собой, я очень хочу знать, что в ней.

Селлитто еще раз посмотрел на фотографию татуировки и сказал Куперу:

– Сделай для меня такой отпечаток, ладно, Мел? Я начну обходить эти студии – они до сих пор так называются? Может быть, они теперь «салоны»? И дай мне список самых больших из них.

Райм смотрел, как Купер отпечатал фотоснимок, потом связался по компьютеру с лицензионным агентством Нью-Йорка, получил список, где было около тридцати тату-заведений, и протянул его детективу.

– Так много? – проворчал Селлитто. – Замечательно. Я просто никак не могу нагуляться в эти прекрасные осенние дни. – Он положил список и фотографию в портфель, потом надел пальто и достал из кармана скомканные перчатки. Не прощаясь, вышел из комнаты.

Райм снова услышал шум ветра, когда дверь открылась и захлопнулась.

– Новичок, как продвигаются дела у тебя?

Молодой полицейский повернулся к ближайшему компьютеру.

– Все еще идет перечисление разрешений на взрывные работы. В городе сейчас много взрывают.

– Продолжай.

– Конечно. Скоро получу какие-то ответы. – Пуласки поднял взгляд на Райма. – Надеюсь.

– Надеешься? – нахмурился Райм.

– Да. Наполняюсь надеждой, Линкольн, что больше не буду выслушивать от тебя лекции по грамматике.

Элизабет-стрит, 237

● Жертва: Хлоя Мур, 26 лет.

– Видимо, никакой связи с Икс

– Изнасилования не было, но были касания кожи

● Икс 5–11

– *Белый мужчина*

– *Хрупкого или среднего сложения*

– *Вязаная шапочка*

– *Темное пальто до бедер*

– *Темный рюкзак*

– *Надевает бахилы*

– *Отпечатков пальцев нет*

● Причина смерти: отравление цикутой, введенной в организм через татуировку

– *Из пятнистого болиголова*

– *Источник неизвестен*

– *Концентрация в восемь раз превышает обычную*

● Обездвижена пропофолом

– *Как раздобыт? Доступ к медицинским принадлежностям?*

● Вытатуировано слово «второй», древнеанглийский шрифт, окруженный фестонами

– Часть сообщения?

– Поисковая группа полицейского управления проверяет

● Портативный тату-пистолет использован как оружие

– Модель неизвестна

● Хлопковые волокна

– Грязно-белые

– Возможно, из рубашки Икс, вырванные во время борьбы

● Лист из книги о реальных преступлениях?

– Возможно, изданной массовым тиражом в 1996–2000 годах

да

его величайшим даром была способность предвидеть

– На обороте:

Тело было обнаружено

● Возможно, использовал ролик-щетку, чтобы удалить следы с одежды перед нападением

● Наручники

– Обычные, выявить источник невозможно

● Фонарик

– Обычный, выявить источник невозможно

● Клейкая лента

– Обычная, выявить источник невозможно

Трасологические следы

● Окись азота, озон, железо, марганец, никель, серебро, бериллий, хлорированный углеводород, ацетилен

– Возможно, принадлежности для газосварки

● Тетродотоксин

– Яд из рыбы фугу

– Снадобье для зомбирования

– Мельчайшие дозы

– Не применялся на жертве

● Стеркобилин, моча 9,3 г/л, хлорид 1,87 г/л, натрий 1,17 г/л, калий 0,75 г/л, креатинин 0,67 г/л

– Фекальный материал

– Возможно, представляет интерес / одержимость подземельем

– С будущих мест убийства под землей?

● Хлорид бензалкония

– Четвертичные аммониевые соединения, дезинфицирующее средство

● Латексный клей

– Используется для наложения повязок, в строительстве и для других целей

● Инвудский мрамор

– Пыль и мелкие крошки

● Взрывчатка товекс

– Возможно, с места взрывных работ

Глава 11

– Привет, чувак. Садись. Подойду к тебе через несколько минут. Хочешь просмотреть эти буклеты? Найди что-нибудь забавное, чтобы производить впечатление на женщин. Делать наколки никогда не поздно. – Взгляд тату-мастера упал на безымянный палец без кольца Лона Селлитто, потом вновь обратился к юной блондинке, с которой он разговаривал до этого.

Мастер – и владелец студии (да, студии, не салона) – был тридцати с небольшим лет, тощий – кожа да кости. На нем были хорошо скроенные черные джинсы и безупречно белая майка без рукавов. Русые волосы

собраны сзади, конский хвост. Щегольская, замысловатой формы бородка, спускавшаяся от верхней губы четырьмя тонкими темными шелковистыми полосками, окружала рот и сходилась на подбородке спиралью. Щеки были гладко выбриты, но от ушей тянулись вперед острые, как рыболовные крючки, баки. От верхней части уха к мочке спускалась стальная шпилька. Две другие, поменьше, вертикально пронизывали брови. В сравнении со всем этим Супермен на одном предплечье и Бэтмен на другом уже не выглядели впечатляюще.

Селлитто шагнул вперед.

– Минутку, чувак, я же сказал. – Мастер быстро осмотрел полицейского. – Знаешь, для пожилого человека и такого крупного – я ничего обидного не имею в виду – ты хороший кандидат. Твоя кожа не будет морщиться. – Его голос замер. – О, черт! Посмотри-ка на это.

Селлитто устал от этой болтовни и показал хипстеру свой золотистый значок – агрессивно и вместе с тем вяло.

– Так. Полиция. Ты полицейский?

Татуировщик сидел на табурете рядом с удобным на вид, но довольно потертым креслом из черной кожи, в котором устроилась девушка, с которой он разговаривал, когда вошел Селлитто. На ней были обтягивающие джинсы и серая безрукавка, поверх которой красовалиь три топа, напоминавшие бюстгальтер: розовый, зеленый и синий. Ее ярко-золотистые волосы были длинными слева и коротко остриженными справа. Лицо приятное, если не обращать внимания на косо постриженные волосы и настороженные глаза.

– Хочешь со мной поговорить? – спросил мастер-татуировщик.

– Я хочу поговорить с Тэ-Тэ Гордоном.

– Тэ-Тэ – это я.

– Тогда с тобой.

Неподалеку другой мастер, круглолицый, тридцати с лишним лет, в брюках военного покроя и майке, делал татуировку другому клиенту – накачанному культуристу, лежавшему ничком на кожаном топчане, какие используют для массажа. Старательно выкалывал на спине мотоцикл.

Мастер и клиент посмотрели на Селлитто, тот ответил им твердым взглядом, и они вернулись к своим делам.

Детектив бросил взгляд на Гордона и девушку с косо постриженными волосами. Та казалась расстроенной и чем-то встревоженной. Гордона же как будто нисколько не беспокоило присутствие полицейского. Детектив знал, что владелец тату-студии «Соник хамдрам» имеет все разрешения и платит все налоги. Он это проверил.

– Дай мне закончить.

– У меня важное дело, – возразил Селлитто.

– Это дело тоже важное, чувак, – заявил Гордон.

– Никаких чуваков, – сказал Селлитто. – Ты сядешь здесь и будешь отвечать на мои вопросы. Потому что моя важность важнее твоей важности. А тебе, мисс Глупышка, придется уйти.

Девушка с испуганным видом закивала.

– Однако… – начал было Гордон.

Селлитто грубо перебил его:

– Слышал когда-нибудь о статье двести шестьдесят пункт двадцать первый Уголовного кодекса штата Нью-Йорк?

– Да. Конечно. – Гордон равнодушно кивнул.

– Татуировать несовершеннолетних, не достигших восемнадцати лет, – преступление, определяемое как незаконные деловые связи второй степени с ребенком. – Детектив повернулся к клиентке. – Сколько тебе лет? – рявкнул он.

Та заплакала.

– Семнадцать. Простите. Я только, я просто, я вправду, я хотела…

– Закончишь ты когда-нибудь эту фразу?

– Пожалуйста, я только, я хотела…

– Тогда позволь мне выразиться: пошла вон отсюда.

Девушка выбежала, оставив на кресле кожаную куртку. Под взглядами Селлитто и Гордона она остановилась, поколебалась, потом шмыгнула обратно, схватила свою одежду и исчезла снова, на сей раз окончательно.

Повернувшись к владельцу студии, Селлитто развеселился, хотя и видел, что Гордон не ежится от сознания вины. Или от страха. Детектив решил нажать посильнее.

– Это, кстати, уголовно наказуемый проступок класса Б. За него полагается три месяца тюрьмы.

– До трех месяцев, – возразил Гордон, – но надлежаще оформленное удостоверение личности опровергает обвинение. Ее водительские права? Самые настоящие. Я считаю их действительными. Присяжные сочтут их действительными.

Селлитто попытался не показать удивления, но безуспешно.

Гордон продолжал:

– Но это не важно. Я не собирался делать ей татуировку. Я действовал в манере Зигмунда.

Селлитто вопросительно поднял бровь.

– Фрейда. Как в песне Инона Зуры «Доктор рядом». Она очень хотела сделать наколку, но я ей отсоветовал. Она ребенок из Куинса или Бруклина, парень бросил ее ради шлюхи, у которой была татуировка с квинто мертвых голов.

– Что-что?

– Квинто – пять. Мертвых голов. Она хотела семь. Септо.

– И как шло лечение, док?

Гордон скорчил гримасу.

– Превосходно. Я отговаривал ее от этого намерения, когда ты вошел. Обескураживающее вмешательство. Но, думаю, сейчас она напугана.

– Отговорил ее от этого намерения?

– Совершенно верно. Наплел ей, что татуировка испортит кожу. Что через несколько месяцев она будет выглядеть на десять лет старше. Это смешно. Женщины в южных морях делают татуировку, чтобы выглядеть моложе. На губах и на веках. Больно, да. Я понял, что она не знает самоанских обычаев.

– Но ты считал ее совершеннолетней. Тогда зачем было ее отговаривать?

– Слушай, чувак. Во-первых, у меня возникли сомнения относительно водительских прав. Но суть не в этом. Она пришла сюда по недомыслию. Татуировки делаются для самовыражения. Не из мести, не затем, чтобы совать их кому-то в лицо. Не потому, что хочешь походить на какую-то дурочку с наколотым драконом. Делай татуировку, показывающую, что ты – это ты, а не кто-то другой. Врубаешься?

Выражение лица Селлитто говорило, что нет.

Но Гордон продолжал:

– Ты видел ее волосы и варварскую косметику? Так вот, несмотря на все это, она не кандидат на татуировку. Господи, у нее сумочка с текстом песенки «Привет, киска». И нательный крест святого Тимофея. В свое время ты счел бы ее посетительницей кафе-мороженого.

«В мое время? Кафе-мороженого?» И все же Селлитто невольно начинал верить в правдивость его слов.

– К тому же у меня нет достаточно большого для нее пушистого мячика, – с усмешкой добавил татуировщик и слегка толкнул Селлитто.

– Пушистого?..

Гордон объяснил: теннисного мяча, какой дают клиентам, если сомневаются, что они смогут вытерпеть боль в процессе нанесения татуировки.

– Эта девочка не вытерпела бы. Но если хочешь иметь татуировку, нужно терпеть. Это правило: боль и кровь. Необходимость, чувак. Врубаешься? Итак, чем могу быть полезен, зная, что кризис среднего возраста тут ни при чем?

Детектив проворчал:

– Ты когда-нибудь говоришь «усек» вместо «врубаешься»?

– «Усек» – из твоего времени.

– Из моего, – согласился Селлитто. – Моего и битников.

Т.Т. Гордон рассмеялся.

– Мы работаем над одним делом. Мне нужна помощь.

– Ясно. Подожди минутку. – Гордон подошел к третьему креслу. Мастер с замысловатыми сине-красными наколками на руках набивал

татуировку тридцатилетнему мужчине – выкалывал на бицепсе изображение летящего сокола. Селлитто вспомнил о сапсанах на подоконниках Райма.

Клиент выглядел так, будто только что приехал на метро с Уолл-стрит и собирается тут же вернуться в свою юридическую фирму, где проведет всю ночь. Гордон осмотрел работу и дал несколько советов.

Селлитто разглядывал студию. Она казалась принадлежащей другому времени – шестидесятым годам. Стены были покрыты сотнями образцов татуировок: лица, религиозные символы, карикатурные персонажи, девизы, карты, пейзажи, черепа… Некоторые из них абсолютно бредовые. Несколько десятков фотографий пирсинга, который можно сделать здесь же. Некоторые рамки были прикрыты шторками. Селлитто догадывался, на каких частях тела находились украшения, и недоумевал, к чему такая скромность.

Место работы татуировщиков напоминало ему парикмахерскую с креслами для клиентов и табуретами для мастеров. На рабочем столе лежали машинки, бутылки и тряпки. На стене висело зеркало с приклеенными к нему приветствиями на полосках гуммированной бумаги и сертификатами Управления здравоохранения. Несмотря на то что при нанесении тату могла брызнуть кровь, студия выглядела идеально чистой. Запах дезинфекции был сильным, повсюду виднелись напоминания о необходимости чистить оборудование и проводить стерилизацию.

130 градусов Цельсия – твои друзья.

Гордон закончил давать советы и жестом пригласил Селлитто в заднюю комнату. Через занавеску из пластиковых бусин они прошли в административную часть студии. Здесь тоже было чисто.

Гордон достал бутылку с водой из мини-холодильника и предложил Селлитто, но тот не хотел ничего пробовать в этом заведении и покачал головой.

Владелец студии отвинтил пробку и отпил. Указал подбородком на дверной проем, где все еще раскачивались нити с бусинами.

– Вот чем мы стали.

Словно Селлитто был его лучшим другом.

– Тот тип в деловом костюме, – негромко продолжал Гордон, – любитель соколов. Видел, где его татуировка?

– На бицепсе.

– Да. Высоко. Легко спрятать. У него двое-трое детей или появятся в ближайшие годы. Учился в Колумбийском или Нью-Йоркском университете. Юрист или бухгалтер. – Гордон покачал головой, и его конский хвост закачался. – Раньше татуировки скрывали. Их носили плохие мальчики и девочки. Теперь накалывают галстук или браслет с брелоками. Ходит шутка, что кто-то хочет открыть тату-студии в торговых центрах и назвать их «Тат-доллары».

– Железки нужны для этого? – Селлитто указал подбородком на шпильки на лице Гордона.

– Заявить о себе нелегко. Звучит неубедительно. Извиняюсь – очень. Чем могу быть полезен, детектив?

– Я обхожу крупные студии. Пока что нигде не смогли помочь, но все советовали обратиться к тебе. Говорили, это самая старая студия в городе. И ты знаешь всех в тату-сообществе.

– Насчет самого старого – не знаю. Татуировка – я имею в виду современную в США, не племенную – определенно началась в Нью-Йорке. В Бауэри, в конце девятнадцатого века. Но в шестьдесят первом году, после вспышки гепатита, была запрещена. Легализовалась снова только в девяносто седьмом. Я нашел документы, свидетельствующие, что эта студия появилась в двадцатых годах – то еще было время. С наколкой ты был Мистером Личностью. Или Мисс, хотя женщины тогда редко делали наколки. Но все-таки делали. У матери Уинстона Черчилля была змея, кусающая себя за хвост.

Гордон заметил, что Селлитто не особенно заинтересовал этот урок истории, и пожал плечами. «Мое увлечение не твое увлечение. Ясно».

– То, что я хочу сказать тебе, секрет.

– Не беспокойся, чувак. Люди под иглами чего только не говорят мне. Нервничают и начинают молоть вздор. Я забываю все, что слышу. Амнезия, понимаешь. – Гордон нахмурился. – Ты здесь из-за кого-то, кто мог быть моим клиентом?

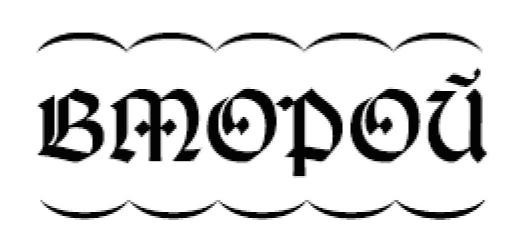
– Нет никаких причин думать так, но это возможно. Если покажем тебе татуировку, сможешь сказать нам что-то о том, кто ее сделал?

– Возможно. У каждого свой стиль. Отличия будут даже у двух мастеров, работающих по одному трафарету. Дело в том, как ты выучился работать, какой машинкой пользуешься, какими иглами. Тут тысяча вещей.

Однако я ничего не гарантирую, хотя работал с мастерами со всех концов страны, бывал на съездах почти во всех штатах. Может, окажусь в состоянии тебе помочь.

– Ладно, вот она.

Селлитто полез в портфель и достал фотографию, которую отпечатал Мел Купер.



Гордон наклонился и, хмурясь, стал внимательно разглядывать снимок.

– Тот, кто это написал, знает свое дело – определенно мастер. Но мне непонятно это воспаление. Краски нет. Кожа распухла и стала шершавой. Сильно инфицирована. И никакого цвета. Он что, пользовался невидимой краской?

Селлитто подумал, что Гордон шутит, но тот объяснил: некоторые люди не хотят делать постоянно видимую наколку и колют специальный раствор, который остается невидимым, но проявляется под ультрафиолетом.

– Те, кому нужен пушистый мячик?

– Правильно, чувак. – Он ткнул кулаком в грудь Селлитто, детектив увернулся. Гордон нахмурился. – Насколько я понимаю, происходит что-то еще, верно?

Селлитто кивнул. Журналистам не сообщили о яде, опасаясь, что у этого способа могли найтись подражатели. И если бы недоброжелатели или сам преступник решили позвонить в муниципалитет позлорадствовать, было бы ясно, что им известны подробности убийства.

Кроме того, Селлитто обычно старался объяснять как можно меньше, когда вел опрос в поисках свидетелей или просил совета. Однако в этом деле у него не оставалось выбора. Ему требовалась помощь Гордона. И Селлитто решил, что этот человек ему, в общем, нравится.

Чувак...

– Подозреваемый, которого мы ищем, использовал вместо краски яд.

У мастера расширились глаза, металлические шпильки впечатляюще поднялись.

– Господи, неужто! Господи!

– Да. Слышал когда-нибудь, чтобы кто-то это делал?

– Никогда. – Гордон потер пальцами растительность на лице. – Это же зверство. Вот это да. Знаешь, мы… мы художники и вместе с тем хирурги-косметологи – люди нам доверяют. У нас особые отношения с ними. – Голос Гордона стал напряженным. – Использовать татуировку для убийства. Надо же.

В студии зазвонил телефон, Гордон оставил звонок без внимания. Но через несколько минут крепко сложенный мастер – тот, что накалывал мотоцикл, – просунул голову через занавесь из бусин.

– Слушай, Тэ-Тэ. – Он кивнул Селлитто.

– Что?

– Мне позвонили. Можем мы сделать наколку стодолларовой купюры на шее парня?

У него был южный акцент, но Селлитто не мог определить конкретного места.

– Сотни? Да, почему бы нет?

– Не противозаконно ли воспроизводить деньги?

Гордон закатил глаза.

– Парень не влезет ни в один приемник купюр в Атлантик-Сити.

– Я просто спросил.

– Можно.

Мастер произнес в трубку: «Да, сэр, мы это сделаем», – и прервал связь. Когда он собрался уходить, Гордон сказал:

– Подожди минутку. – И обратился к Селлитто: – Эдди повидал кое-что. Есть смысл поговорить и с ним.

Детектив кивнул, и Гордон представил их друг другу.

– Эдди Бофорт – детектив Селлитто.

– Рад познакомиться.

Акцент с юга среднеатлантических штатов, решил Селлитто. У этого человека было добродушное лицо, не вязавшееся с наколками на руках – в основном изображениями диких животных.

– Детектив, полиция. Х-м.

– Расскажи Эдди то, что рассказывал мне.

Селлитто изложил ситуацию Бофорту и показал фотографию. Тот, как и Гордон, слушал с удивлением и испугом. Детектив поинтересовался:

– Слышал о ком-нибудь, кто использует тату-пистолет как оружие? С ядом или без? О ком-то из вас?

– Нет, – прошептал Бофорт, глядя на изображение. – Ни разу.

– Хорошая работа, – заметил Гордон, обращаясь к коллеге.

– Да. Человек знает свое дело. Это яд?

– Совершенно верно, – ответил Селлито.

– Как он держал ее, то есть как она оставалась неподвижной так долго? – поинтересовался Гордон.

– Накачал ее лекарствами. Но у него это не заняло много времени. Мы думаем, он набивал это слово примерно пятнадцать минут.

– Пятнадцать? – удивился Гордон.

– Это необычно?

– Необычно? – переспросил Бофорт. – Господи, приятель, я не знаю никого, кто мог бы сделать такую работу за четверть часа. Потребовался бы по меньшей мере час.

– Да, – подтвердил Гордон.

Бофорт указал подбородком на занавесь.

– Там у меня полуголый человек. Надо идти.

Селлитто кивком поблагодарил его и спросил Гордона:

– Можешь сказать хоть что-то о том, кто это сделал?

Гордон наклонился, внимательно изучил фотографию татуировки на теле Хлои Мур и нахмурился.

– Недостаточно четко. Есть более увеличенный снимок? Или более четкий?

– Можем получить.

– Я могу отправиться в участок. Давно хотел.

– Мы работаем в кабинете консультанта. У нас… Подожди.

Мобильный телефон Селлитто загудел. Он посмотрел на экран и прочел сообщение. Любопытно. Коротко ответив, повернулся к Гордону.

– Меня вызывают, но ты поезжай сюда. – Селлитто написал фамилию Райм и адрес. – Консультант живет там. Я заеду в управление, потом встретимся у него.

– Ладно. Когда?

– Чем скорее, тем лучше.

– Ладно. Слушай, хочешь «глок» или еще что-нибудь?

– Что? – наморщил лоб Селлитто.

– Наколю бесплатно. Пистолет, череп. А может, полицейский значок?

– Ни значков, ни черепов. – Селлитто ткнул пальцем в карточку с адресом в районе Центрального парка. – Нужно только, чтобы ты там появился.

– Еду.

– Врубился, чувак.

Глава 12

– Как у нас дела, новичок?

Сидя на табурете в гостиной Райма, Рон Пуласки горбился над клавиатурой компьютера, отыскивая места в городе, откуда могли появиться следы инвудского мрамора.

– Идут еле-еле. Тут не просто взрывные работы для котлованов. В городе сносят много домов. А сейчас ноябрь. Дрянная погода. Кто бы мог подумать? Я…

Зазвонил мобильный телефон. Пуласки полез в карман и вынул одноразовый аппарат.

Тайным распоряжением Часовщика была кремация. Райм приободрился при мысли, что кто-то так быстро позвонил полицейскому. О чем же будет разговор? Последовал обмен любезностями, потом Пуласки произнес: да, по поводу останков. Ричард Логан. Сейчас. Затем отошел в угол.

Райм уже ничего не слышал, но, судя по мрачному выражению лица Пуласки, этот разговор его тяготил.

Минуты через две-три Пуласки завершил беседу и стал делать беглые записи.

– И что? – спросил Райм.

– Тело Логана отправили в похоронное бюро Берковица, – ответил Пуласки.

– Это где? – Название показалось Райму знакомым.

– Неподалеку отсюда. Верхний Бродвей.

– Будет заупокойная служба?

– Нет, просто в четверг кто-то приедет забрать его пепел.

Не отводя взгляда от большого компьютерного монитора, Райм пробормотал:

– Ничего из ФБР об источниках ядов и ни слова о «втором». Хотя, думаю, особых надежд питать не следует. Кто?

Ни Пуласки, ни Купер не ответили. Сакс тоже молчала.

– Ну? – поинтересовался Райм.

– Что «ну»? – подал голос Купер.

– Я спрашиваю Пуласки. Кто приедет туда? За пеплом Логана? Ты узнал у распорядителя, кто там будет?

– Нет.

– Почему?

– Потому что, – ответил патрульный, – это показалось бы подозрительным. Согласен, Линкольн? Что, если тайный партнер Часовщика приедет отдать последний долг покойному, а распорядитель случайно упомянет, что некто интересовался, кто там будет? Таких вопросов обычно не задают…

– Хватит. Ты высказал свою мысль.

– Хорошую мысль, – заметил Купер.

Верную мысль.

Райм снова задумался о значении татуировки на теле Хлои Мур. Он сомневался, что слово «второй» было частью цитаты, которую можно найти. Может, Икс выбрал его наобум и в нем нет никакого смысла? Может, он отвлекал внимание, направляя по ложному пути?

Дым и зеркала…

Но если это действительно сообщение, каким оно может быть? Почему он разматывает свои мысли, как леску удочки?

– Не знаю, – сказал Купер.

Очевидно, Райм вслух произнес вопрос, адресованный загадочному преступнику.

– Проклятое сообщение, – пробормотал он.

Все в комнате снова посмотрели на слово.

– Анаграмма? – предположил Купер.

Райм пробежал глазами буквы. Их перестановка не дала никакого результата.

– Все же мне кажется, что в этом сообщении есть какая-то загадка. Ему не нужно играть с нами в слова. Новичок, переоденься и отправляйся в похоронное бюро. Готов?

– Конечно.

Слишком быстрый ответ, подумал Райм. Он понимал, что нежелание ехать туда не было связано с физическим риском. Даже если бы дело покойного Часовщика унаследовал один из сообщников, забиравший пепел, он не стал бы выхватывать пистолет в похоронном зале и стрелять в переодетого полицейского. Нет, молодого полицейского мучил страх не справиться с делом из-за полученной несколько лет назад травмы головы. Пуласки отлично работал на месте преступления, хорошо для не имевшего университетского диплома человека работал в лаборатории. Но когда приходилось иметь дело с людьми и принимать быстрые решения, начинались колебания и неуверенность.

– Потом поговорим о том, как одеться, как вести себя, кем представиться.

Пуласки кивнул, сунул в карман телефон, который нервно крутил в руке, и вернулся к проблеме инвудского мрамора.

Райм подкатился на кресле-каталке к смотровому столу, где лежали улики с места убийства Хлои Мур в Сохо. Потом поднял взгляд к монитору, где демонстрировались высокочеткие неприятно яркие снимки, сделанные Сакс. Он рассматривал лицо покойной, пятна слюны, открытый рот, следы рвоты, широко раскрытые остекленевшие глаза. Это выражение отражало последние секунды ее жизни. Смертельный яд, извлеченный из пятнистого болиголова, вызывал сильные эпилептические припадки и мучительные боли в животе.

«Почему яд?» – снова задался вопросом Райм. И почему тату-пистолет для введения его в тело?

– Черт, – пробормотала Сакс, отодвигаясь от своего рабочего места. Она помогала Пуласки искать информацию о взрывах промышленного значения. – Компьютер снова завис. Дважды прекращал работу за последние двадцать минут. Совсем как раньше телефоны.

– Не только здесь, – сказал Том. – Так по всему городу – время медленной загрузки. Сущее наказание. То же самое происходит примерно в десяти кварталах.

– Замечательно, – отрывисто произнес Райм. – Только этого нам и не хватало.

В настоящее время невозможно вести расследование преступления без компьютеров, не имея доступа ни к департаменту автотранспорта, ни к засекреченным базам данных полиции и Агентства национальной безопасности, ни к Гуглу. Если поток информации прекратился, работа останавливается. А до этого ты даже не думал о том, как зависишь от этих невидимых битов и байтов.

– Порядок, снова работает, – объявила Сакс.

Но беспокойство по поводу Всемирной паутины отошло на второй план, когда Лон Селлитто ворвался в гостиную Райма, на ходу снимая пальто. Бросив его на кресло, он положил сверху перчатки и что-то достал из портфеля.

Райм, хмурясь, смотрел на него.

Селлитто виновато сказал:

– Линк, я подотру этот чертов пол.

– Я и не думаю о поле. С какой стати мне о нем думать? Я хочу знать, что у тебя в руке.

Селлитто утер пот. На его внутренний термометр, очевидно, не действовал самый холодный и отвратительный за последние двадцать пять лет ноябрь.

– Прежде всего, я нашел татуировщика, который готов нам помочь. Он едет сюда. Если нет, тем хуже для него. Тэ– Тэ. Гордон. Видел бы ты его усы.

– Лон!

– А теперь вот что. – Селлитто поднял книгу. – Ребята в управлении выяснили, откуда этот клочок бумаги.

Сердце Райма учащенно забилось – большинство людей ощутило бы это в груди, но у него, разумеется, это проявилось учащением пульса в шее и голове – единственных сохранивших чувственность частях тела.

да

его величайшим даром была способность предвидеть

– Лон, как они это сделали? – спросила Сакс.

Селлитто продолжал:

– Ты знаешь Марти Белсона из отдела расследования тяжких преступлений?

– Да, он настоящий мудрец.

– Именно. Он любит головоломки. Разбирает судоку во сне. – Селлитто повернулся к Райму: – Расследует главным образом финансовые преступления. Так или иначе, он выяснил, что большие буквы являются частью заглавия. Ты знаешь, что фамилия автора печатается вверху одной страницы, а заглавие – противоположной.

– Знаю. Продолжай.

– Он стал работать со словами, оканчивающимися на «да».

Райм перебил его:

– На оборотной стороне листа было слово «тело». Мы думали, что это книга о преступлениях. Учитывая обстоятельства, возможно, это название «Вражда».

– Нет. Города. Полное заглавие – «Серийные города». Эта книга была в кратком списке из шести, выдвинутых на премию. Марти звонил самым крупным издателям в городе – их теперь стало меньше – и зачитывал список. Один из редакторов узнал эту книгу. Сказал, что его компания давно ее выпустила. «Серийные города». Теперь она распродана, но он даже вспомнил, в какой главе эти слова. В седьмой. Прислал нам экземпляр этой книги с курьером.

– Превосходно! А о чем эта глава? – спросил Райм.

Селлитто снова утер пот.

– О тебе, Линк. Там все о тебе.

Глава 13

– И о тебе, Амелия, тоже.

Селлитто раскрыл книгу. Райм увидел полное заглавие: «Серийные города: знаменитые убийцы от побережья до побережья».

– Позволь мне высказать догадку. Книга о том, что в каждом большом городе был серийный убийца.

– Бостонский душитель, Чарльз Мэнсон в Лос-Анджелесе, Рэндалл Вудфилд в Сиэтле.

– Дрянная журналистика. Мэнсон не был серийным убийцей.

– Думаю, читателям все равно.

– И мы попали в эту книгу? – уточнила Сакс.

– Седьмая глава называется «Собиратель Костей».

Благодаря вниманию прессы и беллетристике это было широко известное прозвище серийного похитителя, который стал кошмаром Райма и полицейского управления несколько лет назад, пряча свои жертвы в таких местах, где они умирали, если Линкольн не мог вовремя понять, где они находятся.

Кого-то спасли, кого-то нет. Дело это было значительным по нескольким причинам: оно вернуло Райма из числа мертвых – почти в буквальном смысле. Он собирался покончить самоубийством – так был подавлен своим параличом, но после интеллектуальной борьбы с блестящим убийцей решил еще пожить на свете.

Еще это дело свело вместе Райма и Сакс.

– И мы не в первой главе? – пробормотал Райм.

Селлитто пожал плечами:

– К сожалению, Линк.

– Но это Нью-Йорк.

А это я, невольно подумал Райм.

– Можно посмотреть? – спросила Сакс. Она открыла главу и стала быстро читать.

– Короткая глава, – заметил Райм, еще более раздраженный. – Поиски Бостонского душителя заняли больше страниц?

– Знаешь, – заговорила Сакс, – не так давно я разговаривала с одним писателем. Он сказал, что работает над книгой, и пригласил меня выпить кофе, чтобы выяснить подробности, которых не было в прессе и в официальном сообщении. – Она улыбнулась. – Кажется, Райм, он звонил и тебе, но ты накричал на него и швырнул трубку.

– Не помню, – проворчал Рейм. – Журналистика. Какой в ней смысл?

– Ты написал это, – заметил Пуласки, указав на полку, где стояла документальная книга Райма о знаменитых местах преступления Нью-Йорка.

– Написал для забавы. Я не посвящаю жизнь скармливанию жутких историй кровожадной публике.

Хотя, пожалуй, следовало добавить жути, подумал он. Несколько лет назад часть тиража книги «Места преступления» осталась нераспроданной.

– Самый важный вопрос заключается в том, что заинтересовало Икса Пять-Одиннадцать в деле Собирателя Костей. – Линкольн указал подбородком на книгу. – Что содержится в главе обо мне? Есть там основная мысль? Или автор преследует свои корыстные цели?

Да и какого объема эта глава? Всего десять страниц… Райм возмутился еще больше. Сакс продолжала наскоро просматривать главу.

– Не беспокойся. Ты выглядишь здесь хорошо. Должна сказать, я тоже… Это главным образом описание похищений и методов расследования. – Она перелистнула несколько страниц. – Много процедурных подробностей работы на месте преступления. Несколько подстрочных примечаний. Одно длинное, о твоем состоянии.

– О, должно быть, это поистине захватывающее чтение.

– Другое – о политике, замешанной в этом деле. – Сакс оказалась в затруднительном положении, закончив перечисление улик, приведших к конфликту с Олбани. – И еще одно примечание – о матери Пам, – добавила она.

Собиратель Костей похитил девочку по имени Памела Уиллоуби и ее мать. Райм и Сакс спасли их – однако мать оказалась не невинной жертвой. Узнав это, Сакс и Райм занялись активными поисками ребенка. Несколько лет назад ее удалось найти. Сейчас Пам было уже девятнадцать лет, она училась в колледже и работала в Нью-Йорке. Она стала, в сущности, младшей сестрой Сакс.

Амелия дочитала главу до конца.

– Автор больше всего озабочен психологией преступника: почему он так интересовался костями?

Преступник похищал человеческие кости и украшал их резьбой, шлифовал наждачной бумагой, полировал. Очевидно, его одержимость стала следствием того, что в прошлом он понес утрату, лишился тех, кого любил, и теперь находил подсознательное утешение в постоянстве костей. Его преступления были местью за эту утрату.

Райм сказал:

– Думаю, прежде всего нужно выяснить, связан ли наш Икс с Собирателем Костей. Просмотри файлы. Выясни, кто члены семьи преступника, где они живут, чем занимаются.

Потребовалось время, чтобы найти эти файлы – официальные сообщения и свидетельские показания находились в архиве полицейского управления. Дело было давним. У Райма имелись кое-какие материалы в компьютере, но текстовые процессоры были несовместимы с его новой системой. Некоторые сведения содержались на дисках диаметром три с половиной дюйма, которые Том отыскал в подвале, – старых, поскольку коробки были густо покрыты пылью.

– Что это? – спросил Пуласки, представитель поколения, измеряющего информацию в гигабайтах.

– Гибкие диски, – ответил Селлитто.

– Слышал о них, но ни разу не видел.

– Кроме шуток? А знаешь, Рон, существовали еще большие, круглые, черные виниловые диски, на которые записывали музыку. Да, новичок, и мы жарили свои бифштексы из мастодонтов на настоящем огне. Микроволновок тогда не было.

– Ха!

Диски оказались бесполезными, но Том ухитрился найти в подвале и распечатки досье. Райм и остальные смогли составить из обрывочных сведений биографию Собирателя Костей и установить с помощью Интернета, что у преступника тогда не было живых родственников, во всяком случае, близких.

Райм подумал: «И я знаю, почему у него не было семьи».

Сакс поймала его беспокойный взгляд и ободряюще кивнула. Райм никак не отреагировал.

– Что с уцелевшими?

Последовали новые поиски в Интернете и новые телефонные звонки.

Выяснилось, что никого из жертв Собирателя Костей, за исключением Пам, не осталось в живых или, по крайней мере, нет среди жителей Нью-Йорка.

– Так, похоже, с делом Собирателя Костей прямой связи нет, – заключил Райм. – Пусть месть и блюдо, которое подают холодным, но все же прошло слишком много времени, чтобы сводить с нами счеты.

– Давай поговорим с Терри, – предложила Сакс.

Терри Добинс был главным психологом полицейского управления. Он сформулировал теорию, согласно которой одержимость Собирателя Костей коренилась в их постоянстве и отражала какую-то утрату в прошлом преступника.

Кроме того, Добинс был врачом, который больше всех помог Райму после несчастного случая несколько лет назад. Он отказался принять решение об уходе Райма из жизни и его мысли о самоубийстве, помог ему приспособиться к жизни в мире калек. И не допускал никакой ерунды типа: «Как ты теперь себя чувствуешь?» Добинс знал, как чувствуют себя в таких случаях, и вел разговоры так, что на душе становилось легче, хотя и не уклонялся от правды, признавал, что иногда жизнь бывает жестокой.

Доктор, вне всяких сомнений, был умным человеком. И талантливым психологом. Но предложение Сакс привлечь его к расследованию имело совсем другую причину: она хотела получить психологический профиль Икса 5-11, а составление подобного профиля представляет собой искусство – не науку, заметьте, – которое Райм находил в лучшем случае сомнительным.

– Зачем его беспокоить? – спросил он.

– Чтобы расставить…

– Сакс, пожалуйста, без речевых штампов.

– … точки над i.

Селлитто встал на ее сторону.

– Линк, чему это может помешать?

– Это отнимет время от занятия полезным делом – анализом улик. Вот чему, Лон.

– Анализируй, – ответил Селлитто. – Звонить Терри будем мы с Амелией. Тебе даже не надо слушать. Смотри, наш Икс основательно потрудился, чтобы добраться до книги, где говорится о Собирателе Костей. Я хочу знать почему.

– Ладно, – сдался Райм.

Селлитто позвонил и, когда Добинс ответил, нажал кнопку на своем мобильнике.

– Терри, я включил громкую связь. Это Лон. Я здесь с Линкольном и еще кое с кем. У нас появилось дело, и нам хотелось бы задать тебе несколько вопросов.

– Давно не общались, – прозвучал спокойный баритон доктора. – Как дела, Лон?

– Нормально.

– А у Линкольна?

– Превосходно, – пробормотал Райм и снова обратил взгляд на карту обнаружения улик: инвудский мрамор с места взрывных работ. Этим он интересовался гораздо больше, чем ненадежными психологическими догадками. Алхимией…

– Здесь еще Амелия, – продолжал Селлитто. – И Рон Пуласки с Мелом Купером.

– Насколько я понимаю, у вас дело с татуировкой. Я видел это по телевизору.

Хотя прессе не сообщали тонкостей дела Икса 5-11, журналисты обращались во все правоохранительные органы с вопросом о совпадении методов действий преступников, хотя утвердительных ответов не получали.

– Совершенно верно. Произошло событие, и мы хотим знать, что ты скажешь.

– Я весь внимание.

Райм должен был признать, что нашел интонации Добинса успокаивающими. Он представил себе жилистого, седовласого доктора, улыбка которого была такой же успокаивающей, как и его голос. Собеседника он слушал внимательно, словно тот был для него центром вселенной.

Сакс сообщила, что преступник вырезал из книги главу о Собирателе Костей и она была у него при себе во время преступления. Добавила, что прямой связи с делом Собирателя не было, но преступник, видимо, изрядно потрудился, чтобы найти экземпляр этой книги.

– И он оставил сообщение, – добавил Лон Селлитто, после чего рассказал о слове «второй», наколотом древнеанглийским шрифтом.

После недолгого молчания доктор заговорил:

– Так вот, первое, что я подумал, как, видимо, и вы, что он серийный убийца. Часть сообщения означает, что последует продолжение. И потом, его интерес к Собирателю Костей, серийному похитителю.

– Мы считаем, что он будет продолжать охоту, – сказал Селлитто.

– У вас есть какие-то нити?

Сакс ответила:

– Описание – белый мужчина, худощавый. Несколько подробностей о ядах, которые он использовал, и о том, который, видимо, намерен использовать.

– А жертва белая женщина?

– Да.

– Подходит под образец серийного убийцы.

Большинство таких убийц выбирают жертвами людей своей расы.

Сакс продолжала:

– Он обездвижил ее пропофолом. Так что, может, у него есть медицинское образование.

– Как и у Собирателя Костей, – вставил Добинс.

– Совершенно верно, – сказал Райм, переведя взгляд от улик к телефону. – Я об этом не подумал. – Его внимание к психологу значительно усилилось.

– Сексуальный компонент?

– Отсутствует, – сказал Селлитто.

Сакс добавила:

– Она умерла не сразу. Возможно, он стоял там, наблюдал. И, возможно, наслаждался этим зрелищем.

– Садистски наслаждался, – заметил Рон Пуласки.

– Кто это? – поинтересовался Добинс.

– Рон Пуласки, патрульный. Я работаю с Линкольном и Амелией.

– Привет, патрульный. Собственно говоря, я не вижу здесь садизма. Садизм бывает только в сексуальном контексте. Если ему нравится причинять боль ради боли, то его диагноз, видимо, – антисоциальная личность.

– Да, сэр.

Пуласки покраснел, но, казалось, не из-за возражения Добинса, а из-за свирепого взгляда Райма, которым тот отреагировал на его вмешательство.

Добинс заговорил:

– На первый взгляд, он вполне организованный преступник и будет тщательно планировать свои нападения. Еще скажу, что существуют две возможные причины интереса вашего Икса к Собирателю Костей и к тебе, Линкольн. К Амелии тоже, имейте в виду. Одна – на него повлияли преступления Собирателя Костей десять лет назад. Я имею в виду – он мог быть эмоционально затронут.

– Даже если он не имел к ним прямого отношения? – спросил Райм, забыв, что собирался не обращать внимания на выводы доктора.

– Да. Вы не знаете точно его возраста, но, возможно, он был тогда совсем юным – самое время, когда сообщение о серийном убийстве могло на него воздействовать. А сообщение? Так вот, Собиратель Костей, насколько я помню, действовал только из мести.

– Совершенно верно.

Селлитто спросил:

– Док, какого рода месть может быть у нашего Икса? Из-за погибшего члена семьи? Из-за какой-то личной утраты?

– Собственно говоря, тут может быть что угодно. Может, он понес утрату, пережил трагедию, за которую винит кого-то или что-то – компанию, организацию, учреждение. Эта утрата могла произойти, когда история Собирателя Костей появилась в прессе, и он зажегся мыслью о возмездии, как Собиратель. Он не расставался с этой мыслью. Это одно объяснение тому, почему это убийство повторяет нападения, совершенные десять лет назад, – некоторые из тех преступлений тоже были совершены под землей, так ведь?

– Совершенно верно, – подтвердил Райм.

– И у вашего Икса есть нездоровый интерес к морфологии человеческого тела. Кожи, в данном случае.

Сакс добавила:

– Да, я нашла признаки того, что он касался жертвы в разных местах – не с сексуальными намерениями. И, насколько я видела, там не было никакой связи с татуировкой. Я подумала, что это доставляло ему какое-то удовлетворение.

Доктор продолжал:

– Итак, первой причиной может быть интерес к Собирателю Костей: психологическая связь с ним. – Он издал смешок. – Подозреваю, Линкольн, эту догадку ты оценишь невысоко. – Добинс знал недоверие Райма к тому, что криминалисты именуют «домыслами». – Но это может быть указанием на то, что он тоже хочет мести.

Райм сказал:

– Принято к сведению, доктор. Мы внесем эту в нашу таблицу улик.

– Думаю, ты больше заинтересуешься второй причиной его интереса к этой главе. Каким бы ни был его мотив – месть, убийство ради удовольствия или отвлечение твоего внимания, чтобы иметь возможность ограбить Федеральный резерв, – он знает, что ты займешься его розыском, и хочет узнать как можно больше о тебе, о твоей тактике, твоем образе мышления. Как именно ты выслеживаешь серийного преступника. Чтобы не совершать тех же ошибок. Хочет знать твои слабости. Твои и Амелии.

В этом Райм увидел больше смысла. Он кивнул Сакс, и та сказала доктору:

– Эта книга практически представляет собой руководство к тому, как, используя криминалистику, поймать серийного преступника. И по осмотру места преступления ясно, что он уделял особое внимание уничтожению улик.

Пуласки спросил:

– Доктор, есть какие-то соображения о выборе жертвы? Между ними раньше не было никаких контактов, во всяком случае мы ничего не смогли обнаружить.

И он кратко пересказал биографию Хлои Мур.

– Видимо, это случайность, – заметила Сакс.

– Вспомните, настоящие жертвы у Собирателя Костей были другими: власти Нью-Йорка, полиция, ты, Линкольн. По-моему, выбор жертвы вашим Иксом объясняется доступностью и удобством – местом и временем, чтобы нанести татуировку без помех… Потом, думаю, имеет место фактор страха.

– То есть? – осведомился Селлитто.

– У него была другая задача помимо убийства – определенно не с целью ограбления и не с сексуальной. Возможно, убийство служило его цели заставить нервничать весь город. Все в Нью-Йорке стали бы как следует думать перед тем, как идти в подвал, в гараж, прачечную, пользоваться задней дверью своей конторы или жилища. Вот еще несколько соображений. Во-первых, если он действительно находится под влиянием Собирателя Костей, то решил сделать объектами нападения лично тебя, Линкольн, и Амелию. Собственно, вы все можете находиться в опасности. Во-вторых, он явно вполне сознательный преступник, как я уже сказал. Это означает, что он заранее проверяет своих жертв или, по крайней мере, места убийства.

– Мы тоже исходим из этого предположения, – сообщил Райм.

– Правильно. И, наконец, будь он в полной мере подражателем, то сосредоточился бы на костях жертвы. Но он одержим кожей. Она важна для его цели. Он легко мог бы вводить шприцем яд жертвам или заставлять их выпить его. Или пускать в ход нож или пистолет. Но он не делает этого. Он явно профессиональный татуировщик, поэтому всякий раз оставляет свой узор на теле, обходится с чужой кожей, как с принадлежащей ему.

– Собиратель Кожи, – вставил Пуласки.

– Совершенно верно. Если сможете выяснить, почему он так увлечен кожей, это будет ключом к пониманию дела. – Райм услышал в кабинете доктора другой голос, невнятный. – О, вам придется меня извинить. Мне нужно идти на совещание.

– Спасибо, доктор, – поблагодарила Сакс.

Когда связь прервалась, Райм велел Пуласки занести замечания Добинса в таблицу.

Пустая болтовня, но, нехотя признал Райм, может оказаться полезной. Вслух же он сказал:

– Нужно поговорить с Пам. Выяснить, обращался ли к ней кто-нибудь по поводу Собирателя Костей.

Сакс кивнула.

– Неплохая мысль.

Пам уже ушла от приемных родителей и жила самостоятельно в Бруклине, неподалеку от квартиры Сакс. Казалось невероятным, чтобы Икс мог о ней знать. Пам была ребенком, когда Собиратель Костей совершал похищения, ее имя ни разу не появлялось в прессе. И в «Серийных городах» тоже не упоминалось.

Сакс позвонила девушке и оставила сообщение с просьбой приехать к Райму. Нужно было кое-что обсудить.

– Пуласки, – позвал Райм, – продолжай заниматься мрамором. Я хочу выяснить, откуда взялась мраморная пыль.

Раздался звонок в дверь. Том вышел, чтобы открыть.

Через минуту он вернулся в сопровождении жилистого человека тридцати с небольшим лет с обветренным, морщинистым лицом и длинным, светлым «конским хвостом». У гостя была также самая экстравагантная борода, какую Райм только видел. Его позабавила разница между этими двумя, стоящими перед ним. Том был в стильных черных брюках, пастельно-желтой рубашке и галстуке цвета ржавчины. На госте был безукоризненный смокинг, слишком тонкий для непогоды, отглаженные черные джинсы и пуловер с изображением красного паука. Коричневые ботинки блестели, как стол из красного дерева. Единственной общей чертой у них являлась худоба, однако Том был на полфута выше.

– Должно быть, ты Тэ-Тэ. Гордон, – заметил Райм.

– Да. А ты тот самый чувак в кресле-каталке.

Глава 14

Райм рассматривал причудливую бороду, стальные шпильки в ушах и бровях гостя.

На тыльной стороне кистей рук Гордона были видны части татуировок; другие части были скрыты под рукавами пуловера. Райму показалось, что он разобрал на правом запястье надпись «УДАР!».

Он не стал судить об этом человеке по внешности. Линкольн давно оставил порочную практику отождествлять сущность человека с его внешним обликом. Причиной этого образа мыслей послужило физическое состояние Райма.

Он подумал лишь: очень ли болезненным было прокалывание? Для Райма это имело значение: в бровях и ушах он мог ощущать боль. Другой его мыслью было: если бы преступление совершил Т.Т. Гордон, его бы сразу опознали.

Гордон кивнул Селлитто, Лон ответил тем же.

– Я сказал «в кресле-каталке»? Это не так глупо, как кажется, – улыбнулся Гордон, оглядывая всех в гостиной. Наконец он повернулся к Райму. – Я имел в виду: «Так это тот знаменитый чувак в кресле-каталке!» Когда он, – Гордон указал подбородком на Селлитто, – пришел в мою студию, он представил тебя консультантом. О тебе пишут в газетах. Я видел тебя в телевизоре. Почему не выступаешь в шоу Нэнси Грейс? Было бы очень клево. Смотришь эту передачу?

Это естественная болтовня, решил Райм, а не нежелание иметь дело с калекой. Инвалидность казалась Гордону просто одним из признаков Райма, как темные волосы, мясистый нос, пристальный взгляд или подстриженные ногти. Опознавательный признак, ничего более.

Гордон приветствовал остальных – Сакс, Купера и Пуласки. Потом оглядел комнату, отделку которой Райм однажды описал как «хьюлетт-паккард с элементами викторианской эпохи».

– Хм. Хорошо. Клево.

– Спасибо, что приехал помочь нам, – сказал Амелия.

– Не за что. Я хочу наказать того типа. Что он делает? Это скверно для тех, кто зарабатывает на жизнь модом.

– Что такое «мод»? – спросила Сакс.

– Модификация тела. Татуировка, пирсинг, каттинг. – Он похлопал по шпильке в ухе. – Что угодно. Модификация охватывает весь диапазон. – Гордон нахмурился. – Что такое диапазон, я толком не знаю.

– Лон говорит, у тебя большие связи в тату-сообществе, – произнес Райм, – и ты не представляешь, кто это может быть.

Гордон подтвердил, что это так.

Селлитто добавил, что Гордон осмотрел фотографию татуировки жертвы, но ему нужно лучшее изображение: отпечаток был нечетким.

– Я выведу файлы в формате «неф», – предложил Купер, – и сохраню их увеличенными в формате «тиф».

Райм не понял, о чем речь. Когда он сам работал на месте преступления, то использовал тридцатипятимиллиметровую пленку, которую требовалось проявлять и делать отпечатки в темной комнате. Тогда был важен каждый кадр. А теперь? Щелкаешь что попало и потом отбираешь нужное.

Купер сказал:

– Я отправлю их в компьютер «Эн-видиа» – у него большой экран.

– Как знаешь, чувак. Лишь бы было четко.

Пуласки спросил:

– Ты видел фильм «Большой Лебовски»?

– Да ну тебя. – Гордон усмехнулся и ткнул кулаком в сторону Пуласки. Новичок ответил тем же.

Снимки появились на самом большом мониторе в комнате. Это были очень четкие изображения татуировки на животе Хлои Мур. Т.Т. Гордон потрясенно замолчал при виде истерзанной кожи.

– Хуже, чем я думал, отравление и все прочее. Будто он создал свою горячую зону.

– Что это такое?

Гордон объяснил, что тату-студии разделены на зоны, горячую и холодную. В холодной нет риска заражения от крови другого клиента. Нет нестерилизованных игл, деталей машинки или кресел. В горячей, ясное дело, наоборот, там тату-машинки и иглы загрязнены кровью и телесными жидкостями клиентов.

– Мы делаем все возможное, чтобы клиенты не соприкасались. Но здесь этот чувак совершил обратное – намеренно заразил, то есть отравил ее. Это гнусность.

Затем татуировщик пришел в аналитическое настроение, и Райм счел это ободряющим знаком. Гордон посмотрел на компьютер.

– Можно мне?

– Конечно, – ответил Купер.

Татуировщик застучал по клавиатуре, просматривая изображения и увеличивая некоторые из них.

Райм спросил:

– Тэ-Тэ, слово «второй» имеет какой-то смысл в мире тату?

– Нет. Никакого известного мне смысла, а я делаю татуировки уже почти двадцать лет. Наверно, оно что-то значит для чувака, который убил ее. Или, может, для жертвы.

– Возможно, для преступника, – предположила Амелия Сакс. – Нет никаких свидетельств, что он знал Хлою до того, как убить ее.

– О, ее звали Хлоей, – произнес Гордон мягко и коснулся своей бороды. Потом снова стал просматривать изображения. – Знаете, клиенты почти никогда не выбирают для модификации фразу или отрывок. Иногда я набиваю стихи, которые они написали. Знаете, такие, что большей частью вызывают отвращение. Обычно, если кто-то хочет текст, это отрывок из какой-то любимой книги. Из Библии. Или известная цитата. Или поговорка. «Свобода или смерть». «Рожден побеждать». В таком духе. – Он нахмурился. – Хм, так…

– Что?

– Может быть, это разделитель?

– А что это? – спросил Райм.

– Некоторые клиенты разделяют свои модификации. Половина слова на одной руке, половина на другой. Иногда одна часть татуировки наносится на свое тело, другая – на тело парня или подружки.

– Зачем? – поинтересовался Пуласки.

– Зачем? – Казалось, этот вопрос вызвал у Гордона недоумение. – Татуировки соединяют людей. Это одна из целей тату. Даже если у тебя уникальная наколка, ты все равно принадлежишь к миру татуированных. У вас есть что-то общее. Это соединяет вас, понимаешь, чувак?

– Похоже, ты основательно размышлял обо всем этом, – заметила Сакс.

Гордон засмеялся.

– О, я бы мог быть психиатром, поверь.

– Фрейд, – вставил Селлитто.

– Чувак, – ответил Гордон с усмешкой и опять ткнул кулаком в его сторону. Селлитто промолчал.

Сакс спросила:

– А вы можете сказать нам о нем что-то конкретное?

Селлитто добавил:

– Мы не будем ссылаться на тебя. Или вызывать свидетелем. Мы просто хотим знать, кто этот тип. Проникнуть в его образ мыслей.

Гордон, глядя на компьютер, колебался.

– Что ж, ладно. Прежде всего, он одарен от природы как художник, не просто ремесленник. Многие татуировщики умеют только колоть. Накладывают трафарет, сделанный кем-то, и работают по нему. Но здесь, – он указал подбородком на изображение, – нет следов трафарета. Он использовал линию крови.

– Что это такое? – осведомился Райм.

– Большинство художников, если они не пользуются трафаретами, первым делом наносят на кожу контур изображения. Кое-кто рисует от руки пером и растворимой в воде краской. Но следов краски здесь нет. Ваш человек не делал этого. Он просто включил машинку и наносил контур иглой, поэтому вместо краски у вас линия крови, это внешний периметр изображения. Но так делают только самые лучшие тату-художники.

Пуласки спросил:

– Значит, он профессионал?

– Да, этот чувак должен быть профессионалом. Как я говорил ему. – Он вновь указал подбородком на Селлитто. – Или был в прошлом. Его уровень мастерства? Он мог бы в любое время открыть свою студию. И, может быть, он настоящий художник – я имею в виду с красками, пером, кистью и всем прочим. И, думаю, не здешний. Иначе я бы слышал о нем. И не из соседних штатов. Сделал надпись за пятнадцать минут? Это же молниеносно. Он бы приобрел известность. А теперь взгляните на шрифт.

Все взгляды обратились к экрану.

– Это древнеанглийский или разновидность готического. Такой здесь не часто встретишь. Наверно, у него сельские корни: деревенщина, пентюх. С другой стороны, возможно, утвердившийся в вере, честный. Но определенно сельский парень.

– Об этом можно судить по шрифту? – спросила Сакс.

– Да. Послушайте, если кто-то хочет наколоть слова, то выбирает рукописный шрифт или толстый гротесковый. Во всяком случае, сейчас это так. Знаете, уже несколько лет все хотят этот нелепый язык элвиш.

– Элвиса Пресли? – спросил Селлитто.

– Нет, элвиш из «Властелина колец».

– Значит, сельский, – подытожил Райм. – Из какого-то конкретного региона?

– Нет. Есть городская татуировка и сельская. Могу только сказать, что эта похожа на сельскую. Теперь посмотрите на обрамление. Фестоны. Метод надрезов. Официально называется «рубцевание». Это существенно. – Гордон поднял взгляд и постучал пальцем по фестонам, окружавшим слово «второй». – Характерно, что обычно люди шрамами привлекают внимание к изображению. Этому чуваку было важно сделать надпись более бросающейся в глаза. Проще было бы наколоть окаймление. Но нет, ему требовалось рубцевание. Думаю, этому есть какая-то причина. Не могу представить, какая. Но она есть. Теперь еще вот что. Я думал об этом. И привез кое-что. – Гордон полез в сумку и вынул из нее пластиковый пакет с металлическими деталями. Райм узнал прозрачный контейнер, в каком хирургические и криминалистические инструменты стерилизуются в автоклаве. – Это части тату-машинки – кстати, они не называются пистолетами. – Гордон улыбнулся. – Что бы вы ни слышали по телевидению. – Он достал из кармана маленький складной нож и разрезал пакет. Быстро собрал тату-пистолет – точнее, машинку. – Вот так она выглядит в собранном

виде и готовая к работе. – Мастер-татуировщик подошел к остальным. – Вот катушка, которая двигает иглы вверх-вниз. Это трубка для краски, вот сама игла, видно только ее острие.

Райм увидел очень маленький кончик.

– Иглы должны входить в дерму – слой кожи под самым верхним.

– То есть под эпидермой, – уточнил Райм.

Кивнув, Гордон разобрал машинку, вынул иглу и показал ее всем. Она походила на тонкий шампур для кебаба, была длиной около трех дюймов, с кольцом на одном конце. На другом торчали крохотные металлические жала, спаянные или сваренные вместе.

– Видите, как они соединяются в форме звезды? Я их делаю сам. Как и большинство серьезных мастеров. Но нам приходится покупать болванки и соединять их. Есть два типа игл: для обрисовки контура изображения и для заполнения или затемнения. Этому чуваку требовалось быстро ввести много яда в ее тело. Значит, после создания линии крови ему требовались иглы для заполнения. Но эти, думаю, не годятся. Не входят на нужную глубину. А вот эти войдут. – Гордон снова полез в сумку и достал пластиковую баночку. Вынул из нее два металлических прутика, похожих на иглы, но длиннее. – Они от старой роторной машинки – новые, как моя, двухкольцевые выбрационные модели. У него была портативная машинка?

– Должно быть. Источников электричества там нет, – ответила Сакс.

Пуласки сказал:

– Я искал портативные пистолеты… машинки. Но их много разных.

Гордон на минутку задумался. Потом заговорил:

– Наверно, у него была модель «Американ игл». Старая. Одна из первых, работающих на аккумуляторах. Тогда в татуировке не использовали научные знания. Мастер мог регулировать длину игл. Мог сделать их входящими глубоко. Я поищу кого-нибудь, у кого есть «игл».

– Они продаются? – спросил Селлитто. – В специальных магазинах?

– Я не видел ни одной. Их больше не выпускают. Думаю, можно заказать по Интернету. Это единственный способ найти их.

– Нет, он не станет ничего покупать таким способом, покупку легко проследить, – возразил Райм. – Видимо, приобрел ее там, где живет. Или, может, она у него давно либо досталась по наследству.

– Иглы другое дело. Можно найти человека, который продает иглы для таких машинок. Каждый, кто недавно покупал их, может быть он.

– Что ты сказал? – переспросил Райм.

– Что сказал? – Гордон нахмурился. – Когда, сейчас? Тот, кто покупал иглы для машинки «Американ игл», может быть этим преступником. Ты так не говоришь? В сериале «Морская полиция» говорят.

Криминалист засмеялся.

– Нет. Я обратил внимание на употребление местоимения. На именительный падеж. – Райм заметил, что Пуласки закатил глаза.

– Ах, это? «Он»? – Гордон пожал плечами. – Я не особенно... успешно учился в школе. Думал, я скажу «хорошо»? Два года в «Хантере», но мне стало скучно, понимаешь? Но когда начал колоть, я прочел много текстов. Библейские стихи, отрывки из книг, поэмы. Учился у знаменитых авторов. Правописанию, грамматике. Знаешь, чувак, это было интересно. Шрифты тоже. Отрывок, напечатанный одним шрифтом, производит не то впечатление, когда напечатан другим. Иногда приходили женатые пары и хотели выколоть супружеские обеты на руках или лодыжках. Или дрянной любовный стишок, который сами сочинили, как я уже сказал. Я говорил: «Ладно, чуваки, уверены, что вам хочется прожить жизнь с надписью «Джимми я люблю тебя ты мое сердце на всегда» на бицепсах? «Джимми» без запятой, после *тебя* ни запятой, ни точки. *На всегда* в два слова». Они отвечают «да». И все-таки я исправлял ошибки, когда колол. У них будут дети, им придется ходить на родительские собрания, встречаться с учителями английского языка. Не закрашивать же эти надписи, правда?

– А срезать и выводить их было бы очень больно, – пошутил Пуласки, вызвав улыбки. У всех, кроме Гордона.

– О, существует вариант скарификации, когда люди срезают лоскуты кожи со своего тела.

Райм услышал щелчок засова и звук открывающейся парадной двери – или, точнее, вой ветра и плеск дождя со снегом. Дверь закрылась. После этого раздался звук шагов и негромкий, беззаботный смех. Он понял, кто пришел, и метнул взгляд на Сакс. Та быстро поднялась, повернула белую

доску с фотографиями места убийства Хлои Мур и выключила экраны высокой четкости с изображениями, которые изучал Т.Т. Гордон.

Через несколько секунд в комнату вошла Пам Уиллоуби. Хорошенькая, стройная, девятнадцатилетняя, в коричневом пальто, отделанном искусственным мехом. С длинными темными волосами, забранными под вязаную бордовую шапочку с помпоном. Ее верхняя одежда была в мокрых пятнах от дождя или быстро тающего снега. Она приветственно помахала всем присутствующим.

Ее сопровождал кавалер, Сет Макгуин, привлекательный темноволосый мужчина лет двадцати пяти. Пам представила его Пуласки и Мелу Куперу, с которыми он не был знаком.

Сет захлопал темно-карими глазами, такими же, как у Пам, при виде Т.Т. Гордона, который любезно поздоровался с парой. Пам отреагировала аналогичным образом. Райм видел атлетически сложенного Сета в майке и шортах, когда он и Пам приходили в парк несколько недель назад, и обратил внимание, что у него нет татуировок. У Пам их тоже не было, во всяком случае, на виду. Теперь же молодая пара безуспешно пыталась скрыть удивление при виде необычного гостя Райма.

Пам высвободилась из руки Сета, чмокнула Райма в щеку и обняла Тома. Сет обменялся со всеми рукопожатием.

Т.Т. Гордон спросил, нужна ли еще его помощь в этом деле. Селлитто посмотрел на остальных и, когда Райм покачал головой, ответил:

– Спасибо, что приехал. Мы очень признательны.

– Я буду обращать внимание на всякие странности. В сообществе. Понимаете, о чем я? Пока, чуваки. – Гордон собрал вещи, надел свой слишком тонкий пиджак и направился к двери.

Сет и Пам с улыбкой посмотрели ему вслед.

Сакс сказала:

– Привет, Пам. Кажется, Сету не хватает усов.

Чисто выбритый молодой человек кивнул и нахмурился.

– Черт возьми, я могу его переплюнуть. Я мог бы отрастить косы.

Пам возразила:

– Нет, сделай пирсинг. Тогда мы сможем меняться серьгами.

Сет заявил, что ему нужно идти, иначе он опоздает в рекламное агентство, и поцеловал Пам – сдержанно, словно Райм и Сакс были ее родителями. Потом кивнул остальным на прощанье. У арки он оглянулся и напомнил Сакс и Райму, что его родители хотят в ближайшее время пообедать или поужинать с ними. Райм обычно избегал таких встреч, но, поскольку Пам была, в сущности, родственницей, согласился поехать. И напомнил себе, что нужно с улыбкой выносить шутки и обыденные разговоры.

– На будущей неделе? – предложил Райм.

– Отлично. Папа возвращается из Гонконга. – Сет добавил, что его отец приобрел книгу Райма о местах преступления в Нью-Йорке. – Есть надежда на автограф?

Недавняя операция, перенесенная Раймом, улучшила его состояние настолько, что он мог написать свое имя – не так четко, как до несчастного случая, но не хуже, чем любой врач, выписывающий рецепт.

– Буду рад.

Когда Сет ушел, Пам сняла пальто и шапочку, положила их на стул и спросила у Сакс:

– Итак, что значило твое сообщение? Что случилось?

Детектив указала подбородком на комнату с другой стороны коридора и сказала:

– Давай пойдем туда.

Глава 15

– Теперь, – начала Сакс, – слушай. Я думаю, что беспокоиться не о чем.

– Вот это способ начинать разговор, – заметила Пам своим приятным альтом и отбросила назад волосы, которые, как и Амелия, носила ниже плеч и без челки.

Сакс улыбнулась.

– Оставь.

Она внимательно посмотрела на девушку и решила, что Пам прямо-таки светится. Может, причиной была работа – «костюмирование», по ее выражению, в театральной производственной компании. Пам нравилось бывать за кулисами бродвейских театров. Колледж ей тоже нравился.

«Ну нет, – тут же мысленно возразила себе Амелия. – О чем я думаю? Конечно, все дело в Сете».

В дверях появился Том с подносом. Запах горячего шоколада был горьким и вместе с тем сладким.

– Не любите зиму? – поинтересовался он. – Когда температура ниже нуля, в горячем шоколаде нет никаких калорий. Линкольн может доказать это химической формулой.

Они поблагодарили помощника. Потом Том спросил у Пам:

– Когда премьера?

Девушка училась в Нью-Йоркском университете, но академическая нагрузка в этом семестре была небольшой, и она – как талантливая портниха – работала по совместительству помощницей помощника костюмера для возобновления постановки «Суини Тодд», осуществленной Стивеном Сондхеймом и Хью Уилером музыкальной адаптации старой пьесы о жизни парикмахера-убийцы в Лондоне. Тодд перерезал своим клиентам горло, а его сообщник запекал жертвы в пироги. Райм сказал Сакс и Пам, что главный персонаж напоминает ему преступника, которого он некогда преследовал, хотя добавил, что Тодд полностью вымышленная фигура. Пам притворилась игриво расстроенной этим фактиком.

«Убийства, людоедство, – подумала Сакс. – Разговор о модификации тела».

– Мы открываем сезон через неделю, – ответила Пам. – И у меня будут билеты для всех. Даже для Линкольна.

Том сказал:

– Он очень ждет этого.

– Нет! – отрезала Сакс.

– Он так говорит.

– У него остановится сердце.

– Я зарезервировала место для инвалидов, – заявила Пам. – И вы знаете, что в театре есть бар.

Сакс засмеялась.

– Уж там-то он появится непременно.

Том ушел, закрыв за собой дверь, и Амелия продолжила:

– Здесь вот что случилось. Помнишь человека, который похитил тебя вместе с матерью? Много лет назад?

– Да, помню. Собиратель Костей?

Сакс кивнула.

– Похоже, появился кто-то, подражающий ему. В известной мере. Правда, одержим он не костями. Кожей.

– Господи. Он что… свежует людей?

– Нет, он убил свою жертву, сделав татуировку ядом.

Пам зажмурилась и содрогнулась.

– Псих. Постой-постой. Тот человек, о котором говорили в новостях. Это он убил девушку в Сохо?

– Да. Однако нет никаких свидетельств, что он интересуется уцелевшими жертвами тех событий. Он использует татуировку для того, чтобы написать сообщение, и, как мы думаем, будет выбирать жертвы в необычных местах, – если мы раньше не остановим его. Мы проверяли, но никого из других уцелевших в этом районе нет. Ты единственная. Скажи, кто-нибудь спрашивал тебя о похищении, о том, что произошло?

– Нет, никто.

– Мы уверены на девяносто девять процентов, что он совершенно не интересуется тобой. Убийца…

– Икс, – сказала Пам с понимающей улыбкой.

– Икс не знает о тебе – твое имя не появлялось в прессе, потому что ты была маленькой. А у твоей матери в то время был псевдоним. Но я хочу, чтобы ты знала. Будь начеку. А по ночам у твоей квартиры будет дежурить полицейский в машине.

– Хорошо.

Пам казалась совершенно не обеспокоенной этим сообщением. И тут Сакс поняла: весть о том, что может существовать какая-то, пусть даже самая слабая связь с Иксом 5–11, которого пресса окрестила

Подпольщиком, оставила Пам равнодушной потому, что на уме у нее было что-то другое. И вскоре она это выскажет – нет, преподнесет.

Пам отпила какао, избегая смотреть в глаза Сакс.

– Вот какое дело, Амелия. Мне хотелось бы поговорить с тобой.

Ее улыбка показалась Сакс слишком уж широкой, и она занервничала. Тоже сделала глоток, но никакого вкуса не ощутила. Сразу же подумала: «Беременна?» Конечно. Дело в этом. Сакс подавила гнев. Почему они не предохранялись? Почему…

– Я не жду ребенка. Успокойся.

Сакс успокоилась. Издала отрывистый смешок, подумав, не выдает ли себя бессознательной мимикой.

– Но Сет и я… Мы сходимся.

Так поспешно? Сакс продолжала улыбаться. Не была ли ее улыбка такой же фальшивой, как у этой девушки-подростка?

– Теперь? Хорошо. Это впечатляющая новость.

Пам рассмеялась, очевидно, из-за несоответствия между словами и выражением лица Сакс.

– Послушай, Амелия. Мы не вступаем в брак. Просто этому пора случиться. Я так считаю. Он так считает. Это правильно. Мы полностью совместимы. Он знает меня, знает насквозь. Иногда мне даже не нужно ничего говорить, он чувствует, что я думаю. И он очень славный, понимаешь?

– Слишком уж быстро, милая, ты не находишь?

Вся оживленность Пам мгновенно исчезла. Сакс вспомнила, что мать, бившая девочку и запиравшая ее на несколько часов в чулан, тоже называла ее «милая», и Пам возненавидела это ласковое обращение. Сакс пожалела, что употребила его, но она была взволнована и забыла, что это слово под запретом.

Она сделала новую попытку:

– Пам, он замечательный парень. Так считаем и я, и Линкольн.

Это было правдой. Но Сакс не могла остановиться.

– Только не думаешь ли ты, что лучше подождать? Зачем торопиться? Просто встречайтесь, развлекайтесь. Спите вместе… Поезжайте в путешествие.

«Трусиха», – обругала себя Сакс, дав последние два совета, потому что ее целью было несколько отдалить Сета и Пам друг от друга. Она говорила не то, что хотела.

– Интересно, что ты это предложила.

«Интересно? – подумала Сакс. – Если она не беременна… О нет». Челюсти ее сжались, и следующие слова Пам подтвердили ее страхи.

– Мы хотим устроить каникулы на год. Путешествовать.

– На год? – Теперь Сакс просто тянула время. Она могла бы сказать «Как дела у команды “Янки”?» Или: «Я слышала, мокрый снег прекратится через день-другой».

Пам продолжала гнуть свое.

– Сету надоело быть внештатным корреспондентом. Он очень талантлив. Но в Нью-Йорке его не ценят. Сет не жалуется, но я вижу, что он расстроен. В рекламных агентствах, для которых он работает, проблемы с бюджетом. Поэтому они не могут взять его в штат. Он хочет повидать мир. Он честолюбив. Здесь очень трудно.

– Да, конечно, в Нью-Йорке всегда было нелегко пробиться.

Голос Пам стал тверже.

– Он старался. Не думай, что сидел сложа руки.

– Я не говорю…

– Он станет писать путевые очерки. Я буду помогать ему. Мне всегда хотелось путешествовать, мы говорили об этом.

Да, говорили. Только Сакс всегда думала, что она и Пам будут вместе исследовать Европу или Азию. Старшая сестра и младшая сестра. У нее была мечта объездить те места Германии, из которых происходили ее предки.

– Но колледж… Судя по статистике, оставив учебу, вернуться назад очень трудно.

– Почему? Что такое статистика? Ерунда.

Что ж, у Сакс не было никаких цифр. Она это выдумала.

– Мил… Пам, я рада за вас обоих. Только, ну, ты должна понять. Это большая неожиданность. Поспешность, как я сказала. Ты не так уж долго его знаешь.

– Год.

Верно. В определенном смысле. Они познакомились в прошлом декабре, недолгое время встречались. Потом Сет поехал в Англию стажироваться в рекламном агентстве, планирующем открыть филиал в Нью-Йорке. Они с Пам вступили в ряды тех, кто поддерживает отношения с помощью эсэмэсок, Твиттера и электронной почты. Однако компания решила, что выходить на рынок США рискованно, месяц назад Сет вернулся и снова стал работать внештатно. Нормальные встречи возобновились.

– Ну и что, если это слишком поспешно? – В голосе Пам снова послышалось раздражение. Характер у нее всегда был вспыльчивым – при ее воспитании иного ждать не приходилось. Но она пошла на попятную. – Послушай, Амелия. Сейчас самое время это сделать. Когда мы в этом возрасте. Позднее? А если мы поженимся и у нас появятся дети?

«Пожалуйста, не продолжай».

– Тогда уже будет невозможно бродить пешком по Европе.

– А как быть с деньгами? Работать там нельзя.

– Это не проблема. Сет будет продавать свои очерки. К тому же он какое-то время откладывал деньги, и его родители очень богаты. Они смогут нас выручить.

Сакс вспомнила, что его мать адвокат, а отец работал в инвестиционном банке.

– И у нас есть блог. Я смогу вести дневник событий.

Сет несколько лет назад создал сайт, через который люди могли отправлять финансовую помощь на различные социальные и политические нужды, преимущественно с левым уклоном – избирательные права женщин, поддержка искусства, контроль над вооружением. Пам теперь занималась работой на этом сайте даже больше, чем он. Да, он казался популярным, хотя Сакс полагала, что они получают в виде пожертвований не больше тысячи долларов в год.

– Но… куда вы собираетесь? В какие страны? Это не опасно?

– Пока что не знаем. Это одна из составляющих приключения.

Стремясь потянуть время, Сакс спросила:

– А что говорят Оливетти?

После того как Сакс ее спасла, девочку отдали приемным родителям, которых Амелия проверяла, словно телохранителей президента. Приемные родители были чудесными, но в восемнадцать лет, в прошлом году, Пам захотела жить самостоятельно и – с помощью Райма и Сакс – поступила в колледж и устроилась на работу с неполным рабочим днем. Однако оставалась близка с приемными отцом и матерью.

– Они одобряют.

Ну конечно, Оливетти были профессиональными родителями: у них не было связи с Пам до того, как девочку поместили к ним. Они не выбивали ногой дверь, не спасали ее от Собирателя Костей и от злобной собаки, стремящейся ее загрызть. Не вступали в перестрелку с отчимом Пам, собравшимся ее задушить.

И помимо этого Сакс тратила больше времени, чем вечно занятые приемные родители, отводя Пам в школу и встречая ее после занятий, отвозя на приемы к врачу и на сеансы психологической помощи. Использовала связи, сохранившиеся со времен работы манекенщицей, чтобы устроить ее в костюмерную на Бродвее. А теперь, как не могла не отметить Сакс, о своих планах путешествовать девушка в первую очередь рассказала приемным родителям.

«Продолжай, я заслуживаю того, чтобы все это услышать», – подумала Сакс. Но Пам не считала так. Она резко сказала:

– Во всяком случае, мы так решили. – Затем ее тон стал вдруг легкомысленным, однако Сакс видела, что это напускное. – Мы уедем на год. На два от силы.

«Теперь уже на два?»

– Пам, – начала Сакс. – Я не знаю, что сказать.

– Знаешь, знаешь. Говори.

Служа в полиции, Сакс никогда не колебалась. И не могла колебаться, будучи старшей сестрой. Или суррогатной матерью. Или кем она была в жизни этой девушки.

– Пам, время сжимать кулаки.

Девушка знала это выражение отца Сакс. Прищурясь, она посмотрела в глаза Амелии. Сакс ответила ей осторожным и твердым взглядом.

– Год путешествовать с кем-то – ты хоть соображаешь? – Сакс произнесла это ровным голосом, стараясь сохранить в нем нежность.

Но девушка ответила так, словно Сакс распахнула окно комнаты и впустила в нее ливень или ветер с мокрым снегом.

– Мы знаем друг друга, – вызывающе произнесла она. – Это главное. Ты что, не слышала меня?

– Но по-настоящему знаете? На это уходят годы.

– Мы подходим друг другу, – возразила Пам. – Это очевидно.

– Ты встречалась с его родными?

– Разговаривала с его матерью. Она очень добрая.

– Разговаривала?

– Да, – огрызнулась Пам. – Разговаривала. И его отец знает обо мне все.

– Но не встречалась с ними? – Сакс словно почувствовала ее резкое охлаждение.

– Дело касается меня и Сета. Не его родителей. И этот допрос мне надоел.

– Пам! – Сакс подалась вперед и потянулась к руке девушки. Ее рука сама собой отдернулась. – Пам, рассказывала ты ему о том, что случилось с тобой?

– Рассказывала. И ему это безразлично.

– Все? Ты рассказала ему все?

Пам молча опустила взгляд. Потом вызывающе заявила:

– В этом нет нужды... Нет, не все. Я сказала ему, что моя мать сошла с ума и совершила несколько преступлений. Сет знает, что она в тюрьме и никогда оттуда не выйдет. Его это нисколько не волнует.

Тогда он герой сериала «Ходячие мертвецы», подумала Сакс.

– А *где* ты росла? *Как* росла? Ты рассказывала ему что-нибудь об этом?

– Нет. Но это все в прошлом. С этим покончено.

– Пам, не думаю, что это можно замалчивать. Он должен знать. Твоя мать причинила много вреда…

– Я что, тоже сумасшедшая? Как моя мать? Ты считаешь меня такой?

Это замечание уязвило Сакс, но она постаралась сохранить непринужденный тон.

– Оставь, ты нормальнее всех вашингтонских политиков. – Амелия улыбнулась.

Пам не ответила на ее улыбку.

– Со мной все в порядке! – Она повысила голос.

– Конечно! Просто я беспокоюсь о тебе.

– Нет. Ты говоришь, что я слишком глупая, незрелая для принятия самостоятельных решений.

Сакс начала сердиться. Это вызывающее поведение ей не нравилось.

– Тогда принимай умные. Если по-настоящему любишь его и у вас все получится, год или около того без брака ничего значить не будут.

– Амелия, мы уезжаем. И поженимся, когда вернемся. Хватит об этом.

– Не разговаривай так со мной, – вспылила Сакс. Она понимала, что проигрывает, но остановиться не могла.

Пам резко поднялась, опрокинув свою чашку и вылив какао на серебряный поднос.

– Черт! – Она наклонилась и стала сердито вытирать лужу.

Сакс подалась вперед, чтобы помочь ей, но Пам отодвинула поднос и продолжала приводить его в порядок сама, потом швырнула вниз коричневые, насквозь мокрые салфетки и свирепо посмотрела на Сакс.

– Я прекрасно понимаю, что происходит. Ты хочешь нас разлучить. Ищешь любой предлог. – Она холодно усмехнулась. – Стараешься для себя, так ведь, Амелия? Хочешь разлучить нас, чтобы иметь дочь, раз не смогла завести ее из-за большой занятости в полиции.

Сакс едва не ахнула при этом жестоком обвинении – может быть, потому, призналась она самой себе, что в нем была доля правды.

Пам направилась к двери, потом остановилась и сказала:

– Амелия, ты мне не мать. Помни это. Ты женщина, посадившая мою мать в тюрьму. – После этих слов она вышла.

Глава 16

Около полуночи Билли Хейвен вымыл посуду после ужина, протер все, что нельзя было выбросить, хлорной известью, чтобы удалить следы ДНК. Она была опасна для него – как яды, которые он извлекал и очищал.

Он снова сел за шаткий стол в кухонном углу своей мастерской рядом с Канал-стрит и раскрыл потрепанный блокнот – Заповеди. Данные, в известном смысле, рукой Бога, как каменные скрижали Моисею.

В блокноте примерно на десятке страниц красивым беглым наклонным почерком Билли подробно описывалось, как должна протекать Модификация, кому суждено умереть, когда и что делать, каких рисков избегать, на какие идти, что использовать в своих интересах и как справляться с неожиданными изменениями. Будь Книга Бытия наставлением к действию, подобно Заповедям Модификации, в ней можно было бы прочесть:

День третий, 11 часов 20 минут. Создать листопадные деревья. Так, у тебя семь минут на создание вечнозеленых…

День шестой, 6 часов 42 минуты. Время для создания лосося и форели. Действуй!

День шестой, полдень. Займемся делом Адама и Евы.

Естественно, это напомнило ему об Очаровательной Девушке. Он мысленно представил себе ее на миг – лицо, волосы, чистую белую кожу, потом отогнал отвлекающий образ, как откладывают драгоценный моментальный снимок умершей возлюбленной – бережно, из суеверного страха причинить любимой боль, если уронишь рамку.

Листая страницы, он запоминал, что делать дальше. Остановясь, подумал, что Модификация заметно усложнилась. Продолжая чтение, он не раз задавался вопросом, не слишком ли далеко зашел этот процесс. Но потом возвращался мыслью к страницам главы в «Серийных городах», которую украл из библиотеки в тот день, и вспоминал все

удивительные – нет, потрясающие – сведения, которые в ней открывались.

Эксперты правоохранительных органов единодушно высказывают мнение о Линкольне Райме: его величайшим даром была способность предвидеть, как поведут себя дальше преступники, которых он преследует.

Билли думал, что это та самая цитата, но уверен не был, так как Хлоя Мур, уже покойная, случайно вырвала часть фразы из книги.

Предвидеть…

Так что план Модификации должен быть тщательно разработан. Люди, которым он противостоит, слишком умны, чтобы допускать в работе небрежность, они не упустят ни малейшей улики.

Билли еще раз просмотрел план завтрашнего нападения. Запомнил место, запомнил время. Казалось, все было в порядке. Мысленно он отрепетировал нападение: он уже побывал на этом месте и теперь представлял себе его, ощущал его запах. Отлично. Он готов. Потом Билли взглянул на наручные часы. Он чувствовал усталость.

«Интересно, как идет расследование гибели Хлои Мур?» – вдруг подумал Билли и включил радио, надеясь услышать новости. Ранее сообщалось, что она недавно поселилась в Куинсе, работала продавщицей в модном бутике в Сохо, была найдена мертвой в туннеле возле подвала. «Да ну, – в недоумении подумал Билли, – вряд ли он был таким уж модным. Китайское дерьмо, слишком дорогое, рассчитанное на негритянских шлюх из Джерси и мамаш, обеспокоенных приближением среднего возраста».

Поначалу фамилия Хлои не называлась – до уведомления ближайших родственников. Слушая это, Билли думал: «Какими же садистами могут быть полицейские! Сообщить, что молодая женщина из Куинса убита, и не назвать ее фамилии? Сколько родителей, дети которых живут в этом районе, начали отчаянно звонить по телефону?»

Теперь, ожидая последних известий, он слышал только рекламу. Неужели никому нет дела до бедной Хлои Мур? Хлоя Мур, Хлоя мур-мур…

Он расхаживал перед террариумами взад-вперед. Белые листья, зеленые, красные, синие…

Потом, как это часто случалось, глядя на растения, составлявшие его общество, он подумал об Олеандре. И об Олеандровой комнате.

Билли был не рад этой мысли, но ничего не поделаешь. Он мог бы…

Ага, вот и новости. Наконец-то. Скандал в городском совете, небольшая железнодорожная авария, экономический обзор. Потом в конце концов новые сведения о гибели Хлои Мур. Сообщались дополнительные подробности, некоторые факты. И в итоге делался вывод, что нападение по своему характеру не было сексуальным. (Разумеется, не было. Билли возмутило, что эта тема возникла. Ох уж эти средства массовой информации!) Приводилось даже его примерное описание. Значит, кто-то видел его возле люка.

Он продолжал слушать сообщение. По-прежнему ничего не говорилось о татуировке и яде. Билли это не удивило. Он читал о полицейских процедурах при проверке признаний. Полицейские расспрашивают людей, взявших на себя вину за какое-нибудь преступление, о необычных подробностях, и, если те не могут ответить, их отпускают, сочтя сумасшедшими. Поразительно, сколько людей сознается в преступлениях, которых не совершали!

Ничего не сказали и о слове «второй». Но оно, разумеется, будет у них бельмом на глазу. Какое сообщение хотел послать этот загадочный преступник? Однако Заповеди Модификации требовали, чтобы полицейские не могли понять его сообщения на первых нескольких жертвах.

Билли выключил радио и зевнул. Скоро спать. Он проверил электронную почту, отправил несколько писем, прочитал входящие сообщения, потом посмотрел на часы и решил, что пора отдыхать.

В ванной он протер раковину и зубную щетку хлорной известью – снова удаляя ДНК, – вернулся в комнату и плюхнулся в постель. Достав из-под подушки Библию, установил на груди.

Несколько лет назад у Билли произошел кризис веры, очень серьезный. Он верил в Иисуса и Его могущество. Но еще он верил, что его предназначение – использовать свой талант тату-мастера. Проблема заключалась в предостережении, содержащемся в Книге Левит: «Ради умершего не делайте нарезов на теле вашем и не накладывайте на себя письмен. Я Господь».

Прочитав это, Билли несколько недель пребывал в унынии, ломая голову, как преодолеть этот конфликт. Одним из доводов было, что Библия полна таких несоответствий: к примеру, в той же главе написано:

«В одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся». Однако Богу за другими неотложными делами наверняка было не до того, чтобы отправлять людей в ад за такую одежду.

Билли задавался вопросом: не имел ли Он в виду, что будущие поколения истолкуют Библию по-новому, приведя в соответствие с современным обществом? Но это казалось ему подозрительным, напоминая судей Верховного суда, говоривших, что Конституция живая и должна меняться, чтобы соответствовать временам. Так думать опасно.

В конце концов и на это явное противоречие нашелся ответ. Билли рассудил так: в Библии еще говорится «не убий». Но Священная Книга полна примеров открытых убийств – в том числе боен, устроенных самим Всемогущим. Как, например, уничтожение к вящей славе Господней неверных, поддержание ценностей веры и десятки других примеров.

В Книге Левит, понял Билли, Бог имел в виду, что накладывание письмен допустимо лишь при *определенных обстоятельствах*, как и лишение жизни. А какие обстоятельства могли быть важнее, чем миссия, которую Билли выполнял в настоящее время? Чем Модификация?

Он раскрыл Библию и остановился на стихе в Книге Исход, который читал много раз:

Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках. А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб.

II

Подпольщик

Среда, 6 ноября, полдень

Глава 17

Утро прошло в лихорадочной деятельности, стараниях определить по уликам, представленным Сакс, место, где Икс мог проживать или устроить охотничьи угодья.

Райм разъезжал перед доской в кресле-каталке, ощущая шеей и челюстью толчки, когда кресло переезжало через электрические провода, протянувшиеся по полу гостиной.

Элизабет-стрит, 237

● Жертва: Хлоя Мур, 26 лет.

– Никакой видимой связи с Икс

– Изнасилования не было, но были касания кожи

● Икс 5–11

– Белый мужчина

– Хрупкого или среднего сложения

– Вязаная шапочка

– Темное пальто до бедер

– Темный рюкзак

– Надевает бахилы

– Отпечатков пальцев нет

– Профессиональный татуировщик, возможно, бывший

– Возможно, использует для татуировки иглы с регулируемой длиной

– Использует линию крови для обрисовки контура изображения

– Не местный; возможно, из сельской местности

– Использует книгу, чтобы изучить технику расследования и перехитрить Райма и полицию?

– Одержим кожей

– Возможно, сделает мишенью полицейских

– Организованный преступник: будет заранее планировать нападения

– Возможно, возвращается на место преступления

● Причина смерти: отравление цикутой, введенной в организм татуировкой

– Из пятнистого болиголова

– Источник неизвестен

– Концентрация в восемь раз выше обычной

● Обездвижена пропофолом

– Как раздобыт? Доступ к медицинским принадлежностям?

● Выколото слово «второй» – древнеанглийским шрифтом, окаймлено фестонами

– Часть сообщения?

– Оперативная группа в управлении полиции это проверяет

– Фестоны сделаны методом надрезов – рубцеванием – и, возможно, имеют какое-то значение

● Портативная тату-машинка использована как оружие

– Возможно, «Америкэн игл»

● Хлопковые волокна

– Грязно-белые

– Возможно, вырваны из рубашки Икса во время борьбы

● Лист из книги

– Возможно, вырван из кармана Икса во время борьбы

– Возможно, книга издана массовым тиражом в 1996–2000 годах

– Книга «Серийные города». Он интересовался главой 7 °Собирателе Костей

– Психологическая связь с Собирателем Костей? Месть?

– Использует книгу, чтобы изучить технику расследования и перехитрить Райма и полицию?

– Одержим кожей

– Возможно, сделает мишенью полицейских

● Возможно, использовал роллер-щетку для удаления следов с одежды перед нападением

● Наручники

– Обычные, выявить источник невозможно

Фонарик

– Обычный, выявить источник невозможно

● Клейкая лента

– Обычная, выявить источник невозможно

Трасологические следы

● Окись азота, озон, железо, марганец, никель, серебро, бериллий, хлорированный углеводород, ацетилен

– Возможно, принадлежности для газосварки

● Тетродотоксин

– Яд из рыбы фугу

– Снадобье для зомбирования

– Мельчайшие дозы

– Не применялся на жертве

● Стерокобелин, моча 9,3 г/л, хлорид 1,87 г/л, натрий 1,17 г/л, калий 0,75 г/л, креатинин 0, 67 г/л

– Фекальный материал

– Возможно, предполагает одержимость подземельем

– С мест будущих убийств под землей?

● Хлорид бензалкония

– Четвертичные аммониевые соединения, дезинфицирующее средство

● Латексный клей

– Используется для наложения повязок, в строительстве и для других целей

● Инвудский мрамор

– Пыль и мелкие крошки

● Взрывчатка товекс

– Возможно, с места взрывных работ

Райм повернулся к Амелии Сакс – она смотрела в окно на утро с дождем и снегом, очевидно, все еще встревоженная вчерашним сообщением о том, что Пам отправляется в кругосветное путешествие со своим кавалером, а по возвращении собирается жить вместе с ним.

– Сет славный молодой человек, – объясняла Амелия Райму прошлой ночью, когда они лежали в его роскошной постели, свет был погашен, и сильный ветер дул в окна, – чтобы встречаться с ним. Но не жить вместе в гостинице в Марокко или Гоа. Может быть, он Мистер Совершенство, а может, и нет. Как знать?

– Думаешь, это пройдет?

– Нет. Она настроена решительно.

– Как и ты. Вспомни, твоей матери не понравилось, что ты встречаешься с калекой в кресле-каталке.

– Будь ты марафонцем, все равно бы ей не нравился. Никто не мог соответствовать ее меркам. Однако теперь ты ей нравишься.

– Именно это я и имел в виду.

– Сет мне нравится. Через год будет нравиться больше.

Райм улыбнулся.

Она спросила:

– Что думаешь по этому поводу?

– Ничего особенного.

Райм прожил с женой несколько лет. Вскоре после несчастного случая он развелся (по его собственному настоянию, не жены), но этот брак и без того был обречен. Какое-то время он думал, что любит жену, но их отношения испортились по причинам, которые он не мог определить,

представить в количественной форме и проанализировать. Так же, как не умел анализировать свои отношения с Сакс. Это работало, потому что работало. Выразиться лучше он не мог. Надо признать, Линкольн Райм в своем положении не был способен давать романтические советы.

Ну а кто, собственно говоря, был способен? В любви нет свидетелей и экспертов.

Сакс добавила:

– И я вела разговор не лучшим образом. Слишком покровительственно. По-матерински. Пам пришла в раздражение. Следовало быть объективной, рациональной. Но нет, я утратила контроль над собой.

Утром Райм заметил, что Сакс все еще сильно обеспокоена, и подумал, что нужно сказать что-нибудь ободряющее, но потом, к его облегчению, профессиональное отодвинуло личное на задний план.

– Здесь что-то есть, – крикнул Пуласки с другого конца лаборатории, где он сидел, глядя на монитор. – Думаю... – Он замолчал и нахмурился. – Чертов Интернет. Только-только начал получать какие-то ответы...

Райм увидел, что экран покрылся морозным узором.

– Ничего, ничего, включи еще раз.

Пуласки застучал по клавишам. На большом экране появились карты, схемы и списки искусственных и природных материалов.

– Новичок, ты скоро станешь настоящим ученым, – сказал Райм, глядя на записи.

– Рон, что у тебя? – спросил Мел Купер.

– Наконец-то хорошие новости. Похоже на то.

Глава 18

Поездка семьи Гарриет Стэнтон в Нью-Йорк, которой ждали несколько лет, обернулась не так, как планировалось. Все испортило случайное происшествие, которое могло навсегда изменить ее жизнь.

Гарриет стояла перед зеркалом в номере отеля, где провела беспокойную ночь, и оглядывала свой костюм – темный, но не черный, а синий. Она едва не выбрала черный цвет, но это был бы неудачный выбор.

Сняв с костюма несколько шерстяных нитей, Гарриет стряхнула с него пыль – отель оказался не таким хорошим, как в интернет-рекламе, но с умеренными ценами, а бережливости в семье Стэнтонов, происходящей из городка, где представление о комфорте создавала гостиница «Холидей инн»[9], придавали большое значение.

Решительное лицо пятидесятитрехлетней Гарриет с узкими плечами и фигурой, напоминающей грушу (правда, изящную), было румяным и обветренным от работы в саду, от игр с детьми на заднем дворе, от пикников и барбекю. Однако она не придавала внешности большого значения, и морщины, вызывавшие у нее беспокойство, располагались не на лице, а на юбке – от них, во всяком случае, она могла избавиться.

Учитывая ее местожительство, она вполне могла бы и не замечать такого несовершенства. Но это было не в характере Гарриет. Для нее существовал правильный подход и неправильный – лентяйский, дурной. Она расстегнула молнию и сбросила юбку, легко соскользнувшую по бежевым трусикам.

Одной рукой она ловко разложила дешевую гладильную доску (о, Гарриет умела управляться с домашней утварью) и включила плохонький утюг, прикрепленный к доске проволокой. Неужели кража бытовых электроприборов такая уж серьезная проблема в Нью-Йорке? И разве кредитные карточки постояльцев не находятся в распоряжении отеля?

Что ж, это другой мир, совсем не такой, как дома. В ожидании, пока нагреется утюг, Гарриет мысленно повторяла слова, произнесенные вчера мужем, когда они шли по холодным улицам Нью-Йорка.

– Погоди, Гарриет, погоди. – Он остановился на улице, между магазином игрушек «Сворс» и Мэдисон-авеню, и ухватился за фонарный столб.

– Что, дорогой? – Гарриет обернулась.

– Извини. Ивини меня. – Муж, бывший старше жены на десять лет, выглядел смущенным. – Я неважно себя чувствую. Что-то здесь. – Он коснулся груди. – Здесь.

«Такси или “Скорую”? – стала лихорадочно размышлять она. – Конечно, звони по номеру девять-один-один. Не медли».

Через двадцать минут они были в кабинете неотложной помощи ближайшей больницы. Диагноз – легкий инфаркт миокарда.

– Что? – спросила она.

– Похоже, сердечный приступ.

Странно. Это у человека с низким уровнем холестерина, никогда не курившего сигарет, только изредка сигары, имевшего рост шесть футов два дюйма, худощавого и крепкого, как столб, за который он ухватился в начале приступа? В охотничий сезон он каждый выходной охотился в лесу на кабанов и оленей. Помогал друзьям строить игровые комнаты и гаражи. Легко взваливал на плечо сорокафунтовые мешки с мульчой и плодородной почвой и относил их от пикапа к сараю.

– Это несправедливо, – пробормотал Мэттью, выслушав диагноз. – Мы мечтали о поездке в этот город, и смотрите, что вышло. Чертовски несправедливо.

Врачи отправили его в больницу, находившуюся примерно в получасе пути к северу от их отеля, очевидно, лучшее в городе учреждение по лечению сердечных заболеваний. Прогноз был оптимистичным, завтра его планировали выписать. Никакой операции не требовалось. Ему нужно было следить за давлением, всегда носить с собой нитроглицерин и ежедневно принимать по таблетке аспирина. Однако в целом врачи, похоже, оценили приступ как легкий.

Чтобы проверить, нагрелся ли утюг, она плюнула на тефлоновую поверхность. Слюна зашипела и скатилась. Гарриет обрызгала юбку водой и разгладила складки.

Одевшись, она снова посмотрелась в зеркало. Отлично. Решив добавить немного цвета, Гарриет повязала на шею красно-белый шарф. Превосходно. Ярко, но не кричаще. Она взяла сумочку, вышла из номера и спустилась в вестибюль на лифте. Снаружи, когда он проезжал каждый этаж, звякала цепочка.

Выйдя на улицу, Гарриет осмотрелась и остановила такси. Сообщив водителю название больницы, села на заднее сиденье. В салоне дурно пахло, и она решила, что таксист, какой-то иностранец, давно не мылся. Это был штамп, но верный.

Несмотря на снег с дождем, она опустила стекло, готовая вступить в спор, если водитель возразит. Но он не возражал. Казалось, он забыл о ней – да и вообще обо всем. Нажал кнопку счетчика и тронулся.

По пути Гарриет думала о больнице. Медсестры казались внимательными, врачи профессиональными, хотя по-английски говорили с акцентом. Не нравилась ей только то, что палата Мэттью в медцентре Верхнего Манхэттена находилась на цокольном этаже, в конце длинного, тускло освещенного коридора и казалась захудалой и

неуютной. А вчера вечером, когда она пришла навестить мужа, там никого не было.

Глядя на шикарные таунхаусы слева и Центральный парк справа, Гарриет старалась справиться с беспокойством из-за предстоящего посещения неприятного места. Она думала, что, возможно, этот сердечный приступ был предзнаменованием и стоит ждать еще худшего. Но в итоге сочла эти мысли суеверными, достала телефон и отправила мужу сообщение, что едет.

Глава 19

С перекинутым через плечо рюкзаком, в котором находились машинка «Америкэн игл» и смертельный яд, Билли Хейвен свернул в боковую улицу, шедшую мимо большой стройплощадки, – он избегал пешеходов. То есть свидетелей.

Войдя в вестибюль поликлиники, примыкающей к комплексу медицинского центра Верхнего Матхэттена, он, не поднимая головы, направился к лестничному колодцу. Билли изучил это место и точно знал, куда идти и как добраться туда незамеченным. Никто не обращал внимания на худощавого молодого человека, в Нью-Йорке много худощавых молодых людей – художников, музыкантов, неудачливых актеров. Он очень походил на них. Только в рюкзаках у тех лежало не то, что у него.

Билли прошел через пожарную дверь и стал спускаться по лестнице. Достигнув уровня подвала, он направился, следуя указателям, к собственно больнице по длинному, тускло освещенному коридору. Коридор был безлюден – похоже, мало кто из работников знал о его существовании. А может, они знали об этом маршруте, но предпочитали ходить из поликлиники в больницу по улице, где не только можно купить кофе или пиццу, но и маловероятно, что тебя затащат в уборную и изнасилуют.

Ведущий к больнице туннель был длинным – в несколько сот футов – и окрашен в серый цвет, ассоциирующийся с военными кораблями. Трубы шли поверху. Там было темно, потому что в больнице, возможно с целью экономии средств, лампочки ввернули только в каждый третий патрон. Видеокамер охраны не было.

Билли понимал, что нельзя терять время, но должен был сделать одну остановку. Этот поворот он обнаружил накануне, когда проверял, будет ли выбранный путь в больницу безлюдным. Табличка на двери заинтриговала его. Ему просто необходимо было войти. И он вошел,

понимая, что времени в обрез, и чувствуя себя, как ребенок, удравший с уроков, чтобы походить по магазину игрушек.

Большая комната с дверной табличкой «Образцы» была темной и освещалась лишь лампами запасного выхода, отбрасывающими жутковатый розовый свет на ее содержимое: множество сосудов, заполненных частями тела, плавающими в желтой жидкости – предположительно формальдегиде.

Глаза, руки, печени, сердца, легкие, половые органы, груди, ступни. И целые зародыши. Билли обратил внимание, что большинство образцов датировано началом двадцатого века. Возможно, тогда студенты-медики изучали анатомию на трупах, а нынешние избрали компьютерные изображения высокой четкости.

У стены находились сотни полок с костями. Билли вспомнил о громком деле, над которым Линкольн Райм работал несколько лет назад, о преступлениях Собирателя Костей. Однако кости мало интересовали Билли Хейвена. Принцип кости? Нет, это звучит хуже, чем Принцип кожи. Никакого сравнения. Теперь он расхаживал взад-вперед по проходам, разглядывал сосуды высотой от нескольких дюймов до трех футов. Останавливался и смотрел в глаза нескольким отрубленным головам. Билли казалось, что они принадлежали уроженцам южных островов, по крайней мере, он хотел в это верить, потому что с восторгом обнаружил татуировку: крест прямо под предполагаемой линией волос.

Билли воспринял это как добрый знак. Слово «татуировка» происходит от полинезийского или самоанского *татау* – так называется процесс украшения нижней части мужского торса замысловатыми геометрическими фигурами, именуемый *неа* (а женского – *малу*). Этот процесс длится неделями и очень мучителен. Те, кто терпит до конца, получают специальное звание и почитаются за мужество. Тех, кто даже не пытается, называют на островах Самоа «голыми», и они становятся отверженными. Однако самое позорное клеймо достается тем мужчинам и женщинам, которые начали эту процедуру, но не закончили, так как не смогли вытерпеть боль. Они вынуждены нести это клеймо всю жизнь.

Билли нравилось, что они так серьезно относились к татуировке. Он решил, что мужчина, на которого он смотрел, вытерпел *неа* и стал гордостью своего племени. Пусть и язычник, он был смелым, хорошим воином (хоть и не настолько умным, чтобы его голова не оказалась на стальной полке в Новом Свете).

Билли взял сосуд одной рукой и подался вперед, между ним и отрубленной головой было всего несколько дюймов – толстого стекла и тонкого слоя жидкости.

Он вспомнил одну из своих любимых книг – «Остров доктора Моро» Герберта Уэллса. В романе речь шла об английском докторе, оказавшемся после кораблекрушения на острове, где он начал хирургическим путем соединять людей и животных. Гиено-люди, леопардо-люди... Билли читал и перечитывал эту книгу, как некоторые дети «Гарри Поттера» или «Сумеречную сагу».

Разумеется, вивисекция и рекомбинация представляли собой высшую ступень Модификации. И «Доктор Моро» был превосходным примером применения Принципа кожи.

«Ладно. Пора возвращаться к действительности», – упрекнул себя Билли. Он подошел к двери и посмотрел сначала в один, потом в другой конец коридора. По-прежнему никого. Он продолжил путь к больнице и наконец оказался в здании. Запах моющего средства и плесени из поликлиники перебила смесь запахов мягких дезинфицирующих средств – спирта, лизола, бетадина. Были и запахи другие, отвратительные для многих, но не для Билли: гниющей кожи, кожи, распадающейся под воздействием инфекций и бактерий, кожи, превращающейся в золу... возможно, под воздействием лазеров в операционных.

А может, больничные работники сжигают удаленные ткани и органы в печи. Подумав об этом, он невольно вспомнил нацистов, которые находили коже жертв холокоста практическое применение, делая из нее абажуры и книжные переплеты. И тех, кто придумал систему татуировки, самой простой и самой значительной в истории.

Принцип кожи... Билли сделал глубокий вдох и ощутил еще один запах – очень неприятный. Что это?

О да, он понял. Когда в медицинской сфере задействовано столько иностранцев, в больничную еду добавляют карри и чеснок. Отвратительно.

Билли наконец оказался в центральной части больницы, в подвале третьего яруса. Здесь не было ни души. Превосходное место, куда можно привести жертву для смертельной модификации, подумал он.

В лифте могли быть видеокамеры, поэтому он нашел лестничный колодец, вошел в него и стал подниматься. В следующем подвале, второго яруса, остановился и осмотрелся. Это оказался морг, но трупов

сейчас не было. Очевидно, сегодня медикам еще не удалось никого убить.

Он поднялся еще на один ярус и оказался на цокольном этаже с палатами пациентов. Посмотрев через грязное стекло пожарной двери, затянутое тонкой металлической сеткой, увидел яркое пятно, затем уловил движение: спиной к нему по коридору шла женщина.

Он заметил, что ее юбка и пиджак темно-синие, а шарф вокруг шеи – красно-белый, из блестящего шелка, выделяющийся на синем фоне, словно флаг. Она была одна. Билли бесшумно вошел в дверь и пошел следом. Он обратил внимание на ее мускулистые ноги, открытые юбкой длиной до колена, на тонкую талию, на бедра. Каштановые с вкраплениями седины волосы были закручены в тугой узел. Хотя сквозь колготки виднелись несколько лиловых вен у лодыжки, ее кожа была превосходной для пожилой женщины.

Билли возбудился, сердце его заколотилось, кровь запульсировала в висках и еще в одном месте. Кровь. Олеандровая комната… кровь на ковре, кровь на полу. «Прогони эти мысли. Сейчас же! Думай об Очаровательной Девушке».

Он так и сделал, и возбуждение ослабло. Но ослабеть не значит исчезнуть. Иногда возбуждению невозможно не поддаться, какими бы ни были последствия. Олеандр…

Он ускорил шаги, настигая ее сзади. Осталось тридцать футов, двадцать пять… Билли сократил дистанцию примерно до пятнадцати футов, потом до десяти, до трех, неотрывно глядя на ее ноги, и тут услышал сзади требовательный женский голос:

– Эй ты, в шапочке! Это полиция! Брось рюкзак. Руки за голову!

Глава 20

Примерно в тридцати футах от этого человека Амелия Сакс сжала «глок» обеими руками и повторила еще резче:

– Рюкзак на пол. Руки за голову. Ну!

Женщина, которую он хотел изнасиловать, находившаяся всего в нескольких футах от него, обернулась. Замешательство на ее лице сменилось ужасом, когда она уставилась на своего потенциального насильника и поняла, что происходит.

– Нет, пожалуйста, нет!

Нападавший был в куртке, не в пальто до середины бедер, в которое, по словам свидетелей, был одет их Икс, но на нем была такая же вязаная шапочка, а кроме того, на плече висел черный рюкзак. Если Амелия ошиблась, то извинится.

– Ну! – снова крикнула Сакс.

Все еще находясь спиной к ней, он медленно поднял руки. Когда рукава задрались, Амелия мельком увидела на его левой руке красную татуировку, начинавшуюся на тыльной стороне ладони и исчезавшую под курткой. Змея, дракон? Он поднимал руки, но рюкзак не бросал. Черт! Он прижимается к женщине.

И действительно, через секунду он рывком превратил шапочку в маску, рванулся вперед, развернул женщину, обхватил ее за шею. Ее глаза от страха расширились, она закричала и стала вырываться.

Так, это действительно Икс 5–11.

Сакс медленно шла вперед, стараясь поймать мушкой «глока» цель, и не могла ее найти из-за перепуганной заложницы, которая силилась вырваться, брыкалась и изгибалась. Он приблизил лицо к ее уху, очевидно, что-то прошептал, и она, замерев, перестала биться.

– У меня пистолет! – крикнул он. – Я убью ее. Бросай свое оружие. Сейчас же.

– Не брошу, – громко ответила Сакс.

«Ты не бросишь оружие и не выстрелишь в мишень. Точка». Амелия сомневалась, что у него есть пистолет, потому что он уже выхватил бы его и начал стрелять. Но даже если и есть, она не перестанет целиться.

Сакс держала прицел на видимой части его головы. В эту цель было бы нетрудно попасть, будь она неподвижной, но Икс пятился, петляя и прячась за спиной заложницы.

– Нет, пожалуйста, не стреляйте в меня! Пожалуйста! – приглушенно кричала женщина.

– Заткнись! – пробормотал Икс.

Сакс рассудительно сказала:

– Послушай, тебе отсюда никак не уйти. Подними руки и…

Поблизости открылась дверь, из нее вышел худощавый человек в синем комбинезоне. Этого было достаточно, чтобы на миг отвлечь Сакс. И этого оказалось достаточно, чтобы Икс использовал свой шанс. Он толкнул заложницу к Амелии и, не успела она отойти в сторону и снова прицелиться, ворвался в другую дверь и исчез.

Сакс пробежала мимо женщины в темно-синем костюме. Испуганная, та смотрела на нее расширенными глазами, прижимаясь спиной к стене.

– Что ему было…

Времени на переговоры не оставалось. Сакс распахнула дверь и заглянула внутрь. Никого. Она крикнула через плечо женщине и работнику:

– Возвращайтесь в вестибюль. Немедленно! Ждите там! Позвоните девять-один-один.

– Что?.. – спросила заложница.

– Идите! – Сакс повернулась и вошла в дверь, за которой только что скрылся Икс. Прислушалась. Внизу раздался негромкий щелчок. Понятно: он не хотел бежать через верхние этажи. Это был их подпольщик.

Сакс появилась здесь не с заданием, поэтому рацию не взяла. Она достала свой айфон и набрала 911. Это было проще, чем возвращаться кружным путем в центральную диспетчерскую. Кодовым сигналом 10–13 сообщила: полицейский нуждается в помощи. Она полагала, что заложница и больничный работник тоже в состоянии позвонить, но они могли и просто исчезнуть, не желая вмешиваться.

Амелия спустилась вниз на один лестничный марш. Спокойно и медленно. Как знать, может, он задвинет засов двери цокольного этажа, чтобы обмануть ее, и вернется с пистолетом в кармане?

Сакс не ожидала увидеть здесь Икса. Она приехала, чтобы узнать, не видел ли кто-нибудь из сотрудников больницы человека, подходящего под описание преступника. Райм предполагал, что на эту больницу может быть совершено нападение. Терри Добинс считал, что, как организованный преступник, Икс может заранее планировать нападения. Это означало, что некоторые следы, обнаруженные на месте убийства Хлои Мур, были с мест будущих преступлений.

За сорок минут до этого Рон Пуласки выяснил, что инвудский мрамор, частицы которого собрала Сакс, есть лишь в этой части Манхэттена и разрешение на взрывные работы было выдано только генеральному подрядчику, возводящему новое крыло медцентра в Верхнем Манхэттене. Другие следы – дезинфицирующее средство и латексный клей, который может использоваться для наложения повязок, – тоже позволяли предположить, что преступник побывал в больнице, чтобы спланировать нападение на жертву номер два. Сакс никак не ожидала, что помешает ему.

Глубоко дыша, она остановилась у пожарной двери и толчком открыла ее, готовая стрелять. Потом осмотрелась. На этом уровне находился морг, четверо работников в халатах болтали и пили кофе, стоя возле двух накрытых тележек для перевозки трупов.

Повернувшись, они увидели пистолет, затем Сакс и замерли с вытаращенными глазами. Она показала им свой полицейский значок.

– Белый мужчина в темной куртке. Рост около шести футов, в вязаной шапочке или лыжной маске. Хрупкого телосложения. Не проходил здесь?

– Нет.

– Вы тут давно?

– Десять-пятнадцать минут.

– Войдите внутрь и заприте дверь.

Один из служащих начал ввозить в дверь тележку. Сакс сказала:

– Только живые.

Снова темный лестничный колодец. Вниз по ступенькам она спустилась на нижний ярус. Он должен был прийти сюда.

«Иди. Быстро. В движении тебя не схватить…» Сакс толчком открыла дверь, повела стволом пистолета вправо и влево. Ярус был безлюден, похоже, здесь располагались подсобные помещения.

Глядя по сторонам, она не переставала думать, что это могло быть и не бегством. Может, это западня. Возможно, он прячется здесь, чтобы убить свою преследовательницу.

Ей вспомнилась фраза из книги «Серийные города» о Райме: «Эксперты в правоохранительных органах высказывают единодушное мнение о

Линкольне Райме: его величайшим даром была способность предвидеть, как поведут себя дальше преступники, которых он преследует». Может быть, Икс 5–11 тоже предвидит. Терри Добинс также предположил, что он может сделать объектами нападения полицейских.

Когда глаза привыкли к темноте, Сакс осмотрела коридор. Икс не мог уйти влево – там был тупик. Надпись справа гласила, что этот туннель ведет в поликлинику. Он мог уйти этим путем… или поджидать ее в засаде.

Ничего не оставалось, как пойти на риск. «Время сжимать кулаки…» Она повернула направо.

Внезапно перед ней появился человек, идущий по туннелю. Сакс замерла, прижалась к стене, вскинула пистолет и навела его на фигуру.

– Эй, – окликнула она. – Я тебя вижу. Ты полицейский?

Рослый афроамериканец в черной одежде частного охранника – еще более пугающей, чем форма полиции, – подошел поближе.

– Я тебя вижу, детектив!

Сакс хрипло прошептала:

– Иди сюда! Укройся. Где-то здесь преступник.

Он подошел к ней, и они оба прижались к стене.

– Амелия.

– Лерон. – Мужчина зорко оглядел туннель. – Я услышал вызов десять-тринадцать.

– Услышал?

– У меня есть сканнер.

– Подмога в пути?

– Да.

Сакс заметила у него на бедре «беретта-нано», маленький пистолет калибра девять миллиметров, с точным прицелом, если плавно нажимать на спуск. Больничные охранники обычно не вооружены. Она также обратила внимание, что Лерон не выхватил пистолета. Нет мишени – нет нужды. Поэтому ей кое-что стало ясно.

– Служил в полиции? – спросила Амелия.

– В девятнадцатом участке.

Это в Верхнем Ист-Сайде.

– Был патрульным. Ушел в отставку по состоянию здоровья. Диабет. Скверное дело. Нужно снижать вес. – Он тяжело дышал. – Не то чтобы…

– Ты шел из поликлиники?

– Да. Сегодня там в наряде. Позвонила охрана из больницы. – Он бросил взгляд мимо нее и негромко засмеялся. – Никто из товарищей, с которыми я работаю, не захотел пойти посмотреть. Ха.

– Значит, он не мог уйти этим путем.

– Нет. Мимо меня не проходил.

Лерон снова посмотрел влево, потом вправо.

Значит, Икс 5–11 где-то неподалеку. Но мест, где можно спрятаться, было мало. Дверей всего несколько, большинство кладовых или техслужб заперты.

Лерон прошептал:

– У него рюкзак.

– Да.

– Бомба?

– Не его стиль. Мы думаем, что он серийный убийца.

– Оружие?

– Сказал, что вооружен, но я оружия не видела.

– Если так говорят, но оружия не показывают, его обычно нет.

Это было правдой.

– Но, Лерон, тебе пора подниматься. – Сакс указала подбородком на лестничный колодец. – Я возьму это на себя. – Она не должна подвергать опасности гражданских – а Лерон был гражданским, пусть и в форме бойца ударных частей и с итальянским пистолетом американского производства.

– Извини, детектив, – твердо ответил он. – Больница – моя территория. Здесь я отвечаю за все. Если скажешь, чтобы я остался на месте, я все равно последую за тобой. Не думаю, что тебе захочется услышать шаги позади в таком жутком месте.

Подмога, полагала Сакс, должна появиться через десять-пятнадцать минут. Колебалась она недолго.

– Идет. Только не стреляй из своей пушки, если преступник не будет в меня целиться. Или в тебя. И если тебя ранят, мне придется писать объяснения до второго пришествия. Меня это не радует.

– Ясно.

– Пошли, Лерон.

Глава 21

Когда они с охранником шли вдоль стены, Сакс спросила:

– Где бы спрятался ты?

– Он не мог пойти в эту сторону. – Лерон кивнул на коридор, идущий вправо. – Там тупик и никаких дверей. Должен быть где-то в этом коридоре. – Он указал вперед.

Сакс пошла первой, и они прошагали около двадцати футов по туннелю, соединяющему больницу с поликлиникой.

Лерон прошептал:

– Там?

Мужской и женский туалеты располагались друг против друга. Сакс кивнула. Лерон продолжал:

– В женском есть кабинки, где можно укрыться. Я, пожалуй, сначала зайду туда и…

– Туда зайду я, ты жди здесь.

– Я могу тебя поддержать.

– Нет, если он увидит, что мы оба там, а он в другом месте, удерет. – Сакс говорила охраннику почти в ухо, ощущая исходящий от него приятный запах лосьона после бритья. – Если будешь стрелять, не забудь про кафель.

– Понял. Усиливает звук. Один выстрел, и мы на пять минут оглохли. У меня уже было так. Если это случится, нужно полагаться на зрение. Услышать его приближение мы не сможем… Это если промахнусь. Знаешь, Амелия, я неплохой стрелок.

Он ей нравился.

– Ты уже делал это раньше?

– Да, много раз.

– Доставай, – сказала она.

Пистолет-нано в его руке казался еще меньше, стал почти невидим в черной плоти. У Лерона на пальцах было два кольца: обручальное и с печаткой полицейской академии.

– Я прикрываю тебя. Иди.

Сакс вошла в женский туалет. Никого. Всего две кабинки, двери распахнуты. Она вышла в коридор и огляделась. Он кивнул ей – все чисто. В мужском туалете с одной кабинкой она управилась еще быстрее.

Выйдя, Амелия оглядела десяток кладовых, двери которых открывались в коридор. Потом увидела, что Лерон наклонил голову. Он коснулся уха и указал на дверь примерно в двадцати футах. Сакс услышала какие-то звуки. На двери была табличка с надписью «Образцы».

Лерон прошептал:

– Я слышал какой-то скрип. Он там, я уверен.

– Окна есть?

– Нет. Мы глубоко под землей.

– Дверь заперта?

– Да, но это ничего не значит. В эти двери может войти кто угодно, если есть шпилька для волос. Женщины все еще пользуются шпильками?

– Конечно, чтобы отпирать замки, – ответила Амелия.

Они с Лероном подошли к двери. В ней было окошко с рифленым стеклом, и охранник, пригнувшись, перешел на другую сторону.

Ты уже делал это раньше…

Амелия Сакс заколебалась. За дверью, скорее всего, находился преступник, предположительно вооруженный. В самом крайнем случае имеющий при себе смертоносный яд.

Ждать прибытия ОБР с противогазами?

Она продолжала колебаться. Да или нет?

Наконец Сакс решилась. Она войдет туда! Преступник мог сколько угодно прятаться и устраивать западни. Но прежде всего она собиралась войти, потому что хотела этого. Должна была войти. Сакс подумала: «Райм, я не могу объяснить. Это так, и все тут».

В движении…

– Прикрой меня, – произнесла она одними губами. – Из коридора.

– Нет, я… – Но Лерон умолк, посмотрев ей в глаза, и кивнул.

Сакс сжала круглую дверную ручку, и та повернулась – дверь была не заперта.

Толчок… Дверь с трудом открылась, и за ней было темно, ничего не разглядеть. Сакс шагнула влево и сделала полуприсед, чтобы ее силуэт не был виден в дверном проеме. И тут из дальнего левого угла комнаты раздался оглушительный грохот. Лерон бросился вперед, Сакс попыталась его остановить:

– Нет!

Но охранник все-таки протиснулся в дверь, спеша на помощь, в которой она не нуждалась, на шум, который явно был отвлечением внимания.

– Осторожно! – крикнула Сакс, увидев, как из темноты что-то полетело в сторону Лерона. На лету предмет блеснул в свете из открытой двери. Сакс понимала, что в банке мог содержаться яд, цикута или, возможно, снадобье для зомбирования. *Известного противоядия нет…*

– Это яд! – крикнула она и инстинктивно пригнулась. Лерон отскочил влево, но споткнулся, тяжело упал на спину и застонал от боли.

Но, видимо, Икс не метил ни в нее, ни в охранника. Наверняка нет. Банка с ядом не разбилась бы, попав в них, – он подбросил ее высоко, к потолку.

Лерон находился прямо под банкой, когда она ударилась о трубу и разбилась. Яд полился на него. Охранник бросил пистолет и закричал.

Когда Сакс поднялась на ноги, Икс проскользнул из помещения с образцами через вторую дверь, находившуюся в тридцати футах, и побежал к административному зданию: ей был слышен удаляющийся топот.

Она повернулась к Лерону. Тот стонал и отчаянно утирал лицо.

– Воды, смой ее… я ничего не вижу.

Черт возьми, что это? Амелия почувствовала ядовитый, вяжущий запах. Кислота! Казалось, она разъедает его плоть. Господи! Сакс заколебалась. Гнаться за Иксом… или сделать все, что возможно, для Лерона?

Черт. Она схватила свой телефон и снова набрала 911, сообщила, что преступник бежит по соединительному туннелю к административному зданию рядом с больницей. Потом побежала к ближайшему гидранту, сняла шланг с полки, пустила воду и стала обливать лицо и грудь Лерона, хотя особого облегчения это ему не приносило, судя по крикам, гораздо более громким, чем неистовое шипение воды.

– Ну, ну, ну…

Крепко сложенный мужчина сел на пол и бешено замахал руками.

– Хватит, хватит, хватит!

Он закашлялся, и Сакс поняла, что направляет струю прямо ему в лицо, так что он едва не захлебывается. Она перекрыла воду.

Лерон встал на колени, отплевываясь. Его глаза покраснели, но в остальном, все было как будто в порядке, не считая кашля.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она. – Тебя обожгло? Это была кислота? Яд?

– Ничего, ничего… Я в порядке.

Сакс посмотрела на пол, на битое стекло. Подошла к осколку с приклеенной желтой этикеткой.

– О!

Лерон, щурясь, кивнул.

– Он бросил в меня один из образцов. Одну из банок.

– Похоже на то. Видимо, это формальдегид.

– Жжет, но не сильно. Ты почти все смыла.

Сакс оглядела пол и обнаружила у того места, где сидел Лерон, образец ткани. Она подумала, что Икс бросил кислоту, которая разъела кожу охранника. На самом же деле в банке был кусок плоти.

Лерон тоже посмотрел вниз и пнул комковатую трубку.

– Черт. Это то, что я думаю?

– По-моему, да.

– Он швырнул в меня болт и яйца? Мразь. Амелия, когда возьмете его, я хочу с ним посчитаться.

Глава 22

Билли Хейвен вошел в поликлинику из соединительного туннеля, где его преследователи – женщина-детектив и охранник – как он надеялся, корчились от боли, протирая воспаленные глаза.

Он не видел, много ли формальдегида на них вылилось – само собой, он не мог на это смотреть, каким бы привлекательным ни казалось подобное зрелище.

Потом Билли заметил в безлюдном коридоре мужской туалет, вошел в него и закрылся в кабинке. Полез в рюкзак за сменой одежды. Выбор был невелик. Он надел рабочий комбинезон и сменил вязаную шапочку на бейсболку. Надел очки в темной оправе. Наконец вынул брезентовую сумку для инструментов, как у строителей, и затолкал в нее рюкзак и куртку. Сумку он носил именно с этой целью – менять внешность в случае бегства. *Будь готов стать кем-то другим…*

Он вышел из туалета и направился к парадной двери. Хотел выйти через двухстворчатые двери на улицу, но тут появилась полицейская машина, за ней еще две, шины завизжали при резком торможении. Выскочившие из них полицейские останавливали каждого белого мужчину от пятнадцати до пятидесяти лет, проверяли удостоверения личности, заглядывали в сумки. Черт!

Вскоре прибыли еще полицейские в большом сине-белом грузовике отряда быстрого реагирования, создали оцепление перед фасадом – и, видимо, у задней двери и у грузового дока.

Билли повернул назад, дрожа от гнева. Неожиданное появление этой женщины-детектива все испортило. Он с удивлением узнал в ней Амелию Сакс собственной персоной – и с такими же суровыми глазами,

как в седьмой главе книги «Серийные города». И в такой же одежде в стиле унисекс. О, вот бы повалить ее на спину и устроить ей одну из своих особых модификаций. Ядом ангельской трубы. *Бругмансии*[10]. Убивает он быстро, однако детектив Сакс не умерла бы без мучительной боли.

Но перед этим ему требовалось выйти отсюда. Полицейские как будто готовились обыскать здание. И он понимал, что обыскивать они будут тщательно. Первая группа полицейских направилась к двери. Билли небрежно повернулся и пошел к лифтам, там остановился и с самым спокойным видом стал разглядывать план здания, словно у него не было никаких забот, кроме поиска специалиста для удаления бородавки или для колоноскопии.

Он лихорадочно соображал. В здании десять или одиннадцать этажей. Есть ли наружные пожарные лестницы? Возможно, нет. Их теперь редко увидишь. Здесь, видимо, огнестойкие лестничные колодцы, ведущие к не отмеченным на плане дверям, выходящим в аллеи. Там, разумеется, будут стоять полицейские. С пистолетами в руках, ожидая преступника.

Потом Билли увидел указатель врачебного кабинета на шестом этаже и на минуту задумался. Отлично, решил он и отвернулся от плана здания, когда в вестибюль вошел первый полицейский. *Всегда будь готов импровизировать…*

Глава 23

Лон Селлитто с трудом вошел в главный холл медицинского центра в Верхнем Манхэттене. Лифт, казалось, еле-еле полз – его ждали четыре человека. Нетерпеливые терпельцы, мысленно пошутил он и спустился по лестнице в цокольный этаж, где Амелия Сакс удержала Икса от очередного нападения. В самую последнюю секунду. Если бы Райм и Пуласки не вычислили место, которое преступник осматривал раньше, сейчас бы они расследовали убийство, а не занимались преследованием.

Полицейская бляха на шнурке подскакивала на объемистом животе Селлитто. С переброшенным через руку пальто он шел быстро и тяжело дышал. Чертовы диеты. Существует ли хоть одна полезная? И побольше физических нагрузок. Надо подумать об этом потом.

Внизу Лон вошел в кардиологическое отделение и, пройдя добрых пятьдесят ярдов, нашел палату, которую искал. Снаружи стояли двое полицейских в форме – латиноамериканец и негр. В палате на койке Селлитто увидел седого мужчину, худощавого, с морщинистым грустным лицом. На стуле возле него сидела красивая женщина пятидесяти с небольшим лет. На ней был классический темно-синий костюм, почти непрозрачные чулки и яркий шарф. Ее овальное лицо казалось

изможденным, зеленые глаза беспокойно озирали палату. Потом она взглянула на Селлитто и снова перевела взгляд на больного. В покрасневших руках она вертела бумажную салфетку. По другую сторону кровати сидел молодой белокурый человек, немного похожий на нее, возможно, сын.

Селлитто кивнул полицейским, и они отошли от двери.

– Где детектив Сакс? – вполголоса спросил он.

– Она оставалась с больничным охранником, пока туда не прибыли ребята из неотложной помощи. Потом она осмотрела коридор и комнату, где преступник напал на них, то есть на нее с охранником. Уже осмотрела место, где он шел за жертвой – за этой женщиной. – Полицейский указал подбородком на палату. На его бляхе значилась фамилия «Хуарес».

– Это был яд?

– Не-а.

– *Не-а*? – передразнил Селлитто.

Парень не понял насмешки и продолжал:

– Не-а. Преступник бросил в нее и охранника банку со склада или что-то вроде того. Банка разбилась. Охранника облила гадость, которая была внутри. Раньше он служил в полиции. Ушел в отставку из девятнадцатого участка.

– Детектив Сакс не пострадала, – добавил его напарник Уильямс.

– Что за гадость?

– Они не знают. Но вначале решили было, что это, наверно, кислота или что-то вроде этого, – ответил Хуарес.

– Бестолочь. Кислота?

– Не-а, просто консервант.

Селлитто спросил:

– Больница в безопасности?

– Охраняется, да.

Последним ответом Хуарес заслужил свирепый взгляд детектива и на сей раз понял, что допустил оплошность.

– Так точно, сэр. В безопасности. Но они уверены, что преступник где-то в соседнем здании. Детектив Сакс видела, как он уходил по туннелю. Дойти по нему можно только до одного места – поликлиники.

– И ОБР думает, что он все еще там?

Хуарес ответил:

– Ему нужно было двигаться быстро, очень быстро, чтобы выйти оттуда. Детектив Сакс позвонила тут же. Здание блокировали через две минуты после нападения. Возможно, он вышел, детектив, но это маловероятно.

– Две минуты… – Селлитто провел по мятому галстуку рукой, словно мог разгладить ею ткань, как утюгом, и тут же забыл о нем. Достав потрепанный блокнот, вошел в больничную палату и представился.

Мужчина на койке сказал:

– Меня зовут Мэттью Стэнтон. Здесь есть охрана? – Его темные глаза смотрели на Селлитто с тусклым выражением, будто детектив специально держал дверь открытой для психопата.

Его можно было понять, но Селлито пришел сюда по делу.

– Мы разбираемся с этим, – уклончиво ответил он.

Потом повернулся к женщине.

– А вы…

Мужчина холодно сообщил:

– Моя жена, Гарриет. Это мой сын, Джош.

Молодой человек поднялся и пожал руку Селлитто.

– Можете рассказать мне, что случилось? – спросил детектив у Гарриет.

Мэттью заговорил скрипучим голосом:

– Она просто шла по коридору, направлялась ко мне. А этот…

– Сэр, прошу вас. Можно мне послушать вашу жену?

– Хорошо. Но я поговорю со своим адвокатом, когда мы вернемся домой, и подам иск.

– Да, сэр.

Приподняв бровь, Селлитто посмотрел на Гарриет.

– Я никак не могу успокоиться, – проговорила она.

Селлитто невольно улыбнулся.

– Ничего. Не спешите.

Гарриет, волнуясь, начала рассказывать, как они несколько дней назад приехали в Нью-Йорк вместе с сыном и племянником. Они никак не могли решить, ехать в Нью-Йорк или в Диснейленд. Но, поскольку близилось Рождество, выбор пал на Нью-Йорк. Вчера по пути в магазин игрушек «Сворс» у ее мужа случился небольшой сердечный приступ. Этим утром она приехала навестить его и шла по коридору, когда услышала, как женщина-полицейский приказывает остановиться.

– Я не знала, что там кто-то есть. Он подходил совсем неслышно. Я повернулась – и, Господи, там этот человек. Как думаете, детектив, он собирался… Я имею в виду – собирался напасть на меня?

– Мы не знаем, миссис Стэнтон. Внешность этого человека соответствует описанию подозреваемого в предыдущем нападении…

– И вы, – подал голос муж, – не предупредили о нем людей?

– Мэттью, прошу тебя. На это можно взглянуть и по-другому. Ведь полиция спасла меня.

Мужчина замолчал, но, казалось, был возмущен еще больше. Селлитто надеялся, что с ним не случится нового приступа.

– А что за предыдущее нападение? – нерешительно спросила Гарриет. По ее голосу было ясно, о чем она думает.

– Не изнасилование. Убийство.

Она часто задышала, ее лицо под толстым слоем пудры, казалось, побледнело.

– Что, серийный убийца? – Она побледнела еще больше.

– Мы не знаем и этого. Можете описать его?

– Попытаюсь. Я видела его лишь несколько секунд до того, как он опустил маску, схватил меня и повернул.

Селлитто расспрашивал свидетелей уже несколько десятилетий и знал, что даже самые благонамеренные мало что помнят или неумышленно смешивают верные наблюдения с ошибочными. И все-таки Гарриет описала его довольно подробно. Сказала, что это был белый мужчина, примерно тридцати лет, в черной, возможно кожаной, куртке, в черной или темно-синей вязаной шапочке, в черных брюках или джинсах. Худощавый, но круглолицый – внешне он показался ей похожим на русского.

– Мы с мужем несколько лет назад ездили в Санкт-Петербург и обратили внимание, что молодые люди в этом городе большей частью выглядят так. Они круглоголовые, круглолицые.

Мэттью с усмешкой добавил:

– Преступники там тоже есть, но только карманники. Они не подкрадываются к тебе в больницах.

– Да, там более высокие моральные нормы, – ответил Селлитто. Потом спросил: – Может, внешность этого человека вообще славянская? Восточноевропейская?

– Не знаю. Наверно. Мы были только в России. Да, и глаза у него светло-голубые. Очень светлые.

– Шрамы?

– Шрамов я не видела. Кажется, у него была татуировка. На одной руке. Красная. Но я ее не разглядела. На нем была куртка.

– Волосы?

Гарриет опустила взгляд.

– Он очень быстро натянул маску. Не могу сказать.

– Говорил он вам что-нибудь?

– Только прошептал, чтобы я не вырывалась, иначе он меня изувечит. Акцента я не слышала.

Вот и все.

Возраст, телосложение, цвет глаз, круглая голова. Русский или другой славянин. Одежда.

Селлитто связался по рации с Бо Хауманном, командиром отряда быстрого реагирования и руководителем поиска. Передал ему описание внешности Икса и последние сведения.

– Понял, Лон. Мы блокировали административное здание. Вряд ли он вышел, но я отправил несколько групп прочесывать близлежащие улицы.

– Бо, я тебе перезвоню.

Селлитто никогда не утруждал себя соблюдением правил радиокода. Эту привилегию ему давало не звание, а срок службы.

Он вернулся к Гарриет Стэнтон и ее по-прежнему возмущенному мужу. Сердечный приступ? Он выглядел подтянутым, и лицо у него было обветренным, значит, он много двигался. Возможно, для сердечников фактор риска представляет дурное настроение. Селлитто стало жаль Гарриет, которая показалась ему приятной женщиной.

Между Иксом и первой жертвой вроде бы не было никакой связи, по-видимому, дело обстояло так же и теперь: он нападал наобум. И все-таки Селлитто спросил, видела ли Гарриет его раньше или замечала, что за ней следят, до приезда в больницу. Богаты ли они с мужем, не замешаны ли в чем-то, что могло бы сделать их объектом нападения преступников.

Последний вопрос как будто позабавил Гарриет. Нет, объяснила она, они простые туристы, и их отдых в Нью-Йорке был испорчен.

Селлитто записал название отеля, номер, в котором они остановились, и пожелал ее мужу скорого выздоровления. Гарриет поблагодарила его, Мэттью угрюмо кивнул, взял телевизионный пульт и увеличил громкость на историческом канале. Потом рация Селлитто затрещала, и потенциальная жертва покинула его мысли.

– Всем подразделениям, сообщаем о нападении на шестом этаже поликлиники, где проводится поиск Икса. Это рядом с медцентром Верхнего Манхэттена. Здесь был произведен выпуск отравляющего газа, вещество неизвестно. В здании остаются только сотрудники с противогазами.

Мысли Селлитто роились. *Сукин сын!*

Тяжело дыша, он побежал по коридору и вылетел из больницы на круговую подъездную дорогу. Посмотрел на поликлинику, находившуюся слева. Побежал трусцой к ней, снимая с ремня рацию. Сделал вызов.

– Бо? – Он тяжело дышал. Сделал еще попытку. – Бо?

– Лон, это ты? Прием.

– Да, да, да. Я только что слышал. О нападении. Что случилось?

Бывший сержант-строевик решительно ответил:

– Я получаю сообщения из вторых рук. Похоже, преступник хотел украсть принадлежности для уборки из врачебного кабинета на шестом этаже. Санитар увидел его, и Икс убежал. Но перед этим откупорил бутылку и что-то вылил на пол.

– Может быть, формальдегид, как в случае с Амелией?

– Нет, санитар сказал, что это скверная штука. Людей рвет, они теряют сознание. Пары повсюду. Определенно ядовитые.

Селлитто обдумал услышанное, потом поинтересовался:

– Знаешь, что это за кабинет? Где он разлил яд?

– Могу выяснить. Я на первом этаже, у плана здания. Сейчас посмотрю. – Через несколько секунд Бо заговорил снова: – На шестом только один врач. Занимает весь этаж.

Селлитто спросил:

– Это хирург, делающий пластические операции?

– Подожди. Да. Откуда ты знаешь?

– Потому что этот тип забинтовал лицо и теперь спускается по пожарной лестнице вместе с другими пациентами, которых ты эвакуируешь.

Пауза. Хауманн сказал:

– Черт. Ладно, мы разместим их в вестибюле, устроим проверку. Никто с пластырем на лице не выйдет из парадной двери. Спасибо, что позвонил, Лон. Мы возьмем его через десять минут.

Глава 24

Райм раскатывал взад-вперед перед монитором высокой четкости. Минут сорок назад пришло сообщение, что преступник выпустил ядовитый газ на шестом этаже поликлиники. На мониторе было изображение фасада здания, а за ним – самой больницы. Передача велась с видеокамеры ОБР.

Раздался звонок в дверь, Том пошел открыть. Щелкнул замок, послышался вой ветра, потом знакомый топот, сообщивший Райму, что приехал Лон Селлитто.

Детектив вышел из-за угла и остановился. Лицо его искажала гримаса.

– Так, – язвительно начал Райм. – Мне очень любопытно…

– Будет тебе, Линк, – произнес Селлитто, снимая мокрое пальто. – Это было…

– Я сказал – любопытно. Пришло это в голову кому-нибудь? Хоть одному человеку? Хоть кому-то на земле, что не санитар сообщил об отравляющем газе? Что это сам Икс передал ложное сообщение, чтобы все начали проверять пациентов с бинтами на лицах?

– Линк…

– И никто не проверил человека в предохранительной маске, какие носят стоматологи и татуировщики, и в комбинезоне, спокойно выходившего из парадной двери, словно рабочий, направляющийся по срочному вызову.

– Линк, теперь я это знаю.

– Значит, тогда это никому не пришло в голову. Только…

– Ну все, хватит.

– … теперь мы можем понять…

– Линк, иногда ты бываешь невыносим. Тебе это известно?

Райм знал, и его это не волновало.

– А что за облава в Марбл-хилле?

– На главных улицах установлены контрольные пункты, полицейские находятся у каждой автобусной остановки и станции метро района.

– Кого они ищут? – спросил Райм.

– Белого мужчину примерно тридцати лет.

Компьютер Райма возвестил о новом электронном сообщении. Его опять беспокоила Джин Иглстон, детектив, проводящая расследования на месте преступления. Она составила фоторобот подозреваемого, основываясь на наблюдениях Гарриет Стэнтон. Он представлял собой неулыбчивого молодого человека со славянскими чертами лица, выступающим лбом и почти сросшимися бровями. Светлые глаза придавали Икс пугающий, жуткий вид.

Райм не считал, что внешность может объективно отражать добро или зло. Но интуиция подсказывала ему, что это лицо по-настоящему опасного человека.

Включился второй монитор высокой четкости, с экрана на него смотрела Амелия Сакс.

– Райм, слушаешь?

– Да, да, Сакс. Говори.

Этим компьютером они пользовались для видеосвязи с правоохранителями в других городах, для редких допросов подозреваемых и разговоров по скайпу с детьми ближайшего родственника Райма – двоюродного брата, живущего в Нью-Джерси. Делала это главным образом Сакс – она шутила и читала им сказки. И еще иногда она болтала по скайпу с Пам.

Райму стало любопытно, не прекратится ли их общение после ссоры.

– Что произошло? Это правда, что он удрал? – спросила Сакс.

Райм нахмурился, бросил взгляд на закатившего глаза Селлитто и ответил:

– Да, скрылся. Но мы получили от заложницы хорошее описание его внешности. Какой прогноз, Сакс? У того охранника?

– Глаза потребуют небольшого лечения и только. В него попали формальдегид и отрезанные мужские гениталии. Они находились в той банке. Что его очень разозлило. – Амелия негромко рассмеялась. – Было темно, я увидела на полу какие-то ошметки, подумала, что Икс применил кислоту, а она разъела кожу охранника. Но у него все будет хорошо. Теперь, Лон, скажи, как идет облава.

Детектив объяснил:

– Мы взяли под наблюдение все автобусные остановки и станции метро в Марбл-хилле, а также поезд номер один, идущий с севера на юг. Преступник мог взять такси, но, думаю, он не захочет, чтобы его видел водитель. По мнению нашего мастера тату, он не здешний, так что, возможно, не знает о такси с постоянным местом стоянки. Мы считаем, что он предпочтет общественный транспорт.

Райм видел, как Сакс кивает, потом изображение затуманилось и замерло. Все-таки Интернет – ненадежная штука.

Через мгновение изображение снова стало четким.

– Он может попытаться сесть в поезд дальше к востоку, – предположила Сакс.

– Да, наверное.

– Хорошее замечание, – заметил Райм и обратился к Селлитто: – Отправь своих людей к поезду номер четыре и к линиям «Дэ» и «Бэ». Это центральный Бронкс. Дальше на восток он не уйдет.

– Г-м. Ладно.

Детектив отошел, чтобы позвонить.

– Райм, мне кое-что пришло на ум, – сказала Сакс.

– Что же?

– Там были десятки кладовых, где Икс мог спрятаться. Почему он выбрал эту?

– Твои соображения?

– Он проводил там время раньше. Думаю, он хотел затащить туда Гарриет, чтобы нанести татуировку.

– Почему?

– Это своего рода музей. – Она описала законсервированные образцы тканей в банках.

– Кожа. Да. Он одержим ею.

– Вот именно. Внутренние органы, мозги. Но как минимум в половине банок содержится именно кожа.

– Сакс, это какая-то сомнительная психология. Не уверен, что здесь есть смысл. Мы и так знали, что он интересуется кожей.

– Он провел там больше времени, чем нужно для осмотра возможного места убийства. Как турист в Музее современного искусства, понимаешь? Оно привлекало его. Поэтому я трижды все проверила.

– Вот это подходящая тема для психологической беседы, – заключил Райм.

Глава 25

Опустив голову, Билли быстро шел к метро в Бронксе, которое доставит его на юг, в Манхэттен, к его мастерской, к террариуму, к безопасности и комфорту.

Он вспоминал больничный коридор, представлял Амелию Сакс… Невольно думал о ней с некоторой фамильярностью, так как узнал все, что мог, об этой женщине и о Линкольне Райме. Как она нашла его? Ну, это не совсем тот вопрос. Как нашел его Райм? Она знает свое дело, ничего не скажешь. Но Райм знает лучше.

Ладно, как? Как именно? Билли был в больнице до этого. Может быть, оставил там что-то и, несмотря на всю свою осторожность, нечаянно наследил возле тела Хлои Мур?

Возможно, полицейские хотели предотвратить очередное нападение, послав Амелию Сакс остановить его? Нет, решил Билли, они не могли предвидеть, что он вернется именно в тот момент. Эта женщина-детектив приехала в больницу просто спросить, видел ли кто из служащих человека, соответствующего его описанию.

Мысли Билли вернулись к Амелии Сакс… Она слегка напоминала ему Очаровательную Девушку, ее красивое лицо, волосы, острые и решительные глаза. Он знал, что одних женщин можно подчинить доводами, других властностью. Но некоторых подчинить невозможно, в том-то все и дело.

Билли представил себе ее белую кожу. Олеандровая комната… Он представил Амелию лежащей в ней на кушетке, на диванчике, на кресле с откидной спинкой. С участившимся дыханием увидел кровь на ее коже, ощутил вкус крови. Почувствовал запах крови. Но сейчас нужно было забыть об этом.

На ум ему пришло другое слово: предвидение. Если Райм знал, что он будет в больнице, то мог понять, что Билли выберет для бегства этот

путь. Поэтому он ускорил шаг. Улица была оживленной. Магазины, торгующие по сниженным ценам, закусочные, салоны с мобильными телефонами и телефонными карточками. Покупатели – рабочий класс. *Продажа в кредит. Лучшие цены в городе.*

И повсюду люди: родители с маленькими детьми, закутанными, как куклы, от пронизывающего холода и бесконечного снега с дождем, подростки, не обращающие внимания на холод или действительно его не ощущающие. Тонкие куртки, джинсы, короткие юбки и воротники из искусственного меха, высокие каблуки. Постоянное движение. Билли уклонился от скейтбордиста за секунду до столкновения. Ему хотелось схватить парня и сбросить его с доски. Но тот моментально пронесся мимо. К тому же Билли не стал бы устраивать сцену – ни к чему в данных обстоятельствах.

Продолжая свое бегство на восток, он и здесь заметил много искусных росписей – Билли предпочитал это выражение слову «татуировка». Здесь обитал низший класс, смешанный расовый тип, и он видел много надписей на коже. Главным образом рукописным шрифтом. Видимо, отрывки из Библии, стихи или манифесты. Наверно, был представлен и Мартин Лютер Кинг, подумал Билли. Но цитаты могли быть из выступлений Шакила О'Нила или из Корана. Некоторые надписи были сделаны крупным шрифтом – размером в семьдесят два пункта. Однако большей частью они были такими мелкими, что их невозможно прочесть без лупы.

Кресты всевозможных форм были выколоты у мужчин, похожих на участников групповых изнасилований и наркоторговцев, и у молодых женщин, смахивавших на шлюх.

Навстречу Билли шел молодой человек лет двадцати, темнокожий, широкоплечий, немного ниже его ростом. Билли уставился на рубцы от ожогов на его щеках и висках – замысловатый узор из пересекающихся линий.

Парень заметил внимание Билли, замедлил шаг, потом остановился и кивнул.

– Привет. – Он стоял и улыбался. Возможно, понимал, что Билли высоко оценил его шрамы. Так оно и было.

Билли тоже остановился.

– У тебя отличные узоры.

– Да. Спасибо.

В традициях Африки к югу от Сахары эта форма модификации делалась вырезанием лоскутов кожи и введением раздражающего сока растений для образования шрамов, которые затвердевали и создавали постоянные узоры. Шрамы служили нескольким целям: обозначали их носителя как члена конкретной семьи или племени, указывали на определенное социальное или политическое положение, отмечали вехи жизненного пути, такие как половая зрелость и готовность вступить в брак. В некоторых африканских культурах рубцевание обозначало сексуальное мастерство и влечение – и шрамы могли становиться эрогенными зонами. Чем обширнее рубцевание женщины, тем привлекательнее она как партнер: это означает, что она лучше способна выносить боль деторождения и принесет много отпрысков.

Билли всегда высоко ценил ожоговые шрамы, но сам никогда их не делал. На лице молодого человека они были впечатляющими: соединенные в цепи и лозы. Африканское искусство росписи большей частью геометрическое; изображения животных, растений или людей встречаются редко, слова никогда. Билли охватило сильное желание коснуться этого узора, и он с трудом сдержался.

Местный парень, в свою очередь, бросил на Билли странный взгляд, в котором смешались любопытство и дружелюбие. Наконец он огляделся по сторонам и, как будто приняв решение, прошептал: «Слушай, хочешь немного расслабиться?»

– Я…

– Сколько можешь потратить? Я могу достать что пожелаешь.

Наркотики. Отвратительно. Восхищение мгновенно сменилось ненавистью. Этот молодой человек словно бы предал его. Искусство росписи было уничтожено. Билли захотелось вонзить ему иглу в шею, увести в переулок и выколоть цикутой сообщение на его животе. Но тут до него дошло, что это еще одно подтверждение верности Принципа кожи. Ничего удивительного. Это должно расстраивать его не больше, чем один из законов физики. Билли разочарованно улыбнулся, обошел молодого человека и зашагал дальше.

– Слушай, я тебе все устрою!

Пройдя один квартал на восток, Билли оглянулся, не увидел никого, представляющего угрозы, и вошел в магазин одежды. За наличные он купил бейсболку команды «Янки» и дешевые кроссовки. Натянул головной убор и переобулся. Старые не выбросил – полицейские могли обыскать мусорные баки и найти кроссовки с его отпечатками пальцев, – но, когда продавец отвернулся, сунул одну кроссовку в бункер для

брошенной обуви, а другую на полку, за ряд такой же. Вышел наружу и заспешил к метро, которое доставит его обратно на Канал-стрит, в безопасность. Снова опустив голову, Билли разглядывал грязные тротуары с овалами собачьей мочи и темными пятнами жевательной резинки в истоптанном талом снегу. Никто не смотрел на его комбинезон, на сумку с одеждой, никто не думал: не он ли убил ту девушку в Сохо? Его ли это едва не загнали в угол и не застрелили в больнице в районе Марбл-хилл?

Билли шел быстро, вдыхая холодный воздух, насыщенный выхлопными газами. Разумеется, он не сядет в поезд, который останавливается на станции Марбл-хилл, потому что она расположена близко к больнице. Он провел несколько дней за изучением транспортной системы Нью-Йорка и теперь шел к станции дальше к востоку, хотя это и требовало быстрой ходьбы по неприятной погоде, среди еще более неприятных людей. *Я не могу достать что пожелаешь...*

Здесь их было полно. Толпа стала еще гуще, появилось больше покупателей – пользуясь предрождественским сезоном, эти люди закупают подарки, догадался он. Одетые в темную поношенную, ветхую одежду. Свино-люди, собако-люди доктора Моро...

Мимо пронеслись несколько полицейских машин, направлявшихся к Марбл-хиллу. Не остановилась ни одна.

Тяжело дыша, с болью в груди, он наконец подошел ко входу на станцию метро. Здесь поезда ходили не под землей, а по эстакаде. Билли приложил проездной и небрежно поднялся по крутой лестнице на платформу, где съежился от сырого ветра.

Он глубже натянул бейсболку, сменил очки для чтения на другие, с иной оправой, потом замотал серым шарфом рот. Воздух был таким холодным, что это не казалось странным.

Билли внимательно огляделся – нет ли полиции. Внизу на улице не было мигалок, в толпе не заметно полицейских в форме. Может быть... Но тут он увидел двух мужчин в пальто, стоявших на платформе футах в тридцати от него. Один посмотрел в его сторону, потом повернулся к своему спутнику. Белые, они были одеты в светлые рубашки с галстуками под толстыми пальто; большинство других пассажиров на платформе были неграми, латиноамериканцами или метисами, одетыми гораздо более небрежно.

Переодетые полицейские? Билли показалось, что да. Они могли не быть участниками облавы – возможно, занимались наркоторговцами, – но знали о тревоге и теперь решили, что обнаружили Подпольщика.

Один из них позвонил по мобильному телефону, и Билли подумал, что он связался с Линкольном Раймом. Оснований для такого умозаключения не было, но интуиция подсказывала, что этот полицейский друг и коллега Райма.

Поезд приближался, но находился еще в двухстах ярдах. Мужчины пошептались, потом пошли в его сторону, невозмутимые, не обращая внимания на пронизывающий ветер.

Он был так осторожен, так находчив, когда бежал из поликлиники. И теперь его схватят из-за простого совпадения? Из-за того, что поблизости оказались двое полицейских?

Билли находился далеко от выхода. Убежать он не успеет. Может, прыгнуть вниз? Нет, до забитой машинами улицы внизу двадцать футов. Он переломает себе кости.

Билли решил, что ему остается только блефовать. У него было удостоверение коммунального работника, не вызывавшее сомнений при быстром взгляде, но один звонок в муниципалитет – и они узнают, что оно поддельное. У него было и настоящее удостоверение личности, что формально представляло собой нарушение заповедей. *Оставайся неопознаваемым*. Но, разумеется, оно не сработает. Стоит лишь связаться по рации или телефону, и они узнают, кто он на самом деле.

Придется пойти на преступление. Не замечать этих людей, пока они не окажутся рядом, и повернуться к ним с улыбкой. Потом Билли толкнет на пути одного или обоих и в последующем хаосе сумеет скрыться. Это был дрянной план, грубый и опасный. Но он решил, что выбора нет.

Мужчины приблизились. Они улыбались, но Билли не доверял их улыбкам. Поезд был уже близко. В ста футах, в восьмидесяти, в тридцати… Он посмотрел, нет ли на бедрах мужчин пистолетов, но пальто у них были застегнуты. Билли бросил взгляд на выход, соотнося расстояние и время. *Приготовься. Первым толкай большого. Приятеля Линкольна Райма*. Поезд уже подходил к платформе.

Более высокий, которому предстояло умирать первому, кивнул, поймав взгляд Билли. *Жди, жди. Еще десять секунд. Восемь, семь, шесть…* Билли напрягся. Четыре, три…

Мужчина улыбнулся.

– Эрик?

– Э… прошу прощенья?

– Ты Эрик Уилсон?

Поезд с грохотом въехал на станцию и, завизжав тормозами, остановился.

– Я? Нет.

– О, знаешь, ты прямо-таки вылитый сын человека, с которым я работаю. Извини, что побеспокоил.

– Ничего.

У Билли дрожали руки, дрожала челюсть, и не только от холода.

Мужчины повернулись и пошли прочь, к поезду, из которого выходили пассажиры.

Он вошел в вагон и встал как можно ближе к этим людям, чтобы слышать их разговор. Да, они были именно теми, кого напоминали, – бизнесменами, возвращающимися после какой-то встречи на окраине в свою контору на Мэдисон-авеню, чтобы писать отчет о том, как прошла встреча.

Машинист отпустил тормоз, и поезд со скрежетом тронулся на юг, раскачиваясь и издавая визг на стрелках. Вскоре они были в Манхэттене и нырнули под землю. Подпольщик снова оказался в своем мире.

Ехать в метро было рискованно, но, во всяком случае, он минимизировал опасность. И, очевидно, преуспел. Это было надежнее, чем садиться в поезд номер один или номер четыре – следующий, идущий на восток, – или даже в «Бэ» и «Дэ». Билли проехал несколько миль до станции Эллертон-авеню, чтобы сесть в поезд номер два, предполагая, что кто-нибудь – ну, конечно же, Линкольн Райм – мог отправить полицейских к более близким станциям. Но даже в полицейском управлении нет достаточно людей, чтобы проверить все метро. Он надеялся, что скорость выведет его за пределы облавы. Очевидно, так оно и вышло.

Мчась в вагоне на юг, Билли думал: «Не только ты способен предвидеть, капитан Райм».

Глава 26

«Мистер Пять-Одиннадцать знает, что делает», – снова подумал Линкольн Райм, направляя кресло-каталку к столу для осмотра улик, где Мел Купер и Сакс осматривали вещи, принесенные из больницы.

Несмотря на утомительный осмотр коридоров, здания поликлиники и «музея кожи», улики, найденные на месте неудачного нападения на Гарриет Стэнтон, оказались минимальными.

Не было отпечатков пальцев; Иксу хватило ума не трогать Гарриет пальцами (с кожи можно снять отпечатки). Он либо сжимал ее одежду, либо касался ее тела рукавами. И где-то между бегством с места нападения в подвале и укрытием в комнате для хранения образцов надел латексные перчатки (не виниловые, на которых остаются отчетливые отпечатки пальцев, которые можно предъявить в суде).

Но, в отличие от прежних мест преступления, Икса захватили врасплох, и у него не было возможности надеть бахилы. Сакс получила хорошие электростатические следы ног. Кроссовки одиннадцатого размера фирмы «Бэсс шуз», хотя это означало только, что на нем была обувь одиннадцатого размера, а размер ног мог быть другим.

Степень износа обуви, по которой иногда можно судить о весе и росте, ничего не дала, но Райм подумал – ну и что? Они знали его рост и вес.

Сакс на всякий случай скатала на пленку участки пола вокруг следов. Мел Купер сообщил, что показал анализ.

– Много инвудского мрамора, еще больше моющих средств и медицинских материалов, что приводит нас прежде всего в больницу. Потом снова моющие средства. Больше ничего.

Сакс нашла в комнате с образцами совершенно необычный след, хроматограф/спектрометр определил его как диметикон, который используется в косметике, в производстве смазочных масел и для обработки продуктов, чтобы предотвратить спекание. Любопытно, что это был также основной ингредиент шпатлевки. Райм не отбросил этот факт немедленно, но после недолгого размышления решил, что галантерейные новинки не входят в планы Икса.

– Думаю, он соприкоснулся с диметиконом, когда схватил миссис Стэнтон.

Сакс объяснила, что женщины пятидесяти с лишним лет наносят на лицо много косметики. Потом достала телефон и позвонила по номеру, который дала ей Гарриет. Та ответила и, когда Сакс объяснила ей проблему, назвала фирму, производящую предпочитаемую ею косметику. Найдя сайт фирмы, Амелия узнала, что диметикон был одним из основных ингредиентов их товаров. Они зашли в тупик.

Кроме того, не было никаких новых следов волокон.

Записав подробности на белой доске, Сакс сказала:

– Вот что еще. Я видела татуировку на его… – Она нахмурилась. – Да, на его левой руке. Выколото животное или какое-то существо. Возможно, дракон. Из книги-триллера «Наколотый дракон». Красного цвета.

– Совершенно верно, – подтвердил Селлитто, заглянув в свой блокнот. – Гарриет Стэнтон говорила про татуировку. Однако она не разглядела изображения.

– Есть какие-то следы яда, которыми он собирался отравить жертву? – спросил Пуласки Купера.

– Нет. На том, что собрала Амелия, никакого яда не обнаружено.

– Думаю, можно предположить, что он держит свой любовный напиток закупоренным, пока не начнет применять его.

Райм снова задумался: «Почему именно этот способ действия? В настоящее время яд – редкое орудие убийства. Убийства отравлением, распространенные на протяжении столетий, начали выходить из моды в середине 1800-х годов, когда английский химик Джеймс Марш изобрел тест, способный обнаружить мышьяк в тканях покойного. Вскоре последовали тесты для других ядов. Мужья, одержимые мыслью об убийстве жен, алчные наследники, считавшие, что врачи признают причиной смерти коронаротромбоз, сердечный приступ или другое заболевание, стали отправляться в тюрьму или на виселицу после того, как первые детективы-криминалисты представили свои доводы в суде.

Несчастные жены продолжали угощать мужей некоторыми веществами, например, этиленгликолем – автомобильным антифризом, а Министерство национальной безопасности считало террористическим оружием все яды начиная от касторовых бобов, превращенных в рицин, до цианидов и ботулотоксина, самого смертоносного вещества, какое только существует (очень мягкая его форма, ботокс, используется в косметических инъекциях). Несколько килограммов ботулотоксина могли бы убить всех людей на земле.

Однако яды были неудобными, поддающимися обнаружению, труднодоступными, не говоря уж о том, что потенциально смертельными для отравителей. «Почему ты так их любишь?» – мысленно спрашивал Райм, обращаясь к Иксу.

Мел Купер прервал его размышления.

– Он едва не совершил убийство в больнице. Думаешь, он скроется?

Райм хмыкнул.

– Это означает «нет»?

Сакс подтвердила:

– Это означает «нет».

– Единственный вопрос, – сказал Райм, – где он собирается нанести очередной удар? – Он подкатил к белой доске. – Ответ здесь. Возможно.

Медицинский центр Верхнего Манхэттена

● Жертва: Гарриет Стэнтон, 53 года

– Туристка

– Не пострадала

● Икс 5–11

– Смотри детали в предыдущей таблице

– Красная татуировка на левой руке

– По внешности русский или другой славянин

– Светло-голубые глаза

– Акцента нет

– Кроссовки 11-го размера фирмы «Бэсс шуз»

– Отпечатков пальцев нет

– Провел время в комнате образцов (музее кожи)

● Трасологические следы

– Яда не обнаружено

– Диметикон

▪ *Но, возможно, с косметики на лице Гарриет Стэнтон*

Глава 27

«Прованс-2» был переполнен.

Стоило «Таймс» похвалить его поваров, как этот захудалый ресторан в Адской кухне[11] заполнили люди, стремящиеся отведать блюда двух южных кухонь – американской и французской. Жареных цыплят с каперсами и овощным рагу. Les escargots avec grits[12]. Невероятно, но это блюдо пользовалось спросом.

Находясь между складом и шикарным административным зданием из стекла и стали, этот ресторан располагался в типичной постройке западной части Мидтауна: вековой давности, с неровными полами, которые трещали под ногой, и потолками из листовой жести. Низкие сводчатые проходы вели из одного тесного обеденного зала в другой, стены представляли собой очищенный пескодувкой кирпич, не обладающий никакой звукоизоляцией.

Тусклые желтые лампочки были ввернуты в люстры как будто того же возраста, что и здание, хотя были изготовлены не в мастерских викторианской эпохи на Гудзоне, а на заводе возле Сеула.

За одним из столов в глубине зала велся оживленный разговор.

– У него нет ни малейшего шанса. Это смешно.

– Ты слышал о его девушке?

– Она не его девушка.

– Его, об этом сообщалось в Фейсбуке.

– Все равно, я даже не думаю, что она девушка.

– О-о! Вот это мило.

– Когда пресса все выяснит, выпьем за него. Давайте возьмем еще бутылку. Шабли.

Саманта Ливайн слушала шутки своих собеседников вполуха. Прежде всего, ее мало заботила местная политика. Кандидат, о котором шла речь, очевидно, не выиграет очередные выборы, но не из-за своих девушек, которые могли пройти или не пройти проверку на девственность, а потому, что был слабым и ограниченным. Нужны более высокие качества, чтобы стать мэром Нью-Йорка. Нужно je ne sais quoi[13], вам всем.

Кроме того, мысли Саманты то и дело возвращались к работе. В последнее время было много неприятностей. Она работала долго – почти

до восьми часов вечера, ушла полчаса назад и поспешила из соседнего шикарного здания к друзьям. Она пыталась забыть о заботах, которые принесла с собой, но в высокотехнологичном мире невозможно избавиться от трудных вопросов и проблем, с которыми ежедневно сталкиваешься. Конечно, тут есть и преимущества: можешь носить – как теперь – джинсы и свитера (летом – майки-безрукавки), получать шестизначные суммы, можешь делать татуировку или пирсинг, работать по гибкому графику, можешь приносить в кабинет диванные подушки и раскладывать их на письменном столе.

Только нужно давать результаты. И опережать на шаг конкурентов. А конкуренция, черт возьми, там большая. Интернет с большой буквы. Ну и место. Много денег, много возможностей головокружительного успеха. И бездонных провалов.

Тридцатидвухлетняя, с роскошной фигурой, рыжими волосами с красноватыми прядями, большими черными глазами, как в японских анимэ, Саманта потягивала белое вино и старалась не думать об особенно неприятной недавней встрече с начальником – встрече, занимавшей с тех пор все ее мысли.

Перестань… думать… о ней.

Наконец ей это удалось. Подцепив вилкой дольку жареного зеленого помидора с пастой из анчоусов и сунув ее в рот, она снова обратилась к друзьям. Все они улыбались, кроме Афористки, слушая, как Рауль – ее товарищ по квартире, да, только товарищ – рассказывал историю о ней. Он был помощником фотографа, делавшего снимки для журнала «Вог». Худощавый, бородатый шеф приехал за Раулем в квартиру в Челси, где они вместе жили, оглядел Саманту в майке, пижамных брюках, с взъерошенными волосами, стянутыми резинками разного цвета, и в очень, очень серьезных очках.

– Г-м. Можно я вас сниму?

– О, вы заключили контракт на календарь с фотографиями пугала? – ответила Саманта. Рауль рассказывал, слегка приукрашивая подробности, и все за столом оглушительно хохотали.

Это была хорошая компания. Рауль и Джеймс – его лучший друг, Луиза из отдела Саманты и еще одна женщина, которую привел Джеймс. Как ее – Катрина, Катерина или Карина? Блондинка Джейми на эту неделю. Саманта мысленно назвала ее Афористкой.

Мужчины продолжали спор о политике, словно заключили пари на исход выборов, Луиза пыталась обсудить с Самантой что-то серьезное, а блондинка К сыпала афоризмами.

– Сейчас вернусь, – сказала Саманта, поднялась и пошла по старому полу, после трех стаканов вина для снятия стресса показавшемуся не таким ровным, как при ее появлении здесь. Осторожнее, девочка. Можно упасть пьяной в Хэмптонсе, можно упасть пьяной в Кейп-Мэй. В Манхэттене падать пьяной нельзя.

Двое у крохотной стойки попытались с ней заигрывать, но она не отреагировала. Ее внимание привлек человек, сидевший в одиночестве у конца стойки. Он был худощавым, бледным, словно выходил из дома только ночью. Живописец, скульптор или еще какой-нибудь художник, решила Саманта. Красивый, хотя подбородок кажется слабым, когда он смотрит вниз. Пронзительные глаза, смотрящие на нее с одним из *этих* выражений. Саманта называла их «лакающими» – по аналогии с собакой, жадно лакающей воду.

Она почувствовала озноб. Потому что взгляд был слишком долгим и даже пугающим. Он раздевал ее глазами, осматривал тело.

Саманта пожалела, что посмотрела на него, и быстро продолжила самый опасный путь в ресторане: вниз по узкой лестнице в подвал, где находились туалеты.

Внизу было темно, тихо, и это удивило ее впервые с тех пор, как она пришла сюда. Люди, занимавшиеся реконструкцией ресторана, потратили много сил и времени, придавая обеденным залам атмосферу французской и американской сельской местности, но туалеты были чистейшего стиля Сохо. Плитка, светильники в нишах, декоративная трава в качестве украшения. На стенах – фотографии Роберта Мэпплторпа, но ничего причудливого – ни кнутов, ни задниц.

Саманта подергала дверь. Заперто. Она скорчила гримасу. «Прованс-2», конечно, был небольшим, но ни в одном паршивом ресторане не должно быть одноместного женского туалета. Владельцы в своем уме?

Сверху слышался скрип шагов по сухим половицам и приглушенные голоса. Ее не оставляли мысли о человеке за стойкой.

Почему она ответила ему взглядом? «Господи, будь немного поумнее»! Зачем тебе флиртовать? У тебя есть Эллиот. Не предмет вожделений, но порядочный, надежный, смотрит телепередачи государственного вещания. Когда предложит снова, соглашайся. У него приятные глаза, и, возможно, он даже неплох в постели».

Оставь, тебе нужно отлить. Всего один чертов туалет?

Вновь послышался скрип и звук шагов вниз по лестнице. *Топ, топ…* У Саманты заколотилось сердце. Она поняла, что это сидевший у конца стойки опасный человек.

Она увидела появившиеся на ступеньках полусапоги высотой до щиколотки, словно из семидесятых годов. Странно. Голова у нее закружилась. Она находилась в дальнем конце коридора. Выхода оттуда не было. Что делать, если он набросится на нее? В ресторане очень шумно; никто не услышит. Сотовый остался наверху…

Успокойся. Ты не одна. В туалете еще одна женщина. Она услышит крик. Да и никто, как бы ни был возбужден, не рискнет пойти на изнасилование в коридоре ресторана.

Скорее всего, произойдет неловкий инцидент. Этот худощавый парень сильно возбудится, продолжит заигрывание, разозлится, но в конце концов пойдет на попятный. Сколько раз такое случалось! В худшем случае ее сочтут «динамщицей».

Вот что происходит, когда женщина бросает взгляд на мужчину. Разные правила. Когда мужчина смотрит на женщину, тут все в порядке. У парней это дело обычное. Изменится ли когда-нибудь такое положение вещей?

Но потом Саманта подумала: «Что, если он настоящий психопат? С ножом? Судя по его пронзительному взгляду, это возможно. А буквально вчера произошло убийство – какую-то девушку в Сохо убили в подвале. В таком, как этот. Черт возьми, я буду сопротивляться…»

И тут Саманта рассмеялась. Появился обладатель полусапожек – пожилой толстяк в костюме с галстуком-шнурком. Турист из Далласа или Ньюстона. Он бросил на нее взгляд, кивнул в рассеянном приветствии и вошел в мужской туалет. Она снова повернулась к двери.

Давай, выходи, милочка. Господи! Навела свой сучий макияж? Или выблевываешь четвертый коктейль «космо»?

Саманта снова взялась за круглую дверную ручку, решив напомнить не считающейся с остальными особе, что образовалась очередь. Ручка повернулась.

Черт возьми, подумала Саманта. Дверь все время была не заперта. Видимо, она минуту назад поворачивала ручку не в ту сторону. Как можно быть такой глупой? Она вошла, включила свет и закрыла дверь. И

увидела мужчину, стоявшего за дверью. На нем были комбинезон и вязаная шапочка. Он мгновенно запер дверь.

О Господи…

Его лицо горело, нет, было искажено, смято под прозрачным желтым латексным капюшоном. На руках у него были резиновые перчатки того же цвета. На левой, между краем перчатки и рукавом виднелась часть красной татуировки – какое-то насекомое с клешнями, крохотными ножками, но человеческими глазами.

Ах, нет, нет, нет…

Саманта быстро повернулась, потянулась к двери, но он опередил ее, обхватив вокруг груди. И она ощутила острую боль, когда он ткнул ее в шею. Отбиваясь ногами, она начала кричать, но мужчина прижал ей ко рту мягкую ткань, поглощавшую звуки.

А потом Саманта увидела напротив туалета маленькую дверь, размером примерно два фута на три, открытую в темноту – в туннель или проход в еще более глубокий подвал под рестораном.

– Пожалуйста! – проговорила она, но это слово было поглощено кляпом.

Саманта становилась вялой, утомленной. Страх почти исчез. И она поняла: толчок в шею означал какой-то укол. Прежде чем сон охватил ее полностью, Саманта почувствовала, как ее опускают на пол, а потом волочат к черному проему.

Она ощутила тепло, струйку, текущую вниз по ноге, – результат страха и отсутствия контроля. Неизвестное снадобье, которое он вколол, оказывало свое действие.

– Нет, – прошептала Саманта. И услышала в ухе голос.

Сейчас.

Слово звучало очень долго, словно не напавший говорил, а шипело насекомое на его руке.

Глава 28

Принцип кожи… Работая тату-машинкой на замечательном животе новой жертвы, Билли размышлял о своей одержимости этой материей, холстом Господа Бога. Кожей.

Но она представляла собой и холст Билли, он увлекся ею, как Собиратель Костей скелетной системой тела, которая и ему показалась интересной после «Серийных городов». Однако кожа представляла собой гораздо более откровенную часть человеческого тела. Более существенную. Более важную.

Какие озарения давали кости? Никаких. В отличие от кожи. Из покровных, защищающих тело органов кожа развита гораздо больше, чем копыта, ногти, чешуя, перья и сложные наружные скелеты ползающих членистоногих. У млекопитающих кожа – самый большой орган. Даже если б органы и сосуды могли управляться каким-то альтернативным изобретением доктора Сьюза[14], кожа способна на гораздо большее. Она предотвращает инфекции, служит самой первой предупреждающей системой и защитой от сильного холода и жары, от болезней и инфекций, от клещей, зубов и дубин, а в определенных обстоятельствах даже от копий и пуль. Кожа удерживает жизненно необходимое вещество – воду. Она поглощает свет, в котором мы нуждаемся, и даже производит витамин Д. Что скажете? Кожа. Нежная или грубая, словно выделанная. Вокруг глаз толщина ее всего полмиллиметра; на подошвах ступней – пять миллиметров. Эпидерма – верхний ее слой, бежевая, черная или коричневая оболочка, которую мы видим, под ней дерма, которую должны прокалывать иглы тату-машинки. Кожа восстанавливается, то есть самая красивая на свете татуировка исчезнет, если иглы вошли недостаточно глубоко. Это было бы все равно, что писать Мону Лизу на песке.

Но эти основные сведения о коже, как бы ни были они интересны Билли Хейвену, не затрагивают ее истинной ценности. Кожа показывает, кожа объясняет. Морщины говорят о возрасте и деторождении, мозоли намекают на профессию и хобби, цвет наводит на мысль о здоровье. И, кроме того, существует пигментация. Это совсем другая история.

Билли откинулся назад и стал разглядывать работу на коже своей жертвы. Да, хорошо. *Стиль Билли…*

Часы на его правом запястье зажужжали, а через пять секунд и вторые – в кармане. Своеобразный будильник, предписанный Заповедями Модификации. Неплохая идея. Билли, как и большинство художников, могли застать врасплох за работой.

Он встал и в свете галогенового фонаря, пристегнутого ко лбу, обошел тускло освещенное пространство под «Провансом-2». Оно представляло собой восьмиугольный подвал около тридцати футов в поперечнике. Три свода вели в три темных туннеля. В минувшие века, как вычитал Билли в исследованиях, эти коридоры использовались для перегона скота к двум подземным бойням на западной стороне Манхэттена. Здоровых быков

гнали по одному туннелю, больных – по другому. Тех и других забивали на мясо, однако нечистое продавали беднякам Адской кухни, отправляли в другие города, в том числе в Бруклин, и на грязные рынки. Мясо здоровых животных попадало на кухни жителей престижных районов и лучших ресторанов Нью-Йорка.

Билли не знал, какой туннель предназначался для здоровых животных, какой для больных. Он ходил по обоим, пока они не закончились – один кирпичной стеной, второй каменной. Билли же хотелось татуировать эту молодую женщину в туннеле для больного скота – это казалось более уместным. И он остановил свой выбор на месте, где скот сортировали, – в самом восьмиугольнике.

Билли внимательно осмотрел женщину. Татуировка получилась хорошо. Фестонное окаймление тоже. Он был доволен. Дома, когда он делал работу для клиентов в своей мастерской, их реакция его не интересовала. У него были свои мерки. Работа, к которой клиенты оставались равнодушными, могла вызвать у него бурный восторг. Или, например, молодая женщина могла смотреть на изображение своего свадебного торта (такие наколки были популярны) и плакать, умиляясь его красоте, но если Билли видел хоть один изъян, крохотный штрих не на месте, то злился на себя несколько дней.

Однако сейчас все было хорошо. Он остался доволен. Интересно, поймут ли теперь его сообщение? Но нет, даже Линкольн Райм не настолько умен.

Подумав о трудностях, с которыми столкнулся в больнице и поликлинике, он решил, что пора уже остановить преследователей.

Одна из максим в Заповедях, написанных беглым почерком Билли: гласила: «Постоянно подвергай переоценке разыскивающих тебя полицейских. Может оказаться необходимым воздвигнуть препятствие в розысках. Целься только в полицейских невысокого звания; вышестоящие и начальники будут прилагать больше усилий, чтобы найти тебя». На языке Билли это значило: «Уничтожай всех, кто попытается помешать Модификации».

Остановить преследователей он собирался просто. Люди без наколок думают, что иглы в тату-машинках полые. Но дело обстоит иначе. Тату-иглы сплошные, обычно спаянные по несколько, позволяющие краске стекать в ранки и кожу.

У Билли было несколько шприцов, чтобы успокаивать жертв. Он открыл сумку и вынул пластиковую медицинскую бутылку с завинчивающейся крышкой. Осторожно открыл ее и поставил коричневый цилиндр на

землю. Вынул из набора краденых медицинских инструментов длинный пинцет, полез им в пластиковую бутылку и извлек из нее крохотный шприц. Осторожно снял наконечник и наполнил шприц ядом.

Потом Билли взял сумочку женщины и вонзил в нее под самым замком иглу шприца, чтобы, когда полицейский будет открывать ее, острый кончик проколол перчатку и кожу. Кончик этот был таким тонким, что человек, получивший укол, вряд ли его почувствует. Но примерно через час симптомы поразят его, как гром среди ясного неба. А они будут просто замечательны: из всех ядов стрихнин вызывает самые мучительные реакции. Можно рассчитывать на тошноту, конвульсии мышц, гипертензию, судороги, болезненные ощущения и наконец удушье.

Стрихнин убивает. Хотя в данном случае эта доза приведет скорее к серьезным церебральным нарушениям, чем к смерти. *Насылай чуму на своих преследователей.*

Позади него раздался стон. Женщина постепенно приходила в сознание. Билли повернулся к ней, луч галогенового фонаря метнулся по подвалу.

Он осторожно поставил сумочку на то место, где она могла бы упасть, если бы он небрежно ее отбросил. Полицейские сочтут, что на ней есть хорошие трасологические следы и отпечатки пальцев, и Билли надеялся, что возьмет сумочку именно Амелия Сакс. Он злился на нее за то, что она нашла его в больнице, хотя виновен в этом был Линкольн Райм. Билли собирался когда-нибудь вернуться в комнату с образцами, но теперь из-за Сакс никогда не сможет этого сделать.

Даже если уколется не она, то, возможно, кто-то из помощников Линкольна Райма. А сам Райм? Билли полагал, что это не исключено: он вновь обрел возможность немного пользоваться рукой. Может, Райм наденет перчатку и возьмет сумочку. Он *наверняка* не почувствует укола.

О…

Билли повернулся, чтобы взглянуть на художественную галерею из прекрасной кожи, распростертой перед ним, и навел луч фонарика на свое полотно. Посмотрел в глаза женщины, зажмурившиеся сперва от света, потом от боли. Часы на его руке зажужжали. Вслед за ними и карманные. Настало время уходить.

Глава 29

Огни отражались от падающего мокрого снега, от покрытых коркой сугробов, от влажного асфальта. Синие, белые, красные. Пульсирующие. Настойчивые.

Амелия Сакс вылезла из своего темно-бордового «Торино», поставленного возле нескольких машин «Скорой помощи», хотя в таком их количестве не было нужды. Нужды не было ни в одной. Из медицинского транспорта требовалась только труповозка. Первые полицейские и медики, прибывшие на место преступления, сообщили, что Саманта Ливайн, вторая жертва Икс, погибла – обнаружена мертвой на месте преступления. Разумеется, снова яд. Заключение предварительное, но, без всякого сомнения, это дело рук Икса 5–11.

Когда Саманта не вернулась к столу в шикарном ресторане «Прованс-2», ее друзья забеспокоились. В результате поисков в туалете была обнаружена слегка перекошенная дверь. Один из официантов открыл ее, просунул голову внутрь, ахнул, и его вырвало.

Сакс стояла на улице, оглядывая ресторан и съехавшиеся машины. Лон Селлитто подошел к ней.

– Амелия!

Она покачала головой.

– Мы помешали ему сегодня утром в больнице, и он убил другую женщину. Сразу же. В сущности, он сказал нам: «В гробу я вас видал».

Клиенты оплачивали счета и уходили, работники выглядели потрясенными до глубины души: клиентку похитили в туалете, втащили в туннель под их заведением и убили. Сакс догадывалась, что закрытие «Прованса-2» только вопрос времени. Казалось, второй жертвой стал сам ресторан. Она полагала, что бутик на Элизабет-стрит тоже вскоре закроется.

– Я начну опросы, – пробормотал Селлитто и неторопливо пошел прочь, доставая блокнот из кармана.

Появившийся автобус с детективами, работающими на месте преступления, подъехал вплотную к бровке тротуара. Сакс помахала выходящим рукой. Первой шла Джин Иглтон, работавшая на месте убийства Хлои Мур в Сохо. Это было только вчера, но казалось, что прошел целый месяц. У нее был новый партнер – худощавый латиноамериканец со спокойными, но пытливыми глазами, внушавшими уверенность в том, что он прекрасно подходит для работы на месте преступления. Сакс приблизилась к ним.

– Процедура та же самая. Я иду первой, осматриваю тело, хожу по решетке. Ты занимайся туалетом, где он ее схватил, и маршрутами выхода.

– Ладно, Амелия. – Иглстон кивнула.

Сакс пошла к багажнику автобуса, чтобы взять комбинезон из тайвека, бахилы, капюшон и перчатки. А также респиратор Н-95. Что бы ни случилось, снимать его нельзя.

Ржавчина… На сей раз она решила захватить и защитные очки.

Влезая в штанины комбинезона, Сакс случайно подняла взгляд. На углу той же стороны улицы, где располагался ресторан, стоял мужчина в темной куртке, такой же, какая была у Икса в больнице, когда он собирался напасть на Гарриет Стэнтон. Правда, теперь он был в бейсболке, а не в вязаной шапочке. Он говорил по телефону, почти не обращая внимания на происходящее. Однако в его позе таилось что-то принужденное. Мог ли это быть Икс, вернувшийся на место убийства, как в Сохо?

Сакс быстро отвернулась и продолжала одеваться, стараясь казаться спокойной. Преступник редко возвращается на место преступления – это штамп, используемый только в плохих детективных романах и телефильмах. Но иногда такое случается. Особенно если преступники не профессионалы, а психопаты, у которых причины убийства связаны с умственным или эмоциональным расстройством, что вполне соответствует Иксу 5–11.

Сделав вид, что хочет взять новую пару перчаток с дальней стороны автобуса, Сакс подошла к знакомой женщине-детективу – умной, опытной, – которую недавно перевели в Мидтаун-Норт. Нэнси Симпсон, руководившая группой по пресечению массовых беспорядков, направляла выходивших из ресторана клиентов в сторону от места преступления.

– Привет, Нэнси, – произнесла Сакс.

– Опять этот человек? – негромко спросила Симпсон. Она была в форменной полицейской ветровке с поднятым для защиты от непогоды воротником. Сакс нравился ее элегантный темно-зеленый берет.

– Похоже на то.

– Напугал всех людей в городе, – сказала Симпсон. – Число сообщений о неизвестных в подвале увеличилось вдвое. Ни одно из них не

подтвердилось, но мы все равно высылаем патрули. Всех загоняем в квартиры, – добавила она, подмигнув. – И никто не стирает белье. Боятся заходить в прачечную.

– Нэнси, похоже, у нас проблема.

– Продолжай.

– Не оборачивайся.

– Не буду. Почему?

– Меня интересует один тип. Человек на углу улицы. Он в куртке и бейсболке. Подойди поближе, но не проявляй интереса. Понимаешь?

– Конечно, я вижу кого-то. Периферийным зрением. Любопытно.

– Подойди поближе. А потом останови его. Оружие держи наготове. Есть вероятность, что это тот самый преступник.

– Сделавший *это*?

– Сделавший это. Я не уверена, но может быть.

– Как мне к нему подойти?

– Ты наблюдаешь за уличным движением и говоришь по телефону, то есть делаешь вид, что говоришь.

– Арестовать?

– Пока что проверь документы. Я пойду следом. С оружием в руке.

– Ладно, исполню роль наживки.

Сакс бросила взгляд в ту сторону.

– Ах, черт! Он ушел.

Преступник, или кто он там был, скрылся за углом здания из стекла и хромированной стали высотой примерно в десять этажей, рядом с рестораном, где обедала Саманта Ливайн до рокового похода в туалет.

– Я за ним, – сообщила Симпсон. И со всех ног побежала в ту сторону, где скрылся этот человек.

Сакс поспешила к командному пункту сообщить Бо Хауманну о возможном подозреваемом. Хауманн тут же подозвал полдюжины

людей из ОБР и других полицейских. Сакс посмотрела в сторону Симпсон и по тому, что та остановилась и стала оглядываться по сторонам, сделала вывод, что подозреваемый исчез.

Нэнси повернулась и трусцой подбежала к Сакс и Хауманну.

– Извини, Амелия. Он скрылся. Может быть, юркнул в это здание – вон то, броское, на углу – или уехал в машине.

– Мы будем его искать, – заверил Хауманн. – У нас есть изображение вашего преступника, полученное вчера, фоторобот.

Сакс представила себе угрюмое славянское лицо со странно светлыми глазами.

Командир ОБР обратился к подошедшим полицейским:

– Развернуться в цепь. Ищите его. И позвоните кто-нибудь в южный Мидтаун. Мне нужна группа, направляющаяся в западную сторону по Пятьдесят второй улице. Мы окружим его, если удастся.

– Есть, сэр!

Они побежали трусцой.

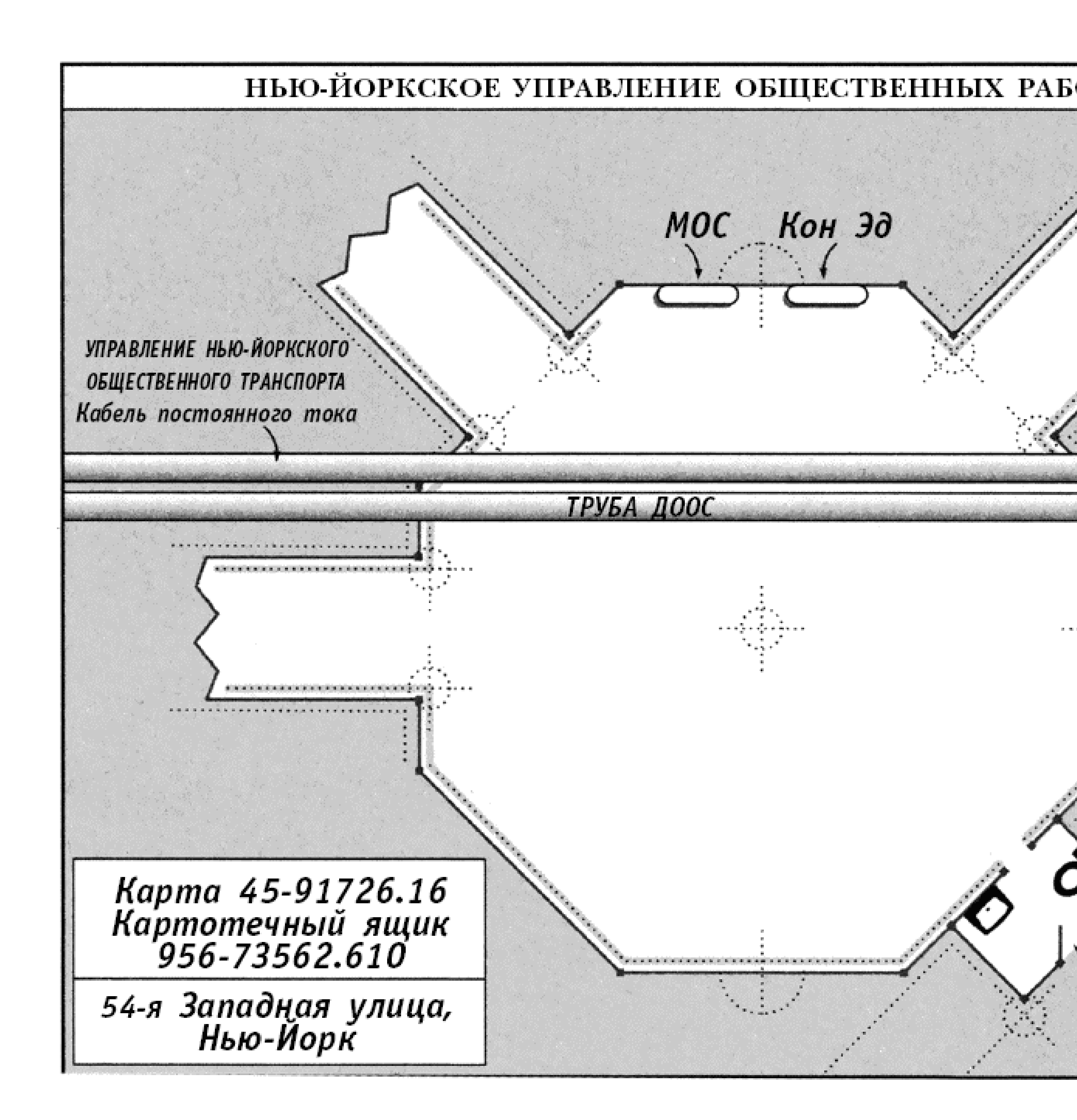
Как ни хотелось Сакс пойти с ними, передав кому-нибудь место преступления, она продолжала одеваться для хождения по решетке. Надев бахилы и капюшон и взяв сумку для улик, Сакс оглянулась на улицу, по которой уплыла ее рыба, и пошла ко входу в ресторан.

Глава 30

Сакс была рада, что, как и после предыдущего преступления, ей не пришлось тащить на место убийства тяжелые галогеновые прожекторы – они уже были установлены и ярко горели. Спасибо первым прибывшим сюда медикам.

Чтобы сориентироваться, она взглянула на схему из базы данных Райма о подземном Нью-Йорке.

Имелось некоторое сходство с предыдущим местом преступления: водопроводная труба, трубы коммунальных предприятий, желтые ящики с буквами МОС. Но была и заметная разница. Здесь пространство оказалось гораздо обширнее, и Аманта могла войти туда прямо через ведущую из туалета дверь: никаких круглых гробов и хлебных корзин. Слава Богу…



Судя по старым деревянным настилам на земляном полу, когда-то тут был проход для перегона животных с одного из скотных дворов, которые существовали неподалеку отсюда, в Адской кухне. Она вспомнила, что Икс как будто находился под влиянием Собирателя Костей: тот убийца тоже использовал бывшую скотобойню, чтобы спрятать одну из своих жертв, и привязал ее, окровавленную, но живую, к столбу, на съедение крысам. Икс 5–11 определенно получал уроки с раннего детства.

Дверь из туалета открывалась в большой восьмиугольник, откуда уходили в темноту три туннеля.

Сакс включила видео– и аудиосвязь.

– Райм? Ты на связи?

– А, Сакс! Я уж стал беспокоиться.

– Возможно, он вернулся. Как на Элизабет-стрит.

– Вернулся на место преступления?

– Или не уходил. Я видела на улице кого-то похожего. Бо Хауманн отправил полицейских проверить.

– Есть результаты?

– Пока нет.

– Зачем ему было возвращаться? – задумчиво вопросил Райм, не ожидая ответа.

Камера была обращена в ту же сторону, куда смотрела Сакс, – в темноту в конце туннеля. Однако перед тем, как вернуться к телу, Амелия натянула на бахилы резиновые ленты и пошла вдоль следов преступника, тоже полускрытых защитным пластиком бахил, в один из туннелей.

– Он вошел отсюда? Я не могу разглядеть.

– Похоже, да, Райм. Я вижу впереди огни.

Преступник не использовал люк для выхода. Этот туннель, один из трех, выходил на железнодорожные пути – к линии, идущей на север от Пенсильванского вокзала. Отверстие завалила груда мусора, но, чтобы перелезть через нее, места было достаточно. Преступник просто шел на север или юг от какого-то места возле Вестсайдского шоссе, потом влез по камням и направился к восьмиугольнику, где погибла Саманта. Сакс связалась по рации с Джин Иглстон и сообщила ей о второстепенном месте преступления – туннеле со входом и выходом. Потом вернулась в центр восьмиугольника, где лежала жертва, подняла взгляд и прикрыла рукой глаза от света ярких галогеновых прожекторов, установленных спасателями.

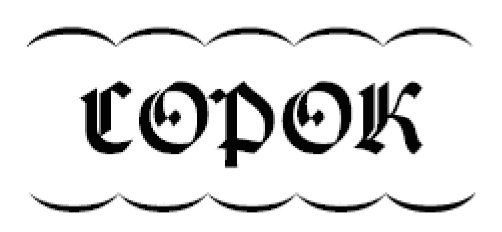
– Райм, еще один фонарик. Икс определенно хочет, чтобы никто не проглядел жертву.

Сообщения от нашего спонсора…

Как и у Хлои, руки у Саманты были сомкнуты наручниками, лодыжки стянуты клейкой лентой. Она тоже была частично раздета – но только чтобы открыть живот, на который преступник нанес татуировку.

Быстрый осмотр и здесь не обнаружил явного сексуального контакта. Поистине было что-то целомудренное в том, как он оставил обе жертвы, и это, подумала Сакс, казалось еще более жутким, чем откровенно сексуальное преступление, поскольку предполагало какую-то лежащую в основе всего тайну. Почему он это делает? Изнасилование, по крайней мере, было бы понятным. А это?

Она уставилась на татуировку.



Тишину нарушил голос Райма:

– «Сорок». Опять со строчной буквы. Часть фразы. На сей раз количественное числительное, не порядковое «сороковой». Почему? – Он раздраженно добавил: – Не время ломать голову. Давай действовать.

Сакс занялась обработкой тела, взяла соскоб из-под ногтей (на сей раз ничего очевидного, как у Хлои), образцы крови, телесных жидкостей и предположительно яда, сочащегося из ран. Затем поискала отпечатки пальцев, хотя, разумеется, преступник и на этот раз был в перчатках.

Сакс пошла по решетке, собирая трасологические следы возле тела и далекие образцы земли и следы для контроля.

– Опять бахилы. Следов ног нет.

– На нем новая обувь, – заметил Райм. – Наверняка он выбросил те знаменитые бэссовские кроссовки одиннадцатого размера. Теперь они где-нибудь в канализации в Бронксе.

Двигаясь по решетке, Сакс обнаружила что-то у одной из дальних стен. Сперва она подумала, что это лежащая на боку крыса. Ком не двигался, и она предположила, что животное съело кусок плоти Саманты, проглотило яд и отползло умирать. Но, подойдя ближе, она увидела, что это сумочка.

– Нашла ее сумочку.

– Хорошо. Возможно, на ней есть следы.

Сакс взяла ее и положила в сумку для улик. Эти и другие образцы следов она складывала в пластик или бумагу, потом отправляла в ящик для молочных пакетов.

Сакс осветила альтернативным источником света тело Саманты, пол восьмиугольника, туннели. Икс 5–11 снова трогал и ощупывал кожу жертвы. По отпечаткам бахил Амелия поняла, что он несколько раз прошел по туннелю до груды мусора и обратно. Это показалось странным, и она сказала об этом Райму. «Может, Икс услышал чьи-то шаги? – предположил он. – Или оставил что-то из своих принадлежностей у входа?» Амелия сделала снимки и вернулась к двери, снова пробормотав благодарность неизвестно кому за то, что во время этих поисков не испытывала клаустрофобии.

Выйдя наружу, она передала место преступления коллегам, только что закончившим осмотр второстепенных мест. Детектив Джин Иглстон сообщила, что все движения преступника возле железной дороги и у входа в туннель, как и следовало ожидать, уничтожены дождем и мокрым снегом.

Если не считать предположительной короткой борьбы в женском туалете, не было никаких признаков того, что преступник чего-то касался. Не было и следов инструмента в винтах, которые он вывернул, чтобы войти в туалет. И никаких отпечатков ног, кроме десятков следов уличной обуви, оставленных людьми, которые пользовались туалетом.

Дождь со снегом выбивал раздражающую барабанную дробь по капюшону, и Сакс сказала Райму, что выключает видеокамеру, чтобы из-за влаги не произошло короткое замыкание в дорогой системе высокой четкости.

Амелия вернулась к своей машине и стала заполнять карточки на каждый предмет, делая это под крышкой багажника, чтобы карточки и улики не намокли. Сняв костюм из тайвека, она сунула его в мешок для бумаг, подлежащих сжиганию, в привезшем детективов автобусе и, надев кожаную куртку, вернулась на улицу.

Сакс заметила, что Нэнси Симпсон разговаривает с Бо Хауманном. Остальные полицейские, участвовавшие в погоне, возвращались поодиночке.

Когда Сакс подошла, Хауманн стряхивал влагу со своих коротких волос с проседью.

– Ничего. Его никто не видел. Но… – Он поднял взгляд к ненастному небу. – Людей на улице сейчас мало.

Сакс кивнула и подошла к Селлитто. Он разговаривал с группой людей, ровесников Саманты. Амелия рассказала ему о преследовании Икса или случайного прохожего. О неудачном преследовании. Выслушав сообщение, Лон хмыкнул, и они оба повернулись к остальным. Эти люди, сообщил Соллитто, сидели за столом вместе с Самантой, но Сакс уже поняла это по выражению их лиц.

– Сочувствую вашей утрате, – произнесла она.

У одной женщины лицо было заплаканным – они работали вместе. Другая, белокурая, выглядела рассерженной и обеспокоенной. Сакс догадалась, что в сумочке у нее наркотик. Ну да ладно.

Двое мужчин казались настроенными решительно. Похоже, никто из них не был любовником Саманты. Но один жил с ней в одной квартире: из всех четверых он казался самым опечаленным.

Сакс и Селлитто задавали вопросы и получали ожидаемые ответы. У Саманты Ливайн не имелось врагов, она была деловой женщиной и не имела трудностей с законом. Не было у нее никаких проблем и с бывшими любовниками.

Еще одна нелепая смерть. В некотором смысле это преступление было самым трагичным из всех: случайная жертва. И во многих смыслах самым труднораскрываемым.

К ним быстро подошел человек в дорогом костюме – без пальто, не обращая внимания на мокрый снег и холод. Пятидесяти с лишним лет, загорелый, аккуратно подстриженный. Не высокий, но красивый и хорошо сложенный.

– Мистер Клевенджер! – воскликнула одна из женщин и обняла его. Коллега Саманты.

Он крепко стиснул ее и приветствовал остальных друзей убитой угрюмым кивком.

– Луиза! Это правда? Я только что узнал. Мне позвонили. Это действительно Саманта? Ее нет в живых?

Он отступил назад, и женщина, которую он обнимал, ответила:

– Да, у меня это в голове не укладывается. Она… она мертва.

Пришедший повернулся к Сакс, та спросила:

– Значит, вы знали мисс Ливайн?

– Да, да. Она у меня работает. Работала… Я разговаривал с ней несколько часов назад. У нас была встреча… всего несколько часов назад. – Он указал подбородком на шикарное здание рядом с рестораном. – Там. Я Тодд Клевенджер. – И дал ей визитную карточку.

Международные оптоволоконные сети. Он был президентом компании и главным администратором.

Селлитто спросил:

– Существовала какая-то причина, по которой кто-то хотел причинить ей зло? Что-нибудь, связанное с секретной работой? Ей могли угрожать?

– Не могу себе этого представить. Мы всего лишь прокладываем оптическое волокно для широкополосного Интернета… это просто связь. Во всяком случае, Саманта никогда не говорила, что находится в опасности. Не могу представить. Она была самой доброй на свете. Умной. Очень умной.

Луиза обратилась к Сакс:

– Мне кое-что пришло на ум. Вчера была убита женщина. В Сохо. Этот тот же псих?

– Пока не могу ничего сказать. Расследование продолжается.

– Но та женщина тоже погибла под землей. Так ведь? В туннеле. Это передавали в новостях.

Сухопарый, похожий на художника молодой человек, назвавшийся Раулем, соседом Саманты по квартире, подхватил:

– Совершенно верно. Здесь то же самое. Тот же образ действий.

Сакс снова ничего не ответила. Они с Селлитто задали еще несколько вопросов, но вскоре стало ясно, что эти люди больше ничем не могут помочь.

Неподходящее время, неподходящее место. *Случайная жертва…*

В делах, где жертва оказывалась наедине с преступником, без свидетелей, истина должна раскрываться через улики. Сакс и остальные детективы, работавшие на месте преступления, теперь бережно укладывали их в багажник ее «Торино».

Через пять минут Амелия мчалась по Вестсайдскому шоссе, синий свет на крыше бешено пульсировал, она петляла среди легковушек и

грузовиков. Этот слалом был скорее следствием мощного двигателя и ее любви к скорости, чем непогоды.

Глава 31

Около одиннадцати вечера Райм услышал, как Сакс вошла в прихожую – о ее появлении возвестил свист ветра с мокрым снегом.

– Наконец-то.

Через минуту она появилась в гостиной, в руках у нее был большой ящик из-под молока, в котором лежало около десятка пластиковых и бумажных пакетов. Сакс приветственно кивнула Мелу Куперу, горбившемуся от усталости, но, казалось, жаждавшему заняться анализами.

Райм быстро спросил:

– Сакс, ты сказала, что он вроде бы мог находиться рядом с местом преступления?

– Совершенно верно.

– И чем это закончилось?

– Ничем. Бо отправил за ним нескольких человек из ОБР. Но Икс исчез. И я его толком не разглядела. Может, все это было зря. Однако я чувствовала, что это он. – Амелия вывела на монитор главного компьютера карту Адской кухни, указала на ресторан «Прованс-2» и на угол офисного здания. – Он пошел туда, но, видишь ли, это всего в нескольких кварталах от Таймс-сквер. В толпе он затерялся. Не уверена, что это он, но слишком странное стечение обстоятельств, чтобы не обратить на это внимание. Похоже, Икса интересует ход расследования. Как-никак, он вернулся на Элизабет-стрит и наблюдал за мной через крышку люка.

Глаза в глаза…

– Ладно, перейдем к уликам. Сакс, чем мы располагаем?

Том Рестон твердо сказал:

– Линкольн, выясняй, что у нее есть, только быстро. Пора в постель. День был долгим.

Райм нахмурился. Но он признавал, что работой помощника было сохранить его жизнь и здоровье. Паралитики подвержены многим

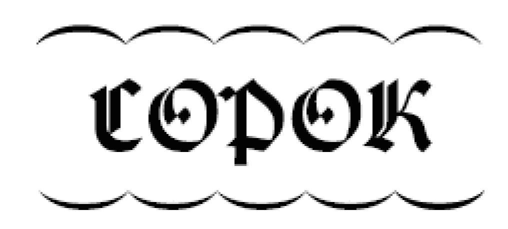
опасным состояниям, и самое серьезное из них – автономная гиперрефлексия, повышение давления крови до критического уровня, вызванное физическим стрессом. Неизвестно, может ли утомление стать фактором риска, но Том не хотел рисковать.

– Да, да, да. Всего несколько минут.

– Ничего особенного, – заявила Сакс, указав подбородком на улики.

Но, с другой стороны, подумал Райм, дымящиеся пистолеты редко попадаются в качестве улик. Работа на месте преступления имеет накопительный характер. А бросающиеся в глаза находки сразу же вызывают подозрение – они могут быть подброшенными уликами. Такое случалось чаще, чем можно предположить.

Первым делом Сакс показала фотографии татуировки.



Слово было окаймлено фестонами, что, по словам Т.Т. Гордона, могло иметь определенное значение. И эта загадочная природа окаймления вызывала у Райма раздражение.

– Сначала «второй», теперь «сорок».

Опять строчная буква и никакой пунктуации. Что он, черт возьми, сообщает? Интервал от двух до сорока составляет тридцать восемь. И почему переход от порядкового числительного к количественному? Райм подумал: «Похоже на какое-то место, какой-то адрес. Система глобального ориентирования или координаты долготы и широты. Но пока этих данных недостаточно, чтобы опираться на них».

Он перестал размышлять и обратился к собранным уликам. Сакс выбрала пакет и отдала его Куперу. Эксперт вынул из него комок ваты.

– Яд, – сообщила Сакс. – Один образец отправлен медэксперту, но я хочу вырваться вперед. Сожги его, Мел.

Купер вложил материал в хроматограф и через несколько минут получил масс-спектр.

– Это сочетание атропина, гиосциамина и скополамина.

Райм уставился в потолок.

– Его получают из какого-то растения… да, да… Черт, не могу вспомнить какого.

Купер ввел смесь ингредиентов в базу данных ядов и через несколько секунд объявил:

– Ангельская труба: бругмансия.

– Да, – сказал Райм. – Точно. Только я не знаю, что это такое.

Купер объяснил, что это южноамериканское растение, особенно популярное у преступников в Колумбии, которые называют его дыханием дьявола. Они дуют на него в лицо своим жертвам, и парализующий, вызывающий утрату памяти наркотик приводит тех в бессознательное состояние или, если они остаются в сознании, лишает возможности сопротивляться.

А при достаточной дозе, как в случае с Самантой Ливайн, наркотик может вызвать смерть за несколько минут.

В эту минуту ожил городской телефон: звонили из канцелярии медицинской экспертизы. Купер, приподняв одну бровь, взглянул на Сакс.

– Должно быть, вечер у них незагруженный. Или ты, Амелия, так их напугала, что они решили уделить нам первостепенное внимание.

Райм знал, в чем тут дело.

Звонивший подтвердил, что для татуировки на животе Саманты Ливайн использовался яд «дыхание дьявола», и добавил, что яд был высокой концентрации. В ее крови также обнаружили остатки пропофола. Купер поблагодарил его.

Они продолжали изучать улики, которые собрала Амелия. Однако на сей раз не нашли отклонений от контрольных образцов. Это означало, что остатки, обнаруженные на теле покойной и на пути убийцы к месту преступления, оставлены не им, все они были характерны для подземного загона для скота.

– Ergo[15], – пробормотал Райм, – совершенно бесполезны.

Наконец Сакс взяла щипцами пластиковый пакет, в котором, как показалось Райму, лежала сумочка.

– Я сперва подумала, что это крыса – бурая. А ремешок показался ее хвостом. Будьте осторожны. Внутри какой-то сюрприз. – Она бросила быстрый взгляд на Купера.

– Почему ты так думаешь? – спросил Райм.

– Сумка стояла футах в десяти от тела Саманты, – принялась объяснять она. – Ей там было совершенно не место. Я посмотрела внимательно и увидела торчащую изнутри иглу, очень маленькую, и взяла сумочку пинцетом.

Сакс добавила, что опасалась сюрпризов, так как психолог полицейского управления Терри Добинс предупредил, что преступник может сделать преследователей мишенями.

– Это подло, – заявил Купер, разглядывая в лупу кончик иглы. – Это шприц. Очень маленький. С белым веществом внутри.

Райм подкатил поближе и посмотрел, его острые глаза разглядели возле замка что-то блестящее.

– Проверь на взрывчатку, – велел он Куперу. – Это не образ действий Икса, но осторожность не помешает.

Результат проверки был отрицательным. И все-таки Купер решил положить сумочку в контейнер для обезвреживания взрывных устройств и использовал телеманипулятор, чтобы ее открыть, так как в ней могло быть какое-то устройство, способное обрызгать ядом открывшего.

Но нет, игла была единственным сюрпризом. Содержимое сумочки представляло собой ключ к внезапно оборванной жизни: карточка члена клуба здоровья, благодарственная записка за пожертвование в пользу страдающих раком груди, дисконтная карта одного из ресторанов Мидтауна, фотографии детей – видимо, племянников и племянниц.

Что до сюрприза, то Купер осторожно извлек иглу.

– Шприц невелик, – сообщил Райм. – Какой можно сделать вывод?

Купер ответил:

– Его можно использовать для инъекций инсулина, но чаще им пользуются пластические хирурги.

– У него есть и пропофол, – напомнил Райм. – Анестезирующее средство общего действия. Может, он планировал какую-то косметическую операцию, чтобы скрыться. Хотя, возможно, просто проник на склад медицинских принадлежностей и похитил то, что нужно. Сакс, проверь, есть ли сообщения об этом за прошедшие месяцы.

Она отошла, чтобы позвонить в Национальный центр криминалистической информации. Райм продолжал:

– Но более важен шприц – что находится в этом маленьком подарке? Тоже ангельская труба?

Купер сделал анализ и объявил результат:

– Нет, хуже. Собственно, не следует говорить «хуже» – это оценочное суждение. Скажем, там более эффективный яд.

– То есть более смертоносный? – спросил Райм.

– Намного. Этот яд содержится в деревьях и лианах семейства стрихнос. Он был популярен как средство для уничтожения грызунов. Служил распространенным орудием убийства столетие назад, теперь его применяют реже, потому что он легко обнаруживается. Из всех ядов стрихнин причиняет наиболее мучительную боль. В этом шприце его недостаточно, чтобы убить взрослого человека, – продолжал Купер. – Но он способен вывести из строя на несколько недель и причинить серьезные повреждения мозга.

Однако положительной стороной, с точки зрения ведущих расследование, было то, что этот яд все еще свободно продавался как пестицид. Райм сообщил об этом Сакс и Куперу.

– Посмотрю, сможем ли мы найти поставщиков, – сказал эксперт. – У них должны быть сведения о продаже яда. – Однако, заглянув в компьютер, Купер нахмурился. – Десятки источников. Целые склады. Иксу достаточно было предъявить фальшивый документ, удостоверяющий личность, и заплатить наличными. Никаких следов.

В мире криминалистики слишком большой выбор так же плох, как и слишком маленький.

Сакс позвонила по телефону, выслушала человека на другом конце провода, поблагодарила его и положила трубку.

– Никаких сообщений о краже лекарств или других медицинских препаратов в Нью-Йорке за последние тридцать дней, не считая

нескольких ограблений аптек наркоманами и психами. Все они арестованы. Исчезновений пропофола нет.

В дверях появился Том.

– Господи, какое суровое выражение лица, – заметил Райм.

– Линкольн, скоро полночь. Пора в постель.

– Да, дорогой, да. – Райм обратился к Куперу: – Мел, будь осторожен. Он не может знать, что ты работаешь над этим делом, но все-таки будь осторожен. Сакс, отправь Лону и Пуласки сообщения того же содержания. Мы теперь объекты нападения. Он объявил нам войну.

Сакс отправила эсэмэску обоим полицейским, потом подошла к чистой белой доске и записала на ней улики, а также сведения, которые они с Лоном Селлитто узнали о жертве.

54-я Западная улица, 614

● Жертва: Саманта Ливайн, 32 года

– Работала в компании «Международные оптоволоконные сети»

– Никакой очевидной связи с Иксом

– Изнасилования не было, лишь прикосновения к коже

● Икс 5–11

– Смотри подробности в предыдущей таблице

– Возможно, возвращался на место преступления

▪ *Никаких свидетельских показаний*

– Отпечатки пальцев отсутствуют

– Следов ног нет

● Причина смерти: отравление бругмансией, введенной посредством татуировки

– Ангельская труба, дыхание дьявола

– Атропин, гиосциамин, скополамин

● Татуировка

– Слово «сорок», окаймленное фестонами, нанесенными рубцеванием

– Почему количественное числительное?

● Обездвижена пропофолом

– Источник? Доступ к медицинским препаратам? (Локальных краж не было)

● Место происшествия

– Похищена из туалета в подвале ресторана «Прованс-2»

– Место убийства находилось под туалетом, где в 19-м веке было подземное место отбраковки скота для боен

– Инфраструктура, схожая с предыдущим местом преступления

▪ *МОС*

▪ *Роутер «Кон Эд»*

▪ *Кабель постоянного тока УОТ*

▪ *Труба ДООС*

● Фонарик

– Обычный, выявить источник невозможно

● Наручники

– Обычные, выявить источник невозможно

● Клейкая лента

– Обычная, выявить источник невозможно

● Трасологических следов нет

● Сумочка, оставленная как сюрприз

– Игла пластикового шприца

– Стрихнин в игле

▪ *Выявить источник невозможно*

▪ *Очевидно, не смертельная доза*

Райм посмотрел на записи и пожал плечами.

– Загадочно, как сообщение, которое он пытается отправить.

– Полночь, – повторил Том.

– Ладно, твоя взяла.

Купер надел куртку и попрощался.

– Сакс? – спросил Райм. – Идешь наверх?

Амелия отвернулась от доски и посмотрела в окно на голые, обледенелые ветви, гнущиеся на ветру.

– Что? – Казалось, она не слышала.

– Идешь в постель?

– Через несколько минут.

Том поднялся по лестнице, Райм покатил к лифту, который поднял его на второй этаж. Наверху он направился к спальне, но остановился, поднял голову и прислушался. Сакс говорила по телефону, негромко, но он все же разобрал слова.

– Пам, привет, это я… Надеюсь, ты читаешь сообщения. Очень хочу поговорить. Позвони. Я люблю тебя. Доброй ночи.

Третий звонок за сегодня, подумал Райм. Он услышал ее шаги по лестнице, тут же въехал в спальню и завел разговор с Томом, должно быть, показавшийся помощнику бессмысленным, поскольку Райм не думал о том, что говорил. Он просто не хотел, чтобы Сакс догадалась, что он услышал ее мольбу, обращенную к Пам Уиллоуби.

Сакс поднялась на последнюю ступеньку и вошла в спальню. Райм подумал: как это тяжело, когда самые близкие люди внезапно становятся такими ранимыми. И еще хуже, когда они маскируют это стоическими улыбками, как Сакс.

Она поймала его взгляд и спросила:

– Что случилось?

Райм сымпровизировал:

– Просто думал. У меня есть предчувствие, что мы возьмем его завтра.

Он ожидал, что Амелия недоверчиво посмотрит на него и скажет что-то вроде: «У тебя? Предчувствие?»

Но вместо этого она тайком глянула на экран своего телефона, сунула его в карман и произнесла, глядя в окно:

– Может быть, Райм. Может быть.

III

Красная многоножка

Четверг, 7 ноября, 9 часов утра

Глава 32

Весь в поту, с громкими стонами, Билли Хейвен пробудился от тяжелого сна. Ему приснилась Олеандровая комната.

Все сновидения, связанные с ней, – а снились они часто – были тяжелыми по определению.

Этот сон был особенно тяжелым, поскольку в нем присутствовали его родители, хотя они умерли за несколько лет до того, как он впервые вошел в Олеандровую комнату. Может, они были призраками, но выглядели вполне реальными. Странная реальность нереальности сновидений.

Мать смотрела на то, что он делает, и кричала: «Нет, нет, нет! Перестань, перестань!» Билли успокаивающе улыбался ей и говорил: «Все хорошо», – хотя и понимал, что это неправда. Это было каким угодно, но не хорошим. Потом он понял, что его слова ничего не значили, потому что мать не могла его слышать. Это стерло улыбку с его лица, и он почувствовал себя несчастным.

Отец лишь покачивал головой, огорченный тем, что видит, и очень недовольный. Это тоже расстраивало Билли.

Эта часть сновидения обрела смысл теперь, когда он думал о ней: его родители умерли, умерли страшной смертью. Совершенно, ужасающе логично.

Билли ощущал запах и вкус крови, он видел кровь и какое-то время татуировал ею свою кожу. Это происходило и во сне, и в реальной жизни в Олеандровой комнате. Он раскрашивал свою кожу, как это делают люди в некоторых культурах, где татуировка запрещена.

Билли отбросил простыню, сел и опустил ноги на холодный пол. Взял подушку и утер пот со лба, мысленно представив их всех: Очаровательную Девушку и родителей. Потом опустил взгляд на наколки на бедрах.

На левом: ***ЕЛА***

На правом: ***ЛЬЯМ***

Два имени, которые он с гордостью носил на себе. Которые будет носить вечно. Они представляли собой громадную брешь в его жизни. Но эта брешь скоро закроется. Зло вскоре будет исправлено. *Модификация…*

Он осмотрел свое тело. У Билли Хейвена не было множества татуировок, что казалось странным для человека, работающего тату-мастером. Большинство мастеров увлеклось этой профессией потому, что им нравилась модификация тела. Они были одержимы иглами, тату-машинками. И часто приходили в уныние, глядя на все уменьшающиеся участки неисколотой кожи на своих телах, которые можно было бы заполнить изображениями.

Но Билли от них отличался. Может, он был, как Микеланджело. Этот художник любил писать, но не любил, чтобы писали его.

Кожа пальца к коже пальца…

Истина заключалась в том, что Билли вовсе не собирался становиться тату-мастером. Это была временная работа, чтобы окончить колледж. Но внезапно он обнаружил, что ему нравится это занятие, и если живописцу заработать на жизнь было трудно, то татуировщик мог преуспевать. Поэтому он спрятал свой почти ненужный диплом колледжа, открыл мастерскую в торговом комплексе и стал зарабатывать неплохие деньги «стилем Билли».

Он снова посмотрел на свои бедра.

ЕЛА ЛЬЯМ

Потом бросил взгляд на левую руку – на красную многоножку.

Это существо было около восемнадцати дюймов в длину. Его задняя часть находилась на середине бицепса, и рисунок неторопливо тянулся буквой S к тыльной стороне ладони, где покоилась голова насекомого – с человеческим лицом, полными губами, умными глазами, носом и губами, прикрывающими клыки.

Традиционно люди делали наколки в виде животных по двум причинам: чтобы приобрести их характерные качества, например, смелость льва или ловкость пантеры, или чтобы оно служило защитой от этого хищника.

Билли не особенно разбирался в психологии, но знал, что из этих двух причин выбрать существо для украшения руки его заставила первая. Он знал также, что оно его успокаивает.

Билли оделся, собрал свои принадлежности, затем несколько раз провел любимой ролик-щеткой по одежде, волосам и телу. Зажужжали его наручные часы, а через несколько секунд и карманные. Настало время выходить на охоту.

Билли шел по тихому, темному туннелю под восточной стороной Мидтауна, держа путь туда, где собирался отправить в ад новую жертву. Но путь был прегражден.

Он выяснил, что в девятнадцатом веке здесь проходила узкоколейная железная дорога, соединявшая завод с железнодорожным депо возле Сорок четвертой улицы. Это было превосходное сооружение из гладкого кирпича, с изящными арками, и, что удивительно, здесь не водилось паразитов и плесени. Шпал и рельсов уже не стало, но проход хранил атмосферу транспортного прошлого: Билли за несколько кварталов слышал шум поездов, шедших с Большого центрального вокзала. Было слышно и метро – сверху и снизу. Некоторые поезда проходили так близко, что от их движения сыпалась пыль.

Этот туннель подвел бы его очень близко к очередной жертве – если бы не равнодушные к другим рабочие, которые в течение последних суток закладывали кирпичами проход, о чем Билли и не догадывался.

Беда…

Билли осмотрел мрачный проход, куда свет проникал сквозь защитные решетки и щели вокруг неплотно прилегающих крышек люков, а также

трещины в соседних зданиях. Как перебраться через стену, не поднимаясь на поверхность? Подпольщику следует оставаться в подполье.

Пройдя еще пятьдесят ярдов, Билли заметил лестницу с дугообразными железными ступенями, вделанными в кирпичную стену. Она вела на десять футов вверх, к проходу поменьше и как будто огибающему препятствие. Билли снял рюкзак и подошел к лестнице. Взобрался и заглянул внутрь. Да, скорее всего, проход шел в другой большой туннель, который приведет его куда нужно.

Он спустился, чтобы взять рюкзак и продолжить путь. И тут, откуда ни возьмись, появился этот человек. Он набросился на Билли, обхватил медвежьей хваткой и прижал к стене туннеля. «Господи, – взмолился Подпольщик. – Спаси меня, Господи…» Руки его дрожали, сердце колотилось от страха.

Человек смерил Билли взглядом. Он был примерно того же роста и возраста, но очень сильным. Поразительно сильным. От него исходил запах немытых волос и кожи, смешанный с мазутом. Одет он был в джинсы и две дешевые рубашки – белую и голубую. Рваная клетчатая спортивная куртка, вероятно, когда-то хорошего качества, была краденой или найденной в мусорном баке в этом экстравагантном районе. Волосы у человека были нечесаными, но он казался на удивление чисто выбрит. Маленькие темные глаза были свирепо сощурены. Билли сразу же подумал о докторе Моро.

Медведе-человек…

– Это мой квартал. Ты в моем квартале. Почему ты в моем квартале? – Его хищные глаза бегали из стороны в сторону.

Билли попытался вырваться, но Медведе-человек ловко раскрыл опасную бритву и приложил блестящее лезвие к его горлу.

Глава 33

– Осторожнее. Пожалуйста. – Билли прошептал эти слова. Может, и еще какие-то. Он и сам не знал.

– Это мой квартал, – повторил Медведе-человек, очевидно, ничуть не склонный осторожничать. Бритва скребла и скребла по отросшей за день щетине на горле Билли, и этот звук казался ему скрежетом автомобильной коробки передач.

– Ты… – прорычал этот человек.

Билли снова подумал о родителях, тете и дяде, о других родственниках. Разумеется, об Очаровательной Девушке. Он умрет вот так? Бессмысленно, трагично.

Громадные тиски сжались еще сильнее.

– Ты тот самый? Держу пари, что да. Кем ты еще можешь быть? Конечно.

Что на это ответить? Прежде всего, нельзя двигаться. Билли понимал, что если шевельнется, то ощутит щекочущую боль под челюстью, а после пореза – головокружение, при этом кровь будет хлестать и хлестать. А потом он перестанет что-либо чувствовать.

Билли сказал:

– Послушай, я коммунальщик. Работаю в коммунальной службе. – Он указал подбородком на свой комбинезон. – Я не собираюсь тебе мешать. Просто делаю свою работу.

– Ты не репортер?

– Коммунальщик, – повторил Билли, осторожно тыча в комбинезон пальцем. Потом пошел ва-банк. – Я ненавижу репортеров.

Казалось, это слегка успокоило Медведе-человека, хотя он нисколько не расслабился и по-прежнему крепко держал бритву в большой грязной ручище, другой продолжая прижимать Билли к стене туннеля.

– Джулиан? – спросил Медведе-человек.

– Что?

– Джулиан?

Казалось, это имя служило паролем, и Билли должен был произнести отзыв. Если ошибется, то лишится головы. Ладони его вспотели. Он пошел на риск.

– Нет, я не Джулиан.

– Нет, нет, нет. Знаешь Джулиана Сэвича?

Его раздражала непонятливость Билли.

– Нет.

Медведе-человек недоверчиво сказал:

– Нет, нет? Он написал эту книгу.

– Нет, я не знаю его. Правда.

Незнакомец пристально разглядывал лицо Билли.

– Эта книга обо мне. Не только обо мне. О всех нас. У меня есть экземпляр. Подписанный. Один из коммунальщиков… – Он ткнул пальцем в логотип на комбинезоне Билли. – Один из коммунальщиков привел его сюда. Привел в наш квартал. Сюда. В мой квартал. Ты не знал этого?

– Нет… Даже не имел понятия…

– В законе сказано, что я могу тебя зарезать, если почувствую опасность, и присяжные поверят, что я действительно чувствовал опасность. Не *был* в опасности, а *чувствовал*. Понимаешь разницу? Это все, что мне нужно. И ты мертв, приятель. – Фразы сталкивались друг с другом, грохоча, словно вагоны резко тормозящего товарного поезда.

Билли спросил:

– Как тебя зовут?

– Натан.

– Прошу тебя, Натан. – Он умолк, когда бритва снова заскребла по его горлу.

Скрип, скрип…

– Ты живешь здесь, под землей? – спросил он Медведе-человека.

– Джулиан плохо говорил о нас. Обозвал этим прозвищем.

– Прозвищем?

– Оно нам не нравится! Это ты направил его сюда? Его направил кто-то из коммунальщиков. Когда найду его, убью. Он обозвал нас этим прозвищем.

– Каким? – Билли думал, что это логичный вопрос и он не разозлит Медведе-человека, коснувшись этой очевидно болезненной темы.

– «Крото-люди», – прозвучал возмущенный ответ. – Так он назвал нас в своей книге, тех, кто живет здесь, под землей. Нас тысячи. Большинство

бездомные. Живем в туннелях и в метро. Он обозвал нас крото-людьми. Нам это не нравится.

– Кому бы это понравилось? – согласился Билли. – Нет, я никого не приводил сюда. И не знаю никакого Джулиана.

Бритва блестела даже в тусклом свете – видимо, ее любовно хранили. Она была сокровищем Медведе-человека, и Билли понял, почему он чисто выбрит, что редко встречается среди бездомных.

– Нам не нравится, когда нас называют кротами, – повторил Медведе-человек, словно забыв, что уже говорил это. – Я такой же человек, как и ты.

Билли был с этим не согласен, однако закивал, опасаясь, что его вырвет.

– Конечно. Так вот, Натан, Джулиана я не знаю. Я просто проверяю туннели. Для безопасности.

Медведе-человек уставился на него.

– Конечно, ты так говоришь, но почему я должен тебе верить? Почему? Почему? Почему? – Слова вырвались с рычанием.

– Ты не должен мне верить. Но это правда.

Билли решил, что его в самом деле ждет смерть, и подумал о тех, кого любил.

ЕЛА

ЛЬЯМ

Он произнес молитву.

Медведе-человек – не крото-человек – сильнее стиснул Билли, продолжая держать бритву у его горла.

– Знаешь, мы не сами выбирали эту жизнь. Мы не хотим жить здесь. Ты так не думаешь? Мы предпочли бы иметь жилье в Уэстчестере. Кое-кто из нас предпочел бы спать с женой по четвергам и водить ее к своей родне в теплые весенние дни. Но дела не всегда складываются так, как хотелось бы, верно?

– Верно, Натан. Точно, не складываются. – И Билли, отчаянно пытавшийся создать между ними хоть какую-то связь, едва не рассказал Медведе-человеку о трагедиях родителей и Очаровательной Девушки. Но в последний момент удержался. Не нужно знать Заповеди Модификации, чтобы не делать глупостей. – Я не помогаю авторам писать о вас. Я слежу, чтобы не произошло обрушение туннелей, чтобы здесь не было воды или утечки газа. – Он указал на ряд труб, тянущихся под потолком туннеля.

– Что это? – Натан задрал рукав Билли и уставился на многоножку с почти детским интересом.

– Татуировка.

– Вот это да. Очень красивая. Очень хорошая. – Бритва чуть отодвинулась, но Билли не удалось освободиться. Рука у Натана была огромной.

– Это мое хобби.

– Ты сделал ее сам?

– Да. Это не так уж трудно. Тебе нравится?

– Да, – признался Натан.

– Я могу сделать тебе татуировку. Уберешь эту бритву от моего горла, если сделаю?

– Какую татуировку?

– Какую захочешь.

– Я не поднимаюсь наверх. – Он сказал это так, словно Билли предложил ему пройти через активную зону ядерного реактора.

– Я могу сделать ее здесь. Хочешь?

– Я не прочь.

Билли подбородком указал на рюкзак.

– Машинка у меня при себе. – Он повторил: – Это мое хобби. А как насчет кое-каких денег? У меня есть и одежда. Я дам тебе все это, если уберешь бритву и отпустишь меня.

Господи, до чего же он сильный, подумал Билли, как можно быть таким сильным, живя здесь? Натан мог бы убить его голыми руками; ему не нужно было это блестящее лезвие.

Натан нахмурился, вытер бритву, потом, как показалось Билли, сжал ее еще крепче. Движения лезвия были такими же отрывистыми, как фразы Медведе-человека.

– Натан? – спросил Билли.

Тот не ответил.

– Натан, я понятия не имел, что это твой квартал. Я только делал свою работу, проверял трубы, клапаны и все остальное. Хочу, чтобы люди здесь были в безопасности.

Движение бритвы прекратилось.

Дыхание Медведе-человека казалось еще тяжелее теперь, когда он неотрывно смотрел на многоножку – на красную краску, на клыки и части тела. На ее непроницаемые глаза.

– Натан, – прошептал Билли, – хочешь такую татуировку?

Какой коммунальщик не носит с собой тату-машинку фирмы «Американ игл», чтобы наносить людям татуировки по их желанию?

– Я сделаю тебе самую лучшую. Хочешь? Это будет бесплатно. И дам тебе одежду с деньгами, как говорил. Сто долларов.

– Это не больно?

– Слегка колет. Но терпимо. Теперь я хочу взять свой рюкзак. Там одежда, деньги и тату-машинка. Можно?

– Можно, – прошептал Натан.

Билли подтянул рюкзак поближе и вынул машинку.

– Можешь сесть здесь. Годится?

Бритва по-прежнему была у его горла, по-прежнему раскрыта. Бог, Сатана или дух Авраама Линкольна могли в любую минуту приказать Натану убить незваного гостя. Билли двигался очень медленно. Хм. Похоже, Натан получает сообщения свыше.

Медведе-человек засмеялся и прошептал что-то неразборчивое. Наконец он сел, скрестив ноги, и улыбнулся.

– Ладно, посижу здесь. Делай татуировку.

Лишь когда Билли тоже уселся на грязный пол, дыхание его выровнялось, а сердце забилось медленнее. Под пристальным взглядом Натана он закончил собирать машинку. Достал несколько склянок, поставил их на пол. Включил для проверки машинку. Она загудела.

– Только одно требование, – сказал Натан, слегка приподняв бритву.

– Какое?

– Не надо крота. Не выкалывай его.

– Не выколю, Натан. Обещаю.

Натан сложил бритву и сунул ее в карман.

Глава 34

– Мы не называем их пистолетами.

– Да, да, знаю. Забыл. Я имел в виду машинку. Тату-машинку.

– Мы предпочитаем говорить «роспись кожи» или «работа». У слова «татуировка» есть культурная ассоциация, которая мне не нравится.

Маленькая женщина, сильно татуированная (расписанная?) смотрела на Селлитто из-за прилавка с безупречно чистым стеклом, под которым были аккуратно разложены пачки игл, детали машинки – не пистолета, – книги, стопки трафаретов, моющиеся перья всевозможных цветов. «Сперва рисуй, потом коли», – предупреждало объявление.

Студия была такой же чистой, как у Т.Т. Гордона. Очевидно, легальные татуировщики относились к опасности заражения очень серьезно. Казалось даже, что эта женщина выйдет из комнаты, если захочет чихнуть.

Ее звали Анна Томсон, и она была владелицей заведения «Модификация и принадлежности “Femme Fatale”. Лет тридцати пяти, с короткими темными волосами, со всего единственным со вкусом сделанным пирсингом в носу, она была довольно хорошенькой. Этому способствовали и четырехцветные татуировки – росписи – на груди, шее и руках. Одна из них, на груди, представляла собой комбинацию змеи и птицы. Она смутно напоминала Селлитто картину, которую он видел

несколько раз, проводя отпуск в Мексике, – какой-то религиозный символ. На шее было несколько созвездий – не только звезды, но и животные, от которых они получили названия: Рак, Скорпион, Телец. А когда Анна повернулась, Лон увидел на ее плече пару блестящих красных башмачков. Они выглядели настоящими. «Дороти, моя красавица…»[16]

К черту искусство, Линк. Вот мое мнение.

Только не это. Селлитто нравились эти изображения. Нравились по-настоящему. Они как будто двигались, расширялись, сжимались. Были почти трехмерными. Как это получается, черт возьми? Словно смотришь на живые картины. Или на совсем иных существ, на что-то не человеческое, но *более* чем человеческое. Ему вспомнились компьютерные игры, в которые несколько лет назад играл его сын, будучи подростком. Селлитто вспомнил, как смотрел через его плечо. «Что это?» – указал он на одно существо в игре, походившее на змею с ногами, рыбьим хвостом и человеческой головой.

– *Найред.*

– А, ну точно, найред.

Когда Селлитто поднял взгляд, он понял, что все это время пялился на грудь этой женщины.

– Я…

– Ничего. Они там затем, чтобы смотреть. Работы, я имею в виду. Не груди.

– Я…

– Вы только что это сказали. Я не считаю вас похотливым стариком. И вы хотите спросить, больно ли это.

– Нет. Я понимаю, что больно.

– Было. Но что в жизни не причиняет боли, если это действительно важно?

Секс, обед и задержание преступника, подумал Селлитто. Боли в большинстве случаев это не причиняло. Но он лишь пожал плечами.

– Я вот о чем хотел спросить – вы сами рисовали эти изображения? То есть это была ваша идея?

– Нет. Я поехала к мастерице в Бостон. Лучшей на Восточном побережье. Мне очень хотелось Кетуалькоатля – мексиканского бога. – Анна коснулась пальцем змеи на груди. – Мы два дня общались, и она поняла меня. – Нанесла изображение пернатого змея и порекомендовала созвездия. Я наколола и башмачки Дороти. – Она улыбнулась, и Селлитто улыбнулся в ответ. – Я не хочу показаться феминисткой, но так получается. Видите, как работают мастера-женщины. Мужчина идет к мастеру-мужчине и говорит: «Я хочу цепь, мертвую голову, флаг». И выходит с цепью, мертвой головой или флагом. У женщин другой подход. Менее импульсивный, менее безотлагательный, более вдумчивый.

– Как и вообще в жизни у мужчин и женщин, – пробормотал Селлитто. Вопрос об Иксе 5–11 вертелся на языке. Но он спросил: – Знаете, мне просто интересно – как вы занялись этим бизнесом?

– То есть, если не считать росписей, я похожа на школьную учительницу?

– Да.

– Я и была учительницей. – Томсон выдержала длинную паузу. – В средней школе. Теперь появилась демилитаризованная зона. Так сказать, ничейная земля между гормонами на юге и отношениями на севере.

– У меня есть сын. Он уже окончил колледж. Но ему нужно было дорасти до этого возраста.

Она кивнула.

– Мне было непросто. Потом я пошла работать в одну из студий, и, не знаю, как объяснить, это освободило меня. Я ушла из школы и открыла мастерскую. Теперь делаю росписи и пишу маслом. Выставки в Сохо и на окраине. Однако не смогла бы это устроить, если бы не занялась росписью.

– Впечатляюще.

– Спасибо. Но вы спрашивали о машинке фирмы «Америкэн игл».

Заведение Томсон было единственным в этом районе, где продавались иглы и запчасти для этой модели. У нее в продаже была и подержанная машинка. Селлитто она показалась искривленной и небезопасной. Как лучевой пистолет из какого-то научно-фантастического фильма.

– Можно спросить, почему она вас интересует?

Детектив заколебался. И решил, что должен рассказать ей все. Может, потому, что она была очень предана этому искусству. Или потому, что у нее совершенно невероятная грудь. Лон рассказал ей, что делает Икс 5–11.

– Господи, неужели такое возможно? – Глаза у нее стали настолько же расширенными, насколько узкими были у мексиканского бога. – Кто-то действительно это делает, убивает людей тату-машинкой? – Анна вздрогнула и, несмотря на все свои впечатляющие существа и башмачки из «Волшебника страны Оз», теперь показалась не загадочным сверхсуществом, а обычной женщиной – слабой и ранимой. У Т.Т. Гордона была та же реакция – ощущение предательства из-за того, что кто-то в их сплоченной профессии использует свой талант для убийства, притом таким ужасающим способом.

– К сожалению, да.

– «Америкэн игл», – произнесла она. – Старые машинки, менее надежные, чем новые. Одни из первых портативных.

– Так говорил и Тэ-Тэ.

Томсон кивнула.

– Он хороший человек. Вам повезло, что он помогает вам. Думаю, я тоже смогу помочь. Машинку здесь никто не покупал, но примерно неделю назад сюда пришел человек и купил иглы для «Америкэн игл». – Она подалась вперед, опершись о прилавок. Блестящее черное кольцо на правом указательном пальце оказалось наколотым. – Я не обратила на него особого внимания. Лет под тридцать или немного за тридцать. Белый. Был в темной шапочке, с шарфом вокруг шеи, почти закрывающим подбородок. В темных очках, хотя нужды в них не было: погода стояла такая же скверная, как и сегодня. Они казались хипстерскими. Но имитаторов здесь полно. Это тонкая граница между напускным и искренним.

Имитаторы. Разумно. Селлитто показал ей фоторобот.

Томсон пожала плечами.

– Возможно, это он. Я ведь не обратила на него особого внимания. Но одну вещь запомнила. Я не видела у него росписи или пирсинга. Большинство мастеров росписи основательно модифицированы.

– У него есть изображение на руке. Какое-то существо, похожее на дракона. Красное. Это что-то означает?

Женщина с изображением Кетуалькоатля на груди покачала головой.

– Нет. После той книги, того триллера многие захотели драконов. Подражатели. Насколько я знаю, тут никакого значения нет.

Тогда Селлитто спросил:

– Что-нибудь слышали о татуировке со словом «второй»? Или «сорок»? Они что-то значат в вашем мире?

– Нет, ни разу не слышала.

Лон показал ей фотографии татуировок.

– Так, – сказала Анна. – Староанглийский шрифт. Делать его трудно. А повреждения, приподнятые части? Из-за яда?

– Да.

– Что ж, несмотря ни на что, он мастер. Настоящий мастер.

– И работал он быстро. Видимо, сделал каждую надпись за десять-пятнадцать минут.

– Правда? – Она удивилась. – И рубцевание? Окаймление фестонами?

– Все за десять или пятнадцать минут. Такая скорость или стиль не дают вам представления, кто это может быть?

– Честно говоря, нет… Но я не вижу контуров.

– Их не было. Тэ-Тэ сообщил, что он использовал линию крови. От руки.

– В таком случае никто из тех, кого я знаю, не мог сделать такой работы за пятнадцать минут. А я знаю всех талантливых людей в Нью-Йорке. Вы имеете дело с превосходным художником.

– Тэ-Тэ сказал, что он не здешний, но не смог понять, откуда.

– Да, сейчас такого шрифта здесь не встретишь. Но я не знаю, что сейчас модно в Олбани, или в Трентоне, или в Норуолке. Мои клиенты в основном из центра Манхэттена.

– Он заплатил за иглы наличными? – Этот вопрос самому Селлито показался излишним.

– Да.

– Эти деньги, случайно, не сохранились? Для отпечатков пальцев.

– Нет. Но это не имеет значения. Он был в перчатках.

Конечно…

– Я тоже подумала, что это как-то странно. Но ничего не заподозрила, понимаете?

Имитаторы.

– Он говорил что-нибудь?

– Мне? Ничего. Только попросил иглы. Но…

Селлитто переспросил:

– Но?

– Когда он уходил, ему позвонили по мобильному. Обслужив его, я пошла в заднюю комнату. Выходя из двери, он сказал: «Да, Бельведер». А потом, кажется, произнес слово «адрес». Во всяком случае, мне так показалось. Но, может, это было что-то другое.

Селлитто записал ее ответы и задал стандартный вопрос:

– Можете еще что-то припомнить?

– Боюсь, что нет.

Все обычно отвечают «боюсь, что нет» или «не думаю». Но, по крайней мере, Томсон задумалась над вопросом и ответила честно.

Селлитто поблагодарил ее и, взглянув напоследок на Кетуалькоатля у нее на груди, вышел на улицу, где по-прежнему шел мокрый снег, срочно позвонил Райму и сказал: «Не питай особых надежд, но, возможно, у меня есть нить».

Глава 35

Хорошо поразмялся.

Направляясь из спортивного клуба к дому на 52-й Восточной улице, чтобы взять свою машину, Александр Брейден подсчитывал сделанные упражнения для пресса. Дойдя до ста, перестал считать. Упражнений было много. Он забыл, сколько.

Работа у Александра была сидячей – он составлял компьютерные программы для одного крупного инвестиционного банка и в свои тридцать семь лет намеревался сохранять хорошую форму, несмотря на восьмичасовой рабочий день плюс час пути до Нью-Джерси, где находился информационный центр его компании.

А прокачка бицепсов тридцатифунтовыми гантелями? Наверно, около двухсот. Черт возьми, чувствовалось, что не меньше. Он решил, что завтра уменьшит нагрузки. Не нужно отжиматься слишком высоко. Александр знал, как важно быть последовательным. Каждый день он ходил пешком от своего дома до спортивного клуба на Шестой авеню. Каждый день велоэргометр, гантели, приседания и, конечно, качания, качания, качания пресса... Сколько, сто пятьдесят? Возможно.

Посмотрев на свое отражение в одном из окон, Александр подумал: «Вес в норме». Кожа казалась бледной. Это уже хуже. Он со своей семьей скоро поедет на остров. Может быть, после Дня благодарения. Да и кто не выглядел бы нездоровым в такой день? Мокрый снег прекратился, но свет был серым, слабым. Александр предвкушал возвращение в квартиру. Находил ее уютной – это слово он употреблял только в разговоре с женой.

Сегодня у него было еще одно предвкушение. Ему предстояло забрать велосипед у брата в Парамусе. Джо купил новый горный велосипед и отдавал старый сыну Александра. Мальчик был в восторге и уже дважды писал из школы эсэмэски, чтобы узнать, как дела. Нетерпеливость юности...

Александр посмотрел в южную сторону и увидел башню нового Всемирного торгового центра, или как там он будет называться. В 2001 году, когда произошла террористическая атака, он работал на своем первом рабочем месте, составлял программы для банка. Новое здание было впечатляющим, архитектурно более интересным, чем простые прямоугольники его предшественников. Однако ничто не могло сравниться с их величием, их роскошью.

Какое это было время! Его первый сын родился на другой день после теракта. Александр с женой передумали называть мальчика в честь ее отца и дали ему имя Эмери, в честь архитектурной фирмы «Эмери Рот и сыновья», которая вместе с Минору Ямасаки спроектировала башни Торгового центра.

Александр продолжал путь на восток, к своему дому, где он сядет в машину и поедет на работу. Остановившись на красный свет, он случайно оглянулся и увидел позади человека, опустившего голову.

Молодой, в темной одежде и вязаной шапочке. С рюкзаком или сумкой на плече. Не он ли сидел в кофейне напротив клуба? Он следит за ним?

Александр прожил в этом городе пятнадцать лет. Считал Нью-Йорк самым безопасным городом. Но он был неглуп и зарабатывал деньги благодаря тому, что преступники все еще существовали. Несколько лет назад, когда он был еще начинающим программистом, большая часть его работы заключалась в создании программы, позволяющей серверам работать более плавно, расширять веб-трафик, а различным операционным системам – беспрепятственно общаться. Однако с годами он стал специалистом по безопасности. Коммерческие хакеры, террористы и подонки, у которых слишком много свободного времени и слишком мало клеток в мозгу, теперь нападали на банки все более нагло и успешно. Задачей Александра стало создавать препятствия особенно умным и особенно гнусным хакерам.

Он слышал о нападениях на специалистов по компьютерной безопасности. Иногда задавался вопросом, не рискует ли сам. У него не было информации, что кому-то из хакеров известно его имя, но ведь невозможно скрыть все сведения о себе от того, кто решил тебя выследить.

У своего дома Александр остановился и, сделав вид, что звонит по телефону, оглянулся еще раз. Человек в куртвке и шапочке продолжал идти за ним, опустив голову. Казалось, он не обращал на Александра никакого внимания. Потом предполагаемый убийца-хакер, не останавливаясь, вошел в здание на другой стороне улицы – старое, с объявлением «Сдается внаем» на грязном окне. Может быть, он риелтор или новый жилец? Или дворник, осматривающий котел отопления, – вечер обещал быть холодным?

Улыбнувшись своему чрезмерному беспокойству, Александр вошел в дом, а оттуда в гараж, где стояла «Субару». Место в гараже было дорогим – дороже, чем его первая квартира. Но гарантированное пространство для машины в городе, создавшем мир стоянок на другой стороне улицы, того стоило. Притом оно было закрытым, так что не приходится расчищать снег и соскабливать лед со стекол. Наглухо закрытым. Место его машины находилось в третьем ярусе подвала.

Он помахал рукой служащему, тот ответил:

– Привет, мистер Александр. Когда это закончится? Понимаете, о чем я? – Он говорил, в сущности, одно и то же вот уже неделю.

Худощавый человек с серым лицом поднял взгляд к небу.

Александр усмехнулся и пожал плечами. Стал спускаться по тускло освещенному спиральному пандусу. На нижнем ярусе, где стояла «суби», как его жена окрестила машину, Александр прошел под низким потолком к месту, где выдавался передок его зеленой «Субару». Гараж – по крайней мере, этот ярус – казался совершенно безлюдным. Но Александр больше не испытывал беспокойства, так как шедший за ним воображаемый убийца скрылся в здании на другой стороне улицы. К тому же никакой грабитель – или хакер, намеренный переломать Александру пальцы, работающие на клавиатуре, – не рискнет устраивать нападение здесь. Пройти сюда можно было только мимо бдительного служащего.

Понимаете, о чем я?..

Подходя к «Субару», Александр достал ключи и нажал на пульте кнопку отпирания дверей. Вспыхнули фары. Он продолжал идти к машине, думая о велосипеде для сына. Предвкушал, как в ближайший выходной будет кататься на своем десятискоростном вместе с Эмери по Центральному парку.

Он улыбался этой приятной перспективе, когда кто-то вышел из-за стены справа от Александра и ткнул его в шею.

– Что за… – возмутился Александр и повернулся.

Ах, черт… Человек был в сером комбинезоне, как ремонтник или подсобный рабочий, но лицом, обтянутым желтой латексной маской, походил на инопланетянина. А потом Александр увидел иглу шприца в желтой, затянутой в перчатку руке. Он коснулся места на шее, где нестерпимо жгло. Ему что-то вкололи! Первым делом мелькнула мысль: СПИД. Какой-то псих. Нет, нет, нет…

Потом он подумал: «Эта дерзость не сойдет ему с рук». Александр брал несколько уроков самозащиты и занимался в спортзале кикбоксингом. Не говоря уж о накачке мышц. Он повернулся лицом к этому человеку, твердо уперся в пол ногами, отвел правую руку назад, вспоминая, как наносить быстрый удар и развивать успех.

Раз, два, финт, удар.

Раз, два…

Но рука не повиновалась. Отяжелела. Так, что даже не поднять. И Александр заметил, что жуткая паника, потрясение ослабевают. Он даже почти не испытывал страха.

И когда тусклый свет стал еще более тусклым, он понял: это не заражение крови. Нет, конечно. Мерзавец ввел ему какое-то успокоительное. Конечно, это тот человек, что шел за ним. Он пробрался сюда из здания на другой стороне улицы. Но как?.. А, понятно. Тут была открыта маленькая металлическая дверца люка. За дверцей – темнота, туннель или подвал. А цель этого человека? Похитить Алксандра. Выпытать у него программы или слабые места в защите программ его клиентов.

– Я… скжу-у… что… – произнес Александр. Точнее, попытался произнести.

Говори! Давай! Я скажу то, что тебе нужно. Только отпусти меня.

– Гр-рр… ж-ж-жу… что те-е-е-е… – Слоги распадались. А потом слова стали только бульканьем у него в горле.

Он удивился, обнаружив, что уже не стоит, а сидит, парализованный, глядя вверх на этого типа в маске. Огляделся. Шина «суби». Обертка от шоколадки «Хёрши». Овальный след высохшей собачьей мочи. Напавший нагнулся к рюкзаку. В сгущавшейся темноте Александр сощурился, разглядывая странную татуировку на левой руке этого человека. Змея… Нет, многоножка. С человеческим лицом.

Потом он лежал на спине, слишком слабый, чтобы удержаться в сидячем положении. Нападающий грубо завел руки Александра за спину и сомкнул их наручниками. Снова перевернул на спину.

То, что у этого типа облегающая маска и зловещая татуировка, не означает, что он маньяк-убийца. Нет, ему нужны коды к главному серверу «Ливингстон ассошиейтс». Или пароли, чтобы взломать охранную систему банка «Истерн Нассау». Конечно. Он не псих.

Это бизнес. Только бизнес. Они не хотели причинить ему вред. Им нужны данные? Прекрасно, он назовет им данные. Код-пароли? Они получат код-пароли. Только бизнес, так ведь?

Но тогда зачем он задирает куртку и рубашку Александра, пристально смотрит на его живот? Протягивает руку и проводит по коже пальцем, словно пробуя?

Должно быть… только… Темнота окутала его полностью.

Глава 36

– Сакс, ты где?

– Почти на месте. – Ее голос прозвучал из динамика в гостиной Райма.

Криминалист был там с Пуласки и Купером, а Амелия тем временем ехала по Центральному парку на своем «Торино», держа путь на восток.

– Разговор прекращаю. Нужно рулить.

Мест, в название которых входит слово «бельведер», на Манхэттене оказалось сорок восемь. К такому выводу пришла еще одна команда, которую Лон Селлитто собрал в управлении, расположенном на Полис-плаза, 1. Существовала команда, искавшая «распроданную книгу», теперь распущенная. Потом появилась команда, выясняющая, что означают слова «второй» и «сорок», все еще действующая. Теперь из-за случайно подслушанного татуировщицей Анной Томсон слова собралась команда, выясняющая, что такое бельведер.

Четыре дюжины бельведеров на Манхэттене, который казался излюбленным охотничьим районом Иксу. Кроме того, искать повсюду было невозможно.

Гастрономы, многоквартирные дома, транспортные компании, бутики, таксомоторная компания, паромное судно. Эскортная служба.

Полчаса назад в гостиной Райма он и Сакс вместе с Селлитто, Купером и Пуласки размышляли о том, какой из бельведеров скорее всего имеет отношение к Иксу. Разумеется, название могло быть никак не связано с очередным объектом нападения. Это мог быть дом, где он живет, химчистка, которой он пользуется, или место, где кормит кота. Или предприятие, которым интересуется. Но, будучи осторожными, они предполагали, что это место убийства, и хотели немедленно отправить оперативные группы по наиболее вероятным адресам.

Наиболее вероятными они сочли три места. Первым был заброшенный склад в Челси – к северу от Гринвидж-Виллидж. Он представлял собой протяженный лабиринт с подземными проходами и кладовыми. Для целей Икса в самый раз, однако Купер заметил, что этот склад может быть слишком уж заброшенным.

– Ему нужно взять откуда-то жертву.

Райм подумал об этом, но вывел на экран несколько изображений данного места, сделанных кабельным телевидением, и обнаружил, что пешеходов там было больше, чем можно подумать, – даже любителей бега в этот непогожий день.

– Ему нужен только один, – подчеркнул Райм.

Селлитто позвонил в ОБР, чтобы туда отправили опергруппу.

Вторым бельведером был старый кинотеатр в Верхнем Вест-Сайде – одна из тех достопримечательностей, какие можно увидеть на Бродвее, где перед началом сеанса выступали Кларк Гейбл или Мэрилин Монро. В этот час он был уже закрыт и, судя по одной из схем подземелий у Райма, имел несколько подвалов – превосходное место для жертв Икса 5–11. Туда отправилась еще одна группа ОБР.

Последним был многоквартирный дом в мидтаунском Ист-Сайде, названный «Бельведер апартментс» – мрачное, старое строение, напоминающее готическую архитектуру Южной Дакоты. Там был большой подвал и подземный гараж. Детектив договорился об отправке туда третьей опергруппы.

Сакс сказала:

– Похоже, это тот самый бельведер. Я тоже поеду.

Райм обратил внимание на ее глаза – взгляд охотницы и выражение решимости. Он нашел его очень привлекательным и вместе с тем тревожащим. Сакс была одним из лучших специалистов по работе на месте преступления, каких только знал Райм. Но она никогда не бывала такой оживленной, как перед участием в операции.

Амелия выбежала из двери, на ходу надевая куртку, Селлитто последовал за ней.

Вскоре Райм получил от него сообщение о том, что опергруппа прибыла на склад «Бельведер» в Челси и ничего не нашла. Командир ОБР Бо Хауманн оставил там несколько человек и разделил остальных: одна группа направилась к жилому дому, другая к кинотеатру – он был большим, и на поиски требовалось время.

Едва Линкольн положил трубку, телефон зазвонил снова.

– Райм? – услышал он из динамиков голос Амелии.

– Только что разговаривал с Лоном, – сообщил он ей. – На складе ничего не оказалось. Но это означает, что вы получите подкрепление. Опергруппа ОБР направляется к жилому дому, где ты находишься.

– Не нахожусь, Райм, – негромко ответила она. – Еду. Дороги жутко загружены. И никто не умеет водить в такую погоду. Я на тротуаре. Подожди.

Райм услышал грохот – видимо, ее «Торино» съехал на проезжую часть – и подумал, не повредила ли она подвеску.

– При такой скорости ехать на другой конец города. Господи!

Райм увидел, что ему звонит кто-то еще.

– Сакс, я перезвоню тебе. ОБР на другой линии.

– Линкольн, слушаешь? – спросил Хауманн.

– Да, Бо. Как дела?

– Вторая опергруппа почти у «Бельведер апартментс». Мы осмотрим подвал и гараж. Есть еще свидетельства, что этот тип вооружен? – Очевидно, Хауманн вспомнил инцидент в больнице, где Икс 5–11 угрожал застрелить Гарриет Стэнтон и Сакс.

– Никаких новых сведений. Но будем считать, что да.

– Передам это остальным. – Последовала пауза, пока Хауманн разговаривал с кем-то в своей машине или в грузовике ОБР. Райм их не слышал. – Ладно, мы проникнем внутрь тихо.

– Я сообщу Амелии, что вы там. Она захочет принять участие в тактической операции. Я бы не стал ждать. Идите в дом, быстро.

– Идем, Линкольн.

Райм продолжил:

– Скажи своим людям, чтобы опасались сюрпризов. Это его новая тактика. Пусть наденут перчатки и респираторы.

– Понял. Постой… Линкольн, слушаешь?

– Слушаю.

– У нас здесь есть модулятор. Хочешь подключиться и наблюдать?

– Конечно.

Командир ОБР назвал ему код, и через несколько секунд Райм, Пуласки и Купер неотрывно смотрели на экран. На нем было высокоточное изображение двух приземистых тактических грузовиков, на крышах отчетливо виднелись номера. Райм наблюдал, как два десятка полицейских ворвались в парадную дверь многоквартирного дома и

стали спускаться по выездному пандусу гаража. Служащего один из стражей порядка повел в безопасное место.

Звук тоже был включен. Райм слышал голоса обэзровцев, обходящих гараж. «… Юго-западный коридор, первый ярус, чисто… Здесь дверца люка… нет, она опломбирована…»

Хауманн прервал передачу, и Райм перезвонил Сакс, чтобы сообщить ей о разговоре.

Она вздохнула.

– Я буду там через пять минут.

По голосу он понял: сожалела, что не вошла в дом вместе со всеми.

Райм переключил внимание на доносящиеся из рации голоса оперативников.

«Опергруппа Два-А входит, спускается по лестнице на нижний ярус. Два-Б спускается по пандусу. Продолжайте… Пока что никого. У нас все в порядке. Прием».

– Райм, я почти на месте. Я…

Но он не дослушал Амелию. Из рации заревел голос полицейского:

– Опергруппа Два-Б… у нас проблема. Гараж, нижний ярус… Господи… Вызывайте, вызывайте!.. Пожарную охрану… Быстрее, быстрее! Нам срочно нужны пожарные! Прием.

«Пожарные?» – удивился Райм.

Другой полицейский выкрикнул:

– Что горит? Ничего не вижу. Прием.

– Опергруппа Два-Б. Ничто не горит. Преступник открыл водонапорную трубу, чтобы помешать преследованию. Здесь вода. Мы не можем пройти. Высота уже шесть дюймов, и она все еще поднимается. Нужен пожарный с ключом, чтобы перекрыть воду. Прием.

Райм услышал в эфире смешок – видимо, от облегчения, что бороться придется только с водой, а не с пламенем пожара. Однако Линкольну было не до смеха. Он прекрасно понимал, что сделал их находчивый Икс: пустил воду не только для того, чтобы задержать преследователей, но чтобы и уничтожить все улики, какие мог оставить.

Глава 37

Теперь беги со всех ног.

Билли Хейвен находился под землей, снова в том старом железнодорожном туннеле. Он миновал место, где Медведе-человек Натан едва не совершил ему модификацию опасной бритвой.

Рюкзак на плече был легким как перышко – вот что делает адреналин, – и Билли бежал быстро. Он снял латексную маску, оставшись в комбинезоне и перчатках, а обувь нес в руках. Из своих исследований он узнал, что не существует базы данных носков, которая помогла бы полицейским его выследить. Бахилы же были слишком скользкими для быстрого бега.

Вперед, вперед, вперед…

Предупреждением, заставившим его быстро покинуть гараж, был не визг тормозов машин ОБР или тихие шаги полицейских. Об опасности он узнал за несколько минут до этого. Полицейский диспетчер назвал адрес и упомянул название «Бельведер», Билли услышал это через наушник, соединенный с его полицейским сканнером. И он принял меры, чтобы место и жертва оказались бесполезными для полиции.

Очищай место преступления от всего, что может указать на тебя.

Потом он снова пролез через дверцу люка в стене гаража. И опять оказался под землей.

В конце концов Билли решил, что может подняться на поверхность. С болью в груди, задыхаясь от кашля, он вылез через люк в подвале офисного здания в Мидтауне. Это было обшарпанное здание из песчаника, построенное три четверти века назад, а возможно, и больше – двенадцатиэтажное, с тускло освещенными, тряскими лифтами, вызывающими желание перекреститься перед тем, как войти в кабину.

Однако Билли поднялся из подвала по лестнице, предварительно проверив, нет ли на ней кого, и вошел в коридор первого этажа – место обитания навязчивых адвокатов, бухгалтеров и импортно-экспортных компаний, названия которых были написаны кириллицей или азиатскими иероглифами. Сняв комбинезон, он затолкал его в урну и надел другую вязаную шапочку, на сей раз бежевую. Обулся.

У захватанной стеклянной двери, ведущей на улицу, Билли остановился и посмотрел, нет ли полицейских. Ни одного. Понятно: он далеко от «Бельведера». Какое-то время у оперативников там будет много забот.

Билли позабавила мысль о том, что творится в гараже. Выйдя на улицу, он быстро пошел на восток.

Как это смог предвидеть великий прозорливец? Да, Билли был в «Бельведере» несколько раз, чтобы осмотреть место. Может, оставил несколько следов, которые и были обнаружены. Сомнительно, но, когда дело касается Райма, возможно все.

Билли шел по слякоти, опустив голову, и думал о том, какие ошибки мог допустить. Потом вспомнил. Примерно неделю назад он звонил в справочную насчет номера «Бельведера», чтобы узнать график работы гаража. Он побывал в магазине принадлежностей для татуировки, где покупал запасные иглы для машинки «Америкэн игл». Вот как его нашли.

Возник вопрос: если единственной причиной, по которой владелица могла назвать «Бельведер», был интерес полицейских к тем, кто покупал «Америкэн игл» или иглы к ней, то как они узнали, что это и есть его орудие убийства? Нужно будет подумать об этом.

Показалась станция метро, он спустился по мокрой лестнице и сел в поезд, идущий на юг. Через двадцать минут Билли снова был в своей мастерской, стоял под душем, по телу хлестала горячая вода, а он тер и тер себя щеткой.

Потом он вытерся полотенцем и оделся, включил радио. Вскоре в новостях сообщили о новом нападении Подпольщика. Это прозвище показалось ему каким-то жалким. Неужели не могли придумать ничего получше?

По-прежнему никакого упоминания об Амелии Сакс или еще о ком-то, ставшем жертвой сюрприза со стрихнином. Это означало, что из-за бдительности или благодаря везению никто не укололся иглой, оставленной в сумочке Саманты.

Билли с самого начала знал, что Модификация будет походить на войну, у обеих сторон будут и победы, и поражения. С двумя жертвами он преуспел. У полицейских тоже были кое-какие победы. Этого следовало ожидать – собственно говоря, он это предвидел. Теперь, думал Билли, нужно посерьезнее постараться обезопасить себя.

И ему в голову пришла мысль. Удивительно простая и удивительно дельная.

Применительно к этой ситуации заповедью будет: «Знай своего врага. Но знай и его родных и друзей».

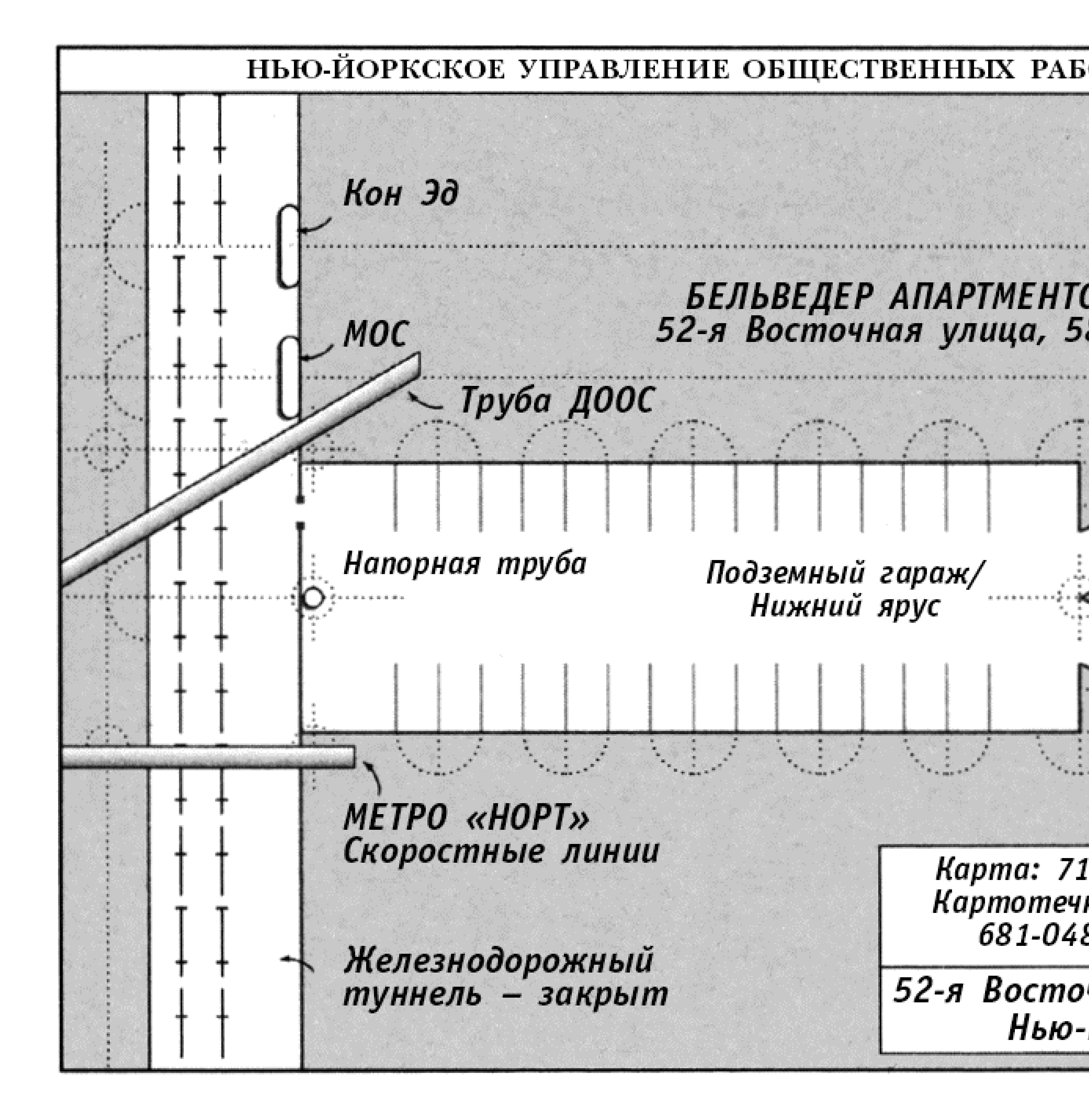
Глава 38

– Черт возьми, Амелия, насколько это скверно? – спросил Селлитто.

Они с Сакс стояли в одинаковых позах – руки на бедрах – и смотрели вниз, в тускло освещенный гараж под «Бельведер апартментс».

– Скверно, – негромко ответила она, посмотрела на план и провела пальцем по месту стоянки и заброшенному железнодорожному туннелю. – Все улики исчезли, уничтожены.

Селлитто потопал, чтобы согреть ноги, – они стояли в ледяной грязи. Сакс потопала тоже, но облегчения это не принесло, только еще сильнее обожгло пальцы ног.



Амелия заметила поблизости Бо Хауманна, который разговаривал по мобильному телефону. Закончив, командир ОБР широким шагом подошел к ним и кивнул.

Селлитто спросил:

– Ну что?

Жилистый, плотно сложенный человек в свитере под рубашкой провел рукой по коротким седым волосам. Его брови были в инее, но он словно совсем не замечал холода.

– Он скрылся. Удрал. Я отправил группу в туннель через люк на улице. Но это бесполезно. Они скажут: «Его следов не обнаружено».

Сакс невесело рассмеялась.

– Следов нет. Нигде.

Беспокойство Райма оправдалось. Открыв напорную трубу, Икс 5–11 уничтожил все следы на месте преступления. Сам ушел через дверцу, посредством которой проник в гараж, бросив ее открытой. Через несколько минут вода залила нижний ярус и хлынула через дверцу в туннель внизу, который, по всей видимости, должен был стать зоной убийства.

Когда дело касается уничтожения следов на месте преступления, вода бывает хуже огня. Многие следы могут сохраниться в пламени, и даже если обрушатся стены, положение предметов, архитектурных элементов и даже человеческих тел останется почти неизменным. А вот поток воды, словно громадный смеситель, не только растворяет, уничтожает и смешивает, но и переносит предметы далеко от изначальных мест. Вода, как не раз указывал Райм, – это универсальный растворитель.

Полицейские из ОБР осмотрели место преступления и подняли жертву на улицу. Он был одурманен, но жив, единственными повреждениями казались синяки от удара о стену, куда его отбросила вода. У Икса не было времени начать модификацию. Потерпевший был близок к переохлаждению, но медики сняли с него мокрую одежду и завернули в теплые одеяла.

Полицейские вынесли его, закончили осмотр и ушли, а двое пожарных в защитных костюмах с трудом шли по воде, чтобы остановить поток. Кроме того, они взяли образцы. Райм беспокоился, что Икс мог вылить в воду какой-то яд, способный, даже будучи растворенным, причинить вред или даже убить.

К ним подошел полицейский из ОБР.

– Говори, – велел Хауманн.

– Вода утекает, и пожарные включили насос. Но воды еще много. Да, они сделали предварительную пробу, в воде нет биологически опасных веществ, никаких химикатов, по крайней мере, ничего значительного. Поэтому они выкачивают воду в канализацию. Примерно через час ее не останется.

Полицейский обратился к Сакс:

– Детектив, они нашли кое-что интересное для вас. Один из пожарников заметил это.

– Что именно? – спросила она.

– Пластиковый пакет. Это все, что я знаю.

Амелия кивнула, не питая особой надежды, что в пакете есть нечто, имеющее отношение к делу. Там могла быть банановая кожура или монеты для паркометров на автостоянке. Однако существовала вероятность, что там окажется бумажник преступника или карточка социального страхования.

Делать здесь больше было нечего, и Амелия с Лоном отправились к санитарной машине. Вошли в нее сзади, закрыли дверцу. Александр Брейден сидел закутанным в синее одеяло и дрожал. В машине было тепло, но он промерз в почти ледяной воде.

– Как себя чувствуете? – спросил Селлитто.

У Брейдена заметно стучали зубы.

– Холодно, голова кружится от того, что этот сукин сын вколол мне. Говорят, это пропофол. – Он заикался, невнятно произносил слова. – И его вид в этой маске ошеломил меня.

– Можете его описать?

– Приблизительно. Ростом около шести футов, хорошо сложен. Белый. Но он был в желтой латексной маске. Господи, она ошеломила меня. Совершенно ошеломила. Я уже говорил это, так ведь? В ней были отверстия для глаз, носа и рта. Вот и все.

Селлитто показал ему фоторобот.

– Может быть. Но маска, понимаете.

– Конечно. Одежда?

– Когда он подошел ко мне в гараже, был в комбинезоне. Кажется. Он застал меня врасплох. – Брейден содрогнулся. – Но я видел его раньше, и одет он был по-другому. Если только это был он. Он вошел вот в это здание.

Ага, может, все-таки у них есть нетронутое место преступления. Сакс отправила проверить это человека из ОБР – трасолога.

– Он что-нибудь говорил? – спросил Селлитто.

– Нет. Просто кольнул меня иглой. Потом я начал терять сознание. Но я видел, как он… – Голос его оборвался. – Я видел, как он достал из рюкзака скальпель.

– Скальпель, не просто нож?

– Определенно скальпель. И, похоже, он умел с ним обращаться. Да, и он ощупывал мою кожу. На животе. Ощупывал и оттягивал. Черт возьми. Как это понять?

– Он уже делал это, – сообщила Сакс. – Мы не знаем точно почему.

– Да, и я помню, что, когда он опустил руку, его рукав задрался. Понимаете? Я увидел на его руке татуировку. Странную. Многоножку, я совершенно уверен. Да. Но, знаете, с человеческим лицом.

– Какого цвета была татуировка? – поинтересовался Селлитто.

– Красного. А потом я помню лишь, как пришел в себя, откашливался, а полицейские вытаскивали меня из воды. Мне было очень, очень холодно. Жуть. Я словно плавал в океане. Это он убивал тех людей в городе?

Иногда лучше отмолчаться, иногда ответить.

– Вероятно, – проговорил Лон.

– Почему он выбрал меня?

– Мы не знаем его мотивов. У вас есть враги, которые могли бы это сделать?

Сакс и Райм не исключали, что Икс использовал серийные убийства, чтобы скрыть убийство конкретной жертвы, затерянной в общей массе.

Но Александр ответил:

– Я занимаюсь безопасностью компьютеров и подумал, что помешал какому-то хакеру и он хочет мне отомстить. Подумал, что человек, вошедший в это здание, возможно, преследовал меня, мог быть наемником, или как там вы их называете. Но я не знаю никого конкретного.

– Это маловероятно, – произнес Селлитто. – Мы полагаем, что он выбирает людей наобум.

Случайные жертвы… – Они записали, как можно связаться с Брейденом.

Сакс надела перчатки, взяла наручники, принесенные снизу кем-то из медиков, положила их в сумку для улик и заполнила регистрационную карточку. Мысленно напомнила себе взять отпечатки пальцев у медика, который их вынес. Но она не надеялась, что их осторожный Икс стал вдруг беззаботным.

Они вылезли из машины на холодный ветер. Подошел трасолог, которого Сакс отправила в соседнее здание, куда, по словам Александра, зашел преследовавший его человек. Полицейский, крепкий парень в круглых очках, сообщил:

– В здании никого. И мы очень внимательно осмотрели подвал. Входа в подземный гараж оттуда нет.

– Хорошо, спасибо.

Подошли двое пожарных, с их одежды текло. Один из них держал за угол небольшой пластиковый пакет. Возможно, с уликой. Загрязнения Сакс не опасалась: на руках у пожарного были неопреновые защитные перчатки.

Пожарный поздоровался.

– Слышал, вы здесь руководите работой на месте преступления.

– Да. – Сакс кивнула. – Как там внизу?

– Беспорядок. Воды все еще около восьми дюймов. Весь пол нижнего яруса залит. А в туннеле под ним настоящее озеро.

– Что вы нашли? – поинтересовалась Амелия, кивнув на пакет.

– Он был у стены, почти рядом с жертвой. Может, его, а может, нет. Больше ничего не было.

Банановая кожура или монеты…

Она взяла пакет рукой в перчатке. Внутри были небольшие металлические железки около дюйма длиной, разной формы. Какие-то скобяные изделия, решила Сакс. Она показала пакет Селлитто, но тот пожал плечами. Она сунула его в сумку для улик, спросила фамилию и личный номер пожарного, внесла их в регистрационную карточку, записала данные и дала ему расписаться. Сама расписалась тоже.

– Я хочу спуститься туда, – сказала она одному из пожарных. – Одолжите сапоги?

– Конечно.

Подошел еще один пожарный с картонным подносом, раздавая кофе. Селлитто взял стакан, но Сакс отказалась. Ей не хотелось ничего, только бы найти нить, хоть какую-то нить, ведущую к Иксу 5–11.

Глава 39

– Это импланты. – Т.Т. Гордон, тату-мастер, украшенный наколками супергероев и слишком уж щегольской бородкой, снова появился в гостиной Райма.

Стоя у стола для осмотра улик рядом с Мелом Купером, он смотрел на то, что нашел пожарный на месте преступления в подземном гараже «Бельведер апартментс»: отдельные металлические предметы в пластиковом пакете. Это были не скобяные изделия, как сперва подумала Сакс, они представляли собой букву и цифры. В них были пропилены пазы, смазанные грязно-белым веществом.

Й 7 1

Они были около дюйма высотой и лежали на стерильном тефлоновом щите.

– А что такое импланты? – спросил Райм, подкатывая поближе.

Худощавый Гордон потер изображение Бэтмена на левой руке. Райму была видна часть еще одного супергероя на правой. «Почему эти два комичных персонажа?» – подумал он. И вслед за этим: «Почему бы нет?»

– Импланты – своего рода крайняя форма модифицирования. Делаешь надрезы в коже и вставляешь их туда. В конце концов кожа срастается, и на поверхности остаются знаки или буквы. Импланты встречаются редко. Но татуировки сейчас очень распространены, как я уже говорил вчера. Сейчас они есть у каждого продавца, работника службы связи с общественностью, адвоката. Чтобы выделяться, нужны импланты и рубцы. Кто знает, что будет через десять лет. Я даже не хочу об этом думать.

Сакс спросила:

– Говорит это что-нибудь об Иксе?

– Подтверждает то, что я уже говорил. Импланты здесь редки. Я не знаю ни одного художника в Нью-Йорке, который их вживляет. В сущности, это хирургическая операция и требует хорошей подготовки. Импланты встречаются главным образом на Среднем Западе и в районе Аппалачей, в Западной Виргинии, в горах Северной Каролины. У тех, кто хочет вести другую жизнь. То есть не такую, как я, – сказал Т.Т. Гордон, красноречивый тату-мастер. – Может показаться, что импланты свойственны мужской культуре, но в действительности женщины вживляют их чаще. Эти штуки довольно опасны. Сделаны они из материалов, при которых вероятность отторжения невелика, но существует проблема инфекции. Более того, импланты могут перемещаться. И тут можно попасть в беду.

– И попадаешь в беду, – заговорил Мел Купер, глядя на экран компьютера, подключенного к ГХ/МС, – если импланты содержат высококонцентрированные дозы никотина. Как эти.

– Никотина, – задумчиво произнес Райм.

– Это яд? – спросил Рон Пуласки.

– Да, – ответил Купер. – Несколько лет назад я работал над одним делом. Никотин использовали как инсектицид. Его можно было купить необработанным, концентрированным. Преступник приобрел его, потому что хотел избавиться от матери ради получения наследства, и поскольку она курила, счел удачной мысль добавить никотин ей в еду. Она умерла примерно через полчаса. Если бы он добавлял малые дозы вместо одной большой, это могло бы сойти ему с рук. Мы обнаружили, что никотина столько, будто она за час выкурила восемьсот сигарет, и ее рука покрылась пятнами.

– К какому классу относится этот яд? – спросил Райм.

– Парасимпатический алкалоид. Содержится в растениях семейства пасленовых.

– Эти импланты небольшие, – заметила Сакс. – Насколько концентрированы там дозы?

Глядя на масс-спектрометр, Купер ответил:

– Концентрация громадная. Если б он вставил эти импланты в кожу, жертва умерла бы примерно через двадцать минут.

– Господи, – произнес любитель супергероев.

– Смерть мучительная? – спросила Сакс.

– Наверное, – сказал Райм. Его это не интересовало. Ему было важнее их происхождение. – Где он мог взять эти импланты?

Гордон пожал плечами.

– Я не знаю источников. Главным образом их заказывают через Интернет.

– Нет, – возразил Райм. – Он приобрел их в обычном магазине. И расплатился наличными. – Он снова посмотрел на металлические вещицы.

Что они собой представляют, для Райма было очевидно. Простая перестановка образовала бы очередное число – «17-й».

Сакс надела маску и двойные перчатки и стала рассматривать одну из металлических вещиц. Цифру «семь».

– У нас есть следы инструмента. Явно пропиленный паз. Уже кое-что.

Можно было бы связать отравленный имплант с принадлежащим подозреваемому напильником – разумеется, если бы только они нашли напильник. Но национальной базы регистрации следов инструментов нет, она есть только для отпечатков пальцев, ДНК и выпущенных пуль.

– Источник яда? – осведомился Райм.

Сакс порылась в компьютере и сообщила:

– Интересное дело. Знаешь про электронные сигареты?

– Нет.

– Они бездымные. В них находится батарейка и капсула с жидкостью. Вдыхаешь пар. В капсулу можно добавить никотин, ароматизированный или нет. Он продается в жидком виде. Его называют «сок».

«Чего только люди не делают со своими организмами», – подумал Райм и спросил:

– Сколько источников?

– Несколько десятков, – ответил Мел Купер, глядя на экран. – То, что продается, ядовито, да, но не так, как это. Икс либо дистиллирует его, либо изготавливает собственный.

– Так. Что еще мы имеем?

Сакс объяснила, что хождение по нижнему ярусу гаража и по туннелю ничего не дало: поток воды был слишком сильным. И все же снаружи и внутри пакета, где лежали импланты, есть кое-какие улики.

Пакет был типичной (и не поддающейся отслеживанию) сумкой для продуктов. Наверху имелась полоска из матового пластика, на которой можно записать, что находится в сумке или дату ее помещения в морозильник. Хотя вода смыла бо́льшую часть записей Икса, бледные розовые следы остались. Написано было «№ 3» – для третьего нападения, предположил Райм.

– Не знаю, будет ли от этого прок, – пробурчал он, – но сделай прогон.

Купер подверг анализу несколько других образцов.

– Это комбинация человеческого альбумина и хлористого натрия – процентное соотношение совпадает с медикаментами, которые используют для пластических операций.

– Опять это, – сказал Райм. – Наш преступник не забывает изменять внешность. Только вряд ли сейчас он ляжет под нож. Чересчур занят. Но впоследствии это может входить в его планы.

Позвонил Лон Селлитто. Он остался в «Бельведер апартментс», чтобы опросить свидетелей.

– Линк, никто ничего не видел. Ты понимаешь, что происходит, так ведь?

– Просвети меня.

– Люди знают, что этот тип подбирается к своим жертвам под землей. И боятся, что если скажут: видели то-то и то-то, он убьет их в ванной, в прачечной или гараже.

Спорить с этим Райм не мог. Что может быть более жутким, чем думать, что ты находишься в безопасности в нижних уровнях своего дома, или конторы, или общественного здания, и узнать, что ты там вовсе не один, что с тобой существо, грозящее тебе смертью. Словно влажная, ядовитая многоножка, заползшая под одеяло в твою постель, когда ты спишь.

Сакс привезла и одежду Александра Брейдена. Купер внимательно осмотрел каждую вещь, но вода уничтожила все следы – если только они были, что сомнительно, заметила Амелия, так как контакт между двумя этими людьми был минимальным. На наручниках осталось не много следов, и они были вполне обычными.

Купер подверг анализу и другие мазки из пакета с имплантами. Почти все они не дали результатов. Но в конце концов он добился успеха.

Глядя на экран компьютера, Мел произнес:

– Хлорноватистая кислота.

Райм посмотрел на масс-спектрометр.

– Странно. Она чистая. Не разбавленная.

– Верно.

Купер сунул руку под защитную маску и поднял очки к переносице. Райм в который раз подумал, почему он не купит подходящую оправу.

Хлорноватистая кислота – соединение хлора – добавлялась в Нью-Йорке в питьевую воду, как и в большинстве других городов, для очищения. Но поскольку этот образец оказался неразбавленным, она была не из водного потока, уничтожившего в гараже следы на месте преступления. Это была форма химиката в чистом виде – до того, как он попал в воду.

– Это слабая кислота, – задумчиво произнес Райм. – Однако, думаю, в более высокой концентрации она может быть смертельной. Или, возможно, он взял ее просто потому, что находился рядом с одним из дозировочных ящиков, откуда она поступает в водопровод. Сакс, на первом или втором местах в туннелях были водопроводные трубы, так ведь?

– Водопроводные были, и в одном канализационная.

– Туда и оттуда, – пошутил Пуласки. Рассмеялись все, кроме Райма.

– А другие трубы – может быть, вводящие в магистрали соединения хлора?

– Не помню.

– Нужно выяснить. Если эта кислота из водопроводного очистителя, для нас она бесполезна. Если же от яда, который Икс планирует использовать, то нужно искать источники. Пусть кто-нибудь отправится

снова на места преступлений и выяснит, есть ли там питающая линия для химиката.

– Ты хочешь, чтобы туда отправились трасологи? – уточнила Сакс.

– Нет, можно просто полицейских в форме, – ответил Райм. – Любых. Но побыстрее. *Немедленно*.

Сакс позвонила в диспетчерскую, сказала, чтобы патрульные машины отправились на места прошлых преступлений, и дала инструкции, что искать. Через двадцать минут телефон Сакс зазвонил. Она ответила, потом включила громкую связь.

– Так, патрульный, ты на связи со мной и с Линкольном Раймом.

– Детектив, я на Элизабет-стрит. На месте убийства Хлои Мур.

– Где именно? – спросил Линкольн.

– В туннеле, рядом с галогеновыми прожекторами и аккумуляторами.

Райм сказал:

– Поищи трубы или резервуары, помеченные «хлорноватистая кислота», «хлор» или буквами «CL». На них ромб, предупреждающий об опасности, возможно, объявление, что это раздражитель для кожи и глаз.

– Есть, сэр. Поищу.

Патрульный вел разговор, идя от места, где было обнаружено тело, к узкому туннелю и кирпичной стене в ста ярдах. Наконец он сообщил:

– Ничего нет, сэр. На трубах только буквы ДС и ДООС.

Департамент санитарии и департамент охраны окружающей среды были учреждениями, контролирующими снабжение Нью-Йорка водой.

– И какие-то ящики с буквами МОС – не знаю, что это такое. Но о химикатах ни слова.

Сакс поблагодарила его и отключилась.

Вскоре позвонил другой патрульный из-под «Прованса-2» – с восьмиугольной площадки отбраковки скота, где погибла Саманта Ливайн. Этот полицейский сообщил то же самое. Никаких систем ДООС для ввода хлорноватистой кислоты в водопроводную систему.

Повесив трубку, Райм сказал:

– Значит, видимо, тут есть какая-то связь с Иксом. Давайте выясним, где можно купить или изготовить эту кислоту. Рон?

Но поиски не выявили того, что подозревал Райм. Существовали десятки химических компаний-поставщиков. А Икс покупал небольшое количество, поэтому платил наличными. Он мог даже украсть банку-другую. Бесполезная нить.

Райм подкатил к столу, посмотрел на импланты и задумался о значении чисел.

17-й

– У нас есть «второй», «сорок» и «семнадцатый». Что он, черт возьми, сообщает? – Райм потряс головой. – Меня все не покидает мысль, что он направляет нас куда-то. Но куда?

– Нет фестонного окаймления, как в других случаях, – сказала Сакс.

Но Т.Т. Гордон заметил:

– Это было рубцевание, помнишь? Если б он хотел вырезать фестоны, то воспользовался бы тем самым скальпелем, которым делал надрезы для имплантов. Вырезал бы их потом, после того как вставил импланты. Судя по тому, что я слышал, вы помешали ему, прежде чем он зашел слишком далеко.

– Он удрал до того, как зашел слишком далеко, – пробормотала Сакс.

Все взгляды были обращены на цифры.

Черт возьми, что за сообщение передает Икс? Что он хочет сказать им, городу, миру?

Если образцом для него служил Собиратель Костей, это сообщение, скорее всего, было о мести. Но за что он мстит? Что говорят слова «второй», «сорок», «семнадцатый» о том зле, за которое он хочет отомстить?

Того, что Икса можно назвать «Собирателем Кожи», для Райма было недостаточно. Он понимал, что его целью было нечто большее, чем

просто наследие психопата-убийцы, ходившего по улицам Нью-Йорка больше десяти лет назад.

Т.Т. Гордон первым нарушил молчание:

– Я тебе еще зачем-нибудь нужен?

– Нет, – ответил Райм. – Спасибо за помощь. Я высоко ее ценю.

Он встретил удивленный взгляд Амелии Сакс: вежливость не относилась к числу его достоинств. Но Линкольн радовался обществу этого человека с замысловатой бородкой и стремлением следовать книге Странка и Уайта «Элементы стиля».

Гордон надел свой смокинг, и Райм снова подумал, что эта одежда слишком тонка для худощавого человека в такую ненастную погоду.

– Желаю удачи. – Гордон остановился перед Раймом и оглядел его. – Слушай, чувак, ты выглядишь, как один из нас.

Райм поднял взгляд.

– Один из кого?

– Ты модифицирован. – Тату-мастер указал на правую руку Райма, на которой виднелись шрамы от операции для восстановления подвижности. – Эти шрамы похожи на Эверест. Ты видишь их перевернутыми.

В самом деле, треугольный шрам походил на знаменитую гору.

– Захочешь, чтобы я закрыл их, дай мне знать. Или могу сделать кое-что другое. Слушай, чувак, я знаю. Я могу добавить птицу. – Гордон кивнул на окно. – Одного из этих соколов. Летящим над горами.

Райм засмеялся. Что за безумная мысль! Потом его взгляд упал на сапсанов. В этой идее было нечто интригующее.

– Травмы противопоказаны людям в его состоянии. – Том стоял в проеме двери, сложив на руки груди.

Тату-мастер кивнул.

– То есть нет?

– Нет.

Гордон оглядел комнату.

– Ну а кто-нибудь из вас?

– Мать меня убьет, – отозвался не слишком молодой Мел Купер.

– А меня жена, – добавил Пуласки.

Амелия Сакс лишь покачала головой.

Том сказал:

– Мне достаточно той, что у меня есть.

– Что? – спросила Сакс со смехом.

Но помощник не стал уточнять.

– Ладно, номер моего телефона у вас есть. Удачи, чуваки. – И тату-мастер ушел.

Члены команды снова посмотрели на текст татуировок. Лон Селлитто не отвечал, поэтому Сакс позвонила в отдел расследования тяжких преступлений и добавила «17-й» к списку чисел, которые они разыскивали.

Едва она нажала отбой, как ее телефон загудел снова. Амелия ответила, и Райм сразу увидел, как она напряглась, потом взволнованно спросила: «Что? Ты отправил кого-нибудь?»

Нажав кнопку разъединения, она широко раскрытыми глазами взглянула на Райма.

– Звонил сержант из восемьдесят четвертого участка. Сосед только что позвонил по номеру девять-один-один, у квартиры Пам какой-то незваный гость. Белый мужчина в вязаной шапочке и коротком сером пальто. Кажется, в маске. В желтой. Господи! – Сакс раскрыла свой телефон и нажала кнопку быстрой связи.

Глава 40

– Ответь! Пожалуйста, ответь! – Сакс стиснула свой мобильный телефон и задрожала в безнадежной ярости, когда включился автоответчик Пам. – Пам, если ты дома, уходи! Немедленно! Иди в восемьдесят четвертый участок. Голд-стрит. Думаю, наш преступник у твоей квартиры. – Она встретилась взглядом с Раймом – он тоже смотрел с тревогой – и нажала на кнопку повторного набора номера.

Райм спросил:

– Она на работе? Или в колледже?

– Не знаю. Она работает в разное время. И в колледже расписание занятий в этом семестре сокращенное.

Рон Пуласки подал голос:

– Наряд должен быть там через семь-восемь минут.

Только не поздно ли?

Из динамика послышалось глухое гудение. Черт возьми, опять автоответчик. Нет, нет…

– Сакс…

Не обращая внимания на Райма, Амелия снова нажала кнопку повторного набора. Почему, черт возьми, Пам не охраняют круглосуточно? Правда, объекты нападения у их преступника – как и у Собирателя Костей – случайные, и Собиратель Кожи, по их мнению, даже не знал о существовании Пам. Но теперь, разумеется, он решил нападать не только на своих преследователей, но и на их родных и друзей. Ему нетрудно было установить связь между Пам и Сакс с Раймом. Почему не…

Послышался щелчок.

– Амелия, – встревоженно заговорила Пам. – Я получила твое сообщение. Но я не дома. Я на работе.

Сакс опустила голову. Слава Богу, слава Богу…

– Но там Сет! Он сейчас там. Ждет меня. Мы собирались попозже выйти в город. Амелия, что… что нам делать?

Сакс взяла свой мобильник и повернулась к Пуласки.

– Позвони Сету! – Она прокричала номер в другой конец комнаты.

Молодой полицейский быстро набрал цифры.

– Пам, двери заперты?

– Да, но… Ой, Амелия. Полиция там?

– Полицейские в пути. Оставайся на месте. И…

– Оставаться? Я еду домой. Немедленно.

– Нет. Не надо!

Голос Пам был резким, обвиняющим.

– Почему он это делает? Почему он у *моей* квартиры?

– Оставайся на…

Девушка прервала разговор.

– Звонят. – Выражение лица Пуласки мгновенно изменилось.

– Динамик, – отрывисто приказал Райм.

Молодой полицейский нажал кнопку. Послышался голос Сета:

– Алло?

– Сет, это Линкольн Райм.

– Послушайте, что…

– Слушай меня внимательно. Уходи. Кто-то ломится в эту квартиру. Уходи немедленно!

– Сюда? Как это понять? С Пам все в порядке?

– Она в безопасности. Полиция едет туда, но тебе нужно уходить. Бросай свои дела и уходи. Выйдешь через парадную дверь и иди в восемьдесят четвертый участок. Это на Голд-стрит. Или, по крайней мере, в людное место. Позвони Амелии или мне, как только…

Очередные слова Сета были не слышны, словно он обернулся и телефон находился далеко от его рта.

– Алло!

Послышался звон разбитого стекла, и другой мужской голос произнес:

– Положи телефон!

– Какого черта…

Послышалось несколько глухих ударов, крик Сета, и связь прервалась.

Глава 41

Полицейские появились в квартире Пам раньше Амелии Сакс. Но ненамного. Она вела свой «Торино» в Бруклин-Хайтс на полном газу, почти не касаясь педали тормоза. Сидни-плейс была узкой улицей с односторонним движением, но это не помешало Сакс задеть встречный «Форд» и заставить несколько машин въехать на тротуар, ища защиты среди многочисленных деревьев. Один пожилой водитель оцарапал бампер о ступени церкви Святого Карло Борромео – высокой и красной, как пожарная машина.

Сакс с глазами, горящими ярче, чем проблесковый маяк, расчищала путь почти без помех.

Трехэтажный дом без лифта, в котором жила Пам, был более ветхим, чем большинство зданий вокруг, выделяясь серым цветом в районе из красного камня. Сакс направилась к полукругу, образованному полицейскими машинами и «Скорой помощью». Надавила на клаксон – в «Торино» не было сирены – и разрезала любопытную толпу, потом перестала сигналить и остановилась. Бросившись к парадной двери, она увидела, что дверца «Скорой» открыта, но фельдшеров поблизости не было. Плохой признак. Они всеми силами оказывают Сету помощь? Или он мертв?

В коридоре квартиры Пам коренастый полицейский в форме увидел бляху на ее поясе и кивнул, приглашая войти. Сакс спросила:

– Как он?

– Не знаю. Там кутерьма.

Зажужжал телефон. Амелия взглянула, кто звонит. Пам. Она не стала отвечать. Сказать ей пока было нечего.

Позвоню через несколько минут, решила она. Потом решила, что именно скажет.

Кутерьма…

Пам жила в цокольном этаже, в маленькой, темной квартире площадью около шестисот квадратных футов. Ее сходство с тюремной камерой усиливалось голыми кирпичными стенами и крохотными окнами. Такова была цена жизни в таком шикарном районе, как Бруклин-Хайтс, в центре города, хотя Бруклин и сам был отдельным городом.

Она вошла внутрь и увидела двух полицейских.

– Детектив Сакс, – сказал один из них, хотя она его не узнала, – будете осматривать место преступления? Мы его очистили. Требовалось убедиться…

– Где он?

Сакс посмотрела мимо полицейского в форме, потом осознала, что, разумеется, Подпольщик потащил Сета в подвал.

Полицейский подтвердил, что он в подвале.

– Медики и двое детективов из восемьдесят четвертого участка делают все возможное. – Он покачал головой. – Но…

Сакс убрала с плеча волосы и пожалела, что не перехватила их резинкой. Времени не было – ни тогда, ни теперь. Она повернулась и пошла обратно в коридор, пропахший луком, плесенью и каким-то сильным моющим средством. Ее затошнило. Амелия обнаружила, что идет медленно. Вид смерти или крови не пугал ее: те, кого они беспокоят, не работают на месте преступления. Но гнетущая мысль о разговоре с Пам не давала ей покоя. Учитывая, что оружием преступника был яд, даже не смертельная доза могла привести к ужасающим последствиям: слепоте, мозговым или нервным нарушениям, отказу почек.

Сакс нашла дверь в подвал и стала спускаться по шаткой лестнице. Яркие голые лампочки наверху освещали путь. Подвал находился глубоко под землей, с полосками грязных окон на уровне потолка. Обширное пространство, остро пахнущее печным топливом и плесенью, было по большей части открытым, но имелись там и участки поменьше, с проемами без дверей, возможно, бывшие кладовые. В одну из них преступник затащил Сета. В помещении Сакс заметила спины детектива и полицейского в форме, оба смотрели вниз.

Сердце ее заколотилось, когда она увидела фельдшера, стоявшего со скрещенными на груди руками. Его лицо казалось непроницаемой маской. Он тупо посмотрел на нее, кивнул и снова обратил взгляд в кладовую.

Встревоженная, Сакс шагнула вперед, всмотрелась и замерла. Сет Макгуинн, без рубашки, лежал на сыром полу, руки его находились под спиной – видимо, сомкнутые наручниками, как у других жертв. Глаза его были закрыты, лицо посерело, как старая краска на стенах потревоженного подвала.

Глава 42

– Амелия, они не знают, – сказал один из полицейских в форме, стоявший возле Сета. Фамилия его была Флаэрти.

Сакс был знаком этот рослый рыжий полицейский из 84-го участка.

Двое фельдшеров оказывали помощь Сету, очищали дыхательные пути, проверяли жизненно важные органы. Но Сакс видела на портативном мониторе, что сердце его все-таки бьется, пусть и слабо.

– Преступник нанес ему татуировку? – Оттуда, где она стояла, живот Сета был не виден.

Флаэрти ответил:

– Нет.

Сакс сказала медикам:

– Возможно, это пропофол. Преступник пользовался им, чтобы лишить жертв сознания.

– Успокоительное соответствует его состоянию. У него нет конвульсий, нет желудочно-кишечных реакций, жизненно важные органы стабильны, значит, это не яд.

Сакс подошла к Сету и увидела красное пятно на его шее – там, куда колол шприцем Икс 5–11.

– Вот. Видите место укола?

– Да.

– Преступник делал это во всех предыдущих случаях. Он что…

Послышался стон. Внезапно содрогнувшись, Сет открыл глаза и заморгал. Потом на его лице отразилась тревога: сперва он недоумевал, потом вспоминал, как очутился здесь.

– Я… что происходит…

– Ничего страшного, сэр, – заверил один из медиков.

– С вами все в порядке, вы в безопасности, – добавил Флаэрти.

– Амелия! – Голос Сета звучал настойчиво, хоть и нетвердо.

– Как себя чувствуешь?

– Он меня отравил?

– Непохоже.

Один из медиков задал ряд вопросов о возможных симптомах и кратко записал ответы молодого человека. Фельдшер сказал:

– Хорошо, сэр. Мы сделаем лабораторный анализ вашей крови, но, похоже, он ввел вам только успокоительное. Мы доставим вас в пункт первой помощи и проведем еще несколько тестов, но я думаю, с вами все в порядке.

– Могу я задать ему несколько вопросов? – спросила Сакс.

– Конечно.

Амелия надела перчатки, помогла Сету сесть и сняла с него наручники. Морщась, Сет опустил руки и стал растирать запястья.

– Черт, как больно.

– Идти можешь? – Место преступления было уже сильно загрязнено, но Сакс хотела сохранить, что возможно. – Нужно, чтобы ты поднялся в коридор.

– Наверно, смогу. Может быть, с небольшой помощью.

Амелия, помогая ему встать, обхватила его за талию. Шатаясь, Сет прошел по подвалу и стал подниматься по лестнице. В вестибюле сел на лестницу, ведущую на второй этаж.

Парадная дверь снова открылась, и Сакс увидела группу трасологов из Куинса. Командовала ими молодая, красивая женщина-детектив Шайен Эдвардс, одна из звезд полицейского управления. Ее специальностью были химические анализы. Если у преступника на теле была хотя бы молекула искомого вещества или следы пороха, Эдвардс могла их обнаружить. У нее была репутация человека, с которым лучше не связываться.

Однажды она и ее партнер столкнулись с преступником, который вернулся на место преступления за оставленной добычей. Пойманный врасплох, убийца навел пистолет на старшего – широкоплечего полицейского, решив, что молоденькая, хорошенькая женщина представляет собой меньшую угрозу, и убедился на собственной шкуре, что это не так. Эдвардс полезла в карман, где лежал запасной «таурус» тридцать восьмого калибра, и, стреляя через ткань, всадила в грудь преступника три пули. «Похоже, мы завершили это дело», – заметила

она, продолжая тщательно обыскивать место преступления, потому что это было ее работой.

– Шай, проведешь осмотр, ладно? – попросила Сакс.

– Будет сделано.

Потом Амелия обратилась к Сету:

– Ну, рассказывай, что произошло.

Он рассказал Сакс о нападении, начало которого они слышали по телефону. Человек в маске и перчатках взломал дверь в патио и набросился на Сета, стоявшего в гостиной. Завязалась драка, и преступник, обхватив Сета одной рукой за грудь, другой вонзил иглу ему в шею. Сет потерял сознание и очнулся уже в подвале, когда незнакомец доставал из рюкзака тату-пистолет.

Сакс показала ему фотографию тату-машинки «Американ игл».

– Да, похожа на ту, что была у него. Он разозлился, видя, что я пришел в себя, и сделал мне еще один укол. Но потом внезапно замер. Приподнял голову. Я увидел у него в ухе наушник. Казалось, его кто-то предупредил.

Сакс поморщилась.

– Нет никаких свидетельств, что он работал не один. Возможно, это был полицейский сканер. Он стоит всего шестьдесят. И, включив его, можно получить список радиочастот любого полицейского управления.

– Он сунул свои вещи обратно в рюкзак и побежал, а я снова потерял сознание.

Сакс попросила описать этого человека и услышала то, что ожидала:

– Белый мужчина примерно тридцати лет. Волосы, насколько я заметил, темные. Глаза светлые, голубые или серые. Цвет какой-то странный. Но я, собственно, почти ничего не видел. На лице у него была желтая маска. – Сет говорил тихо. – Напугал меня до чертиков. И татуировка. На… Да, на левой руке. Красная. Змея с ногами.

– Многоножка?

– Может быть. С человеческим лицом. Жуткая. – Он прикрыл глаза и задрожал.

Сакс показала ему фоторобот, который сделала в больнице едва не ставшая жертвой Гарриет Стэнтон. Сет посмотрел на него, но лишь покачал головой.

– Может быть. Лицо было таким же круглым. Глаза такие же. Только я не уверен. Пытаюсь вспомнить, как он был одет, но не получается. Кажется, во что-то темное. Но могла быть и оранжевая варенка. При виде этой маски и татуировки я совсем растерялся.

– Интересно почему? – спросила Сакс с озорной улыбкой.

– Надо бы позвонить родителям. Они могли узнать о происшедшем. Хочу сообщить, что со мной все в порядке.

– Конечно.

Пока Сет дрожащими руками набирал номер, Сакс позвонила Райму и выложила все подробности.

– Шай проводит осмотр места.

– Хорошо.

– Через полчаса все доставит тебе. – Она отсоединилась.

Сет поморщился, сжав левое запястье, принявшее вес его тела и оцарапанное наручниками.

– Амелия, чего он хочет? Почему делает это?

– Мы не знаем. Кажется, его вдохновил преступник, которого Линкольн и я разыскивали десять лет назад. Это дело было первым, над которым мы вместе работали.

– А, Пам рассказывала об этом. Собиратель Костей, да?

– Он самый.

– Серийный убийца?

– Формально нет. Серийные убийства – преступления на сексуальной почве, если убийца мужчина. У того преступника десять лет назад был другой пунктик, как и у этого. Тот был одержим костями; наш Икс одержим кожей. Поскольку мы несколько раз его останавливали, он ополчился на нас. Должно быть, узнал, что мы с Пам близки, и решил убить ее. Тебе не повезло оказаться здесь в неподходящее время.

– Пусть лучше убъет меня, чем Пам. Я…

– Сет! – Парадная дверь в здание распахнулась, и Пам, тяжело дышавшая после бега, ворвалась в коридор и бросилась Сету в объятия, не дав ему подняться на ноги. Он зашатался и едва не упал.

– Ты цел?

– Похоже, в полном порядке, – ответил он. – Слегка ушибся и поцарапался. – Сет смотрел на нее ввалившимися, недоверчивыми глазами. Казалось, он едва сдерживался, чтобы не обвинить ее в происшедшем нападении.

Пам, заметив это, нахмурилась, утерла слезы, потом отвела пряди волос, прилипшие к покрасневшим щекам.

Сакс обняла девушку, но, почувствовав ее напряженность, убрала руку и отступила назад.

– Что произошло? – спросила Пам.

Амелия рассказала все, не скрывая подробностей. Пам вела нелегкую жизнь и была не из тех, для кого нужно смягчать плохие новости.

Однако ее напряженное лицо по ходу рассказа принимало обвиняющее выражение, словно это Сакс была ответственна за то, что убийца появился здесь. Амелия вонзила ноготь в большой палец.

В дверях появилась Шайен Эдвардс, все еще в комбинезоне, но без маски и хирургической шапочки. В руке у нее был ящик из-под пакетов с молоком, где лежал десяток пластиковых и бумажных контейнеров.

– Шай, как дела?

Эдвардс, поморщившись, сказала Амелии:

– Ты не могла привести еще больше посторонних в эту кладовую? Одно из самых загрязненных мест преступления, какие я только осматривала. – Она засмеялась и подмигнула молодому человеку. – Можно тебя повертеть?

– Можно меня…

– Преступник касался тебя, так ведь?

– Да, обхватил меня за грудь, когда вкалывал эту мерзость.

Эдвардс взяла ролик-щетку и собрала следы со всех мест на рубашке, на какие указывал Сет. Уложила в сумку липкие полоски и направилась к машине срочной доставки улик, крикнув: «Я отвезу все это Линкольну».

Сакс обратилась к Пам:

– Тебе нельзя оставаться здесь. Думаю, тебе нужно перебраться в свою спальню в квартире Линкольна. Полицейские побудут здесь, пока ты будешь собирать все необходимое.

Молодая женщина посмотрела на Сета, словно спрашивая: «Я ведь могу пожить у тебя, правда?»

Он ничего не ответил.

Сакс добавила:

– И тебе, Сет, наверно, следует пожить у родных или друзей. Он мог узнать твой адрес. Ты свидетель и, значит, находишься в опасности.

Это был чисто практический совет, а не уловка, чтобы разлучить Ромео и Джульетту. Однако Пам бросила на нее взгляд, говоривший: «Я знаю, что у тебя на уме».

Не глядя на Пам, Сет ответил:

– Есть несколько ребят, которых я знаю по рекламному агентству. Они живут в Челси. Могу явиться туда незваным гостем.

Сакс заметила, что он не слишком старается скрыть свою досаду на Пам.

– Надеюсь, это продлится недолго. А ты? – спросил он у Пам. – Переберешься к Линкольну?

Она встревоженно оглядела Сета и негромко проговорила:

– Наверное, поживу со своей семьей. – Она имела в виду приемную семью, которая ее вырастила, Оливетти.

Хороший выбор. Но тем не менее Сакс ощутила укол ревности. Из-за утонченного упрека. И ранящего выбора слов. *Со своей семьей*. К которой ты не имеешь отношения.

– Я отвезу тебя туда, – предложила Сакс.

– Мы можем поехать на метро, – возразила Пам, взглянув на Сета.

– Мне нужно ехать в больницу, – сказал он. – Насколько я понимаю, на анализы. А потом, наверно, поеду в центр к этим ребятам.

– Я могла бы поехать с тобой. По крайней мере, в больницу.

– Нет, после этого… я хочу немного остыть. Побыть в одиночестве, понимаешь?

– Конечно. Понимаю. Если хочешь.

Сет, шатаясь, поднялся на ноги, вошел в ее квартиру, взял куртку, сумку с ноутбуком и вернулся. Обнял Пам по-братски, надел куртку, взял сумку и вышел к фельдшерам. Те помогли ему влезть в «Скорую помощь».

– Пам…

– Ни слова. Не говори ни слова, – прорычала девушка. Достав сотовый телефон, она позвонила «семье» и попросила за ней приехать. Потом вошла в квартиру.

Сакс попросила патрульного присмотреть за ней, пока не приедут Оливетти. Тот пообещал.

Загудел ее телефон. Амелия увидела, что звонит Линкольн, и ответила:

– Я здесь закончила. Сейчас…

Криминалист перебил ее:

– Сакс, у него появилась новая жертва.

О нет!

– Кто?

– Лон Селлитто.

Глава 43

Линкольн Райм решил, что у него не будет проблем с поездкой в отделение интенсивной терапии в медцентре университета Хантера. Оно, разумеется, было полностью доступно для инвалидов. Лечебные учреждения приспособлены для колес не хуже, чем для ног.

– О, Линкольн, Амелия! – Рейчел Паркер, давняя подруга Селлитто, поднялась, стиснула руку Райма, потом обняла Сакс. Повернулась к Тому и тоже заключила его в объятья.

Красивая, крепкая женщина с покрасневшими от слез глазами уселась в одно из оранжевых фибергласовых кресел в обшарпанной комнате, единственным украшением которой служили два торговых автомата – один с содовой водой, другой со сладкими и солеными лакомствами в хрустящих целлофановых пакетах.

– Как он? – спросила Сакс.

– Они пока не знают. Ничего не знают. – Рейчел снова утерла слезы. – Лон приехал домой. Сказал, что у него грипп и он хочет немного полежать. Когда я уходила на смену, он выглядел неважно. Я ушла, но потом подумала: нет-нет, это не грипп. Это что-то другое. – Рейчел была медсестрой и несколько лет проработала в травмпункте. – Я вернулась и обнаружила, что он бьется в конвульсиях и его рвет. Очистила ему дыхательные пути и позвонила девять-один-один. Медики сказали, что это похоже на отравление. Что он недавно ел или пил? Они решили, что это пищевое отравление. Но нет. Видели бы вы его.

– Сакс, покажи им свой значок. Скажи кому-нибудь, что Лон вел дело, связанное с цикутой, тетродотоксином, концентрированным никотином и растением, содержащим атропин, гиосциамин, скополамин. Да, и с хлорноватистой кислотой. Это может помочь им.

Она все записала и пошла на сестринский пост, чтобы сообщить сведения, потом вернулась.

– Он подвергся нападению? Ему сделали татуировку? – спросил Райм.

– Нет. Он, должно быть, проглотил яд, – ответила Рейчел и поправила густые каштановые волосы с седыми прядями. – По пути в больницу он ненадолго пришел в себя. Совершенно не понимал, где находится, но меня как будто узнал. Его взгляд то затуманивался, то прояснялся. Боль была жуткой! Думаю, он сломал зуб – так крепко стискивал челюсти. – Она вздохнула. – Кое-что сказал. Во-первых, что съел бублик с лососем и сливочным сыром. В гастрономе в центре Манхэттена.

– Вряд ли можно отравиться едой в общественном месте, – заметил Райм.

– Я тоже так подумала. Но он добавил кое-что еще.

– Что же? – поинтересовалась Сакс.

– Назвал твое имя, Амелия. А потом произнес «кофе». Или «тот кофе». Это что-то значит?

– Кофе? – Сакс нахмурилась. – Конечно. На месте преступления в «Бельведере» ходил пожарник с картонными стаканчиками с кофе. Предложил нам обоим. Лон взял стакан. Я нет.

– Пожарный? – спросил Райм.

– Нет, – злобно ответила Сакс. – Это был Пять-Одиннадцать в форме пожарника. Черт возьми! Он стоял прямо перед нами. Конечно, это он. Помню, на руках у него были перчатки, когда он раздавал кофе. Господи. Он находился в двух футах от меня! И на нем была биомаска. Естественно.

– Прошу прощения, – раздался голос позади них.

Врач был худощавым индусом со смуглым лицом и непрестанно шевелящимися пальцами. Он захлопал глазами, заметив на правом бедре Сакс пистолет, но потом успокоился, увидев полицейский значок на левом. Кресло-каталка Райма удостоилось быстрого, равнодушного взгляда.

– Миссис Селлитто?

Рейчел вышла вперед.

– Я Паркер. Мисс. Подруга Лона.

– Меня зовут Шри Харанди. Я главный токсиколог медцентра.

– Как он? Скажите, пожалуйста.

– Ну, он стабилен. Но его состояние неважное. Он отравился мышьяком.

На лице Рейчел отразился испуг. Сакс обняла ее.

Химический элемент мышьяк – металлоид, обладающий такими свойствами металлов и неметаллов, как сурьма и бор. И, надо сказать, очень ядовит. Райм подумал, что Икс перешел от растительных ядов к элементарным. Они не более опасны, но их легче получить, поскольку они есть в открытой продаже, их можно купить в смертельных дозах, их не нужно извлекать и концентрировать.

– Вижу, здесь полиция. – Теперь доктор взглянул на кресло-каталку с большим интересом. – А, я слышал о вас. Вы мистер Раймс.

– Райм.

– И я знаю, что мистер Селлитто тоже полицейский. Это вы передали мне сведения о возможных ядах?

– Да, я, – ответила Сакс.

– Спасибо, но мы быстро установили, что он был отравлен мышьяком. Теперь расскажу подробнее. Состояние его критическое. Доза яда была большой. Поражены легкие, почки, печень и кожа, уже наступили изменения в пигментации ногтей, известные как полосовидная лейконихия. Это плохой признак.

– Неорганический арсенат? – спросил Райм.

– Да.

Из всех типов ядов мышьяк наиболее опасен. Райм был хорошо с ним знаком. Он вел два дела, где мышьяк использовался как орудие убийства – в обоих случаях супруги (в первом муж, во втором жена) избавились от партнеров.

В трех других делах отравления оказались случайными. Мышьяк встречается в грунтовых водах, особенно там, где произошел гидравлический разрыв пласта.

Собственно говоря, в ходе истории на каждую жертву умышленного отравления мышьяком – как Франческо I Медичи, великий герцог Тосканы, – приходится гораздо больше случайных жертв: Наполеон Бонапарт, возможно, отравленный обоями в комнатах, где он жил на острове Святой Елены, Симон Боливар (водой в Южной Америке) и американский посол в Италии в 1950-х годах – шелушащейся краской в доме. Возможно, безумие короля Георга также было вызвано этим металлоидом.

– Его можно увидеть? – спросила Сакс.

– Боюсь, что нет. Он без сознания. Но когда придет в себя, медсестра вас пригласит.

Райм отметил слово «когда» и по достоинству оценил его, подумав о Рейчел Паркер.

Не «если» – «когда».

Доктор пожал всем руки.

– Вы полагаете, кто-то сделал это умышленно?

– Да.

– О Господи!

Зазвонил его мобильный телефон, и Шри Харанди, не говоря ни слова, отвернулся, чтобы ответить.

Глава 44

В октябре 1818 года в округе Спенсер, штат Индиана, в возрасте 34 лет умерла привлекательная женщина с худым лицом и проницательными глазами. Возникли споры о том, что стало причиной смерти Нэнси Линкольн, – возможно, это был туберкулез или рак, но в конце концов все сошлись во мнении, что умерла она от молочной болезни[17], унесшей в девятнадцатом столетии тысячи жизней. Хотя указать истинную причину было невозможно, один факт о смерти Нэнси задокументирован: ее девятилетний сын Авраам, будущий президент Соединенных Штатов, помогал отцу делать для нее гроб.

Молочная болезнь годами приводила врачей в недоумение, пока наконец не выяснилось, что причиной был треметол, очень ядовитое вещество, попадающее в коровье молоко после того, как животное паслось на лугу, поросшем посконником морщинистым.

Это растение представляет собой самую обычную траву. Сада оно не украсит, поэтому Билли Хейвен не любил его рисовать. Но он ценил его ядовитость.

Попав в желудок, треметол вызывает у жертвы мучительную боль в животе, сильную тошноту, неудержимую дрожь и бурную рвоту. Даже малая его доза может привести к смерти.

Опустив голову в мягкой коричневой шляпе с узкими полями – совершенно хипстерской, – Билли шел по западной стороне Центрального парка. На нем был длинный черный плащ. В руке в перчатке он нес портфель. Он возвращался после долгой поездки из Гарлема и старался избегать видеокамер в метро, хотя его внешность и отличалась от той, что была у Подпольщика во время предыдущих нападений.

Да, треметол был его оружием, но предстоящее нападение не предусматривало татуировки, поэтому он оставил машинку в мастерской возле Канал-стрит. Сегодня обстоятельства требовали иного способа действий. Но результат будет таким же удовлетворительным.

Билли пребывал в хорошем настроении. Да, предыдущие нападения доставляли ему удовольствие, он вводил иглой яд в тела жертв, превосходно проводил линию крови, старательно выводил буквы староанглийского шрифта.

Стиль Билли…

Но это доставляло такое же удовольствие, как выполненная работа или окончание домашних хлопот. То же, что он намеревался сделать теперь, представляло собой совершенно иной уровень наслаждения.

Билли вышел из парка, внимательно осмотрел улицы и не увидел никого, кто бы смотрел на него с подозрением. Не было и полицейского патруля. Билли продолжил путь на юг, к своей цели.

Да, это нападение будет иным. Прежде всего, не нужно оставлять сообщения. Он просто доставит треметол. Ни шрамов, ни татуировки, ничего.

Кроме того, на этот раз он не планировал убийство. Жертва не будет иметь ни малейшего отношения к Модификации. Билли собирался использовать яд, чтобы подорвать ее здоровье.

Правда, в будущем объект его нападения станет вести совершенно иную жизнь. Возможно, самыми тяжелыми симптомами несмертельного отравления посконником морщинистым являются бредовое состояние и слабоумие. Человек, которого он собирался отравить через несколько минут, выживет, но надолго останется буйнопомешанным.

Билли сожалел только об одном: его жертва будет неспособна ощутить жгучую, невыносимую тошноту и боль в животе, которые вызывает посконник. Линкольн Райм ничего не ощущал ниже шеи. Рвота, тремор и другие симптомы станут неприятными, но не такими ужасными, как у человека с полностью функционирующей нервной системой.

На перекрестке Билли свернул на запад и вошел в ярко освещенный китайский ресторан, пропахший чесноком и горячим маслом. Отправился в туалет, где оставил пальто со шляпой и надел комбинезон.

Выйдя снова на воздух и убедившись, что на него не обратили внимания ни клиенты, ни работники, Билли пересек улицу и вошел в служебный проезд, который приведет его к задней стороне дома Райма.

В этом тупике стоял резкий запах, слегка похожий на аромат в китайском ресторане, но здесь было сравнительно чисто. Дорога представляла собой старую булыжную мостовую и пятна асфальта с лужами,

подернутыми ледком. У кирпичных стен стояли несколько мусоровозов. Несколько таунхаусов, в том числе и Райма, и большой многоквартирный дом словно отступили в этот район.

Увидев видеокамеру на задней стороне таунхауса Райма, Билли сделал вид, что проверяет электропроводку. Зайдя за мусоровоз, словно в поиске ненадежной изоляции, Билли скрылся от видеокамеры и подошел к двери дома. Достал из футляра от зубной щетки шприц с треметолом и сунул его в карман.

Треметол, прозрачная жидкость, представляет собой спирт и мгновенно смешается с тем, что, как выяснил Билли, является любимым напитком Райма, – односолодовым шотландским виски. Притом яд будет безвкусным.

Ладони у Билли вспотели, пульс участился. Насколько он знал, у Райма сейчас могли находиться десять вооруженных полицейских. Его вполне могут заметить, когда он станет выливать треметол в бутылку. И, возможно, застрелят на месте.

Но Модификация, естественно, предполагала риск. С какой важной миссией было по-другому? Так что надо просто продолжай свое дело. Билли достал одноразовый телефон и набрал номер. И почти сразу услышал:

– Полиция и пожарная охрана. Что у вас случилось?

– В Центральном парке человек с пистолетом! Нападает на женщину.

– Где вы находитесь, сэр?

– Он с пистолетом! Наверно, хочет ее изнасиловать!

– Да, сэр. Где вы? Где именно?

– Центральный парк, запад, примерно… Не знаю. Это… м-м… ну, перед зданием Сентрал-Парк-Уэст триста пятьдесят.

– Кто-нибудь пострадал?

– Наверное! Господи! Пришлите кого-нибудь.

– Опишите его.

– Чернокожий. Тридцати с лишним лет.

– Как ваша фамилия?

Билли отключился.

Через шестьдесят секунд Билли услышал вой сирены. Он знал, что двадцатый участок, расположенный в Центральном парке, находится поблизости. Снова сирены. Десятки полицейских машин, догадался он.

Билли подождал, пока сирены не стали громче: они должны привлечь внимание всех в таунхаусе. Решив, что никто не может увидеть монитор безопасности, Билли уверенно пошел к задней двери Райма. Снова остановился и огляделся. Никого. Он повернулся к замку.

Впоследствии полицейские смогут просмотреть пленку из видеокамеры – если на ней хоть что-то записано – и заметить злоумышленника. Но они увидят только смутный силуэт с опущенной головой.

А тогда уже будет слишком поздно.

Глава 45

– Что там такое, черт возьми? – рявкнул Райм.

Криминалист и Мел Купер находились в передней прихожей таунхауса, дверь была открыта. К ним присоединился Рон Пуласки. Они смотрели на улицу, заполненную полицейскими автомобилями, двумя грузовиками ОБР и двумя машинами «Скорой помощи». Синие, белые, красные огни тревожно мигали.

Купер и Пуласки держали руки возле пистолетов. Том был наверху, возможно, наблюдал из окна спальни. Пять минут назад Райм услышал неистовое завывание, становившееся все громче, когда машины ОБР мчались по улице. Он думал, что они поедут дальше по Сентрал-Парк-Уэст, но машины остановились у соседнего с северной стороны дома. Пронзительное завывание продолжалось еще несколько секунд, потом постепенно смолкло.

Неотрывно глядя наружу, Райм сказал:

– Мел, позвони в Центр. Выясни.

Сперва он предположил, что этот инцидент имеет какое-то отношение к нему, – может быть, Икс предпринял фронтальную атаку на таунхаус, – но потом заметил, что внимание обращено на сам парк и никто из участвующих в операции полицейских не приближается к его дому.

Купер поговорил с кем-то в диспетчерском управлении и положил трубку.

– Нападение в парке. Чернокожий тридцати с лишним лет. Возможно, попытка изнасилования.

– Угу.

Они продолжали наблюдать еще три-четыре минуты. Райм оглядывал парк. Сквозь туман и усилившийся дождь со снегом почти ничего не было видно. Изнасилование? Он знал, что жажда секса гораздо более импульсивна, чем жажда денег, и более сильна. Но в такую погоду?

Райму стало любопытно, выпадет ли ему жребий заниматься местом этого преступления, и он подумал, что при ледяном дожде отыскать улики будет сложной задачей.

Это напомнило ему о Лоне Селлитто, который обычно бывал представителем полицейского управления и вел с ним переговоры относительно потенциальных работ. Детектив по-прежнему находился в палате интенсивной терапии и не приходил в сознание.

Райм отбросил мысль об изнасиловании или попытке изнасилования. Вместе с Пуласки и Купером они вернулись в гостиную-лабораторию, где анализировали улики, которые привезла Шайен Эдвардс, – находки с места преступления в квартире Пам Уиллоуби.

Их было немного, хотя Икс ушел в такой спешке, что бросил шприц, которым колол Сета, и пузырек с ядом, который, видимо, хотел ввести молодому человеку. Это вещество было получено из растения «белый воронец», называемого еще «кукольными глазками», потому что его ягоды походили на глазные яблоки. Этот яд, объяснил Купер, был кардиогенным – вызывал остановку сердца. Из всех ядов, что использовал Икс, этот действовал наименее мучительно, без болей, вызываемых отравами, поражающими желудочно-кишечную и почечную системы.

Райм заметил, что Рон Пуласки смотрит на свой телефон. Его лицо заливал легкий голубой свет.

«Его интересуют сообщения или время?» – подумал Райм. Мобильники теперь все чаще использовали как часы.

Пуласки выключил телефон и сообщил Райму:

– Мне пора.

Значит, время. Не эсэмэски.

Близилось начало секретной миссии Рона Пуласки в похоронном бюро: посмотреть, кто заберет пепел Часовщика, и, возможно – только возможно, – узнать чуть побольше об этом загадочном преступнике.

– Ты полностью вошел в роль, готов быть и Серпико, и Гилгудом?[18]

– Он был полицейским? Постой, это не Серпико получил выстрел в лицо?

Райм и Пуласки утром поработали какое-то время над легендой, которая покажется достоверной директору похоронного бюро и тому, кто явится забрать пепел покойного. Райм никогда не пользовался легендами, но знал правило: меньше значит больше, больше значит меньше. То есть ты соберешь весь возможный материал для своей роли, выучишь всевозможные факты, но когда предстанешь перед преступником, говори о себе как можно меньше. Засыпать собеседников подробностями – значит наверняка выдать себя.

Поэтому Райм и Пуласки сочинили биографию для Стэна Валесы – биографию, которая сделает правдоподобной его связь с Часовщиком. Райм видел, как Рон весь день ходил по лаборатории, заучивая факты, которые они придумали. «Родился в Бруклине, владеет импортно-экспортной компанией, был под следствием в связи с инсайдерскими сделками, подвергался допросу в связи с банковскими мошенничествами, разведен, разбирается в оружии, был нанят сообщником Часовщика для транспортировки нескольких контейнеров за границу, нет, назвать его фамилию я не могу, нет, не знаю, что было в контейнерах. Снова: родился в Бруклине, владеет импортно-экспортной…»

Когда Пуласки надевал пальто, Райм сказал:

– Слушай, новичок, не думай о том, что это наш единственный шанс заполнить пробелы в биографии покойного Часовщика.

– М-м, ладно.

– И что если все испортишь, у нас больше не будет такой возможности. Не думай об этом. Выбрось из головы.

– Я… – Патрульный слегка расслабился. – Подначиваешь меня, да, Линкольн?

Райм улыбнулся.

– У тебя все получится.

Пуласки фыркнул и скрылся в прихожей. О его выходе через несколько секунд сообщил порыв ветра в открывшуюся дверь. Щелкнул замок, и наступила тишина.

Райм повернулся, чтобы взглянуть на пакеты с уликами, которые детектив Эдвардс собрала в квартире Пам после нападения Икс на Сета, но устремил взгляд мимо них.

Что это? Произошло чудо. Линкольн смотрел на полки, где стояли книги по криминалистике, стопка профессиональных журналов, измеритель плотности и… его односолодовое шотландское. Бутылка «Гленморанджи» находилась в пределах досягаемости. Обычно она стояла наверху, чтобы Райм не мог до нее дотянуться, – так держат конфеты в недоступных для детей местах. Райма это очень злило. Но, видимо, Том по рассеянности оплошал.

Райм удержался от искушения и вернулся к уликам из квартиры Пам, из кладовой в подвале и к одежде Сета, лежавшим на смотровом столе. С полчаса он и Купер разглядывали находки – их было немного. Отпечатков пальцев, разумеется, не было, имелось лишь несколько нитей и волосков, хотя они могли принадлежать Пам или кому-то из ее подруг. Даже Амелии Сакс, часто там бывавшей. Были следы, идентичные найденным на предыдущих местах преступления, и несколько волокон на тех местах рубашки Сета, к которым прикасался Икс. А также архитектурные или технические чертежи, явно оставленные преступником, так как Сет, внештатный сотрудник рекламного агентства, не имел дела с чертежами. И Пам вряд ли ими интересовалась.

Мел Купер составил новый список улик, в который вошли следы, шприц, фотографии места преступления, отпечатки бахил. Райм с неудовольствием посмотрел на скудную информацию. Никакого озарения.

Он отъехал от стола и направился к полке с мыслью о торфяном запахе и вкусе виски, остром, но не слишком дымном. Бросив еще один взгляд на кухню, где трудился Том, и на Купера, запиравшего улики, Райм легко взял с полки бутылку и спрятал ее между ног. С хрустальным бокалом он был не так ловок: осторожно поднял его и поставил на полку – туда, где до него можно дотянуться. Потом вернулся к бутылке, осторожно вынул пробку и налил виски в бокал. На палец, на два, ладно, на три. День выдался тяжелый.

Бутылка заняла прежнее место, Райм развернул кресло-каталку и вернулся в центр лаборатории.

– Я ничего не видел, – сказал Купер, сидевший спиной к Райму.

– Мел, свидетелям все равно никто не верит.

Райм подъехал к списку улик и остановился. Не пролив ни капли.

Глава 46

Амелия Сакс сидела в одной из традиционных кофеен в Мидтауне, которых становится все меньше: они исчезают, уступая место корпоративным заведениям с надуманно-иностранными названиями. Здесь было захватанное меню, обслуга из уроженцев Средиземноморья, шаткие стулья – и лучшая успокаивающая еда на мили вокруг.

Нервничая, Сакс вонзила ноготь большого пальца в другой. Скверные привычки. Непреодолимые. Что-то Сакс могла контролировать, а что-то – нет.

Как не допустить того, чтобы Пам поселилась у Сета? Сакс оставила девушке два сообщения – решила, что это предел, но позвонила снова, и на третий раз Пам ответила. Сакс спросила, как чувствует себя Сет после нападения.

– Врачи в больнице сказали, что с ним все в порядке. Даже не госпитализировали его.

Очевидно, Сет был не так зол, как раньше: по крайней мере, они разговаривали.

– А ты как?

– Отлично. – Пам снова была спокойна.

Сакс нарочито тяжело вздохнула и спросила, не смогут ли они встретиться за кофе.

Пам заколебалась, но потом согласилась, добавив, что ей все равно нужно на работу, и предложила кофейню напротив театра. Сакс теперь вертела в руке телефон, чтобы не впиваться в руку ногтями.

Собиратель Кожи… Что сказать Пам, как убедить девочку не бросать колледж, не отправляться в путешествие вокруг света? Постой, постой. Нельзя так о ней думать. *Девочка*. Нет, конечно. Ей девятнадцать лет. Она пережила похищение и попытку убийства. Бросила вызов. Она имеет право принимать решения и совершать ошибки. И было ли ее решение ошибкой? Кто может сказать?

Сакс вспомнила собственную романтическую историю. Средняя школа была для нее, как и для всех, временем исследования, возбуждающих проб и ошибочных шагов. Потом она оказалась в профессиональном мире моды. Поклонников было столько, что высокой красивой манекенщице приходилось держаться неприступно. К сожалению, потому что некоторые мужчины, которых она встречала на фотосъемках и в рекламном агентстве, были, похоже, вполне благовоспитанными. Но они терялись среди множества распутников. Проще было говорить всем «нет» и уходить в гараж регулировать двигатель или ехать на автодром и гонять по кругу на своей «Камаро».

С началом работы в полицейском управлении Нью-Йорка положение дел почти не улучшилось. Уставшая от грязных шуток и заинтересованных взглядов коллег, Амелия продолжала жить отшельницей. Вот оно что, решили мужчины-полицейские, когда она отвергла их заигрывания: она лесбиянка. И очень красивая. Чертовски досадно.

Потом она встретила Ника. Свою первую настоящую любовь – истинную, всепоглощающую, безумную. И эта любовь была предана. Не с другой женщиной, нет. Но для Сакс, может, это было еще хуже. Ник оказался продажным полицейским. И причинил зло многим людям.

Знакомство с Линкольном Раймом спасло Амелию в профессиональном и личном смысле. Хотя их отношения тоже были откровенно нетрадиционными.

Нет, собственные история и опыт не позволяли Сакс читать нравоучения Пам. Однако она была не способна медленно водить машину, колебаться перед тем, как высадить ногой дверь в чрезвычайных обстоятельствах, и удержаться от высказывания своего мнения. Если только девочка… *девушка* вообще придет.

Наконец она пришла, опоздав на пятнадцать минут. Сакс ничего не сказала, только встала и обняла ее. Объятие не было отвергнуто, однако Сакс ощутила, как напряглись плечи Пам. Обратила внимание, что девушка не сняла пальто, лишь стянула вязаную шапочку и встряхнула волосами. Сняла и перчатки. Это означало: я ненадолго, какими бы ни были твои планы. И лицо ее казалось слишком серьезным. У Пам была красивая улыбка, и Сакс нравилось, когда ее губы изгибались полумесяцем. Но сегодня этого не произошло.

– Как Оливетти?

– Хорошо. Говард купил детям новую собаку, Джексон будет играть с ней. Марджори сбросила десять фунтов.

– Я знаю, она старалась. Изо всех сил.

– Да. – Пам быстро просмотрела меню.

Сакс поняла, что она не собирается ничего заказывать.

– Лону лучше?

– Состояние все еще критическое. Не приходит в себя.

– Скверное дело, – сказала Пам. – Я позвоню Рейчел.

– Она будет довольна.

Девушка подняла взгляд.

– Послушай, Амелия. Я хочу тебе кое-что сказать.

Хорошее или плохое?

– Извини за слова о тебе и моей матери. Это было несправедливо.

Собственно говоря, Сакс не восприняла эту фразу болезненно. Она понимала: это было оружием, направленным на то, чтобы уязвить и прекратить разговор. Она подняла руку.

– Ничего. Ты была зла.

Пам кивнула – мол, да, была зла. А ее взгляд говорил о том, что зла она до сих пор, несмотря на извинение.

Вокруг них парочки и семьи – родители с детьми всех возрастов, – тепло одетые в зимние свитера, пили кофе и какао, ели суп, жареные сандвичи с сыром, болтали, смеялись и шептались. Все это казалось совершенно обыденным. И очень далеким от драмы, разыгрывавшейся за столом, где сидели Сакс и Пам.

– Должна сказать тебе, Амелия, что ничего не изменилось. Мы уезжаем через месяц.

– Через месяц?

– Кончается семестр. – Пам не хотела вступать в спор. – Амелия. Прошу тебя. Мы поступаем правильно. Я счастлива.

– А я хочу сделать так, чтобы ты и дальше оставалась счастливой.

– Так вот, мы это и делаем. Уезжаем. Решили сначала отправиться в Индию.

Сакс даже не знала, есть ли у Пам загранпаспорт.

– Послушай. – Амелия вскинула руки. Этот жест отдавал отчаянием, и она их опустила. – Уверена, так ты испортишь себе жизнь. Не думаю, что это следует делать.

– Ты не можешь мне указывать.

– Я не указываю. Но могу дать совет тому, кого люблю.

– А я могу его отвергнуть. – Пам вздохнула. – Думаю, нам лучше какое-то время не разговаривать. Вот и все… Я расстроена. И совершенно ясно, что тебя злю.

– Нет. Ничуть. – Сакс потянулась к руке девушки, но Пам предвидела это и отдернула руку. – Я беспокоюсь о тебе.

– Не о чем беспокоиться.

– А я беспокоюсь.

– Потому что я для тебя ребенок.

«Да, раз ведешь себя по-детски». Сакс сдержалась, но потом подумала: «Время сжимать кулаки».

– Ты росла в очень тяжелых условиях. Ты… ранима. Не знаю, как еще это выразить.

– Опять за старое. Наивная? Дурочка?

– Нет, конечно. Но твои обстоятельства были тяжелыми.

После побега из Нью-Йорка, по плану террористов, в составлении которого принимала участие мать Пам, обе они ушли в подполье в маленькой общине в Ларчвуде, штат Миссури, находящемся к северо-западу от Сент-Луиса. Жизнь девочки представляла собой сущий ад – насаждение идей о превосходстве белой расы, прилюдные наказания за непочтительность. Учившиеся дома сыновья членов общины изучали фермерское дело, торговлю недвижимостью, строительство. А Памми, как девочка, могла научиться только стряпать, шить и вести уроки в домашней школе.

Те годы, когда формируется личность ребенка, она провела там – несчастная, но при этом решительно настроенная порвать с общиной ультраправых фундаменталистов. В двенадцать лет она тайком удрала из дома, чтобы купить «демонические» книги о Гарри Поттере, «Властелина колец» и «Нью-Йорк таймс». И не терпела того, чего ждали многие другие девочки. Когда один из самозваных священников хотел коснуться ее груди, чтобы проверить, «бьется ли ее сердце для Иисуса», Пам безмолвно приказала ему убрать руки, глубоко порезав его, предплечье ножом с выдвигающимся лезвием, который до сих пор носила с собой.

– Я уже сказала тебе, все это в прошлом и не имеет значения. С этим покончено.

– Имеет, Пам. Для тебя это были очень тяжелые годы. Они подействовали на тебя так, что ты даже не представляешь. Чтобы избавиться от этого, потребуются годы. И тебе нужно рассказать Сету все о жизни в общине.

– Нет. Не нужно.

Сакс продолжала ровным тоном:

– Думаю, ты хватаешься за первую попавшуюся возможность нормальных отношений. И ты жаждешь их. Я понимаю.

– Понимаешь? Это звучит снисходительно. И заставляет меня говорить резко. Я сказала тебе, что не выхожу замуж. Не жду ребенка. Я хочу путешествовать с парнем, которого люблю. Что тут такого?

«Все пошло совершенно не так. Как я утратила контроль? Это тот же разговор, что и вчера. Только тон еще более резкий».

Пам снова надела шапочку и стала подниматься.

– Прошу тебя. Подожди еще минутку. – Мысли Сакс метались. – Позволь мне сказать еще одну вещь. Пожалуйста.

Раздраженная Пам снова села. Подошла официантка. Пам махнула рукой, чтобы она ушла.

Сакс начала:

– Не могли бы мы… – Но она так и не закончила мольбу, обращенную к девушке, потому что загудел ее телефон.

Мел Купер отправил эсэмэску. Просил ее приехать в таунхаус Райма как можно скорее. Собственно, заметила она, сообщение было вовсе не просьбой. Словом «срочно» просьбы не начинаются.

Глава 47

Надев халат и перчатки, Амелия Сакс осмотрела дверь таунхауса Райма и пришла к выводу: «Этот сукин сын определенно умеет работать отмычкой».

Икс 5–11 оставил лишь крохотную царапину, когда проник в таунхаус, чтобы добавить яд в бутылку шотландского виски на полке Райма и коварно поставить ее в пределах досягаемости прикованного к креслу-каталке криминалиста. Сакс не удивило умение Икса открывать отмычкой замки: талант тату-художника мог быть не единственной его способностью.

Шел дождь со снегом, дул ветер. К этому времени все следы в тупике и у задней двери, очевидно, были уничтожены. В прихожей, где следы ног должны были сохраниться, Сакс нашла только пятна, оставленные бахилами преступника.

Теперь стратегия этого нападения была ясна: Икс поднял ложную тревогу – сообщил по телефону о попытке изнасилования в Центральном парке возле таунхауса. Когда Райм и остальные отправились к парадной двери посмотреть, что происходит, Икс прошмыгнул в заднюю дверь, нашел початую бутылку виски, налил в нее яд, потом беззвучно скрылся.

Сакс прошла от задней двери вверх по лестнице, по коридору от кухни к гостиной. Когда в доме находились люди, как теперь, система тревожной сигнализации отключалась. Видеокамеры охватывали парадную и заднюю двери, но работали только в режиме реального времени: изображения не записывались.

Сакс переполняло возмущение. Кто-то проник в дом, кто-то осторожный и ловкий. И смертельно опасный. Том уже организовал смену замков и установку засовов на обеих дверях, но после того, как кто-то вторгся в твое жилище, сложно избавиться от ощущения осквернения. И от опасения, что это может случиться снова.

Наконец Амелия вошла в гостиную и отдала собранные улики Мелу Куперу. Линкольн Райм развернул кресло-каталку, отодвинувшись от стола, на котором рассматривал улики, и спросил:

– Ну как? Есть что-нибудь?

– Мало, – ответила Сакс. – Очень мало.

Райм не удивился. Потому что действовал Икс.

Сакс внимательно оглядела его, словно он и в самом деле выпил отравленного виски. Или, может, она была встревожена тем, что Икс проник в дом, влил яд в бутылку и ушел, никем не замеченный.

Видит Бог, Райм и сам был встревожен. Собственно говоря, больше даже разозлен – потому что не догадался, что виски отравлено, хотя, оглядываясь назад, должен был понять. Том не оставил бы почти полную бутылку сорокаградусного напитка в пределах досягаемости босса. В сочетании с теми фактами, что Лон Селлитто и Сет Макгуин уже подверглись нападению и что полицейская операция проводилась возле его таунхауса, служа превосходным отвлекающим маневром, Райм должен был догадаться.

Однако спасение пришло в виде звонка по номеру 911. Прохожий на соседней улице увидел, как кто-то вошел на станцию обслуживания позади дома Райма и сунул в карман шприц. «Выглядит подозрительно, – сообщил добрый самаритянин. – Возможно, наркоман собирается забраться в дом».

Диспетчер позвонил Райму, и тот сразу понял, что стоящая не на месте бутылка «Гленморанджи» представляет собой отравленное яблоко Белоснежки.

Он посмотрел на бокал в руке и понял, что находился на волоске от очень неприятной смерти, хотя и менее неприятной для него, чем для окружающих, так как большая часть его тела не ощущала бы мучительной боли, которую вызывает этот яд.

Но он отогнал эту мысль. Смерть – добровольная или нет – была для него легким выбором в течение многих лет. Его состояние, паралич всех конечностей, принесло с собой много других проблем, способных уложить его в гроб в любую минуту: например, возможность гиперрефлексии и сепсис.

А потому – что такое попытка отравления? В том, что попытались отравить именно Райма, была и положительная сторона. Например, это могло принести новые улики, которые помогут наконец найти духовного наследника Собирателя Костей.

Глава 48

Что-то случилось. Рону Пуласки сказали, что запланированной заупокойной службы по Ричарду Логану не будет. Но потом, видимо, было принято иное решение.

В похоронном бюро Берковица на углу Бродвея и Девяносто шестой улицы, в комнате, куда его направили, стояли шесть человек. Пуласки еще не вошел внутрь. Он стоял в коридоре и сбоку заглядывал в дверь, думая: «Трудно остаться незамеченным, если ты чужак среди полудюжины людей, знающих друг друга: любой из них может иметь вескую причину заподозрить в тебе шпика и застрелить».

Да и само название этого места! Не Берковиц ли был «Сыном Сэма»? Серийным убийцей в семидесятых-восьмидесятых годах? Плохая примета. Хотя Рон Пуласки всеми силами старался брать пример с Линкольна Райма и не верить в приметы и предрассудки, окончательно расстаться с суеверием он все-таки не мог.

Пуласки пошел было вперед, но тут же остановился. Он сильно нервничал из-за того, что придется действовать в штатском. Он был патрульным уличным полицейским – он и его брат-близнец, тоже носивший форму. Рону вдруг вспомнилась импровизация, которую они сочинили вместе с братом, в стиле хип-хопа.

Патрульный выпишет тебе штраф и отпустит домой.

Или зачитает твои права и скажет: «Едем со мной».

На остров Рикерс в проливе Ист-Ривер, с мрачной тюрьмой.

Он почти ничего не знал об искусстве перевоплощения, которым блестяще владели люди вроде Фреда Деллрэя, рослого, поджарого афроамериканца, агента ФБР, способного стать кем угодно – от карибского наркоторговца до президента крупной компании. Этот человек был прирожденным актером – достаточно вспомнить его голос, позы, выражения… все. И этот Гилгуд, наверно, тоже (может быть, Деллрэй работал с ним). И Серпико. Хотя его и застрелили.

Патрульный идет под снегом с дождем…

Песенка вертелась у Рона в голове, и это немного успокаивало. Черт возьми, почему он так нервничает?

Ведь не к наркоманам же он идет и не к насильникам. Родные и друзья Ричарда Логана, или кто они там, выглядят как обычные законопослушные жители Манхэттена. Часовщик вращался в иных кругах, более высоких, чем большинство преступников. Да, он являлся

убийцей. Однако невозможно было представить себе Логана в наркопритоне или в автофургоне дилера. Скорее уж в шикарном ресторане, за шахматной партией в музее. Правда, Часовщик пытался убить Райма, когда они встречались в последний раз. Может, он даже оставил в завещании распоряжение своему сообщнику сделать то, что делает сейчас Пуласки: появиться в похоронном зале, опознать нервничающих полицейских в штатском и вывести их в переулок.

«Ну хватит, вернись к реальности. Ты рискуешь, – подумал Рон, – но не получить пулю в затылок. Рискуешь провалить задание и разочаровать Линкольна и Амелию».

Проклятая неуверенность, проклятое сомнение. Они, наверное, никогда не исчезнут. Во всяком случае, подумал Рон, его одежда соответствует роли. Черный костюм, белая рубашка, узкий галстук. Он чуть было не надел парадный форменный, но вовремя опомнился: «Ты что, спятил? Маленьких значков на галстуке нет, но кто-то из этих людей мог в прошлом знать полицейских. Будь благоразумен». По совету Линкольна Райма он принял неряшливый вид: небритый (не очень удачная попытка выглядеть неопрятно, нужно было подойти вплотную, чтобы разглядеть светлую щетину на щеках), в рубашке с пятнами и обшарпанной обуви. И еще он вырабатывал холодный взгляд. Загадочный, опасный.

Пуласки снова заглянул в помещение, где проходила заупокойная служба. Вдоль темно-зеленых стен стояли стулья, их хватило бы для сорока-пятидесяти человек. В центре – стол под фиолетовой тканью, на нем простая урна. Присутствовали четверо мужчин – в возрасте от пятидесяти до семидесяти с лишним, решил Рон. Две женщины казались женами или подругами двоих из них. Одеты все были, как и следовало ожидать, в темные траурные костюмы и платья.

Странно. Ему сказали, что не будет ни бдения, ни службы. Просто приедет кто-то, чтобы забрать прах. Да, подозрительно. Заговор? Чтобы всадить пулю ему в голову?

С другой стороны, если все было законно, просто переменились планы, эту неожиданную заупокойную службу по Часовщику можно считать настоящим везением. Наверняка кто-то из присутствующих хорошо знал Ричарда Логана и мог бы стать источником сведений о покойном шефе. Так, вперед и отбрось страх.

Патрульный на похороны пришел.

Пуласки подошел к одному из присутствующих, пожилому мужчине в темном костюме.

– Привет, – сказал он. – Стэн Валеса.

Он долго репетировал произношение этого имени и реакцию на него, накануне даже велел Дженни весь вечер называть его Стэном, чтобы не пропустить мимо ушей, если кто-то обратится к нему так. Или, хуже того, не оглянуться при этом.

Человек назвал себя – фамилия его была не Логан – и представил Пуласки одной из женщин и еще одному мужчине. Рон постарался запомнить их фамилии, потом напомнил себе сфотографировать список гостей сотовым телефоном.

– Откуда вы его знали? – Пожилой мужчина указал подбородком на урну.

– Мы с ним сотрудничали, – ответил Пуласки.

Все, казалось, удивились.

– Несколько лет назад.

Один из мужчин помоложе нахмурился. Прямо как в сериале «Клан Сопрано».

– Вы с ним сотрудничали?

– Да.

– Тесно?

– Да. Довольно-таки. – Пуласки постарался, чтобы его ответ прозвучал жестко. Взгляд его при этом говорил: «Вам-то что до этого?»

Он припомнил все, что мог, о преступлениях, совершенных Часовщиком. Рон не собирался сразу же заявлять, что был его партнером, но хотел намекнуть, что имел с ним какие-то таинственные дела, чтобы вызвать интерес у желающих примазаться к проектам Часовщика, продолжающим действовать после его смерти. Контейнеры, партии товаров, инсайдерские сделки… Меньше значит больше, больше значит меньше.

Все замолчали. Пуласки понял, что из скрытых динамиков звучит классическая музыка. Раньше он ее не слышал. Чтобы продолжить разговор, он сказал:

– Большое горе.

– Но и счастливый исход, – заметила одна из женщин.

Счастливый исход, подумал Пуласки. И решил, что да: по сравнению с перспективой провести большую часть жизни в тюрьме быстрая и сравнительно безболезненная смерть стала счастливым исходом.

Пуласки продолжал:

– Года два назад, когда мы сотрудничали, он казался здоровым. – Он зрительно представил себе Логана в то время. Часовщик *должен был* казаться здоровым.

Присутствующие снова переглянулись.

– И таким молодым, – добавил полицейский в штатском.

Что-то было неладно. Самый старший из присутствующих подался вперед и коснулся руки Пуласки. Улыбнулся.

– Для меня – да, он был молодым.

Присутствующие стали отодвигаться. Один из них вышел из комнаты. За пистолетом?

Ситуация стала какой-то странной. Рон снова повернулся к старшему, но не успел заговорить, как послышался новый голос. Негромкий, но твердый.

– Прошу прощенья, сэр.

Пуласки обернулся и увидел крупного человека в темном костюме, тот пристально его оглядывал. У него были седые волосы и очки в темной оправе.

– Можно с вами поговорить?

– Со мной?

– Да. – Седовласый протянул руку – очень большую, мозолистую, – но не для пожатия. Он указал Пуласки на выход и отвел его в коридор.

– Сэр, – спросил этот человек, – кто вы?

– Стэн Валеса.

У Рона было самодельное удостоверение личности. Но седовласый не требовал никаких документов. Уставившись в лицо Пуласки, он отрывисто заговорил:

– Мистер Валеса. Знаете, кое-кто иногда приходит на заупокойную службу в надежде что-то получить.

– Что-то получить?

– Начиная от еды на последующем приеме до продажи страховок или финансовых программ. И предложений адвокатов.

– В самом деле?

– Да.

Пуласки вспомнил, что должен казаться серьезным человеком, и, вместо того чтобы продолжать удивляться, раздраженно поинтересовался:

– При чем тут я? Кто вы такой?

– Я Джейсон Берковиц. Заместитель директора. Родные покойного в этой комнате сочли ваше поведение несколько подозрительным. Вы утверждали, что знали покойного.

– Что тут подозрительного? Я его знал.

– Вы утверждали, что сотрудничали с ним.

– Я и в самом деле сотрудничал. – Сердце Пуласки колотилось так сильно, что он был уверен – этот человек слышит его стук, однако Рон старался держаться заносчиво.

– Вы не похожи на человека, который мог сотрудничать с мистером Арделлом.

– С кем?

– С Блейком Арделлом.

– А кто это может быть?

– Не «может быть». Это и есть, *был*, тот человек, заупокойную службу по которому вы нарушаете.

– Нарушаю? Как это понять, черт возьми? Я здесь по поводу Ричарда Логана.

Заместитель директора захлопал глазами.

– Мистера Логана? О, простите, сэр. Это в «Безмятежности».

– В «Безмятежности»?

– Так называется комната напротив. Эта называется «Покой», в ней идет служба по мистеру Арделлу.

Черт возьми! Пуласки стал припоминать. Человек у парадной двери сообщил, что нужно повернуть направо. Он повернул налево. Черт, черт, черт! Проклятая травма головы. Окажись там наркоторговцы, он мог уже быть покойником. Думай быстрее, приказал он себе, но продолжай играть роль.

– Один из ваших служащих, не помню кто, направил меня в эту комнату.

– Мне очень жаль. Примите наши извинения. Вина всецело наша.

– А названия? Я никогда не слышал о названиях комнат в похоронном зале. Нужно было присвоить им номера.

– Да, сэр, это слегка необычно. Я извиняюсь.

– Ничего. – Пуласки нахмурился. Кивнул в ответ. Потом замер, вспомнив странное выражение на лицах людей в той комнате, когда он упомянул о знакомстве с покойным.

– Один вопрос. Вы сказали, что я не похож на человека, который сотрудничал с этим Арделлом. Чем он зарабатывал на жизнь?

– В семидесятых годах он был порнозвездой, – прошептал Берковиц. – Геем. Родные не любят об этом говорить.

– Понятно.

– Останки мистера Логана в этой комнате. – Он указал на маленький дверной проем.

Безмятежность…

Пуласки вошел и оказался в маленькой комнате двадцать на двадцать футов. Там было несколько стульев, журнальный столик, на стенах висели пейзажи. На столике стояла ваза с букетом белых цветов. А на столе, покрытом бархатом, таким же, как в комнате, где шла заупокойная служба по покойной порнозвезде, возвышался коричневый картонный ящик. Пуласки понял, что это, должно быть, останки

Часовщика. Возле стола стоял полный лысеющий человек в темном деловом костюме. Он разговаривал по мобильному телефону. Глянул с любопытством на Пуласки и отвернулся. Вроде бы понизил голос. И наконец прекратил разговор.

Глубоко вдохнув, Пуласки подошел к нему. Кивнул. Человек ничего не сказал. Рон смерил его взглядом, вспомнив о необходимости держаться грубовато и «круто».

– Вы были другом Ричарда?

– А вы кто? – спросил человек. У него был мягкий баритон с легким южным акцентом.

– Стэн Валеса, – ответил Пуласки. Сейчас это имя казалось ему почти естественным. – Я спрашиваю, вы друг Ричарда?

– Я не знаю, кто вы, и не знаю, почему спрашиваете.

– Хорошо, я сотрудничал с Ричардом. Время от времени. Я слышал, сегодня утром его кремировали, и решил, что будет заупокойная служба.

– Сотрудничал с Ричардом… – повторил человек, меряя полицейского взглядом. – Так вот, службы не будет. Меня наняли доставить его прах домой.

Пуласки нахмурился.

– Вы адвокат.

– Да. Дэйв Уэллер.

Руки для пожатия он не протянул.

Пуласки продолжал держаться вызывающе.

– Не помню, чтобы видел вас на суде.

– Мистер Логан не был моим клиентом. Я ни разу с ним не встречался.

– Просто отвозите его прах домой?

– Как уже сказал.

– В Калифорнии, так ведь?

Адвокат ответил вопросом на вопрос:

– Что вы здесь делаете, мистер Валеса?

– Приношу дань уважения. – Пуласки подошел ближе к коробке. – Без урны?

– Нет смысла, – объяснил Уэллер. – Ричард хотел, чтобы его прах был развеян.

– Где?

– Это вы прислали?

Пуласки посмотрел на букет, на который указал Уэллер. Постарался принять растерянный, но не слишком, вид.

– Нет. – Он подошел к вазе и прочел карточку. Издал горький смешок. Потом произнес: – Это очень низко.

Уэллер спросил:

– Вы о чем?

– Знаете, кто их прислал?

– Войдя сюда, я прочел карточку. Но мне это имя ни о чем не говорит. Линкольн Райм?

– Не знаете Райма? – Пуласки понизил голос. – Этот сукин сын посадил моего друга в тюрьму.

– Полицейский? – уточнил Уэллер.

– Сотрудничает с полицией.

– С какой стати он прислал цветы?

– Думаю, злорадствует.

– Ну, это пустая трата денег. Ричарда теперь не заденешь, правда?

Пуласки бросил взгляд на коробку с пеплом. Как вести себя дальше? Черт, это актерство утомляет. Он решил сокрушенно покачать головой, словно удивляясь несправедливости мира. Опустил взгляд.

– Какая, право, жалость. Когда я разговаривал с ним в последний раз, он был здоров. Во всяком случае, не жаловался на боль в груди.

Уэллер насторожился.

– Разговаривали с ним?

– Угу.

– Недавно?

– Да. В тюрьме.

– Вы здесь один? – поинтересовался Уэллер.

Пуласки кивнул и задал тот же вопрос.

– Да, – ответил адвокат.

– Значит, прощания с прахом не будет?

– Родные решили не устраивать. – Уэллер смерил Пуласки взглядом.

Так, пора уходить…

– Что ж, до свиданья, мистер Уэллер. Передайте его родным, или кто там ваши клиенты, что я скорблю об их утрате. Я тоже буду тосковать по нему. Он был… интересным человеком.

– Я, как уже сказал, не встречался с ним.

Пуласки надел темные нитяные перчатки.

– До свиданья.

Уэллер кивнул. Когда Пуласки приблизился к двери, адвокат спросил:

– Зачем вы на самом деле пришли сюда, мистер Валеса?

Молодой полицейский остановился. Обернулся.

– На самом деле? Как это понять? – Круто, как де Ниро. Как Тони Сопрано.

– Заупокойной службы не намечалось. Если вы приехали увидеть, что я забираю прах, – и увидели, раз вы здесь, – то должны были знать, что службы не будет. Вот так. Что мне об этом думать?

Пуласки изобразил задумчивость. Полез в карман и достал визитку. Не снимая перчатки, протянул ее адвокату.

– Отдайте своим клиентам.

– Зачем?

– Просто отдайте. Или выбросите. – Он пожал плечами. – Как решите.

Адвокат холодно посмотрел на него, потом взял карточку. На ней было только вымышленное имя и номер одноразоворго телефона.

– Чем вы, собственно, занимаетесь, мистер Валеса?

Пуласки смерил взглядом адвоката, начиная с его лысины и заканчивая туфлями, почти такими же блестящими.

– Всего доброго, мистер Уэллер. – И, бросив косой взгляд на коробку с пеплом Часовщика, Пуласки направился к двери. С мыслью: «Да, ломай над этим голову!»

Глава 49

Однако Икс оставил в таунхаусе меньше улик, чем надеялся Райм. А других надежных нитей не существовало. Телефонный звонок о злоумышленнике поступил из неизвестного источника. Поиски видевших его свидетелей не дали результатов. Видеокамеры в двух ближайших магазинах засняли худощавого человека в темном комбинезоне, шедшего с опущенной головой и несшего портфель. Он неожиданно свернул в тупик. Лица, разумеется, видно не было.

Мел Купер провел анализ бутылки и, естественно, нашел на ней отпечатки пальцев только Райма и Тома, не оказалось даже дактилоскопии продавца или шотландского винодела. Никаких других следов на бутылке не было.

Теперь Сакс говорила ему:

– Райм, ничего значительного. Кроме того, что он классный взломщик. Следов инструмента нет. Наверняка пользовался пистолетом-отмычкой.

Купер проверял содержимое пакетов для улик.

– Негусто, негусто. – Однако через несколько секунд он сделал открытие: – Волосок.

– Превосходно, – сказал Райм. – Где?

Купер просматривал записи Сакс.

– На полке, где он отравил виски.

– Притом очень хорошее, – пробормотал Райм. – Но волос? Отлично. Только чей: его, твой, мой, Тома, доставщика заказов?

– Давай посмотрим. – Эксперт снял волосок с ролик-щетки и приготовил предметное стекло для визуального наблюдения в оптическом микроскопе.

– Луковица на нем есть? – поинтересовался Райм.

Из волоса можно выделить ДНК, но только если он с луковицей. У этого образца луковицы не было. Однако волос может открыть о преступнике и другие факты. Например, токсикологический и наркотический профили (волосы хранят следы употребления наркотиков месяцами). И, разумеется, настоящий цвет волос.

Купер навел микроскоп на резкость и нажал кнопку, передающую изображение на монитор высокой четкости. Волос был коротеньким – кусочком щетины.

– Черт возьми, – произнес Райм.

– Что такое? – спросила Сакс.

– Это никому не кажется знакомым?

Купер покачал головой. Но Сакс негромко засмеялась.

– Прошлая неделя.

– Именно.

Волосок принадлежал не Иксу, он был с места убийства возле муниципалитета на прошлой неделе, где в драке с грабителем погиб служащий. Волосок из бороды (убитый побрился перед выходом из конторы). Такое иногда случается: несмотря на максимальную внимательность при работе с уликами, крохотные образцы порой остаются незамеченными.

Вспыхнул экран компьютера, подключенного к масс-спектрометру. Купер вгляделся в него и сообщил:

– Получил профиль яда: треметол. Разновидность спирта. Добывается из посконника морщинистого. Его было недостаточно, чтобы убить тебя, разве что ты сразу выпил бы целую бутылку.

– Не искушай меня, – сказал Райм.

– Но пострадал бы здорово. Сильное слабоумие. Возможно, неизлечимое.

Может быть, Икс не успел влить в бутылку всю дозу? Смертоносна доза, а не само вещество. Всем ежедневно попадают в желудок сурьма, ртуть, мышьяк. Но в таких количествах, что вреда не причиняют. Черт возьми, убить может даже вода. Если достаточное ее количество выпить слишком быстро, натриевый дисбаланс может остановить сердце.

– Это все, – сказала Сакс. Ни отпечатков пальцев, ни следов ног, ни каких-то других следов.

Ничего не было обнаружено и в здании «Бельведер апартментс» и возле него. Никто не видел человека в форме пожарного, раздающего кофе с ядом. Группа, направленная осмотреть мусорные баки в том районе, не нашла других стаканов с отравленным напитком. Видеозаписи ничего не дали.

Лон Селлитто все еще находился в критическом состоянии, в себя не приходил и поэтому не мог сообщить никаких сведений об Иксе. В любом случае Райм сомневался, что преступник мог быть таким неосторожным, чтобы чем-то выдать себя при раздаче отравленного кофе.

Мел Купер связался с поисковой группой, которую собрал Лон Селлитто, и выяснил, что они не смогли найти ничего, связанного с числовыми сообщениями. Однако получили кое-что другое. Поступила докладная записка от полицейского из отдела расследования тяжких преступлений, которому Селлитто поручил исследование наколотой многоножки.

От поисковой группы по делу X 5–11.

Детективу Лону Селлитто,

капитану Линкольну Райму

Касательно многоножки

Мы не смогли установить никаких связей между конкретными преступниками в прошлом и Иксом в этом деле относительно наколотых многоножек. Мы узнали следующее:

Многоножки – членистоногие в классе губоногих подкласса мириапода. На каждый сегмент тела у них приходится пара ножек. Их может быть от двух дюжин до трех сотен. Самые большие многоножки достигают фута в длину.

Только у многоножек есть «форципулы», видоизмененные ножки, расположенные прямо за головой. Эти ножки хватают добычу и через отверстия в них вводят яд, который парализует или убивает жертву. У них есть ядовитые железы в первой паре ножек – похожих на щипцы конечностях, всегда расположенных сразу же за головой. Форципулы не ротовые части, хотя используются в поимке добычи, введении яда и удерживании пойманной добычи. Ядовитые железы проходят по трубке почти до кончика каждой форципулы.

В культуре многоножки изображаются для двух целей. Первая – напугать врага. Изображение ходячей змеи с ядовитыми клыками воздействует на врожденные страхи человека. Мы нашли высказывание тибетского буддиста: «Если любишь пугать других, то перевоплотишься в многоножку».

Вторая: многоножки вторгаются в предположительно надежные места. Они селятся в обуви, в постели, в диванах, колыбелях, гардеробах. Эти насекомые наводят на мысль, что вещи, которые мы считаем безопасными, на самом деле такими не являются.

Обратите внимание, что у некоторых людей есть татуировки по мотивам «Человеческой многоножки» – не слишком удачного фильма ужасов, где трое людей соединены вместе, образуя то, о чем говорится в названии. Эти татуировки не имеют ничего общего с насекомыми.

– Похоже на скверную курсовую работу, – пробормотал Райм. – Заумь, но распечатай.

Раздался звонок в дверь, и Линкольн с усмешкой заметил, что все находящиеся в комнате вздрогнули. Купер и Сакс потянулись к пистолетам – сказывались последствия попытки отравления. Однако Райм сомневался, что Икс вернется, тем более объявив о себе звонком.

Том подошел к двери и впустил в таунхаус Рона Пуласки. Тот вошел, увидел встревоженные лица и спросил:

– Что случилось?

Ему рассказали о неудавшемся покушении.

– Отравить тебя, Линкольн? Черт возьми!

– Ничего, новичок. Я все еще жив, чтобы помучить тебя. Как поработал в штатском?

– Полагаю, действовал я хорошо.

– Рассказывай.

Поласки рассказал о посещении похоронного бюро, о встрече с адвокатом, его скрытности и нежелании назвать своих клиентов.

Адвокат. Интересно.

Пуласки продолжал:

– Думаю, я переиграл его. Линкольн, я назвал тебя сукиным сыном.

– Тебе это помогло?

– Да, сработало.

Райм отрывисто хохотнул.

– Потом я сделал то, что ты велел. Намекнул – не сказал ничего конкретного, но намекнул, – что сотрудничал с Логаном. И что недавно разговаривал с ним.

– Ты не взял у адвоката карточку?

– Нет. Да Уэллер и не предлагал. Даже не показывал их.

– А ты не хотел переигрывать.

Пуласки заметил:

– Мне нравятся твои слова. Ты заменил мое клише своим.

– Ты смог что-то установить?

– Я хотел выяснить, не из Калифорнии ли он, но он не сказал. Он загорелый, выглядит здоровым, лысеющий, коренастый. Южный акцент. Имя Дэйв Уэллер. Я устрою проверку.

– Что ж, ладно. Посмотрим, сделает ли он какой-то ход. Если нет, я поговорю с Нэнси Лорел в прокуратуре относительно ордера на изъятие

документации похоронного бюро. Но это в крайнем случае. Я хочу, чтобы ты не выходил из игры как можно дольше. Так. Неплохая работа, новичок. Будем ждать. Теперь к ближайшей задаче. К Иксу Пять-Одиннадцать. Он должен завершить свое сообщение. «Второй». «Сорок». «Семнадцатый». Он еще не закончил. Я хочу знать, где он нанесет очередной удар. Мы должны этим заняться.

Райм подкатил ближе к карте. Ответы где-то здесь, подумал он. Ответы на то, где Икс нанесет следующий удар, кто он, какую цель преследует, устраивая эти жуткие нападения.

Но ответы были такими же смутными, как затянутое облаками небо Нью-Йорка.

52-я Восточная улица, 582 (подземный гараж)

● Жертва: Брейден Александр

– Не убит

● Икс 5–11

– Смотри подробности в предыдущих таблицах

– Шесть футов

– Желтая латексная маска

– Желтые перчатки

– Возможно, человек на фотороботе

– Возможно, комбинезон

– Возможно, со Среднего Запада, из Западной Виргинии, из других сельских регионов

– Есть скальпель

● Обездвижен пропофолом

– Источник? Доступ к медицинским принадлежностям? (В Нью-Йорке краж не было)

● Потенциальная зона убийств

– Подземный гараж

– Инфраструктура, сходная с другими местами преступления

▪ *МОС*

▪ *Кон Эд*

▪ *Метро «Норт», скоростные линии*

● Наручники

– Обычные, выявить источник невозможно

● Татуировки

– Импланты

– «17-й»

– Отравлены концентрированным никотином

▪ *Семейство пасленовых*

▪ *Слишком много мест, чтобы установить источник*

– Следы из пластикового пакета

– Человеческий альбумин и хлорид натрия (планирует пластическую операцию?)

– «№ 3» – написано на пакете растворимыми в воде чернилами, обычно используемыми для обработки воды, но еще не встречалось, возможно, яд для будущего нападения (источников слишком много)

Сидни-Плейс, Бруклин-Хайтс (квартира Пам Уиллоуби)

● Жертва: Сет Макгуин

– Не убит, легкие повреждения

● Икс 5–11

– Выколота красная многоножка

– Тату-машинка «Америкэн игл»

– Описание внешности то же, что и в предыдущих нападениях

– Комбинезон

● Обездвижен пропофолом

– Источник? Доступ к медицинским принадлежностям? (В Нью-Йорке краж не было)

● Одноразовый шприц американского изготовления

– Используется главным образом для пластических операций

● Ядовитая вытяжка из растения «белый воронец» (кукольные глазки)

– Кардиогенная

● Отпечатков пальцев нет

● Следов ног нет (был в бахилах)

● Наручники

– Обычные, выявить источник невозможно

● Следы

– Волокна от чертежа

– Следы цикуты, возможно, с прежних мест преступления

Таунхаус Райма

● Икс 5–11

– Отпечатков пальцев нет

– Следов ног нет (бахилы)

– Ловкий взломщик (пользовался пистолетом-отмычкой?)

● Волос

– Щетинка с бороды, но, возможно, с другого места преступления

● Яд

– Треметол, полученный из посконника морщинистого

Глава 50

Добавление яда Райму в виски вызвало возбуждение, как и ожидал Билли Хейвен. Даже слишком сильное. Отчасти этот поступок был вызван необходимостью сорвать расследование криминалиста. Но другой частью был азарт – проскользнуть внутрь дома прямо у Райма под носом, пока он и его люди наблюдают из вестибюля за волнением в парке.

Чернокожий…

Идя по Ист-Виллиджу, Билли думал, что Заповеди включили в себя почти все, связанное с Модификацией. Однако некоторых случайностей они не предусмотрели. Например, отравления криминалиста, который предвидел все. Теперь у Билли была и такая цель. *Будь готов импровизировать.*

Жители этой части города казались усталыми, подавленными и напряженными. После неудачи в больнице в Марбл-хилл, откуда ему все же удалось скрыться, Билли испытывал презрение к людям на улицах Бронкса, однако видел там много семей, делавших покупки, шедших в рестораны, направлявшихся на школьные мероприятия или возвращавшихся с них. Здесь же все выглядели одинокими. Главным образом, это были люди двадцати с лишним лет в поношенных зимних пальто и грубых сапогах, спасающих от серо-желтой слякоти. Ему встретилось несколько пар, но даже их, казалось, свело случайное увлечение или отчаяние. Никто из них не выглядел действительно влюбленным. Он жалел их, но вместе с тем и презирал.

Билли, естественно, подумал об Очаровательной Девушке. Но теперь в его душе не было печали. Все складывалось хорошо. Он чувствовал себя уверенно. Все будет сделано, как надо. Круг замкнется.

Принцип кожи…

Пройдя еще несколько кварталов, Билли остановился у студии. Табличка на двери гласила «Открыто», но внутри никого не было, хотя в глубине он заметил какое-то движение. Осмотрел в витринах рисунки, афиши, фотографии. Супергерои, животные, флаги, чудовища. Девизы. Рок-группы.

Множество образов татуировок. Главным образом глупые, коммерческие, бессмысленные. Как телешоу и реклама на Мэдисон-авеню. Он мысленно усмехнулся над выставленным убожеством.

Как же со временем изменилось искусство татуировки, подумал Билли. В древности это было серьезным делом. В первую тысячу с лишним лет его

существования главным являлось не украшение. До начала девятнадцатого века это искусство было ритуальным, связанным с религией и структурой общества. Первобытные люди наносили татуировки, преследуя целый ряд практических целей: указание на социальный класс или принадлежность к племени, поклонение тому или иному богу. Это искусство служило и другой цели, крайне необходимой: оно становилось «удостоверением» твоей души для вхождения в подземный мир. Если при жизни ты не был отмечен, привратник не впускал тебя, и ты с плачем вечно скитался после смерти по земле. Татуировка служила также барьером, не позволяющим душе покинуть тело (наколотые цепи и колючая проволока на бицепсах и шее сейчас встречаются очень часто). А самой главной причиной, по которой люди делали татуировки, считалось открытие отверстия, через которое злые духи вылетали бы из тела, как осы из открытого окна машины, – духи, заставлявшие людей делать то, чего они не хотели.

Например, получать удовольствие от вида крови.

Олеандровая комната…

Размышления прервались, когда Билли надел желтые латексные перчатки и открыл дверь. При этом раздался звонок.

– Минутку, – донесся голос из заднего помещения.

– Не беспокойтесь.

Билли оглядел крохотную студию. Стулья, массажного типа столы для татуировок на плечах и пояснице, машинки, тюбики, иглы. Стоящие вещи. Он посмотрел на фотографии довольных клиентов и решил, что, хотя большинство здешних работ никуда не годится, Т.Т. Гордон все же талантливый художник.

Достав из рюкзака шприц, наполненный пропофолом, Билли повернул на двери табличку с надписью «Закрыто», задвинул щеколду и пошел к мерцающей занавеси из пластиковых бусин, отделяющей переднее помещение от заднего.

IV

Подпольщица

Пятница, 8 ноября, 8.00 утра

Глава 51

Такая минута наступает, когда заканчиваешь сложный мод. Ты задаешься вопросом: удачна ли работа? Или ты испортил превосходную кожу и чью-то жизнь на все обозримое будущее?

Вот о чем думал Билли Хейвен этим утром, лежа в постели в своей мастерской на Канал-стрит. Вспоминал свои самые сложные моды. Ты только что наколол последнюю линию (тебе всегда хочется колоть и дальше, но ты должен знать, когда остановиться). Только что отложил тату-машинку «Фреевайр», или «Американ игл», или «Балтимор-стрит», или «Борг». Волнующийся, нервный, ты откидываешься назад и впервые осматриваешь завершенную работу.

Вначале результат представляет собой смешанную массу крови, вазелина и, если работа была большая, не пристающих к ранам бинтов. Но под ней находится еще невидимая красота, и она скоро откроется взору. По крайней мере, ты на это надеешься.

Подобно доктору Моро, снимающему бинты с объектов вивисекции и обнаруживающему красивую Кошко-женщину с миндалевидными глазами и гладкой серой сиамской шерстью. Или Птице-человека с желтыми когтями и павлиньим хвостом.

То же самое с Модификацией. На поверхности – для полиции, для жителей Нью-Йорка, которых парализует мысль о том, чтобы спуститься в подвалы, – преступления, остающиеся загадкой. Какие-то убийства, какие-то пытки, какие-то непонятные сообщения, случайные места, случайные жертвы, убийца, одержимый кожей и ядами. Но под всем этим – превосходный дизайн. И теперь пора снять кровавый занавес бинтов и посмотреть на Модификацию во всем ее великолепии.

Билли отбросил простыни с одеялом и сел, глядя на свои бедра.

ЕЛА

ЛЬЯМ

При виде этих имен у него возникали приятные и печальные воспоминания. Но он знал, что после сегодняшнего дня неприятные поблекнут. Его родители, Очаровательная Девушка.

Его часы зажужжали. Он взглянул на них. Вскоре зажужжали другие.

Билли оделся и целый час прибирал мастерскую: заполнял мешки для мусора одеждой, которую надевал на местах убийств, постельным бельем, салфетками, бумажными полотенцами, пластиковыми

столовыми приборами, тарелками – всем, на чем могли остаться его ДНК или отпечатки пальцев.

Он вынес мешки наружу, в холодное, слякотное утро – от первого вдоха на улице у него закололо в носу – и поставил их у края тротуара. Стал ждать. Через три минуты шумный грузовик департамента санитарии подъехал к остановке, сзади спрыгнули рабочие и начали собирать мусор на короткой, темной улице.

Билли заметил точное время, когда появился грузовик, дабы убедиться, что его мусор находился на улице всего несколько минут; он знал, что полицейские имеют право рыться в мусоре на улице.

Со скрежетом и выхлопом газов грузовик скрылся. Наиболее опасные улики исчезли. Потом – где-нибудь через неделю – Билли вернется и подожжет дом, чтобы уничтожить остальные. Но пока этого было достаточно. Вряд ли полицейские скоро найдут эту подземную берлогу.

От мысли о полиции он перешел к вопросу о Линкольне Райме. Билли ничего не слышал об этом человеке, о том, что тот заболел от яда. Это напомнило ему, что план вывести из строя великого прозорливца не был таким эффективным, как мог бы. Но ему не приходил на ум никакой другой способ отравить этого человека. Виски представлялось наилучшим выбором, хотя что-то другое, возможно, было бы эффективнее.

И все-таки он придерживался прежних взглядов: сражения бывали успешными и неуспешными. Но в этой войне Модификации он в конце концов победит.

Билли вернулся в мастерскую и продолжил сборы. Он ходил от террариума к террариуму. Наперстянка, болиголов, табак, ангельские трубы. Он полюбил эти растения и яды, которые они вырабатывали. Полистал некоторые свои наброски и сунул их в рюкзак вместе с тетрадью Заповедей Модификации. Хотя в конце он и написал требование: «Уничтожь эту священную книгу», – заставить себя сделать это Билли не мог. Он не знал, откуда взялось нежелание разорвать эти страницы. Может быть, Заповеди представляли собой средство запечатлеть боль, которую он терпел из-за утраты Очаровательной Девушки?

Или, может, тетрадь просто являлась замечательным произведением искусства? Фразы были старательно выведены красивым почерком Билли – замысловатые, как десятицветный мод, нанесенный на девственно-белую кожу десятком разных игл-лайнеров и шестью или

семью шейдерами. Книга была слишком красивой, чтобы прятать ее от мира.

Билли застегнул молнию рюкзака, подошел к верстаку, уложил с полдюжины инструментов и мощный электрический удлинитель в брезентовую сумку. Добавил к ним большой, плотно закрытый термос. Потом надел желто-коричневую кожаную куртку и темно-зеленую бейсболку.

Зажужжали одни его часы. Потом вторые. Пора исправлять все зло этого неблагополучного мира.

Глава 52

Линкольн Райм вновь сидел в своей гостиной. Он несколько раз просыпался: бился над загадкой татуировок. Никаких прозрений не было. Потом снова погружался в сон, заполненный бессмысленными, как и большинство их, сновидениями. В шесть утра он проснулся окончательно и вызвал Тома для обычных утренних дел.

Пуласки, Купер и Сакс тоже были здесь – толпились в гостиной. Они тоже бились над теми же загадками, которые никак не разгадывались, до самой полуночи.

Райс услышал гудение мобильника, глянул в другой конец комнаты и увидел, что Пуласки достает из кармана свой телефон. Гудел одноразовый, не его собственный. Это означало секретную операцию.

Молодой человек посмотрел на экран, и лицо его приняло растерянное выражение. Патрульный переоделся, но снова в штатское: на нем были джинсы, тенниска, синий свитер с V-образным вырезом и кроссовки. Не совсем подходящий наряд для головореза-мафиозо, но лучше, чем водолазка и шикарные туфли.

Криминалист спросил:

– Это тот адвокат? Из похоронного бюро?

– Да, – ответил Пуласки. – Не отвечать? Пусть оставит сообщение?

– Он не оставит. Ответь. Все остальные – тихо!

На минуту Райму показалось, что Пуласки не хочет отвечать. Но глаза молодого человека оживились, и он взял трубку. Почему-то отвернувшись от остальных, чтобы вести разговор.

Райму хотелось слышать, о чем он говорит, но он поручил Рону Пуласки найти сообщников покойного Часовщика – безобидных или опасных – и не должен был вмешиваться. Собственно говоря, даже не имел права говорить полицейскому, что делать и как это делать. Райм был всего лишь консультантом; Пуласки – официальным служителем закона.

Через несколько минут Пуласки закончил разговор и повернулся.

– Уэллер хочет меня видеть. Один из его клиентов тоже.

Райм приподнял бровь. Так было еще лучше.

– Он остановился в «Хантингтон-армз». Это Западная Пятьдесят шестая улица.

Райм покачал головой – он не знал этого отеля. Однако Мел Купер нашел его в Интернете.

– Это одна из тех лавочек в Вест-Сайде.

Отель находился чуть севернее Адской кухни – этот район, названный по образцу опасного района в викторианском Лондоне, некогда являлся логовом преступников. Теперь это был образец облагораживания, хотя несколько старых кварталов еще сохранилось. Отель, который назвал этот человек, по словам Купера, находился в чрезмерно дорогом квартале.

– Мы встречаемся через полчаса, – сообщилл Пуласки. – Как мне держаться?

– Мел, где расположены этот район и отель?

Эксперт обратился к программе Гугл «Планета Земля» на одном компьютере и к файлу «Нью-Йоркский департамент зданий» на другом. Не прошло и минуты, как он вывел на главный монитор вид сверху нужной улицы и план самого отеля.

У отеля имелся патио, который мог бы служить превосходным местом для наблюдения, будь погода не такой холодной, но встреча должна была состояться внутри.

– Сакс, мы можем организовать группу наблюдения в вестибюле? – поинтересовался Райм.

– Сейчас позвоню. Посмотрю, что удастся сделать. – Через несколько минут Амелия ответила: – Сейчас не до связи с инстанциями. Но я

натянула несколько нитей в отделе расследования тяжких преступлений. Через двадцать минут там будут двое в штатском.

– Пуласки, нам нужно провести операцию пошире. Ты должен выиграть время. Дня два. Как он разговаривал? Настойчиво?

Проведя рукой по белокурым волосам, патрульный ответил:

– Да нет. Мне показалось, у него есть идея, которую он хочет осуществить. Он сказал, чтобы я не ставил машину перед отелем, если сам буду за рулем. Говорил он, знаешь, очень загадочно. Не хотел ничего сообщать по телефону.

Райм оглядел его.

– У тебя есть кобура для крепления на лодыжке?

– На лодыжке?.. А, для запасного ствола? У меня даже нет второго пистолета.

– Не для запасного. Для *единственного*. Тебя могут обыскать. А большинство обыскивающих останавливаются на бедрах. Сакс?

– Я дам ему оружие. «Смит-вессон бодигард», – отозвалась Амелия. – Тридцать восьмой калибр. В нем есть встроенный лазер, но с ним не возись. Пользуйся мушкой и прорезью. – Она полезла в ящик стола и дала Рону маленький черный автоматический пистолет. – Я нанесла на них лак для ногтей. Легче целиться при слабом освещении. Ярко-розовый, разглядишь?

– Разгляжу.

Она вручила ему маленькую тканевую кобуру с пряжкой и кожаным ремешком. Райм вспомнил, что липучки ей никогда не нравились. Амелия Сакс ничего не оставляла на волю случая.

Пуласки поставил ногу на стул и пристегнул кобуру. Ее не было заметно. Потом осмотрел маленький короткоствольный пистолет. Дослал патрон в патронник, взял еще один у Сакс и вставил в обойму. Шесть в коридоре, один в спальне. Вогнал обойму на место.

– Как спуск?

– Тугой. Девять фунтов.

– Девять. Так.

– Только он самовзводный. Для выстрела спусковой крючок нужно отводить назад почти до отказа. Но он маленький. На предохранитель не ставь. Не знаю, зачем он здесь, при таком тугом спуске.

– Понятно.

Пуласки взглянул на свои часы.

– В моем распоряжении двадцать пять минут. Звонить уже поздно.

– Поздно, – согласился Райм. – Но у группы наблюдения микрофоны будут включены. Хочешь бронежилет?

Пуласки покачал головой.

– Его заметят скорее, чем оружие. Нет, поеду чистым.

– Уверен? – спросила Сакс. – Тебе решать.

– Уверен.

– Новичок, твоя задача вызвать их на разговор. Скажи им, что хочешь снова встретиться. Держись скромно, осторожно, но на встрече настаивай. Пусть даже в другом штате. Мы привлечем Фреда Деллрэя. Помощь федералов. Они умеют следить. А сейчас никуда не езди с ними. Мы не сможем следовать за тобой.

Пуласки кивнул. Вышел в коридор и осмотрел себя в зеркале. Слегка взъерошил волосы.

– Я достаточно загадочен?

– Ты выглядишь воплощением беспринципности, – заверил Райм.

– И притом опасным, – добавил Мел Купер.

Патрульный улыбнулся, надел пальто и скрылся в переднем вестибюле таунхауса.

– Держи нас в курсе, – крикнул Райм. И, услышав за открывшейся дверью вой ветра, спросил себя: «Что за бессмысленное требование?»

Глава 53

Ты с этим справишься.

Рон Пуласки осторожно шел в районе Пятидесятых улиц по тротуару, покрытому серым снегом и еще более серым льдом. Дыхание его выходило струйками пара в беспощадно холодный воздух, и он почти не чувствовал своих пальцев.

Спуск требует усилия в девять фунтов? Его табельное оружие, «глок-17», требовал втрое меньше. Разумеется, главное не сила нажатия на спусковой крючок. Усилие в девять фунтов вполне доступно любому старше шести лет. Проблема в меткости. Чем сильнее нажим на спуск, тем менее точен выстрел.

Но до перестрелки дело не дойдет, напомнил себе Пуласки. И даже если дойдет, в отеле будет группа поддержки, готовая, ну, поддержать его.

Он… Черт возьми! Улица закружилась. Он едва не шлепнулся из-за покрывшейся льдом лужицы, которую не заметил, и от неожиданности вдохнул ртом обжигающе холодный воздух.

Ненавижу зиму.

Пуласки напомнил себе, что еще даже не зима, только предзимье. Он поглядел сквозь дождь со снегом. В трех кварталах отсюда – длинных, больших кварталах – был виден отель. Красный неоновый круг, часть логотипа.

Пуласки прибавил шаг. Всего два дня назад он с Дженни и детьми проводил вечер перед камином, потому что с газопроводом в этом квартале возникла проблема. Просачивался холод, и он затопил камин настоящими дровами, не искусственными «дурафлейм». Дети в пижамах и в спальных мешках рядом, он и Дженни на надувном матраце. Пуласки рассказывал самые худшие – детские – анекдоты, пока дети не заснули.

А он и Дженни крепко прижимались друг к другу, пока холод не забрался под их сплетенные тела (нет, разумеется, не это: они были в пижамах, скромных и комичных, как детские).

Как ему хотелось бы снова оказаться с семьей! Но Рон отогнал эти мысли. Он играет роль. Это его работа. Единственная работа. Дженни замужем за Роном Пуласки, не за Стэном Валеса. Детей не существует. И нет ни Линкольна Райма, ни Амелии Сакс.

Нужно только найти сообщников покойного и не особенно оплакиваемого Часовщика. Кто они? Что у них на уме? И самое важное: есть ли у этого убийцы преемник?

У Рона Пуласки было соображение по этому поводу, однако он решил ничего не говорить ни Линкольну, ни Амелии из боязни, что будет выглядеть глупо, если оно окажется ошибочным (опять эта травма головы. Она досаждает ему ежедневно, изо дня в день).

Версия его была такой: Адвокат *сам* был главным сообщником Часовщика. Он лгал, говоря, что никогда не встречался с этим человеком. Оказалось, что он действительно адвокат – они проверяли. И у него есть фирма в Лос-Анджелесе. (Помощник, ответивший по телефону, сказал, что мистер Уэллер уехал по делам из города.) Однако сайт в Интернете выглядел ненадежно – голые факты – и давал только номер почтового ящика, а не адрес. Но для сайтов излишне навязчивых адвокатов это типично, полагал Пуласки.

И какой план у этого адвоката? Может быть, такой же, как у Пуласки. В конце концов, почему он приехал в Нью-Йорк за прахом, хотя было бы гораздо легче и дешевле просто отправить его родным курьерской службой «Федэкс»?

Нет, теперь Пуласки был еще более убежден, что Уэллер приехал с целью найти других партнеров Часовщика, мастера планировать несколько проектов, действующих одновременно, не сообщая одной группе коллег о существовании другой. Он догадывался…

Телефон завибрировал. Рон ответил. Звонил полицейский из группы поддержки в отеле. Он и его напарник находятся в вестибюле и в баре. Пуласки назвал приметы Уэллера, но полицейский в штатском сообщил, что в вестибюле пока нет никого, соответствующего описанию. Правда, было еще рано.

– Я буду там через пять-шесть минут.

Налетел порыв ветра. Пуласки плотнее запахнул пальто. Они с Дженни говорили о поездке на пляж – любой пляж. Дети занимались плаванием в бассейне, и он с нетерпением ожидал поездки с ними к океану. На севере штата есть несколько озер, но песчаные пляжи с накатывающимися волнами… О, им понравится…

– Привет, мистер Валеса.

Пуласки резко остановился и обернулся. Постарался скрыть удивление.

В десяти футах позади него стоял Дэйв Уэллер. Что происходит? До отеля еще два квартала. Уэллер стоял под тентом зоомагазина, еще не открытого.

«Действуй хладнокровно», – велел себе Пуласки.

– Привет. Я думал, мы встретимся в отеле. – Он кивнул в сторону здания.

Уэллер лишь молча смерил его взглядом.

Патрульный продолжил:

– Ужасный день, не правда ли? Надоело. Дождь со снегом идет уже почти неделю. – Он чуть было не добавил: «У вас в Лос-Анджелесе такого не бывает». Но ведь он не должен был знать, что у этого адвоката есть контора – или что-то вроде того – в Калифорнии.

Или было бы менее подозрительно и более загадочно сообщить Уэллеру, что он наводил о нем справки? Трудно сказать. Черт, эту игру нужно основательно продумывать заранее.

Пуласки присоединился к Уэллеру под тентом зоомагазина. В окне позади них стоял темный аквариум.

Пляж, любой пляж…

Уэллер пояснил:

– Подумал, что так будет безопаснее. – Опять легкий южный акцент.

Но, конечно, Стэн Валеса мог удивиться, почему зашла речь о безопасности. Рон спросил:

– Безопаснее?

Уэллер ничего не ответил. Он был без шляпы, и его лысину усеяли капельки воды.

Пуласки пожал плечами.

– Вы говорили, у вас есть клиент, который, возможно, захочет со мной познакомиться.

– Может быть.

– У меня импорт-экспорт. Это нужно вашему клиенту?

– Возможно.

– И что конкретно вы имеете в виду?

«Именно» было бы лучше, чем «конкретно». Крутые ребята употребили бы это слово.

Голос Уэллера понизился так, что его трудно было услышать сквозь ветер:

– Знаете о проекте, который Ричард организовал в Мексике?

У Пуласки заурчало в животе. Отлично. Этот человек имеет в виду покушение на наркополицейского в Мексике несколько лет назад. Логан составил превосходный план убийства *federale*. Замечательно. Если Уэллер знает об этом, он не совсем тот, за кого себя выдавал.

Моя версия…

– Я, конечно, знаю. Он сказал, что все испортил тот тип, Райм.

Стало быть, адвокат все-таки знал о криминалисте.

– Но у Ричарда был хороший план, – заметил Пуласки.

– Да, хороший. – Уэллер как будто почувствовал себя спокойнее, когда Пуласки сообщил ему неизвестные широкой публике подробности о Ричарде Логане. Он придвинулся поближе. – Так вот, мой клиент хотел поговорить с вами об этом деле.

«Твой клиент или ты?» – подумал Пуласки. Он неотрывно смотрел в глаза Уэллеру. Это было трудно, но он не колебался.

– О чем тут говорить?

Уэллер ответил уклончиво:

– Возможен новый интерес в альтернативном подходе к этой ситуации. В Мексике. Мистер Логан работал над ним перед смертью.

– Не понимаю, о чем мы говорим, – сказал Пуласки.

– О новом подходе.

– Так.

– Он выгоден всем.

– Какого рода выгода? – спросил Пуласки. Этот вопрос показался ему уместным.

– Значительная.

Этот ответ показался не особенно удачным. Но Пуласки знал, что нужно играть в такие игры – вернее, предполагал, поскольку о работе «крота» знал только по сериалу «Голубая кровь» и кинофильмам.

– Мой клиент ищет людей, которым можно доверять. Возможно, вы из таких. Но мы должны будем устроить вам проверку.

– Я тоже займусь проверкой.

– Мы ожидали этого. И, – медленно заговорил Уэллер, – моему клиенту понадобится кое-что от вас. Чтобы гарантировать вашу причастность. Можете выложить кое-что на стол?

– «Кое-что» какого рода?

– Чтобы делать деньги, нужно тратить деньги, – произнес Уэллер.

Значит, ему предлагают сделать взнос. Наличными. Хорошо. Гораздо лучше, чем продырявить голову конкурента-наркоторговца в доказательство своей верности.

– Это не проблема, – небрежно сообщил Пуласки, словно мог сесть в собственный частный самолет, полететь в Швейцарию и взять пачки сотенных купюр из своего частного банка.

– Сколько вы готовы выложить?

Этот вопрос поставил его в тупик. Доставать деньги для сомнительных операций трудно: полицейское начальство понимает, что их можно потерять. И Рон не представлял пределов. Сколько выложили бы в «Голубой крови»? Он пожал плечами.

– Пятьдесят тысяч.

Уэллер кивнул.

– Цифра хорошая.

И тут Пуласки подумал: «Откуда он знал, что я пойду этим путем? К отелю есть три-четыре возможных подхода. Да и, черт возьми, как он понял, что я пойду пешком, а не возьму такси или прокатную машину? Уэллер говорил о парковке перед "Хантингтон-армз"».

Единственный возможный ответ – Уэллер или еще кто-то следил за ним. И для этого была только одна причина. Устроить ему ловушку. Может,

Уэллер видел, как он выходил из таунхауса, и выяснил, что его владелец Райм.

И я здесь один, в двух кварталах от группы поддержки, а пистолет у меня на лодыжке, в тысяче миль.

– Так. Я рад, что дело движется. Давайте я позабочусь об этих деньгах и…

Но Уэллер не слушал. Он смотрел мимо Пуласки. Тот резко обернулся. К ним приближались двое неулыбчивых людей в кожаных куртках. Один с нечесаными волосами, другой с бритой головой.

Заметив взгляд Пуласки, они выхватили пистолеты и ринулись вперед. Молодой полицейский повернулся и пустился бежать. Но едва он пробежал два ярда, из-за грузовика вышел третий, обхватил громадной рукой шею патрульного и ударил его о витрину зоомагазина.

Уэллер попятился. Убийца приставил дуло пистолета к виску Пуласки. В магазине пестрый тукан в яркой полинезийской клетке ерошил перья и почти без интереса смотрел на происходящее снаружи.

Глава 54

Райм позвонил Рейчел Паркер, и ему случайно ответил сын Лона Селлитто. Молодой человек приехал из северной части штата, где работал по окончании университета штата Нью-Йорк в Олбани. Райм помнил его хорошим парнем, и отличавшимся вспыльчивостью и приступами дурного настроения – обычные проблемы детей стражей закона. Однако это было несколько лет назад, теперь же он казался зрелым и уравновешенным. В его голосе не слышалось бруклинской гнусавости, как у Лона. Ричард Селлитто сообщил Райму, что состояние отца почти не изменилось. Его по-прежнему считают критическим. Райма порадовало, что молодой человек делает все возможное, чтобы поддержать Рейчел и бывшую жену Лона, свою мать.

Завершив разговор, Райм сообщил Куперу последнюю новость, которая, в сущности, новостью и не была. Он подумал, что это один из самых ужасных аспектов отравления: вещество тайком проникает в твои клетки, уничтожая нежные ткани в течение долгих недель и месяцев. Пулю можно извлечь, рану зашить. Но яд прячется, поселяется в организме и постепенно убивает.

Райм вернулся к карте с фотографиями татуировок. Что же он хочет сказать?

Это головоломка, цитата, код? Райм постоянно возвращался к версии, что они указывали на какое-то место. Но какое?

Его телефон зазвонил снова. Райм, хмурясь, посмотрел на определитель. Номер был ему незнаком.

– Райм слушает.

– Линкольн…

– Новичок, это ты? В чем дело?

– Да, я…

– Где ты был, черт возьми? Группа поддержки в отеле, где ты должен был встретиться с Уэллером. Они там уже целый час. А ты так и не показался. – Он сурово добавил: – Мы, как ты можешь себе представить, слегка встревожены.

– Возникла проблема.

– И что?

– Я вроде бы арестован.

Райм решил, что ослышался.

– Повтори.

– Арестован.

– Объясни.

– Я не дошел до отеля. Меня остановили раньше.

– Я сказал – объясни. Не стесняйся.

Мел Купер посмотрел в его сторону. Райм пожал плечами.

– Здесь агент Нью-Йоркского бюро расследований. Он хочет поговорить с тобой.

– Нью-Йоркского бюро расследований? Соедини его со мной.

– Алло, детектив Райм?

Линкольн не стал исправлять ошибку в звании.

– Да.

– Это агент Том Абнер, Нью-Йоркское бюро расследований.

– Что происходит, агент Абнер? – Райм старался сохранять спокойствие, хотя сознавал, что Пуласки провалил операцию «крот», уничтожил всякую возможность узнать побольше о сообщниках покойного Часовщика. И, судя по словам «Я арестован», провалил основательно.

– Мы выяснили, что Рон, патрульный полицейского управления Нью-Йорка, на хорошем счету, на оперативной службе. Но никто в управлении не знал о его работе под прикрытием. Можете подтвердить, что он проводил для вас операцию?

– Я штатский, агент Абнер. Консультант. Но да, он проводил операцию под руководством детектива Амелии Сакс из отдела расследования тяжких преступлений. Эта возможность представилась очень быстро. У нас не было времени на связь с инстанциями. Рон сегодня утром лишь устанавливал начальный контакт с возможными преступниками.

– Гм. Ясно.

– Что произошло?

– Вчера с нами связался адвокат из Лос-Анджелеса. Дэвид Уэллер. Его наняли родные покойного Ричарда Логана. Это тот умерший заключенный?

– Да. – Райм вздохнул. Провал начал раскрываться перед ним во всем объеме.

– Так вот, мистер Уэллер сообщил, что некто пришел в похоронную контору и стал задавать вопросы о мистере Логане. Казалось, он хотел познакомиться с его родными или компаньонами и намекал, что хочет принять участие в противозаконных делах, которые Логан начал перед смертью. Я предложил хитрость, чтобы выяснить, что на уме у этого человека. Мистер Уэллер согласился помочь. Мы проинструктировали его, и он упомянул одно преступление в Мексике, к которому мистер Логан был причастен. Рон предложил деньги для участия в новой попытке убить того же служащего. И как только назвал сумму, мы приблизились.

Господи. Похоже на примитивную операцию по задержанию проституток.

Райм заговорил:

– Ричард Логан при жизни организовывал очень сложные преступления. Он не мог действовать в одиночку. Мы пытались найти каких-то его сообщников.

– Ясно. Но ваш полицейский выходил за рамки подобных операций.

– Для него это дело новое.

– Что меня не удивляет. Адвокат Уэллер, как вы можете себе представить, недоволен этой историей. Но подавать жалоб не будет.

– Передайте ему, что мы это ценим. Можете сказать Рону, чтобы позвонил мне?

– Да, сэр.

Они положили трубки. Через минуту телефон в гостиной зазвонил снова. Пуласки звонил по одноразовому сотовому.

– Новичок.

– Извини, Линкольн. Я…

– Не извиняйся.

– Я неважно провел это дело.

– Не уверен, что у тебя получилось плохо.

Пауза.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы выяснили одно: Уэллер и его клиенты – родные Логана – не имеют никакой связи с кем-то из сообщников Часовщика или с запланированными преступлениями. Иначе бы они убрали тебя.

– Догадываюсь.

– Ты можешь уйти?

– Да.

– Так вот, хорошая новость – это то, что мы можем позволить Часовщику покоиться в мире. Больше на него не отвлекаемся. Нам нужно взять Икса. Возвращайся сюда. Немедленно. – Линкольн положил трубку, не дав сказать молодому полицейскому больше ни слова.

Сразу же зазвонил телефон Райма: ему сообщили, что было совершено четвертое нападение. Услышав, что убийство совершено в тату-студии в центре Манхэттена, он тут же спросил, в какой.

Узнав, что это заведение Т.Т. Гордона, Райм вздохнул и опустил голову.

– Нет, нет, – прошептал он. На миг взгляды на смерть номер один и номер два вступили в борьбу. Верх одержал первый, и Райм позвонил Сакс, предупредив, что ей предстоит осмотреть еще одно место преступления.

Глава 55

Амелия Сакс вернулась с места последнего преступления Икса 5–11 из тату-студии Т.Т. Гордона в Ист-Виллидже.

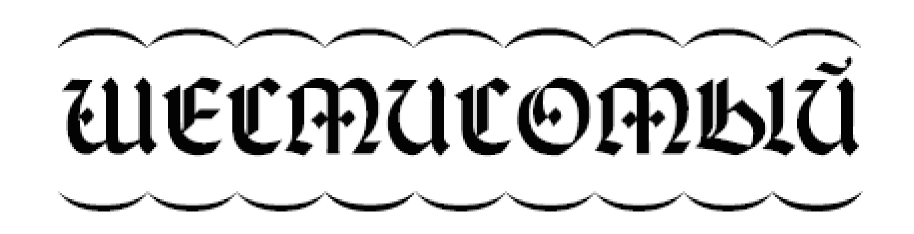
Оказалось, что жертвой стал не сам Гордон. Его не было в студии, когда Икс украдкой проник внутрь, запер дверь и пошел в заднюю комнату, чтобы нанести смертельную татуировку. Погиб один из мастеров, работавших в студии, человек по имени Эдди Бофорт. Он был уроженцем Южной Каролины, приехал в Нью-Йорк несколько лет назад и создавал себе имя в тату-сообществе.

– Райм, нужно было кому-то дежурить в этой тату-студии, – сказала Сакс.

– Кто мог подумать, что Гордон в опасности?

Райм был искренне удивлен, что Икс разыскал тату-мастера. Как? Представлялось маловероятным, но возможным, что он следил за Гордоном от таунхауса Райма. Но тату-сообщество, должно быть, невелико, и до убийцы дошел слух, что Гордон оказывал помощь в этом деле. Икс отправился в студию, чтобы убить его. Обнаружив, что Гордона там нет, он, возможно, решил показать, что не стоит помогать полиции, и выбрал жертвой первого попавшегося мастера. К тому же пришла пора отправлять очередное сообщение.

Сакс описала место убийства: Бофорт лежал на спине. Рубашка была снята, и Икс наколол еще одну часть головоломки на его животе. Амелия достала пленку из камеры и показала снимки на экране.



Вернувшийся с неудачной операции Рон Пуласки стоял со сложенными на груди руками перед дисплеем.

– Они расположены не по порядку: второй, сорок, семнадцатый и шестисотый.

– Хорошее замечание, – сказал Райм. – При желании он мог бы его соблюдать. Либо этот порядок важен, либо он зачем-то хочет перемешать числа. И числительное снова порядковое. Единственное количественное – «сорок».

– Шифр? – высказал предположение Мел Купер.

Такая возможность существовала. Но тут было слишком много комбинаций и не имелось общей точки отсчета. При разгадке простого кода, где буквы заменены цифрами, можно начать с того факта, что в английском языке чаще всего встречается буква «е», и ставить ее на место наиболее часто встречающихся цифр. Но здесь чисел было слишком мало, они не сочетались со словами, и это наводило на мысль, что они значат только то, что обозначают, хотя смысл их оставался загадочным.

Это могло быть и место, только последнее числительное не относилось ни к широте, ни к долготе. Один или несколько адресов?

– Бофорт был убит не под землей, – заметил Пуласки.

– Да, здесь мотив у Икса был другим, – согласился Райм. – Он хотел убить конкретно Тэ-Тэ Гордона или, в крайнем случае, кого-то из студии. Не было нужды придерживаться своего стандартного образа действий. Теперь, Сакс, давай посмотрим, что ты собрала.

Амелия и Купер подошли к смотровому столу. Оба надели перчатки и маски.

– Нет ни отпечатков пальцев, ни следов ног, – сообщила Сакс. – Медэксперт проводит анализ крови. Я сказала, что результаты нам нужны срочно. Он пообещал, что приложит все силы.

– Другие следы? – спросил Райм.

Сакс указала подбородком на несколько контейнеров.

Криминалист рявкнул:

– Мел, займись ими.

Купер брал и осматривал каждый, потом анализировал содержимое, а Сакс показывала кадры с места убийства. Руки Эдди Бофорта были сомкнуты за спиной наручниками, он лежал на спине, как и остальные. Было ясно, что он испытывал боли в животе и его сильно рвало.

Зазвонил телефон, номер был знакомым. Сакс засмеялась.

– Быстро он.

– Доктор, это Линкольн Райм, – сказал криминалист медэксперту. – Что у вас?

– Странное дело, капитан.

Обращение к Райму по прежнему званию всегда было раздражающим и вместе с тем привычным.

– То есть? Конкретно.

– Жертва убита аматоксином альфа-аманитином.

– Бледная поганка, – уточнил Купер. – Amanita phalloides.

– Совершенно верно, – подтвердил медэксперт.

Райм хорошо знал эти грибы. Бледные поганки известны тремя свойствами: медовым запахом, очень приятным вкусом и ядовитостью большей, чем все другие грибы на свете.

– И что странно?

– Дозировка. Я ни разу не видел такой высокой концентрации. Обычно умирают несколько дней, но этот человек прожил, видимо, всего час.

– И очень тяжелый час, – вставила Сакс.

– Да, верно, – сказал медэксперт так, словно это еще не приходило ему в голову.

– Еще какие-нибудь вещества?

– Пропофол. Как у остальных.

– И все?

– Все.

Райм поморщился и стал класть трубку. Сакс крикнула:

– Спасибо.

– Не за…

Раздался щелчок.

– Продолжай, Мел, – сказал Райм.

Купер пропустил еще один образец через газовый хроматограф и масс-спектрометр.

– Это…

– Не говори «странно», – отрывисто произнес Райм. – Хватит с меня странного.

– Я хотел сказать «тревожно».

– Продолжай.

– Нитроцеллюлоза, диэтиленгликольдинитрат, дибутилфталат, дифениломин, бертолетова соль, графит.

Райм нахмурился.

– Сколько?

– Много.

– Линкольн, что это такое? – спросил Пуласки.

– Взрывчатка. Конкретно порох. Современное название – бездымный.

– Сгоревший? – спросила Сакс у Мела.

– Нет. Целые зерна. Неиспользованный.

– Перезаряжает свои патроны? – поинтересовался Пуласки.

Это было обоснованное предположение. Райм ненадолго задумался, потом заговорил:

– Нет, не думаю. Перезаряжают обычно только снайперы и охотники. А наш Икс не оставил никаких свидетельств, что он из их числа. Совершенно не интересуется огнестрельным оружием. – Он посмотрел на компьютерную распечатку ГХ/МС. – Нет, я думаю, он использует порох для импровизированного взрывного устройства. – Райм вздохнул. – Яда ему мало. Теперь он хочет что-то взорвать.

Сент-Маркс-стрит, 537

● Жертва: Эдди Бофорт, 38 лет

– Мастер в тату-студии Т.Т. Гордона

– Видимо, ненамеченная жертва

● Убийца: предположительно Икс 5–11

● Причина смерти: отравление аматоксином альфа-аманитином (из бледной поганки, введен татуировкой)

● Тату-надпись: «шестисотый».

● Обездвижен пропофолом

– Источник? Доступ к медицинским принадлежностям? (В Нью-Йорке краж не было)

● Наручники

– Обычные, выявить источник невозможно

● Трасологические следы

– Нитроцеллюлоза, диэтиленгликольдинитрат, дибутилфталат, дифениламин, бертолетова соль, графит: бездымный порох

▪ *Планирует использовать самодельное взрывное устройство?*

Глава 56

– Ты знаешь, как скептически я отношусь к мотивам.

Сакс промолчала, но ее реакцию выразила упрямая улыбка.

Подкатив к смотровому столу, Райм продолжал:

– Однако наступило время, когда уместно спросить о них – тем более, что мы выстроили серьезную доказательную базу. Она у нас есть.

Возможность бомбы – подчеркиваю, возможность – не связана с миром психически больных преступников. Здесь скорее всего действуют рациональные мотивы. Наш Икс не обязательно удовлетворяет глубоко засевшее страстное желание превзойти Собирателя Костей. Думаю, на уме у него что-то более расчетливое. Да, да, это может быть верно, – воодушевленно добавил он. – Я хочу снова посмотреть на жертв.

Группа внимательно рассматривала фотографии. Райм заговорил:

– Эдди Бофорта можно вывести из этого ряда. Он убит потому, что оказался в неподходящее время в неподходящем месте. На Лона, Сета и меня нападения совершались, чтобы остановить нас. Намеренных нападений в его плане было четыре. Мы помешали двум – на Гарриет Стэнтон в больнице и на Александра Брейдена в «Бельведер апартментс». Два были успешными. На Хлою и Саманту. Почему эти четверо? – прошептал Райм. – Что в них приманило Икса?

– Не знаю, Райм, – сказала Сакс. – Они кажутся совершенно… случайными жертвами.

Райм уставился на стол перед собой.

– Да, сами жертвы случайны. Но что, если…

– Не случайны места? – выпалил Пуласки. – Не притворялся ли он психом, чтобы отвлечь внимание от того факта, что в этих местах есть что-то такое, что он хочет взорвать?

– Правильно, новичок! – Райм оглядел стол. – Место, место, место.

– Но что взорвать? – спросил Купер. – И как?

Райм снова осмотрел фотографии мест преступления.

– Сакс!

Она приподняла бровь.

– Когда мы не знали, откуда взялась хлорноватистая кислота, отправляли патрульных на места преступлений, помнишь? Чтобы они посмотрели, есть ли там системы доставки хлора.

– Помню. В тот бутик в Сохо и ресторан. Патрульные ничего не нашли.

– Да, да, да, но сейчас я думаю не о кислоте. – Райм подкатил поближе к монитору и стал разглядывать изображения. – Сакс, посмотри на свои снимки. Прожектора и аккумуляторы. Ты их устанавливала?

– Нет, прибывшие первыми спасатели. – Она нахмурилась. – Я предположила, что они. Прожектора были там, когда я вошла. На обоих местах преступления.

– А полицейский, искавший хлор в туннеле, сказал, что стоял у прожекторов. Они все еще были там. Почему? – Райм нахмурился и велел Сакс: – Выясни, кто их устанавливал.

Амелия схватила свой телефон и позвонила в отдел экспертизы в Куинсе.

– Джой, это Амелия. Когда твои люди работали на местах преступления Икса Пять-Одиннадцать, вы устанавливали на каком-нибудь из них галогены?.. Нет. – Она кивнула. – Спасибо. – И повесила трубку. – Райм, они их не устанавливали. Это не наши прожектора.

Потом она позвонила подруге в пожарную охрану и задала тот же вопрос. После краткого разговора сообщила:

– Угу. Пожарные их тоже не устанавливали. А патрульные не возят их в своих машинах. Возит только ОБР, а они появились уже потом.

– Черт, – отрывисто произнес Райм. – Держу пари, прожектора есть в туннеле под «Бельведером».

– Там и находятся взрывные устройства, да? В аккумуляторах, – предположила Сакс.

Райм оглядел изображения.

– Аккумуляторы выглядят двенадцативольтными. Галогены можно подключать к гораздо меньшим. Остальное пространство, я уверен, заполнено порохом. Блестяще. Никто не заинтересовался прожекторами и аккумуляторами, стоящими на месте преступления. Другие загадочные контейнеры осмотрела группа по обнаружению и обезвреживанию взрывных устройств.

– Но что является целью? – осведомился Купер.

Краткое молчание нарушила Амелия Сакс:

– Господи.

– Что такое?

– МОС. – Она достала из сумочки визитную карточку и быстро подошла к снимкам мест преступления. – Черт возьми, Райм, я упустила это из виду. Совершенно упустила.

– Продолжай.

Она постучала по экрану.

– Эти желтые ящики с буквами МОС на боковой стороне. Там кабели Интернета, принадлежащие Международным оптоволоконным сетям. – Сакс подняла карточку. – И здание, находящееся прямо над местом убийства Саманты Ливайн, – штаб-квартира МОС. Она работала там. Я расспрашивала главного администратора почти сразу же после ее смерти. – Амелия вывела на экран место убийства Хлои Мур. – Вот. Такие же ящики.

Еще один ящик был виден в туннеле под гаражом в «Бельведер апартментс».

Сакс продолжала:

– В больнице в Марбл-хилл, где произошло нападение на Гарриет Стэнтон, я не спускалась под землю и не искала туннели. Но держу пари, где-то там есть сетевые концентраторы МОС или что-то в этом роде.

– Кто-то хочет взорвать эти ящики, – сказал Пуласки. На его лице появилось загадочное выражение. – Послушайте – подумать только, перебои в работе Интернета! Говорят, традиционные кабельные компании саботируют новые оптоволоконные системы? Держу пари, все дело в них.

Снова заговорила Сакс:

– Возможно, наш Собиратель Кожи чувствует себя наследником Собирателя Костей, но в чем суть? Это прикрытие. Его наняли пронести под землю взрывчатку, чтобы уничтожить сетевые концентраторы Международных оптоволоконных систем.

– Что произойдет, если они будут взорваны? – спросил Пуласки.

– Вообрази, что будет, если весь Интернет на Манхэттене прекратит работу.

– Банки, – негромко произнес Райм. – И больницы, полиция, национальная безопасность, управление воздушным транспортом. Позвони Деллрэю, пусть предупредит Министерство внутренней безопасности. Думаю, потери будут исчисляться сотнями смертей и миллиардами долларов. Позови нашего компьютерщика Родни Шарнека к телефону. Немедленно.

Глава 57

Гарриет Стэнтон возвращалась со своим мужем Мэттью из медцентра Верхнего Манхэттена в Марбл-хилл. Они ехали в такси, на счетчике – пока что – было около семнадцати долларов.

– Только посмотри, – негромко сказал Мэттью, глядя на счетчик. – Можешь себе представить? Когда подъедем к отелю, будет тридцать. Метро было бы дешевле.

Мэттью всегда был скуповатым. Теперь, после соприкосновения со смертью – или с нью-йоркским здравоохранием, – его расположение духа не улучшилось.

Гарриет с ее манерой поддакивать ответила, что, учитывая районы, через которые они проезжали – Бронкс и Гарлем, – не лучше было бы как-то иначе истратить эти деньги?

– И посмотри, какая погода.

Там, где они жили, в южном Иллинойсе, погода бывала такой же холодной и промозглой. Только не казалась такой *отвратительно* холодной и промозглой. На ум приходило слово «гнилая».

Мэттью взял ее за руку, что означало «Пожалуй, ты права». Его выписное свидетельство было если и не безупречным, то не таким скверным, как могло бы. Да, этот случай был сердечным приступом – или, на медицинском жаргоне, «инфарктом миокарда», – но операции не потребовалось. Лекарства и медленное, постепенное увеличение физических нагрузок, сказал им врач. Аспирин, разумеется. Постоянно аспирин.

Гарриет позвонила их сыну Джошу в отель, велела собрать все рецепты, какие выписал врач, и идти в одну из ближайших аптек. Мэттью молча сидел, откинувшись на спинку сиденья, и смотрел в окно. Его интересуют люди, решила она, судя по тому, как взгляд мужа перебегал от одной группы прохожих к другой.

Таксист высадил их перед отелем. Здание это было выстроено в тридцатых годах, решила Гарриет, и с тех пор определенно не реставрировалось. Оно было желтовато-серым. На обшарпанных стенах и застиранных шторах виднелся уродливый геометрический рисунок. Отель напоминал ей гостиницу «Муз-лодж» у них дома.

Убогий декор и стойкий запах лизола и лука ее раздражали. Но, может, дело заключалось в сердечном приступе мужа, в срыве ее планов? Они поднялись на лифте на десятый этаж, вышли из кабины и направились к своему номеру.

Гарриет решила, что нужно помочь мужу улечься в постель или, если он не хочет ложиться, подать ему шлепанцы, удобную одежду и заказать какую-то еду. Но он отмахнулся от нее – правда, с легкой улыбкой, – сел за истертый стол и включил компьютер.

– Вот, смотри. Я же говорил. Пятнадцать долларов в сутки за Интернет. В «Ред-руф» он бесплатный. В «Бест-Уэстерн» тоже. Где Джош?

– Пошел в аптеку с твоими рецептами.

– Заблудился, наверно.

Гарриет положила грязную одежду в мешок для химчистки, с которым собиралась спуститься в прачечную самообслуживания в подвале. Хоть за это ей не придется платить. Черт знает что.

Она остановилась, чтобы посмотреть в зеркало, увидела, что желто-коричневая юбка не требует глажки, а на коричневом свитере, облегающем ее пышную фигуру, почти нет шерстинок. Почти, но не совсем. Она сняла несколько из них и бросила на пол. Собрала выбившиеся пряди своих седеющих волос и заправила их в тугой узел на затылке.

Гарриет заметила, что, спеша в больницу, надела серебряное ожерелье задом наперед, и поправила его, хотя узор был абстрактным: никто бы не заметил ошибки. Потом скорчила гримасу: не будь такой кокеткой.

Оставив Мэттью, она вышла с мешком в коридор и на лифте спустилась в вестибюль. Он был переполнен. Ей пришлось стоять в очереди у окошка портье, чтобы разменять деньги. Шумная компания японских туристов толпилась возле чемоданов, словно первые переселенцы, защищающие своих женщин. Парочка, видимо, проводящая медовый месяц, стояла в обнимку. Двое мужчин – ясно, что геи – оживленно обсуждали какие-то планы на вечер. Молодые музыканты в кожаных куртках сидели, положив ноги на поцарапанные футляры своих инструментов. Располневшая пара разглядывала карту. Муж был в шортах. В такую погоду. И с такими ногами! Нью-Йорк. Ну и город.

У Гарриет внезапно появилось ощущение, что на нее кто-то смотрит. Она быстро подняла взгляд, но никого не увидела. Однако беспокойство осталось. Что ж, после опасного происшествия в больнице вполне естественно нервничать.

– Мэм? – услышала она.

– О, простите.

Она повернулась к портье и разменяла десять долларов. Потом спустилась на лифте в подвал, прошла, следуя указателям, двумя коридорами в прачечную – тускло освещенное помещение с просыпанным на полу стиральным порошком, пахнущее парами сушилки и мокрой тканью. Здесь, как и в коридорах, никого не было.

Гарриет услышала щелчок, потом грохот поднимающегося лифта. Через несколько секунд послышался шум возвращающейся кабины. Если это та самая, то поднялась она только на первый этаж.

Два доллара за одноразовый контейнер стирального порошка? Нужно было сказать Джошу, чтобы купил пачку «Тайда». Потом напомнила себе: «Не будь такой, как Мэттью. Не беспокойся из-за мелочей».

Послышался звук шагов, приближающихся со стороны лифта. Гарриет взглянула в дверной проем, в темный коридор. Сердце ее забилось немного чаще, ладони повлажнели. Ничего.

Она положила одежду в наименее грязную машинку и опустила шесть монет по двадцать пять центов. Снова шаги, становящиеся все громче.

Гарриет повернулась и взглянула на молодого человека в желтовато-коричневой кожаной куртке и зеленой бейсболке. У него был рюкзак и брезентовая сумка для инструментов. Короткое молчание. Потом она улыбнулась.

– Билли.

– Тетя Гарриет.

Билли Хейвен огляделся, убеждаясь, что они одни, потом вошел в комнату. Поставил свои вещи.

Она подняла руки ладонями вверх, словно подзывая ребенка. Билли заколебался, потом подошел к ней и позволил крепко обнять себя. Они оказались почти одного роста – Гарриет была чуть ниже шести футов. Женщина, легко приблизив лицо к его лицу, крепко поцеловала его в губы.

Гарриет почувствовала, что вначале он засопротивлялся, потом сдался и ответил ей поцелуем, сжав ее губы своими, вкушая ее. Не желая этого, но будучи не в силах остановиться.

Он всегда был таким: сначала сопротивляется, потом уступает… потом становится властным, валит ее на спину и срывает одежду.

Так было всегда – с самого первого раза более десяти лет назад, когда она завела мальчика в комнату над гаражом – в Олеандровую комнату для послеполуденных свиданий, пока Мэттью был занят, как шутили племянник и тетя, бог весть чем.

Глава 58

По своей раздражающей многих привычке Родни Шарнек слушал какой-то ужасающий рок, когда ответил на звонок из гостиной Райма.

– Родни, ты включил громкую связь. Это… Можно сделать музыку потише?

Если только можно было назвать этот оглушительный грохот музыкой.

– Привет, Линкольн. Это ведь ты?

Райм повернулся к Сакс и закатил глаза.

Кибердетектив, очевидно, почти оглох.

– Родни, у нас проблема.

– Так. Излагай.

Райм объяснил, что готовятся взрывы, сообщил, где заложены бомбы, – возле ключевых сетевых концентраторов «Международной оптоволоконной системы» и под штаб-квартирой компании.

– Черт возьми, Линкольн, это серьезное дело.

– Я понятия не имею, на какое время намечены взрывы. Возможно, нам не удастся своевременно обезвредить бомбы.

– Готовите эвакуацию?

– Она уже идет. Бомбы пороховые, не пластит – нам это известно, – так что мы не думаем, что существует риск больших потерь. Но повреждение инфраструктуры может быть значительным.

– О! – Озабоченности в голосе детектива не слышалось. Может, он искал на своем айподе список новых песен? – Чем я могу помочь? – наконец спросил он, словно единственной его целью было нарушить затянувшееся молчание.

– Кому нужно позвонить, какие предосторожности принять?

– От чего? – поинтересовался компьютерный детектив.

Господи! Он ничего не понял.

– Родни! Если… бомбы… взорвутся… Интернет – какие предосторожности нам предпринять?

Опять молчание.

– Ты спрашиваешь, если бомбы выведут из строя парочку оптоволоконных концентраторов?

Вздох Райма.

– Да, Родни. Именно об этом я спрашиваю. И еще они разрушат штаб-квартиру МОС.

– Ничего делать не нужно.

– Но что будет со службами безопасности, больницами, Уолл-стрит, управлением воздушным движением транспорта? Господи, это все Интернет! Какие-то кабельные компании наняли промышленных диверсантов, чтобы взорвать его.

– А, понял. – Казалось, Родни развеселился. – Ты воображаешь что-то похожее на фильм с Брюсом Уиллисом? Биржевая катастрофа, кто-то грабит банк, потому что отключена охранная сигнализация, похищает мэра, потому что Интернет не работает?

– Да, что-то в этом роде.

– Кабельный синдикат против оптоволоконного предприятия? Это старая история. Давно не новость.

«Не нужно мне двух клише подряд. Переходи к делу», – вспылил Райм, но про себя.

– МОС и производители традиционных кабелей недолюбливают друг друга. Но никто не собирается устраивать никаких диверсий. Собственно говоря, через полгода МОС выкупит или подпишет лицензионные соглашения с компаниями по производству кабелей.

– Думаешь, они не попытаются взорвать сетевые концентраторы МОС?

– Нет. Даже если они или еще кто-то их взорвут, будет пяти-десятиминутный перерыв в работе Интернета в отдельных частях

города. Поверь, китайские и болгарские хакеры ежедневно причиняют больше неприятностей.

– Ты уверен, что больше ничего не случится? – уточнила Сакс.

– О, привет, Амелия! Ну ладно, может быть, двадцатиминутный. Знаешь, интернет-провайдеры заранее подумали об этом. В системе столько мер защиты, что мы называем это излишеством.

Райм был раздражен и дурной шуткой, и тем, что его версия не оправдалась.

– В худшем случае сигнал пойдет через запасные серверы в Джерси, Куинсе и Коннектикуте. Да, поток информации замедлится. Нельзя будет смотреть порно или играть в военные игры на хорошей скорости, но основные серверы продолжат работать. Однако я позвоню провайдерам и в Министерство внутренней безопасности, предупрежу их.

– Спасибо, Родни, – поблагодарила Сакс.

Громкость музыки увеличилась, потом наступила блаженная тишина.

Райм подкатил к смотровому столу с уликами и фотографиями. У него появилась другая обескураживающая мысль. Он резко заговорил:

– Нелепо думать, что целью нападения была Саманта Ливайн из МРС. Как мог Икс знать, что она пойдет в туалет именно в это время, и поджидать ее? Несерьезно. Глупо.

Мысль о синдикате интернет-провайдеров, традиционно работающих с кабельными сетями, ставящем палки в колеса конкурентам-оптоволоконникам, казалась убедительной – овцеводы против скотопромышленников. Как и большинство теорий заговоров, она была соблазнительной, но совершенно ошибочной.

Взгляд его переместился к татуировкам.

Райм прочел их вслух. Стоявший рядом Пуласки подался вперед.

– И эти волнистые линии.

– Фестоны, – поправил Райм.

– А… Мне они кажутся похожими на волны.

Райм нахмурился. Потом прошептал:

– Волны, которые Тэ-Тэ Гордон назвал значительными – из-за рубцевания. – Через несколько секунд он добавил: – Я был не прав. Он называет нам не места. Проклятье! – выпалил Райм и рассмеялся.

– Что такое? – спросила Сакс.

– Я только что очень неудачно выразился, сказав «проклятье».

– Линкольн, как это понимать? – удивленно поинтересовался Купер.

Пропустив вопрос мимо ушей, Райм потребовал:

– Библию! Мне нужна Библия.

– Линкольн, у нас ее нет, – сообщил Том.

– Интернет. Найди Библию в Интернете. Новичок, ты кое на что наткнулся.

– Правда?

Глава 59

Скрестив руки на груди и прислонясь спиной к стене, Билли наблюдал, как тетя Гарриет – сестра его матери – сыплет порошок в стиральную машину.

Она спросила:

– Ты кого-нибудь видел в вестибюле? Я беспокоилась, что полиция следит за мной. Я что-то почувствовала.

– Нет. Я проверил. Тщательно. Провел там целый час.

– Я тебя не заметила.

– Я наблюдал, – объяснил Билли, – а не находился под наблюдением.

Гарриет опустила крышку, и он посмотрел на ее груди, ноги, шею. Воспоминания…

Ему всегда было интересно, знал ли дядя об их времяпровождении в Олеандровой комнате. Казалось невозможным, чтобы дядя Мэттью не догадывался об их романе или как там это назвать. Как мог он не замечать, что они исчезали на несколько часов, когда Гарриет не занималась уроками с соседскими детьми? Кроме того, должны были существовать смешанные запахи – запахи чужого тела, духов и дезодоранта.

И запах крови, хотя они тщательно мылись под душем после каждой послеполуденной близости. Ее крови…

Первый совет американских семей имел религиозную основу. Догматы не позволяли его членам использовать противозачаточные средства и делать аборты, поэтому Гарриет «приглашала» Билли в студию над гаражом только в те дни месяца, когда они могли быть совершенно уверены, что беременности не будет. Билли с трудом сдерживал отвращение, а Гарриет вид красных пятен почему-то воспламенял еще больше. Олеандр и кровь навсегда соединились в сознании Билли Хейвена. А дядя Мэттью мог даже не знать об этом аспекте женской физиологии, что не удивило бы Билли. Когда дело касалось ее желаний, тетя могла, глядя дяде в глаза, убедить его в чем угодно. Билли не

сомневался, что, какую бы историю она не выдумывала для мужа, он верил всему.

– Это будет твоей художественной студией, – объявила она тринадцатилетнему Билли, показав ему комнату над отдельно стоящим гаражом на их участке земли в южном Иллинойсе.

На стене висел сделанный им для нее акварельный рисунок олеандра – любимого цветка Гарриет (ядовитого, разумеется).

– Я больше всего люблю эту твою картину. Мы назовем эту комнату Олеандровой. *Нашей* Олеандровой комнатой. – И она стала расстегивать его ремень. Игриво, но с твердой решимостью.

– Постой, тетя Гарриет, не надо. Что ты делаешь? – Билли с ужасом поднял на нее взгляд. Она не только сильно походила на его мать, свою сестру. Гарриет и Мэттью стали фактически его приемными родителями. Мать и отец Билли умерли насильственной смертью, пусть и героической. Стэнтоны взяли к себе осиротевшего мальчика.

– Послушай, мне не хочется делать этого, – вновь произнес мальчик.

Но она как будто не слышала. Ремень расстегнулся. Так начались кровавые годы в Олеандровой комнате.

После переезда в Нью-Йорк у них было только одно свидание – в тот день, когда Билли убежал из больницы, куда пришел не наносить татуировку очередной жертве, а просто навестить тетю, больного дядю и кузена Джоша. Билли не был настроен удовлетворять ее, в чем и заключалась суть секса с тетей Гарриет. Но она настояла, чтобы они поехали в отель, – Мэттью был еще в больнице, а Джошуа она отослала с какими-то поручениями. Джош всегда делал все, о чем просила мама.

Теперь, когда стиральная машинка мерно шумела, Билли спросил:

– Как он? Джош сказал, выглядит хорошо. Только немного бледный.

– Черт возьми, – злобно ответила Гарриет. – Мэттью поправится. Просто не может проявить великодушие и умереть.

– Было бы неплохо, – согласился молодой человек. – Но будет лучше, как ты планировала изначально.

– Пожалуй.

План был таким: завершив Модификацию здесь, в Нью-Йорке, они вернутся в южный Иллинойс и убьют Мэттью, обвинив в этом

какого-нибудь злополучного негра или латиноамериканца, выбранного в одной из бесплатных столовых Альтона или Восточного Сент-Луиса. Мэттью станет мучеником, а Билли захватит власть в Первом совете американских семей и превратит его в лучшую организацию в стране. Билли станет королем, а Гарриет королевой. Или королевой-матерью. В сущности, и той и другой.

ПСАС был одной из десятков организаций в стране, объединенных в непрочный союз. Названия у них были разными, но взгляды фактически одинаковыми: превосходство законов штата, города или лучше всего клана над федеральными, прекращение пропаганды либеральных средств массовой информации, полный запрет на помощь иностранным государствам и валютные интервенции в их экономику, запрет гомосексуализма (не только браков между геями), объявление смешанных браков вне закона, поддержка расовых доктрин, изгнание из страны всех иммигрантов, вдохновленное Христом правительство, домашнее обучение, а также ограничение нехристианской религиозной практики.

Очень многие американцы разделяли – полностью или частично – эти взгляды, но проблемой таких организаций при расширении своих рядов были не взгляды, а тот факт, что руководили ими люди вроде Мэттью Стэнтона – стареющие, лишенные творческой фантазии лидеры, внушающие уважение только стареющим, лишенным творческой фантазии людям.

В том, что дядя Мэттью Стэнтон был в свое время настоящим руководителем, сомневаться не приходилось. Он имел харизму, был превосходным преподавателем и лектором. Глубоко верил в заповеди Христа и отцов-основателей – по крайней мере тех из них, кто был убежденным христианином. Но на его счету не было таких достижений, как теракт в Оклахома-Сити[19]. А его подход к борьбе за великое дело сводился к редким нападениям на делающих аборты врачей, поджогам клиник или зданий налоговой службы, избиению рабочих-мигрантов, мусульман и геев.

Однако Гарриет Стэнтон, гораздо более амбициозная, чем ее муж, понимала, что организация исчезнет в ближайшее десятилетие, если они не привнесут в нее новую кровь, новые подходы к пропаганде их политической миссии, к привлечению в нее юной, хипстерской аудитории. Модификация была ее идеей – правда, постепенно ей удалось убедить Мэттью, что эта мысль принадлежит ему.

Несколько месяцев назад, когда Гарриет и Билли лежали в Олеандровой комнате, она изложила племяннику свои взгляды.

– Нам нужен руководитель, который сможет быть привлекательным для нового поколения. Он должен обладать энергией, энтузиазмом, творческим мышлением. Нужно использовать социальные СМИ. Ты привлечешь молодых людей. Когда *ты* будешь говорить о принципе, они прислушаются. Парни станут боготворить тебя. Девушки будут терять из-за тебя голову. Ты сможешь заставить их делать что угодно. Ты станешь Гарри Поттером нашего дела. После смерти Мэттью твои акции взлетят до небес. Мы сможем привлечь в наши ряды сотни, тысячи молодых людей. Мы подчиним себе «Патриотов-пионеров Среднего Запада». – Это была легендарная организация, действовавшая неподалеку от центра ПСАС и возглавляемая двумя руководителями весьма креативного склада. – И мы будем действовать, расширяться по всей стране.

Гарриет верила, что многие американцы ненавидят направление, в котором идет страна, и присоединятся к ПСАС. Но им нужно знать, какие опасности существуют: террористы, исламисты, национальные меньшинства, социалисты. И для защиты от этих угроз им нужен харизматичный молодой лидер. Гарриет и Билли спасут их всех.

Существовала еще одна причина для переворота. Власть Гарриет в нынешнем ПСАС была ограниченной, так как она была всего лишь женщиной, женой основателя Совета. Билли и новое поколение считали, что дискриминация женщин отвлекает от более важных проблем – расовой сегрегации и национализма. Пока у власти находятся Мэттью и такие, как он, – любители сигар и охоты, – Гарриет будет находиться в тени. Это совершенно неприемлемо. Билли приведет ее к власти.

Теперь, в прачечной, он почувствовал на себе ее взгляд и поднял глаза. Эта встреча взглядов была такой же, как он помнил много лет. Лежа на Гарриет, Билли всякий раз утыкался лицом в подушку, но она приподнимала за волосы его голову, пока они не начинали смотреть зрачок в зрачок.

– Ну, какие нити у полицейских? – спросила она.

– Нам не о чем беспокоиться, – заверил Билли. – Полицейские знают свое дело лучше, чем мы предполагали. Но они поверили твоему описанию – русский или другой славянин, тридцатилетний, круглоголовый, с голубыми глазами. Моя противоположность.

Когда Амелия Сакс «спасла» Гарриет в больнице, эта женщина дала ложное описание внешности для фоторобота, чтобы отвлечь полицию от племянника, пришедшего в больницу не ради смертельной татуировки, а просто чтобы проведать Мэттью.

Билли спросил о своем кузене – все ли у него получается.

– Джош есть Джош, – смущенно ответила Гарриет, что вкратце описывало отношения матери и сына. Потом рассмеялась, как школьница.

– Хорошее путешествие в Нью-Йорк мы совершили, правда? Вышло не так, как планировали, но, думаю, это к лучшему. После сердечного приступа Мэттью будет выглядеть слабаком. Ему будет легче… уйти, когда мы вернемся домой. Пути Господни неисповедимы, так ведь? – Тетя шагнула вперед и взяла Билли за руку, другой рукой провела по его гладкой щеке.

На стиральной машинке вспыхнула лампочка перехода к другой части цикла. Гарриет критически посмотрела на нее. Билли вспомнил, что дома она сушила белье на веревках, и представил его себе повисшими частями тела, качающимися на ветру. Иногда она приносила бельевые веревки в Олеандровую комнату.

Он увидел, что Гарриет вынимает из волос шпильки. Она снова улыбалась ему определенным образом. Сейчас? Она это серьезно? Но с какой стати ему сомневаться? Тетя Гарриет никогда не шутила. Она подошла к двери прачечной и закрыла ее. В помещении слышалось только гипнотическое хлюпанье воды.

Гарриет заперла дверь прачечной. Потом выключила верхний свет.

Глава 60

– Группы по обнаружению и обезвреживанию взрывных устройств выезжают, – сказал Пуласки.

– Отлично. Ну как, Мел, нашел этот текст?

Купер, выведя Библию на главный монитор, занялся чтением.

– Как ты и сказал, Линкольн. В Книге Бытия.

– Прочти вслух.

– «В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились». «И лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей». – Купер поднял глаза. – У нас есть «шестисотый», «второй», «семнадцатый» и «сорок». Все эти слова здесь.

– Другую книгу! Мне нужна другая книга!

– «Серийные города»? – спросил Купер.

– Какая же еще, Мел? Я сейчас не в настроении для Пруста, «Анны Карениной» или «Пятнадцати оттенков серого».

– «Пятидесяти», – поправил его Пуласки и получил в ответ испепеляющий взгляд. – Я просто сказал. Это не значит, что я ее читал.

Амелия Сакс нашла книгу о совершенных преступлениях и раскрыла тонкий томик.

– Райм, что мне искать?

– Сноску, – ответил Райм. – Меня интересует сноска о нашем расследовании дела Шарлотты, матери Пам, и ее ячейки ультраправой организации. Взрывы в Нью-Йорке, которые планировала Шарлотта.

Сакс прочла вслух длинную сноску. Там подробно излагалось, как Райм, полицейское управление и ФБР вели расследование.

Райм выпалил:

– Так, наш Икс, видимо, питает какую-то, если угодно, привязанность к Собирателю Костей. Но Пять-Одиннадцать искал эту книгу не поэтому – он хотел знать наши способы выслеживания местных террористических ячеек. Не психопатов. Я сделал такое предположение, – последнее слово Линкольн произнес как непристойность.

– Какая-то ячейка наняла его для этого? – поинтересовался Пуласки.

– Может быть. Или же он член этой группы. А цель? – Райм указал на фотографии подземных мест преступления. – Видите трубы, помеченные буквами ДООС? Охрана окружающей среды. Водопроводные трубы.

– Волны, – вставила Сакс, – библейский потоп. Ясно. Они хотят взорвать водопроводные магистрали.

– Совершенно верно. Места преступлений находятся там, где затопление причинит наибольший вред, если трубы будут взорваны.

Райм повернулся к Пуласки.

– Спасибо, новичок.

– Не за что. Я до сих пор не знаю, что я такого сделал.

– Ты подумал, что эти рубцы вокруг числительных волны, а не фестоны. Так оно и есть. Волны! Это навело меня на мысль о потопе и Ное. Теперь у нас идет апокалиптическая тема. Это меняет все. – Райм оглядел таблицу с уликами. Ему казалось, что его мысли падают с тяжелым стуком, как дождь со снегом снаружи. Отлично, отлично. Дела идут.

Мел Купер спросил:

– Но откуда Икс может знать, где находятся уязвимые места? Карты водопроводной сети засекречены.

И тут разум Райма совершил один из своих необъяснимых прорывов. Они случались нечасто: большинство умозаключений неизбежно, если у тебя достаточно фактов. Но иногда интуиция возникает из паутины связей.

– Помнишь волосок от бороды – тот, что ты нашел возле полки, когда Икс испортил мое любимое односолодовое виски?

Блеснув глазами, Сакс сказала:

– Мы думали, это перекрестное загрязнение. Но ошиблись. Волосок появился от самого Икса Пять-Одиннадцать, когда он проник сюда. Потому что это *он* убил того работника на прошлой неделе.

– Чтобы завладеть ключами от его кабинета, – подтвердил Райм.

– Почему? Где работал этот человек? – осведомился Пуласки.

– В управлении общественных работ, конкретно в департаменте охраны окружающей среды, – негромко ответил Райм. – Который занимается водопроводной системой. Икс похитил карты водопроводной сети, чтобы знать, куда закладывать взрывные устройства. Да, и волокно от чертежа, которое преступник оставил в квартире Пам, когда набросился на Сета. Оно было от тех карт.

Райм снова посмотрел на карту города. Указал на большой водопроводный туннель № 3, самый крупный проект управления общественных работ в истории Нью-Йорка. Это был один из самых больших водоводов в мире. Он проходил слишком глубоко под землей, чтобы оказаться уязвимым. Но там были громадные водопроводные трубы, шедшие через весь город. Если их взорвать, миллиарды галлонов воды хлынут на Мидтаун и Нижний Манхэттен. Последствия будут гораздо страшнее, чем мог бы вызвать любой ураган.

– Позвони в отдел расследования тяжких преступлений, – велел Рону Райм, – в департамент защиты окружающей среды и мэру. Нужно, чтобы подачу воды немедленно прекратили.

Глава 61

– Дядя Мэттью, как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – негромко ответил тот. – В больнице говорящих по-английски людей можно было сосчитать по пальцам одной руки. Но Бог милостив.

Это, по убеждению Билли, было неверно. И такого отношения ПСАС должен остерегаться. Проблема заключалась не в том, что больничные работники не говорили по-английски. Разумеется, они говорили. Но с сильным акцентом и не очень правильно. И это, подобно цвету кожи, доказывало, что они понаехали из тех стран, культура которые не знает истинных ценностей. И что не захотели ассимилироваться.

– Да, вы снова хорошо выглядите. – Билли осмотрел дядю: вес 190 фунтов, слегка повреждена сердечно-сосудистая система, но в остальном он полностью здоров. Да, создается впечатление, что дядя будет жить вечно… или пока Билли не пустит пулю ему в голову, а пистолет сунет в руку какого-нибудь злополучного поденщика – подобного тем, кого Билли с полудюжиной других уже забили насмерть «в порядке самообороны».

– У него все отлично, – сказала Гарриет легким, как дымка, голосом и стала убирать свежевыстиранную и сложенную одежду. – Возвращается к нормальной жизни.

– Привет, брат.

Джошуа Стэнтон вышел к ним из спальни маленького номера-люкс. Услышав голоса из соседней комнаты, он поспешил туда, словно мысль, что разговор ведется без него, была ему невыносима. Может, забеспокоился, что говорят о нем, хотя сказать о Джошуа было почти нечего, кроме того, что этот двадцатидвухлетний парень был помощником сантехника и его единственный талант заключался в умении убивать птиц, оленей и делающих аборты врачей.

Однако этот крепко сложенный, рыжеватый блондин был зависимым до отвращения, послушно делал все, что ему говорили, и регулярно громко сообщал о своем самочувствии. Билли не представлял, как он смог найти жену и стать отцом четверых детей.

Что ж, на это способны даже собаки и саламандры. Билли было трудно избавиться от мысли о сходстве Джошуа с ящерицей.

Джошуа обнял двоюродного брата, но Билли предпочел бы, чтобы он этого не делал. Не из-за микробов – из-за передачи улик.

Нет, Джошуа не блистал умом. Но играл важную роль в Модификации. После того как Билли убивал жертв и тела обнаруживались, Джошуа в медицинском комбинезоне и маске быстро появлялся с туннелях с тележкой, вез светильники с аккумуляторами, в которых находились взрывные устройства, устанавливал их и исчезал. Никто не вспоминал о каком-то работнике аварийной службы.

Теперь молодой человек болтал о своих успехах в доставке устройств на места преступлений и поглядывал на Билли, ожидая похвал, которые тот выражал кивками.

Гарриет бросила взгляд на сына и подмигнула, Билли понял, что это означает «молчи». Но Джошуа ничего не заметил и продолжал болтать.

– В «Бельведере» было очень опасно. Кроме шуток. Там повсюду были полицейские! Мне пришлось уходить не через тот люк, как планировалось, и потратить лишние шесть минут, но не думаю, что это было проблемой.

Последовал еще один взгляд тети Гарриет.

Мэттью не считал нужным проявлять терпение, что требовалось от женщин в ПСАС. Он отрывисто приказал:

– Замолчи, сын.

– Слушаюсь, сэр.

Билли не нравилось, как дядя и тетя обращались с его кузеном. Мэттью его откровенно третировал, и было жалко смотреть, как покорно Джош это воспринимал. Гарриет же почти не замечала сына. Билли иногда задавался вопросом, водила ли она его в Олеандровую комнату, и решил, что нет. Не потому, что это было бы слишком уж порочно. Скорее причина заключалась в том, что Джош не обладал достаточной силой, чтобы удовлетворять потребности матери. Даже Билли мог за день сделать это всего трижды, и Гарриет иногда казалась разочарованной тем, что так мало.

Джошуа нравился Билли. У него сохранились приятные воспоминания о годах, проведенных вместе с ним, фактически его братом. Они играли в мяч, потому что считали, что так нужно. Флиртовали с девушками по той

же причине. Ремонтировали машины. Наконец в минуту юношеской откровенности признались друг другу, что не любят ни спорт, ни машины и равнодушны к девушкам. И взялись за более интересное дело – стали выслеживать геев и избивать их до полусмерти. Нелегалов тоже. Да и тех, кто приехал в США легально, – они все равно не были белыми. Рисовали кресты на синагогах и свастики на негритянских церквях. Сожгли дотла клинику, где делали аборты.

Часы Билли зажужжали.

– Пора.

Через несколько секунд завибрировали другие.

Дядя Мэттью посмотрел на рюкзак и сумку для инструментов и объявил:

– Помолимся.

Вся семья опустилась на колени, даже не совсем здоровый Мэттью. Гарриет и Джошуа встали по обе стороны от Билли. Все взялись за руки. Гарриет один раз сжала руку Билли – крепко.

Голос Мэттью – нетвердый, но все же достаточно сильный, чтобы зажечь сердца грешников, – протянул нараспев: «Господи, благодарим Тебя за то, что даровал нам мудрость и смелость для дела, какое мы собираемся совершить во имя Твое. Благодарим Тебя за видение, которое Ты вложил нам в души, и за планы, которые вложил нам в руки. Аминь».

– Аминь, – раскатилось по комнате.

Глава 62

Райм раскатывал взад-вперед перед белыми досками в гостиной. Он взглянул на карту водопроводной сети, которую ДООС прислала по секретному серверу, потом снова на улики. Водопроводный туннель № 3 и все ответвления были отчетливо видны.

Рон Пуласки объявил:

– Команда по обнаружению и обезвреживанию взрывных устройств работает в бутике и ресторане. Военные на третьем участке – в «Бельведере».

– Как обычно, устроили большое шоу? – равнодушно спросил Райм. – С огнями и сиренами?

– Я…

Райм оборвал его.

– Проводится ли эвакуация где-нибудь в центре города? Я хотел, чтобы мэр объявил эвакуацию.

– Не знаю.

– Так вот, включи новости и выясни. Том! Черт возьми, ты где?..

– Я здесь, Линкольн.

– Новости! Мне нужно, чтобы включили новости! Я просил тебя.

– Ты не просил. Ты подумал, что попросил. – Помощник недовольно приподнял бровь.

– Может, и не просил, – пробурчал Райм. Это был лучшее извинение, какое мог услышать Том. – Но теперь включи эту чертову штуку.

В углу засветился экран «Самсунга». Райм ткнул пальцем в его сторону.

– Последние известия, тревожные новости, они только что поступили, мы прерываем программу. Почему я не вижу этого, а смотрю какую-то паршивую рекламную передачу о страховании автомобилей?

– Не делай бессмысленных жестов. – Том включил другой канал.

– … пресс-конференции десять минут назад мэр сказал жителям Манхэттена и Куинса, что необходимости в эвакуации сейчас нет. Он довел до сведения людей…

– Эвакуации нет? – Райм вздохнул. – Он мог бы, по крайней мере, эвакуировать Куинс. Жители отправились на восток. На Лонг-Айленде места много. Спокойная эвакуация. Он мог бы распорядиться об этом.

– Линкольн, она не была бы организованной, – возразил Мел Купер. – Это был бы хаос.

– Я рекомендовал объявить эвакуацию. Он меня не послушал.

– Звонок из ДООС, – сказал Пуласки, указав на определитель номера на главном мониторе.

Мобильник Райма тоже зазвонил. Код 404, Атланта, Джорджия.

– Самое время, черт возьми, – пробормотал Райм. – Новичок, свяжись с водопроводчиками и скоординируй их с Сакс. Я поговорю с нашими

друзьями из южного штата. Все за дело! В нашем распоряжении всего несколько минут! – Он раздраженно нажал кнопку ответа на панели и получил от Тома еще один предостерегающий взгляд.

Глава 63

В комбинезоне и шлеме-каске департамента охраны окружающей среды Билли Хейвен вошел в переулок Мидтауна в Ист-Сайде, поднял крюком крышку люка, спустился на несколько ступенек и вернул крышку на место.

Он достиг металлического пола и пошел по туннелю под тенью главного трубопровода, покрытого блестящей конденсацией. Эта громадная труба шла из главного контрольно-сигнального узла водопроводного туннеля № 3 в центре Мидтауна к трем второстепенным, подающим воду на Манхэттен и в некоторые районы Куинса. По этой трубе получали воду примерно восемнадцать тысяч жилых домов и компаний.

Билли на ходу переложил из одной руки в другую тяжелую сумку с инструментами. Весила она сорок восемь фунтов. В ней лежали вещи, которые он взял из мастерской на Канал-стрит: дрель, портативный сварочный комплект, электрический шнур и другие инструменты, в том числе большой стальной термос. Машинки «Америкэн игл» при нем не было – с этой частью Модификации покончено. Татуировок ядом больше не будет. Однако Принцип кожи, разумеется, продолжал действовать в полную силу.

Билли сверился с навигатором, скорректировал направление движения и пошел дальше. План Модификации был сложным, как и подобает проекту, полученному от посредника, избранного самим Богом. *Заповеди…*

На последнем месте убийства, в тату-студии Т.Т. Гордона, полиция найдет следы взрывчатки, которые он оставил там намеренно, и Линкольн Райм немедленно задумается об этом парадоксе. Взрывчатка и яд? Какая связь между ними?

Заповеди предполагали, что Райм подумает: «А если татуировки ядом не были случайными убийствами, совершенными психопатом?»

Детективы проанализируют наколотые числительные и свяжут их с потопом в Книге Бытия. Билли нарочно наколол слово «шестисотый» тату-мастеру в Гринвич-Виллидже в последнюю очередь, потому что было бы слишком легко найти в Библии связанные с потопом места, если бы он привел их в существующем порядке.

В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились. И лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей…

И вот внутренние террористы вернулись, чтобы установить взрывные устройства, чтобы вновь устроить потоп и смыть грех этого Содома.

Райм и Сакс будут ломать голову над тем, где могут находиться эти устройства, и поймут, что они в аккумуляторах для прожекторов на местах преступлений. Поскольку взрыв может прогреметь в любую минуту, а группе по обнаружению и обезвреживанию взрывных устройств потребуется время, чтобы вскрыть герметично закрытые корпуса и обезвредить их смертоносную начинку, департамент охраны окружающей среды предпримет решительный, но необходимый шаг – закроет массивные заглушки водопроводного туннеля номер три, прекратив подачу воды в трубу, мимо которой шел Билли. Как только это произойдет, давление в трубе опустится почти до нуля.

Это позволит ему просверлить отверстие в железе – когда линия действует, сделать это невозможно: под давлением вода вырвется из отверстия со скоростью и режущей силой промышленного лазера. При упавшем давлении он сможет ввести в трубу то, что принес в металлическом термосе. Последний яд Модификации.

Ботулин, нейротоксин, создаваемый бактерией Clostridium botulinum, – самое ядовитое вещество на земле. Половина чайной ложки вполне может убить все население Соединенных Штатов. При том, что обычно очень трудно раздобыть сильнейшие отравляющие вещества – например, радиоактивные, такие как полоний и плутоний, ботулин поразительно доступен. И за это нужно благодарить человеческое тщеславие.

Эта бактерия является производителем ботокса, релаксанта мышц для облегчения мышечной спастичности. Однако больше всего он известен как косметическое средство для разглаживания кожи – его токсичные свойства подавляют нейротрансмиттер, создающий морщины.

Запасы этого яда тщательно охраняются, но Билли обнаружил источник и проник в компанию по производству принадлежностей для косметической хирургии. В дополнение к хорошему подбору лекарств и медицинских инструментов он сумел похитить достаточно спор, чтобы создать ботулиновую фабрику, которая тайно производила запас бактерий, яд и новые споры.

Идея превратить такое восхитительно смертоносное вещество в оружие была, разумеется, не новой. Но раньше никто этого не делал по очень простой причине. Введение яда в организм было почти невозможно, его требовалось проглотить или вдохнуть, или он должен был войти в тело через слизистые оболочки или открытые раны. Одного соприкосновения с кожей было бы недостаточно. Поскольку ввести в организм большое количество яда в виде аэрозоля очень трудно, вводить его нужно через еду или воду.

Но соль, щелочь и кислород способны уничтожать эти бактерии. Так же, как и хлор, который в Нью-Йорке добавляют в водопроводную воду вместе с антикариозным фтористым соединением – ортофосфатом – для нейтрализации свинцового загрязнения и гидроокисью для увеличения щелочности.

Однако Билли научился выращивать концентрированную форму ботулина, стойкую к хлору. Да, часть яда, который он введет в водопроводную трубу, будет уничтожена, или его смертоносные свойства ослабнут, но достаточно большое число бактерий уцелеет и попадет в дома Мидтауна, Нижнего Манхэттена и большей части Куинса. Количество умерших составит около четырех тысяч, больных и серьезно пострадавших будет во много раз больше.

Особенно сильно пострадают дети. Отравление младенцев происходит довольно часто, когда дети младше двенадцати месяцев едят мед, в котором естественным образом находятся споры. Билли принимал во внимание их смерти, и они его не волновали. В конце концов, это война. Жертвы неизбежны.

Конечно же, город среагирует быстро, департамент здравоохранения и департамент внутренней безопасности спешно примутся искать источник болезни. Однако произойдет задержка, так как власти сочтут, что имеют дело с веществами, воздействующими на нервную систему, поскольку симптомы одинаковы. И если повезет, медики начнут колоть заболевшим атропин и пралидоксим, которые увеличивают смертность от ботулизма. Кто-то будет диагностировать миастению гравис. Но потом появятся результаты анализов сыворотки крови и кала, и в конце концов масс-спектрометрия установит истинную природу болезни.

Однако к тому времени, разумеется, будет причинен уже большой вред.

Вторичное последствие, которое станет еще более масштабным, пусть и менее смертоносным, тоже предсказано Модификацией: город быстро обнаружит источник яда, но не будет знать, как широко распространилось отравление. Находится ли в опасности Бронкс, Нью-Джерси или Коннектикут?

Единственное, что могут предпринять власти – абсолютно некомпетентные власти города и штата, а также федеральное правительство, – это перекрыть подачу воды в систему. Ни капли воды для питья, ни капли воды для смыва нечистот. Или для мытья. Или для выработки электроэнергии (большая ее часть поступает с паровых электростанций). Ист-Ривер и Гудзон превратятся в Ганги, источники мытья, отбросов, питьевой воды… и болезней. Болезнь, а не потоп погубит город.

Но успех этого плана зависел от одного ключевого фактора – закрытия затвора в Мидтауне, чтобы позволить Билли ввести яд. Если этого не произойдет, Модификация потерпит неудачу. Расположенные выше легкодоступные водоемы и акведуки подвергаются постоянному контролю на присутствие любых ядов, поэтому план требовал, чтобы яд был введен в систему здесь, южнее Центрального парка, где ее теоретически невозможно поразить, а потому она не охраняется.

Билли проверил свое местонахождение. Да. Он совсем близко от лучшего места для просверливания трубы. Но ему требовалось подтверждение, что подача воды прекращена. «Давай же, – нетерпеливо подумал он, – давай…» Расчет времени был очень важен.

Наконец его телефон загудел, поступило текстовое сообщение. Билли глянул на него. Это тетя Гарриет послала ему необходимую информацию. Он включил экран и повернул телефон набок, чтобы прочесть текст, отправленный минуту назад.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА В НЬЮ-ЙОРКЕ

Неизвестные террористы со взрывными устройствами готовятся разрушить водопроводную систему

Власти Нью-Йорка закрывают самые большие магистрали, подающие воду в Манхэттен к югу от Центрального парка и в бо́льшую часть Куинса, чтобы предотвратить риск затопления, в качестве ответной меры против плана террористов.

Представители полицейского управления Нью-Йорка, департамента внутренней безопасности и ФБР сообщили на совместной пресс-конференции, что они раскрыли заговор, цель которого – взорвать под землей самодельные взрывные устройства, чтобы уничтожить часть водопроводной системы.

Полицейские из группы по обнаружению и обезвреживанию взрывных устройств нашли три устройства и эвакуируют людей с территорий,

находящихся в непосредственной близости к ним. В ближайшее время они приступят к разборке и обезвреживанию этих устройств.

Подача воды будет прекращена самое большее на два часа. Власти сообщают жителям, что запасов воды делать не нужно.

Отлично. Пора заканчивать и прощаться с Нью-Йорком.

Глава 64

Амелия Сакс гнала свой «Форд-Торино» к Мидтауну. Отъехав от таунхауса Райма, она семь раз проскакивала на красный свет и остановилась лишь раз. Гневных гудков и тычущих в нее пальцев она, казалось, даже не замечала.

Ее окружала Таймс-сквер с громадными экранами видеоафиш, озабоченными местными жителями и глазеющими туристами, иллюминацией, своевременной ко Дню благодарения и преждевременной к Рождеству, и закутанными уличными торговцами, переминающимися с ноги на ногу, чтобы согреться. Суетливое неведение.

Она помчалась в восточном направлении, к Лексингтон-авеню, потом затормозила так резко, что ее машину окутал синий дым от трения шин об асфальт. Ей было велено остановиться и ждать дальнейших указаний.

Телефон Сакс зазвонил, и секунду спустя в наушнике послышался голос Пуласки.

– Амелия, у меня ДООС на другой линии. Они проверяют... Подожди. Снова этот техник. – Она услышала бормотание – Рон повернулся к другому телефону. Потом его голос стал громче. – Черт возьми, как это понять: «датчики не настолько точны»? Что это может значить? Да и все равно датчики не моя проблема. Мне нужно место. Немедленно!

Сакс засмеялась. Молодой Рон Пуласки под руководством Райма становился самостоятельным. Через секунду он снова обратился к ней.

– Амелия, я не знаю, в чем проблема. Они... Подожди. Мне что-то сообщают. – Его голос опять стал еле слышным. – Хорошо, хорошо.

Оглядев улицы, Сакс снова подумала: «Суетливое неведение». Бизнесмены, покупатели, туристы, дети, музыканты, уличные торговцы, темные личности, бродяги – поразительная, неповторимая смесь людей, представляющая собой Нью-Йорк.

И где-то у них под ногами готовится одна из самых опасных террористических атак в истории Нью-Йорка. Но где?

– Так, Амелия, у ДООС для нас кое-что есть. Они проверяли объем водных потоков в трубах – я в этом ничего не смыслю. Во всяком случае, я знаю место. Люк в четверти мили к югу от вентильного узла третьего туннеля. Это пересечение Сорок седьмой улицы и Третьей авеню, крышка люка футах в пятидесяти к востоку от перекрестка.

– Я близко. – Амелия уже выжала сцепление и мчалась в ту же сторону, что и раньше, только теперь оставляла синий дым за собой. Пронеслась перед автобусом и «Лексусом». Возможно, они столкнулись, уворачиваясь от нее. Она продолжала путь на юг. Проблема страховки – не ее проблема. – Я буду там через минуту. – Потом поправилась: – Ладно, через две.

Потому что была вынуждена снова въехать на тротуар и притормозить, чтобы сдвинуть с дороги киоск на колесах.

– Черт бы побрал тебя, леди.

Зря он так, подумала Сакс, потому что еще легко отделался: она могла бы и опрокинуть киоск. Подумал бы об этом.

Вернувшись на проезжую часть и проскрежетав днищем о бровку тротуара, Амелия снова помчалась вперед.

Сделав вывод, что Икс и его группа планируют взорвать водопроводные магистрали, Линкольн Райм погрузился в задумчивость. Потом на его лице проступило разочарование.

– В чем дело? – спросила Сакс, заметив, что он смотрит в окно, хмуря брови.

– Что-то во всем этом кажется странным. – Он устремил на нее взгляд. – Да, да, я терпеть не могу слово «кажется». Не смотри так возмущенно. Вывод основан на уликах, на фактах.

– Продолжай.

Райн задумался, потом сказал:

– Аккумуляторы начинены порохом. Сакс, ты знакома с оружием, с патронами. Думаешь, порохом можно взорвать толстые трубы водопроводных магистралей?

Сакс задумалась.

– Верно. Если бы они действительно хотели взорвать трубы, то использовали бы кумулятивные заряды. Бронебойные. Конечно.

– Вот именно. Он *хотел*, чтобы мы обнаружили эти взрывные устройства. И – стихами из Библии – стремился убедить нас, что его целью являются водопроводные трубы. Почему?

Оба ответили почти одновременно:

– Чтобы перекрыть подачу воды.

Перекрытие потока воды закрытием главных вентилей было бы только временным неудобством.

– Ну и что? Это не может быть мотивом, – сказал Райм. Потом продолжил: – Но имело бы смысл хитростью заставить город перекрыть подачу воды, чтобы понизить давление. Это позволило бы Иксу просверлить трубу и ввести яд в систему, а потом заделать отверстие.

Райм напомнил своей команде о следах сварочных принадлежностей, обнаруженных на месте убийства Хлои Мур.

И ядом, пришел к выводу Райм, будет ботулин, потому что они нашли его следы и шприцы для ботокса. Райм думал, что улики, связанные с пластической хирургией, означали, что Икс собирается изменить внешность. Но, возможно, целью была кража ботулина, споры которого используются для хранения веществ, применяемых в пластической хирургии. Линкольн решил, что ядом должен быть ботулин; другой настолько сильной отравы, способной вызвать такие масштабные поражения, больше не существует.

Райм позвонил в ФБР Фреду Деллрэю, в муниципалитет и сообщил о своих подозрениях. Мэр и начальник полиции в свою очередь приказали ДООС объявить, что подача воды прекращается на несколько часов. На самом деле водопроводная система продолжала работать в обычном режиме – высокое давление не позволит ничего ввести в трубы. ДООС будет использовать сетевые датчики для указания на всяческие утечки и сообщать полиции, где именно Икс врезался в систему.

Телефон Сакс зазвонил снова. Это был Райм.

– Сакс, ты где?

– Почти на том месте, что указали в ДООС.

– Слушай меня.

– Что еще мне остается делать? – пробормотала она и сосредоточилась на том, чтобы не сбить идиота-велосипедиста.

Райм продолжал:

– Я только что разговаривал с Центром по контролю за заболеваниями в Атланте. Мы провели конференцию с министерством внутренней безопасности и со специалистами по биохимическому оружию в Форт-Детрик. Положение дел хуже, чем я полагал. Не спускайся в люк. Мы собираем группу обезвреживания опасных материалов.

– Я уже здесь, Райм. Я не могу сидеть сложа руки и ждать. Икс находится прямо подо мной. – Сакс въехала на тротуар, заставив людей разбежаться. Прохожие даже не протестовали: она выглядела слишком уж лютой, чтобы с ней спорить.

Райм продолжал:

– Я только что понял, что это не обычный ботулин.

– Райм, подобные фразы слышишь не каждый день.

– Он модифицирован и стоек к хлору. Вот почему мы нашли неразбавленную хлороватистую кислоту – Икс использовал ее, чтобы изменить штамм. Мы не представляем, как силен этот яд.

– Я буду в маске и комбинезоне. – Амелия побежала к задней части машины, открыла багажник и достала комплект для осмотра мест преступлений.

– Тебе нужно полное биозащитное снаряжение, – запротестовал Райм.

Она возразила:

– Икс знает, что мы пока не перекрыли подачу воды, поэтому вода будет бить из отверстия, которое он просверлит. Он ждет, чтобы закрыли вентили, но не собирается ждать слишком долго. Он уйдет со всей этой дрянью, что у него есть.

– Сакс, послушай. Это не мышьяк и не цикута. Его не нужно глотать. Одна тысячная грамма, попавшая на слизистую оболочку или в царапину, убьет тебя.

– Тогда я не буду ковырять в носу или царапать коленку. Я иду вниз, Райм. Когда осмотрю место преступления и надену на него наручники, позвоню.

– Сакс…

– Туда мне нужно идти в тишине, – твердо сказала Амелия и выключила телефон.

Глава 65

Амелия Сакс легко нашла место, где Икс спустился в туннель, – люк на Сорок четвертой улице, возле пересечения с Третьей авеню, о котором ей сообщил Пуласки.

Она достала из багажника монтировку, приподняла с ее помощью тяжелую металлическую крышку и отодвинула ее в сторону. Навела «глок» в темное отверстие, посмотрела вниз и услышала сильное шипение. Протекающая труба, предположила Амелия и спрятала оружие в кобуру.

Что ж, полезем туда. Спускайся, и быстро. *В движении тебя не схватить…*

Благодаря недавним медицинским процедурам Сакс чувствовала себя гибкой, как тринадцатилетняя девочка, когда повернулась и стала спускаться вниз. Мелькнула мысль: «На мне белоснежный комбинезон, освещенный сверху и сзади. Превосходная мишень для Икса. Можно сказать, “сидящая утка”».

Это был спуск в преисподнюю. Она почти скользила по поручням – как матросы в кино перебираются с палубы на палубу.

Сакс спустилась на дно просторного туннеля – безо всякого прикрытия, естественно. Быстро выхватив пистолет, бросилась в сторону, где, по крайней мере, было темно и Иксу было бы труднее произвести меткий выстрел. Потом полуприсела, повернула ствол на сто восемьдесят градусов и, щурясь, стала высматривать угрозу.

То, что она не выстрелила, не уняло ее тревоги: Икс мог находиться поблизости, целиться в нее и ждать, не появятся ли еще полицейские, прежде чем открыть огонь.

Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела, что в этой части туннеля никого нет. С колотящимся сердцем, шумно дыша сквозь маску, Сакс посмотрела в сторону шипения, ставшего теперь пронзительным. Перешла к противоположной стене, где была ниша доступа и где Икс

просверлил трубу. Быстро глянула туда, пригнувшись на тот случай, если он из проема целится в голову или грудь. Успела увидеть лишь клубящуюся дымку пастельных, как северное сияние, тонов. Она была подсвечена сзади неяркой лампой – возможно, ее установил Икс, чтобы не сверлить в темноте. Завораживающе красивые завихрения, видимо, представляли собой частицы бьющей из отверстия воды.

Сакс не хотелось применять тактику одиночного вторжения: действуй быстро, но осторожно, плотно держи палец на спусковом крючке. Бах, бах, бах. Только не здесь. Она понимала, что Икса нужно взять живым. Раз его план так тщательно разработан, он действует не в одиночку. Нужно взять и его сообщников.

К тому же любой выстрел способен обернуться самоубийством: труба и бетонные поверхности туннеля могут отразить рикошетом пулю в медной оболочке и несущиеся со свистом осколки в любом направлении. Не говоря уж о том, что пуля 9-миллиметрового «парабеллума» может сделать со склянкой, содержащей самый сильный яд на земле.

Ближе, ближе. Амелия вглядывалась в пелену тумана, ища взглядом движущиеся тени. Тени, занявшие положение для стрельбы. Тени, выскакивающие, держа в руке шприц с пропофолом – для завершающей татуировки. Однако Сакс не увидела ничего, кроме блестящей водяной пыли, так красиво преломляющей свет. Вперед, приказала себе Амелия. Быстрее.

Облако то приближалось, то отдалялось, наверняка из-за движения воздуха, создаваемого потоком воды. Хорошее прикрытие, подумала она. Вроде дымовой завесы. Сжала «глок» и, широко расставив ноги, чтобы уменьшить площадь попадания, быстро вошла в нишу. И тут же осознала, что это было ошибкой.

Внутри водяная пыль была гораздо гуще и сразу промочила фильтр маски. Сакс не могла дышать и на мгновение заколебалась. Без защиты она будет восприимчива к ботулину. С защитой потеряет сознание из-за отсутствия воздуха.

Выбора не оставалось. Она сорвала маску, отбросила ее назад и втянула в легкие влажный воздух, содержащий, как она надеялась, только нью-йоркскую питьевую воду, без сильного яда, способного убить ее за пять секунд.

Дыши, дыши…

Пока что не было никаких симптомов. Или пуль.

Сакс продолжала идти вперед, поводя стволом пистолета из стороны в сторону. Справа виднелась большая темная труба, а просверленное отверстие, похоже, находилось футах в пятнадцати. Смутно видимая тонкая белая линия – струя воды – била в противоположную стену на высоте примерно десяти футов от дна туннеля. Шипение с каждым шагом становилось громче, вызывая в ушах пульсирующую боль, грозя оглушить. Утешало лишь то, что оно должно оглушать и Икса, и он не услышит ее приближения.

Пахло мокрым бетоном, плесенью, грязью. Эти запахи напомнили ей эпизод из детства. Отец и дочь в манхэттенском зоопарке, у вольера с рептилиями.

– Ами, видишь это? Это самая опасная вещь.

Она заглянула внутрь, но увидела только растения и замшелые камни.

– Папа, я ничего не вижу.

– Это leeren Kafig.

– Вау. Что это такое? – Наверное, змея, подумала она. Или ящерица. – Она опасна?

– Самая опасная вещь в зоопарке.

– Что это?

– «Открытая клетка» по-немецки.

Она засмеялась, встряхнув маленьким рыжим конским хвостом, и подняла взгляд на отца. Но Герман Сакс, закаленный патрульный полицейский, не шутил.

– Запомни, Ами. Опаснее всего то, чего ты не видишь.

И вот теперь она ничего не видела. Где он?

Иди дальше.

Наклонясь, дыша как можно глубже, но так, чтобы не задохнуться от влаги в воздухе, Амелия прошла сквозь дымку. И увидела его. Икса 5–11.

– Господи, Райм, – прошептала она. – Господи…

Только через несколько секунд, слыша свист и шипение воды, она вспомнила, что микрофона и видеокамеры у нее нет.

Специалисты из Форт-Детрик прилетели на вертолете через сорок пять минут. Если яд, который использует преступник, способен убить значительный процент населения в большом городе, людям из министерства национальной безопасности не до шуток.

Когда стало ясно, что Икс ни в кого не выстрелит, Сакс получила вежливый, но настоятельный приказ выйти из туннеля, а восемь мужчин и женщин в тщательно сконструированных костюмах биологической защиты приступили к работе. С самого начала было ясно, что они знают свое дело. Форт-Детрик в городе Фредерик, штат Мэриленд, является центром биологических исследований армии США, там же находится армейский институт исследования инфекционных заболеваний. Собственно говоря, приставка «био» и слова «война» или «оборона» соединяются в любом проекте, где принимает участие Форт-Детрик.

В рации загремел голос Райма:

– В чем дело, Сакс? Что там происходит?

Амелия, мерзнущая на слякотном тротуаре возле Третьей авеню, где припарковала свой «Торино», ответила:

– Они опечатали ботулин. Он находился в трех шприцах в термосе. Они положили его в защитную оболочку под пониженным давлением.

– Они уверены, что в воду ничего не попало?

– Совершенно уверены.

– А Икс?

Пауза.

– Тут дело скверное.

План Райма объявить, что подача воды будет перекрыта, имел неожиданные последствия. Икс 5–11, защищенный только комбинезоном ДООС, стоял прямо напротив отверстия, которое проделывал. Когда он просверлил стенку трубы насквозь, струя воды, подобно циркулярной пиле, прошла прямо через его грудь, убив мгновенно. Когда он упал на пол, вода продолжала рассекать его шею.

Кровь, кости, куски мягких тканей были повсюду, даже на противоположной стене, на большом расстоянии. Сакс понимала, что ей нужно убраться отсюда и предоставить группе биозащиты возможность

обезопасить это место, но из любопытства выполнила последнюю задачу: задрала левый рукав Икса. Нужно было увидеть татуировку.

Красная многоножка испытующе таращилась на нее человеческими глазами. Сделана она была блестяще. И выглядела очень жутко. Сакс даже бросило в дрожь.

– Что будет с этим местом?

– Армия закрывает его – в радиусе около двух кварталов. Пока меня не прогнали, я взяла отпечатки пальцев и ДНК нашего Икса, вещи из кармана и сумки, какие у него были.

– Ну так вези сюда то, что у тебя есть. Он действовал не один. И кто знает, что еще на уме у остальных.

– Еду.

Глава 66

Теленовости были тревожными, но неоднозначными. Нападение террористов на водопровод в Нью-Йорке, самодельные взрывные устройства…

Гарриет и Мэттью Стэнтон сидели на диване в номере отеля. Их сын Джошуа расположился возле них в кресле, вертя в руках браслет, какие теперь носят и дети, и парни. Из цветной резины, ненормальный, гейский. Мэттью хотел, нахмурив брови, заставить его сидеть смирно, но Джошуа неотрывно смотрел на экран телевизора, потягивая воду из бутылки. Семья привезла с собой галлоны воды – по вполне понятным причинам.

Джошуа задавал вопросы, на которые у родителей не было ответа:

– Но как они могли узнать? Почему Билли не звонит? Где этот, ну, яд?

– Замолчи.

Туповатые комментаторы (как либеральные, так и консервативные) несли чушь: «Существует несколько типов взрывных устройств, и одни рассчитаны на причинение большего вреда, чем другие»; «Террорист мог иметь доступ к разным типам взрывчатки»; «Психология взрывателей сложна; в сущности, у них есть потребность разрушать»; «Как нам известно после недавних ураганов, вода в метро может вызвать серьезные проблемы».

Но это было все, что они могли сказать, потому что власти города не давали реальных сведений.

Более тревожно, думал Мэттью, – то, о чем непрестанно твердит Джош. Почему Билли не звонит? Последней вестью от него было то, что после того как перекроют воду, он начнет сверлить. Ботулин у него наготове и через полчаса будет в водопроводных трубах.

Комментаторы продолжали бубнить о взрывных устройствах и затоплениях. Все это было бы подростковым прыщом, думал Мэттью, а вот настоящее нападение станет раком. Ядом, чтобы уничтожить развращенный город.

Телестудии повторяли одну и ту же жвачку снова и снова. Но не говорили ни слова о заболевших. О том, что кто-то умер после сильной рвоты. Ни слова о панике.

– Он же не мог отравиться сам, правда? – спросила Гарриет о том же, что волновало и Мэттью.

Разумеется, мог. В таком случае он умер бы неприятной, хотя и быстрой смертью. Но стал бы мучеником дела Первого совета американских семей, принявшим удар за истинные ценности этой страны, и, между прочим, укрепил бы роль Мэттью Стэнтона в организации.

– Я беспокоюсь, – прошептала Гарриет.

Джошуа посмотрел на нее и снова стал играть с браслетом для гомосексуалистов. Во всяком случае, у него есть дети, подумал Мэттью. Чудно, да и только.

Он не обращал внимания на жену и сына. Казалось немыслимым, что власти разгадали их замысел. Тщательно продуманный план – создаваемый и дорабатываемый в течение нескольких месяцев – был детализирован, как чертеж трактора Джона Дира. Они выполняли его пунктуально, совершали каждый шаг в нужное время. С точностью до секунды. Он подумал о времени: «Теперь оно ушло, как растаявший ледник».

Всякий раз, когда появлялся новый ведущий, а новый человек на улице начинал говорить в непотребный микрофон, Мэттью надеялся на новые сообщения. Но слышал все то же самое. Никаких новостей о людях, тысячами умирающих мучительной смертью, хищные журналисты не сообщали.

– Джошуа, – обратился он к сыну, – позвони еще раз.

– Сейчас, сэр. – Молодой человек нащупал телефон, уронил его и поднял взгляд, мучительно покраснев.

– Это одноразовый? – сурово спросил Мэттью.

– Да, сэр.

Джошуа никогда не отвечал раздраженно. Билли был почтительным, но твердым. А Джошуа – слизняк. Мэттью махнул парню рукой, тот встал и отошел от телевизора.

Водопроводный туннель номер три – самый крупный строительный проект в истории города. Строительство началось…

– Папа, – сказал Джошуа, кивнув на телефон, – ответа по-прежнему нет.

За окнами созвучно унылому дню выли сирены. Все трое в номере замолчали, словно опущенные в ледяную воду.

Девушка-ведущая твердо заговорила:

– … получили из муниципалитета извещение относительно террористического заговора… Следователи сообщают, что террористы планировали не взрывы. Их целью было ввести яд в нью-йоркскую систему водопровода. Эта попытка провалилась, сообщил полицейский комиссар, и вода совершенно безопасна. Сейчас ведутся усиленные поиски виновных. Мы попросим нашего корреспондента по национальной безопасности, Эндрю Лэндерса, рассказать побольше о внутреннем терроризме. Добрый день, Эндрю…

Мэттью выключил телевизор. Сунул под язык таблетку нитроглицерина.

– Так, это все. Мы уезжаем. Немедленно.

– Папа, что случилось? – поинтересовался Джошуа.

Как будто Мэттью знал.

Гарриет спросила:

– Что с Билли?

Мэттью Стэнтон взмахом руки заставил ее замолчать.

– Ваши телефоны! Все! Вынуть аккумуляторы!

Он снял со своего аппарата заднюю стенку, Гарриет и Джошуа сделали то же самое. Потом бросили телефоны в сумку, которая в Заповедях Модификации называлась сжигаемой, хотя ее и не сжигали, а просто бросали в мусоровоз где-нибудь подальше от отеля.

– Так. Теперь укладывайте вещи. Но только самое главное.

Гарриет заговорила снова:

– Но Билли...

– Женщина, я велел тебе укладываться. – Он хотел ее ударить, но сейчас было не время для наказаний. К тому же наказания Гарриет не всегда проходили, как было запланировано. – Билли может позаботиться о себе. По телевизору не сказали, что он арестован. Сообщили только, что раскрыт заговор. Ну, пошевеливайтесь.

Через пять минут Мэттью захлопнул свой чемодан и застегнул молнию на компьютерной сумке. Гарриет покатила свой багаж за собой в гостиную. Ее лицо представляло собой суровую маску, почти такую же пугающую, как та, из латекса, которую Билли показывал им и которую надевал, нападая на своих жертв.

– Как это случилось? – спросила она, кипя от злости.

Ответ могли дать только полиция и Линкольн Райм. Билли описывал его как человека, способного предвидеть абсолютно все.

– Я хочу узнать, что произошло, – не успокаивалась Гарриет.

– Потом. Пошли, – резко сказал Мэттью.

Почему Богу было угодно, чтобы он жил с женщиной, которая смеет высказывать свои желания? Почему он перестал воспитывать ее ремнем? Досадная ошибка. Что ж, они спасутся, перегруппируются, снова уйдут в подполье. В глубокое подполье. Мэттью заревел:

– Джошуа, ты уложился?

– Да, сэр. – Сын Мэттью торопливо вошел в комнату. Его рыжеватые волосы сбились набок, лицо было залито слезами.

– Веди себя как мужчина, – зарычал Мэттью. – Понял?

– Да, сэр.

Мэттью полез в компьютерную сумку, отодвинул Библию и достал два девятимиллиметровых «смит-вессона» (разумеется, ему и в голову бы не пришло покупать иностранное оружие), один дал Джошу. Тот как будто успокоился, взяв пистолет. Парень был хорошо знаком с оружием. Казалось, его утешили привычной вещью, по крайней мере, он смотрел на это так. Само собой, оружие вещь не женская, поэтому Мэттью не предложил пистолет Гарриет.

Он сказал сыну:

– Спрячь его. И не стреляй, пока я не начну стрелять. Следи за мной.

– Да, сэр.

Оружие было всего лишь предосторожностью. Линкольн Райм помешал выполнению плана, но не было никаких нитей, ведущих к Мэттью и Гарриет. Заповеди разделяли их. Как в рассказах Билли: в тату-студии две зоны, горячая и холодная, и они не должны соприкасаться.

Ну вот, они сядут в машину и через полчаса будут за пределами города. Мэттью осмотрел номер. Они привезли с собой немного вещей – всего по два чемодана каждый. Билли и Джошуа уже перенесли все тяжелое оборудование и источники электропитания.

– Пошли.

– А молитва? – спросил Джошуа.

– Некогда, – резко ответил Мэттью.

Держа в руках и катя на колесиках свои вещи, все трое вышли в коридор.

Хорошая идея – использовать отель как прибежище для операций такого рода, чтобы потом не убираться, говорилось в Заповедях Билли: служащие отеля сделают это за тебя, хоть они и мерзкие нелегалы.

Однако по иронии судьбы Мэттью увидел, что две горничные возле лифтов, болтавшие, стоя у своих тележек, принадлежали к белой расе. Благослови их Бог.

Муж и жена, а следом за ними Джошуа пошли по коридору.

– Мы поедем на север, – шепотом объяснял Мэттью. – Я изучил карту. Въезжать в туннели не придется.

– А дорожные посты?

– Что им искать? – резко произнес Мэттью, нажав кнопку вызова лифта. – Нас они не знают, ничего о нас не знают.

Однако дело обстояло не так. Когда Мэттью нетерпеливо тыкал пальцем в кнопку лифта, которая никак не загоралась, две благословенные Богом белые горничные полезли в свои тележки, вынули из них автоматы и наставили их на семью Стэнтонов.

Одна из них, хорошенькая блондинка, закричала:

– Полиция! Всем лечь! Лечь на пол! Держать руки на виду, иначе откроем огонь.

Джош заплакал, Гарриет и Мэттью переглянулись.

– На пол!

– Немедленно!

Из дверей выходили другие полицейские. Стало еще больше оружия и больше шума. Господи, как громко они кричали.

Через несколько секунд Мэттью лег. Однако Гарриет как будто колебалась. «Что она делает? – подумал Мэттью. – Ложись, женщина!» Полицейские кричали ей то же самое.

Она холодно посмотрела на мужа. Он потерял самообладание:

– Я приказываю тебе лечь!

Гарриет вот-вот могли застрелить. На нее смотрели четыре дула, на спусковых крючках лежали четыре пальца. С ненавидящим взглядом она опустилась на ковер, уронив сумочку. Мэттью приподнял бровь, увидев, что оттуда выпал пистолет. Он не знал, что его огорчило больше – что жена носила оружие без его разрешения или что она купила «глок» – хорошее оружие, но изготовленное в чужой стране.

Глава 67

Стоит произнести слово «терроризм», и многие американцы, возможно большинство, подумают о радикальных исламистах, сделавших эту страну объектом нападения за ее сомнительные либеральные ценности и за поддержку Израиля. Однако Линкольн Райм знал, что мусульманские экстремисты составляют ничтожно малую часть людей, имеющих идеологические противоречия с Соединенными Штатами и готовых выражать свои взгляды насилием. И что большинство террористов – типичные белые христиане.

История внутреннего терроризма долгая. В 1886 году на площади Хэймаркет в Чикаго была брошена бомба в полицейских. В 1910-м профсоюзные активисты взорвали редакцию газеты «Лос-Анджелес таймс». Сан-Франциско был потрясен взрывом во время проведения «парада готовности к войне» в знак протеста против предполагаемого вступления США в Первую мировую войну. И в 1920 году бомба в конной повозке возле банка Д. П. Моргана убила десятки людей и ранила сотни. С течением времени политические и социальные противоречия, лежавшие в основе этих и других терактов, не потеряли своей остроты. Собственно говоря, террористические движения росли и благодаря Интернету, где враги-единомышленники могли встречаться и строить планы в относительной безопасности.

Технология уничтожения тоже развивалась, позволяя таким людям, как Унабомбер, терроризировать школы, колледжи и много лет с относительной легкостью избегать ареста. Тимоти Маквей взорвал в грузовике бомбу, уничтожившую федеральное здание в Оклахома-Сити.

Райм знал, что в настоящее время существует около двух десятков внутренних террористических групп, за которыми следят ФБР и местные власти, от «Армии Бога» (противники абортов), «Арийских наций» (белые националисты и неонацисты), «Священства Финееса» (выступают против геев, межрасовых браков, налогообложения, помимо всего прочего антисемиты) до маленьких, неорганизованных экстремистских ячеек, которых полиция называет «гаражные банды».

Кроме того, власти пристально следят за другой категорией потенциальных террористов – боевиков «самообороны». В каждом штате существует, по меньшей мере, одна такая организация. Общая численность боевиков превышает пятьдесят тысяч.

Эти группы более-менее независимы, но их объединяют общие взгляды: федеральное правительство слишком навязчиво и представляет собой угрозу личной свободе. Они требуют снижения или отмены налогов, стоят на позиции христианского фундаментализма, изоляционизма в международной политике, испытывают недоверие к Уолл-стрит и процессам глобализации. Они разделяют и другие сомнительные принципы, такие как расизм, национализм, неприятие абортов, женоненавистничество и антисемитизм, видят угрозу в иммиграции и движениях ЛГБТ, хотя не многие группы включают эти положения в свои уставы.

Особая проблема с такими группами заключается в том, что они представляют собой полувоенные отряды и горячо верят во вторую поправку к Конституции – «Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право

народа хранить и носить оружие не должно нарушаться». Это означает, что они обычно вооружены до зубов. Конечно, не все такие группы являются террористическими организациями – многие утверждают что оружие служит им только для охоты и самозащиты. Однако другие, такие как «Первый совет американских семей» Мэттью Стэнтона, явно настроены иначе.

Почему Нью-Йорк представляет собой особенно привлекательный объект нападения, Райм не понимал (как ни странно, «ополченцы» не трогают Вашингтон). Может быть, он олицетворяет для них все вышеназванные угрозы: здесь полно геев, велик процент иностранцев и иммигрантов, множество либеральных средств массовой информации и транснациональных корпораций. И, может быть, они считают, что «Рокеттс»[20] и Энни Леннокс[21] ведут едва завуалированную социалистическую пропаганду.

Если бы Райм подсчитал количество преступников, которым противостоял за много лет, то, наверное, на первое место поставил бы организаторов антиобщественных беспорядков (то есть психически нестабильных людей), на второе – внутренних террористов, гораздо более многочисленных, чем иностранные заговорщики или члены организованных преступных групп. Вроде пары, с которой он собирался поговорить: Мэттью и Гарриет Стэнтоны.

Райм вместе с полицейскими из ОБР находился на десятом этаже отеля, где остановились Стэнтоны. ОБР проверили все здание и не обнаружили их сообщников. Райм и Сакс и не ожидали, что обнаружат. Судя по документам, в отеле останавливались только Стэнтоны с сыном. Существовал еще один преступник – покойный Икс 5–11, но свидетельств пребывания в Нью-Йорке еще кого-то из их организации не было. После того как Райм и Сакс решили, что Стэнтоны причастны к попытке террористической атаки, они совместно с Бо Хауманном провели тактическую операцию по их задержанию.

Управляющий отеля устроил так, чтобы лифты на десятом этаже не останавливались, и убрал оттуда сотрудников, а полиция эвакуировала добропорядочных постояльцев. Потом женщины из ОБР надели куртки горничных, спрятали автоматы МП-7 в тележки с бельем и ждали у лифтов, пока не появились Стэнтоны. Благодаря неожиданности обошлось без единого выстрела.

Группа по обнаружению и обезвреживанию взрывных устройств осмотрела номер – сюрпризов в виде бомб не оказалось. Собственно говоря, там почти ничего не оставалось. Террористы путешествовали налегке. Сейчас Сакс собирала в номере улики.

Линкольн Райм, включив свой айпод, читал сообщения, отправленные ему в течение последнего получаса из отделения ФБР в Сент-Луисе – ближайшего к дому Стэнтонов и штаб-квартире ПСАС в южном Иллинойсе. Эта группа находилась под наблюдением ФБР и полиции штата – ее членов подозревали в нападениях на геев, представителей национальных меньшинств и в других преступлениях на почве ненависти, но доказать ничего не удавалось. По большей части их считали обычными крикунами. Все решил фактор неожиданности. Власти на Среднем Западе уже арестовали троих членов ПСАС за хранение взрывчатки и автоматов без федеральных лицензий. И поиски продолжались.

Амелия Сакс, сняв рабочий комбинезон, присоединилась к Райму.

– Что-нибудь осталось? – Он взглянул на ящик из-под молочных пакетов, который она принесла. В нем лежало с полдюжины бумажных и пластиковых контейнеров.

– Почти ничего. Много бутылок с водой.

Райм издал смешок.

– Посмотрим, захотят ли наши друзья поговорить с глазу на глаз. – Он кивнул в сторону комнаты для хранения белья, где содержались Стэнтоны до появления агентов ФБР, – расследовать это дело должны были федералы.

Сакс вошла, а Райм въехал в комнату, где сидели задержанные в ножных кандалах и наручниках. Родители и сын – их единственный отпрыск, как выяснил Райм, – ответили им не слишком твердыми взглядами. Их охраняли трое полицейских.

Если Стэнтонов и интересовало то, как Райм узнал, что они сообщники Икса и остановились в этом отеле, они не выказали желания узнать ответ. А ответ был невероятно прост, потому что удалось обойтись без тщательного анализа улик. В рюкзаке Икса 5–11, обнаруженном возле его тела у магистральной водопроводной трубы, оказалась тетрадь, озаглавленная *«Модификация»*, с подробным планом отравления питьевой воды Нью-Йорка. В этой тетради же был заложен листок с адресом отеля. Они знали, что Стэнтоны остановились там, – Гарриет сообщила об этом Сакс. Следовательно, эта пара и Икс знали друг друга. «Нападение» в больнице вовсе не было нападением. Икс, видимо, отправился туда проведать больного коллегу, Мэттью Стэнтона, в кардиологическом отделении.

К тому же, по размышлении, улики, которые могли бы привести к выводу, что Стэнтоны связаны с Икс, все же существовали. Например, на сумке с имплантами в «Бельведере» значился номер – три, наводящий на мысль, что нападение на Александра Брейдена было третьим. Но, если принять всерьез нападение на Гарриет Стэнтон, то на ней должен был стоять номер четыре.

Подобным же образом обнаружились следы косметики Гарриет там, где побывал Икс. Да, он схватил ее в больнице, и какая-то часть этого вещества могла попасть на него, но количество было бы минимальным. Скорее всего, он получил эти следы, проводя время в ее обществе. Кроме того, Райм припомнил следы бахил на местах преступления – это наводило на мысль, что сообщник привозил прожекторы и аккумуляторы уже после убийства. Проверка в отеле показала, что Стэнтонов сопровождал их сын Джош – молодой, физически сильный человек, который легко мог вносить тяжелое оборудование, после того как его кузен заканчивал смертоносную татуировку.

Но иногда судьба играет злую шутку, как в случае с адресом, найденным в вещах Икса.

– Знаете свои права? – спросила Сакс.

Полицейский, стоявший позади Гарриет Стэнтон, кивнул.

Мэттью Стэнтон с длинным бледным лицом проговорил:

– Мы не признаем никаких прав. У правительства нет полномочий разрешать нам что бы то ни было.

– В таком случае, – парировал Райм, – разговор с нами не принесет вам никаких проблем. – Эту логику он счел безупречной. – Сейчас нам нужны только сведения о личности вашего коллеги. Того, у кого был яд.

Лицо Гарриет просияло.

– Значит, он скрылся…

Райм и Сакс переглянулись.

– Скрылся? – переспросил Линкольн.

– Нет, он не ушел, – сообщила Амелия Стэнтонам. – Но у него не было никаких документов, и отпечатков пальцев в картотеке нет. Мы надеемся, что вы будете сотрудничать и…

Улыбка Гарриет исчезла.

– Так вы его арестовали?

– Я думала, вы знаете. Он мертв. Его убила струя воды, когда он просверлил отверстие. Потому что давление в трубах не падало.

Воцарилась полная тишина. Она нарушилась через несколько секунд, когда Гарриет Стэнтон безудержно зарыдала.

Глава 68

– Все позади, – сказала Пам Уиллоуби, бросаясь в объятия Сета Макгуина у парадной двери дома в Бруклин-Хайтс, где она снимала квартиру.

Сет со смехом попятился. Целовались они долго. Небо наконец прояснилось, и на фасад здания лился яркий солнечный свет, красноватый от послеполуденного солнца. Температура, однако, была ниже, чем в прошедшие несколько дней, когда с серого неба падал снег с дождем.

Они вошли в коридор, потом в ее квартиру на первом этаже справа. Даже взгляд на ведущую в подвал лестницу, где Сета чуть не убили, не омрачил ее радости.

Пам чувствовала себя счастливой. Плечи ее больше не сутулились, живот не был сжат, как пружина. Испытания закончились. Наконец она могла вернуться домой без страха, что напавший на Сета ужасный человек вернется. Линкольн Райм сообщил, что Икс мертв, а его сообщники арестованы.

Пам сразу отметила, что эту весть ей сообщила не Амелия Сакс. Ну и пусть. Она все еще сердилась на нее и не была уверена, что сможет когда-нибудь простить Амелию за попытку разрушить ее отношения с любимым человеком.

В гостиной Сет снял куртку, и они бросились на диван. Он обнял ее и притянул к себе.

– Хочешь чего-нибудь? – спросила Пам. – Кофе? У меня есть шампанское или какое-то игристое вино. Осталось с прошлого года. Возможно, еще хорошее.

– Конечно, кофе, чая. Чего-то горячего. – Но не успела Пам встать, как Сет взял ее за руку и внимательно осмотрел. На лице его были облегчение и тревога. – У тебя все хорошо?

– Да. А у тебя? Это ведь тебе тот псих собирался сделать татуировку.

Сет пожал плечами. Пам видела, что он обеспокоен. Она не могла себе представить, каково это – лежать беспомощным, сознавая, что тебя вот-вот убьют, притом очень мучительно. В новостях говорили, что яды, которые использовал убийца, были выбраны именно из-за их страшных симптомов. Во всяком случае, Сет как будто больше не винит ее за это нападение. Пам тогда глубоко ранил его уход. Он ушел от нее, не оглянувшись… Как только она смогла это вынести? Но он ее простил. Все это в прошлом.

Пам пошла на кухню, поставила кипятить воду, приготовила кофеварку.

Сет крикнул:

– А что именно произошло? Ты разговаривала с Линкольном?

– А… – Пам вышла в дверной проем. Лицо ее было серьезным. Она убрала от лица наэлектризованные волосы, заплела их в косичку и забросила на спину. – Это ужасно. Тот человек, что напал на тебя, вовсе не был психом. Он приехал, чтобы отравить водопровод в Нью-Йорке.

– Черт возьми! Вот в чем дело! Я что-то слышал о воде.

– Одна из групп вроде той, где была моя мать. – Пам криво усмехнулась. – Линкольн думал, что убийца помешан на Собирателе Костей. Но оказалось, дело совсем в другом: он готовился совершить нападение, которое моя мать планировала в прошлом. Старался выяснить, как Линкольн с Амелией будут вести расследование. Он был очень расстроен, что сразу не догадался. Я говорю о Линкольне. Он очень злится, когда допускает ошибки.

Чайник засвистел, Пам бросилась обратно в кухню и налила кипяток в кофейник. Шипение, звук пенящейся жидкости были утешающими. Она приготовила кофе так, как нравилось Сету, – два кусочка сахара и немного сливок. Сама она пила черный.

Пам принесла чашки в комнату и села рядом с Сетом. Их колени соприкасались.

Сет спросил:

– Кем именно они были?

Она стала припомнать.

– Они были из этого, как его? Совета американских семей. Что-то в этом роде. Не похоже на «ополчение». – Пам рассмеялась. – Может, над их имиджем поработали специалисты по рекламе?

Сет улыбнулся.

– Ты слышала о них, когда вместе с матерью скрывалась в Ларчвуде?

– Не думаю. Линкольн сказал, что эти люди из южного Иллинойса. Это недалеко от того места, где жили мы с матерью. Помню, что мать и отчим иногда встречались с людьми из других групп, но я не обращала на это внимания. Я ненавидела их всех. Отчаянно ненавидела. – Пам замолчала.

– Но тату-мастер, убийца, мертв, а остальные арестованы.

– Да. Муж с женой и их сын. Полиция до сих пор не знает, кем был человек, убитый в туннеле. Татуировщик.

– Ты все еще не разговариваешь с Амелией?

– Нет, – ответила Пам. – Не разговариваю.

– Ничего, скоро отойдешь.

– Не скоро, – твердо ответила девушка.

– Она меня недолюбливает.

– Нет! Дело не в этом. Просто она обо мне беспокоится. Будто я маленькая девочка и ничего не понимаю. Господи…

Сет поставил чашку.

– Что, если мы поговорим о кое-чем серьезном?

– Давай. – Пам напряглась.

Сет рассмеялся.

– Успокойся. Я решил, что нам нужно отправиться в путь пораньше. Прямо сейчас.

– Правда? Но у меня еще нет паспорта.

– Думаю, какое-то время можно будет провести в Штатах.

– А… Знаешь, я думала, что мы поедем посмотреть Индию. Потом Париж, Прагу и Гонконг.

– Непременно. Только не сейчас.

Пам задумалась. Потом встретила твердый взгляд его темно-карих глаз и сказала:

– Ладно. Конечно, малыш. Где бы ты ни был, я хочу быть с тобой.

– Я люблю тебя, – прошептал Сет и крепко поцеловал ее.

Она, обняв его, ответила на поцелуй.

Потом Пам подалась вперед и отпила кофе.

– Чипсов? Я лично не прочь. Или пиццы?

– Конечно.

Пам поднялась и пошла в кухню, открыла холодильник, достала пиццу, поставила на кухонный стол и прислонилась к стене. У нее бурлило в животе, колотилось сердце.

«Откуда, черт возьми, Сет знает о Ларчвуде? – Она стала усиленно вспоминать историю их отношений. – Нет, я ни разу не упоминала Ларчвуд. Это точно».

– Тебе нужно рассказать Сету все о своей жизни в подполье.

– Нет. Не нужно.

Думай, думай…

– Помочь? – донесся голос Сета.

– Нет. – Пам с шумом разорвала картонную коробку с пиццей, захлопнула дверцу духовки.

Этого не может быть. Он никак не может быть связан с этими людьми. Невозможно.

Но интуиция Пам, обостренная многолетней борьбой за выживание, взяла верх. Она подошла к проводному телефону и подняла трубку. Поднесла ее к уху. Нажала девятку. Потом единицу.

– Кому звонишь? – Сет стоял в дверном проеме кухни.

С улыбкой на лице девушка повернулась к нему, заставляя себя держаться естественно.

– Мы ведь говорили об Амелии. И я подумала, что, может, следует извиниться. Я думаю, мысль хорошая. А ты? То есть ты не стал бы извиняться на моем месте?

– Правда? – спросил он без улыбки. – Ты звонила Амелии?

– Да, ей.

– Положи трубку, Пам.

– Я…

У нее пропал голос, когда он уставился ей в глаза своими суровыми карими глазами. Однако она все еще держала большой палец над одной из кнопок телефона. До того, как она успела ее нажать, Сет шагнул вперед, вырвал трубку у нее из руки и положил на рычаг.

– Что ты делаешь? – прошептала Пам.

Но Сет не ответил, крепко взял ее за руку и отвел обратно на диван.

Глава 69

Сет подошел к входной двери, запер ее на цепочку и возвратился. Потом горестно улыбнулся.

– Даже не верится, что я сболтнул про Ларчвуд. Я знал, что вы с матерью жили там у «Патриотов границы». Но ты ни разу не упоминала об этом. Глупо с моей стороны допустить такую ошибку.

– Это была одна из причин, почему мы с Амелией спорили, – прошептала Пам. – Она спросила, рассказала ли я тебе о своей жизни там. Я ответила, что это не имеет значения. Но в действительности я боялась тебе говорить. А теперь… Ты один из них, так ведь? Ты сотрудничал с людьми, которые хотели отравить воду?

Сет взял пульт от телевизора, чтобы включить новости. Пам воспользовалась этим, спрыгнула с дивана и с силой оттолкнула его. Он попятился, а она бросилась к двери. Но едва она сделала два шага, как Сет сбил ее с ног. Пам упала, ударившись лицом о пол, и ощутила вкус крови из разбитой губы. Он схватил ее за шиворот, грубо подтащил к дивану и буквально швырнул на него.

– Больше не делай этого. – Подавшись к ней, Сет обмакнул палец в ее кровь и что-то нарисовал на ее лице. И зашептал: – Знаки на теле – это окна, понимаешь? Открывающие, кто ты и что чувствуешь. В некоторых индейских племенах использование краски – это просто временная

татуировка – было способом сказать всем, что чувствуешь. Воины не могли выражать эмоции словами или лицом – этого не было в индейской культуре, – но могли использовать нанесенные на тело рисунки, показывая таким образом, что они влюблены, или печальны, или гневны. Даже если ты потеряла ребенка, тебе нельзя было плакать. Нельзя реагировать. Но можно было раскрасить лицо. И все знали, насколько ты опечалена. Сейчас на твоем лице я вывел знаки, которые в племени лакота означают «Счастлива». – Потом Сет полез в рюкзак, достал рулон клейкой ленты и портативную тату-машинку. Сделав это, он засучил рукава.

Пам поймала себя на том, что неотрывно глядит на его татуировку. Она была красной. Пам не могла видеть все изображение, но на открывшейся части были голова и верхняя часть туловища многоножки. Ее слишком уж человеческие глаза глядели на нее так же, как теперь Сет: с выражением голода и презрения.

– Это ты татуировал тех людей, – произнесла Пам слабым шепотом. – Убивал их.

Сет не ответил.

– Откуда ты знал эту пару? Этих террористов?

– Я их племянник.

Сет – нет, не Сет, у него явно было другое имя – собирал тату-машинку. Пам неотрывно смотрела на его руку с татуировкой. Казалось, насекомое тоже глядит на нее.

– А, это? – Он задрал рукав. – Это не татуировка. Просто рисунок, нанесенный смываемыми водой чернилами. Кое-кто из татуировщиков наносит таким образом контуры. – Он облизнул свой палец и потер рисунок. – Когда я был Подпольщиком – выходил на охоту, – то рисовал ее на руке. Когда становился твоим другом Сетом – смывал. Она нужна была лишь для того, чтобы ее видели свидетели. И чтобы твои друзья-полицейские – и ты – радовались, что новый мужчина в твоей жизни, я, не тот самый убийца.

Пам заплакала.

– Губа болит? Ты хотела убежать. – Он пожал плечами. – Разбитая губа ничто по сравнению с…

– Ты безумец!

Его глаза вспыхнули, и он двинул ее кулаком в живот. Комната полыхнула желтым, и Пам застонала от боли, но сдержала почти неодолимый позыв к рвоте.

– Не говори со мной так. Поняла? – Он схватил ее за волосы, приблизил свой рот к ее уху и крикнул так громко, что у нее заболели уши: – Поняла?

– Да, да, да! Перестань, пожалуйста, – прорыдала Пам. Потом прошептала: «Кто, кто ты?», но сдержанно, опасаясь нового удара: его глаза были безумными.

Он оттолкнул ее. Пам упала на пол. Он грубо поднял ее, стянул клейкой лентой руки за спиной и перевернул ее на спину.

– Меня зовут Билли Хейвен. – Он продолжал доставать какие-то пузырьки и собирать тату-машинку. Глянул на нее и увидел выражение полного замешательства.

– Но я не понимаю. Я разговаривала по телефону с твоей матерью, она… А, да, да, это была твоя тетя.

Он кивнул.

– Но я знала тебя целый год. Даже дольше.

– О, мы давно планировали это нападение. И я планировал навсегда вернуть тебя в свою жизнь. Моя Очаровательная Девушка.

– Очаровательная девушка?

– Похищенная у меня. Не физически – духовно. Тебя похитили Амелия и Линкольн. Заблуждающиеся мыслители этого мира. Ты не помнишь меня. Естественно. Мы встречались давным-давно. Вечность тому назад. В раннем детстве. Вы жили в Ларчвуде, той группой руководили мистер и миссис Стоун.

Пам вспомнила Эдварда и Кэтрит Стоун. Крайних радикалов, бежавших из Чикаго, где они вели пропаганду насильственного свержения федерального правительства. Мать Пам, Шарлотта Уиллоуби, попала под их влияние после того, как ее муж, отец Пам, служивший в войсках ООН, погиб во время миротворческой операции.

– Тебе было шесть лет или около того. Я был несколькими годами старше. Мои тетя и дядя приехали в Миссури для встречи со Стоунами по поводу кампании против абортов. Несколько лет назад мой дядя хотел укрепить связь между ларчвудской группой и Первым советом

американских семей. Таким образом Стоун и мой дядя условились о нашем браке.

– Что?

– Ты была моей Очаровательной Девушкой. Со временем должна была стать моей женщиной, матерью наших детей.

– Словно я была какой-то коровой, какой-то…

Быстро, словно змея, он нанес ей удар кулаком в щеку. От боли она шумно втянула воздух.

– Больше предупреждать не буду. Я твой мужчина, и я главный. Понятно?

Пам съежилась и кивнула.

– Ты не представляешь, что я пережил, – продолжал он. – Тебя отняли у меня. Устроили тебе промывание мозгов. Казалось, мой мир перестал существовать.

Очевидно, это было, когда Пам, ее мать и отчим приехали в Нью-Йорк несколько лет назад. У ее родителей был другой террористический план, но Линкольн и Амелия помешали его осуществить. Отчим был убит, мать арестована. Пам спасли и отдали приемным родителям в Нью-Йорке.

Она вспомнила тот день, когда они с Сетом познакомились. Да, подумала девушка, он показался ей слишком фамильярным, слишком предупредительным, слишком влюбленным. Но она все равно потеряла голову. Да, признала Пам теперь, пожалуй, Амелия была права, что из-за пережитого в ранние годы она отчаянно нуждалась в привязанности, в любви. И поэтому не обращала внимания на то, что следовало замечать.

Теперь Пам смотрела на тату-пистолет, на сосуды с ядом и вспоминала, что его жертвы умирали в мучениях. Какой яд он выбрал для нее?

Вот что, разумеется, ей уготовано. Он убьет ее, потому что, как сказал Линкольн, ей, возможно, придется на суде выступить свидетельницей против Стэнтонов. И потому, что их план провалился и его тетя с дядей уже никогда не выйдут из тюрьмы. Он хочет мести.

Он снова посмотрел на знак, который нарисовал на ее щеке ее собственной кровью.

Счастлива…

Пам вспомнила, как в один дождливый вечер они сидели на этом самом диване, смотрели по телевизору повтор сериала «Сайнфилд», и Сет впервые поцеловал ее. И она подумала: «Я влюбилась».

Ложь. Все ложь. Пам вспомнила месяцы, которые он провел в Лондоне на учебе от рекламного агентства, открывавшего филиал в Нью-Йорке. Вранье. Он был с тетей и дядей, планировал это нападение. А потом, когда он вернулся якобы из Англии, она не задумывалась о его странном поведении. Задания, из-за которых он где-то пропадал, телефонные звонки, на которые он не отвечал при ней. Он неожиданно уходил на встречи, не знакомил ее с коллегами, не приглашал в контору. Они общались краткими эсэмэсками, а не телефонными звонками. Но Пам ничего не подозревала. Она любила его, и Сет не делал ничего такого, что могло причинить ей боль.

Усилием воли девушка перестала плакать. Это оказалось легче, чем она думала. Гнев остановил слезы.

Сет… *Билли* наполнял трубку жидкостью из бутылочки. Пам не могла представить, каково это – умирать таким образом. Боль. Тошнота, сильное жжение в животе, подступающее к горлу, рвота, не приносящая облегчения. Кожа размягчается, кровь идет изо рта, из носа, глаз…

Билли задумчиво произнес:

– Тяжело на душе из-за кузена. Джош, бедняга Джош. Жаль его. Остальные? О них я не беспокоюсь. Дядя должен был скоро умереть. Так было запланировано. Тетю я собирался убить, как только мы вернулись бы в Иллинойс. Взвалил бы вину за смерть обоих на какого-нибудь бездомного, может быть, нелегала. Но когда я увидел, что давление в трубах не упало, я понял, что Райм разгадал этот план и мне нужно их выдать. На том месте я оставил записку с адресом отеля. Так их и нашел Линкольн.

Билли работал тщательно, наполняя трубку с осторожностью хирурга. Он и есть хирург в своем роде, подумала Пам. Работающий на аккумуляторах тату-пистолет был безукоризненно чистым. Собрав устройство, Билли снова сел и задрал ее рубашку до грудей. Оглядел ее тело, казалось, зачарованный ее кожей. Пам содрогнулась, когда он погладил ее ниже пупка. Словно касался ее не пальцами, а красными ножками насекомого.

Но в его прикосновении не было ничего чувственного. Он был увлечен только ее кожей.

Пам спросила:

– Кто это был? Тот, кого ты убил в водопроводном туннеле?

– А ну заткнись! – крикнул Билли.

Пам содрогнулась. Он ее ударит?

– Я его не убивал. Его убил твой друг. Линкольн Райм. Это он объявил, что давления в трубах нет. Но я не поверил. Мне требовалась гарантия. Несколько дней назад я встретил под землей бездомного. Натана. Одного из людей-кротов. Слышала когда-нибудь о них? Я подумал, что есть смысл его использовать. Дал ему комбинезон, быстро наколол многоножку, такую, как у меня на левой руке. Я знал, где он обитает – неподалеку от «Бельведера», – поэтому перед тем, как сверлить трубу, нашел его. Я предложил ему тысячу долларов, чтобы он помог мне просверлить отверстие, взять воду на анализ. Натан согласился. Но, – Билли покачал головой, – я был прав. Власти блефовали насчет того, что давление перекрыто. Как только Натан просверлил трубу, струя воды разрезала его пополам. – Он пожал плечами. – Грудь вместе с головой отделилась от тела. Неприятно было это видеть…

По крайней мере, у него было немного сочувствия.

– … зная, что на его месте мог быть я.

А может, и не было.

– Тут я понял, что пора скрываться. Полиция быстро выяснила бы, что это не я, но мне удалось выиграть какое-то время. Ладно, время пролить кровь…

Потом он сказал еще что-то. Она толком не расслышала. Как будто «олеандр». Билли встал, оглядел ее. Потом нагнулся и схватил пуговицу ее джинсов. Пуговица расстегнулась, застежка молнии поползла вниз.

Нет, нет, он не собирался брать ее. Пам прокусила бы зубами его драгоценную кожу, не дав приблизиться. Ни в коем случае.

Джинсы быстро съехали. Пам напряглась, готовясь дать отпор. Но он не коснулся ее там, лишь погладил гладкую кожу бедер. Казалось, ему нужно было только найти подходящее место для того, чтобы выколоть смертоносное сообщение.

– Превосходная, превосходная…

Билли поднял тату-пистолет и включил его, коснулся устройством ее кожи. Сперва ей стало щекотно. Потом больно.

Глава 70

Цель террористической акции Первого совета американских семей теперь стала ясна. Среди документов в карманах мертвого Икса Сакс помимо названия отеля Стэнтонов нашла в спешке написанное письмо. Оно напомнило Райму манифест Унабомбера – обвинение современному обществу. Разница заключалась в том, что в писанине Икса не было расистских и фундаменталистских взглядов ПСАС; собственно говоря, совсем наоборот. После отравления, жертвой которого стал бы весь город, полиция должна была найти этот документ, якобы написанный врагами – какой-то неназванной коалицией негритянских и южноамериканских активистов, объединенной с мусульманскими фундаменталистами. Все они брали на себя ответственность за это преступление, посредством которого сводили счеты с белыми угнетателями-капиталистами. В этом заявлении содержался призыв к восстанию и утверждалось, что отравление – только начало.

Предложить такую версию было довольно умно, решил Райм. Это сняло бы подозрение с ПСАС и возбудило бы враждебные чувства к врагам Совета. А также нанесло непоправимый ущерб средоточию пороков Нью-Йорку – оплоту глобализации, расового смешения и либерализма.

Однако Райм подозревал, что целью было не только это.

– Силовые игры внутри движения «ополченцев»? Если бы стало известно, что эту операцию провела ПСАС, их акции взлетели бы до небес.

Позвонили из Федерального агентства на Манхэттене.

– Линкольн, Стэнтоны засунули языки в задницу, – сообщил Фред Деллрэй, агент ФБР, ведущий расследование попытки теракта.

Супружеская пара с сыном находилась у федералов, но, как следовало из слов Деллрэя, отказывалась от сотрудничества.

– Что ж, Фред, допроси их с пристрастием. Я хочу знать, кем, черт возьми, был наш Икс. Отпечатков его пальцев в картотеке нет, ДНК в базе данных отсутствует.

– Я видел фотографии вашего парня в туннеле после столкновения со струей воды. Жуть! Что говорят водопроводчики, вода уйдет скоро?

Телефон был включен на громкую связь, и Сакс крикнула от стола с уликами:

– Они не знают, Фред, но после того, как струя разрезала его надвое и пробила бетонную стену и паровую трубу на другой стороне туннеля, мне пришлось уносить оттуда ноги, пока не обварилась.

– Нашла в туннеле что-нибудь полезное?

– Почти ничего. Там было сыро и душно.

Сакс рассказала ему о письме, которое должно было послужить толчком к беспорядкам на почве расовой ненависти.

Агент вздохнул.

– Только начнешь думать, что мир меняется…

– Фред, мы обработаем улики и свяжемся с тобой.

– Большое спасибо.

Связь прекратилась, и Сакс вернулась помогать Мелу Куперу анализировать трасологические следы и проверять отпечатки пальцев из номера, где останавливались Стэнтоны. В картотеке нашелся только один комплект, но они уже знали имя преступника: Джошуа Стэнтон подвергался аресту в округе Клейтон за избиение гея. Преступление на почве ненависти.

Райм посмотрел на фотографии с места преступления – к ужасным картинам он был невосприимчив. Еще раз взглянул на зловещую татуировку – красную многоножку на левой руке. Глаза казались почти человеческими. Сакс сказала ему, что татуировка очень хорошо выполнена. «Он сам наколол ее? – подумал Райм. – Или друг? Возможно, сам. Это был предмет его гордости».

Сакс ответила на телефонный звонок.

– Нет, нет! – Ее громкий шепот привлек внимание всех находившихся в комнате. На лице Амелии отразился испуг.

«Что там еще?» – нахмурившись, подумал Райм.

Она положила трубку и обвела всех взглядом.

– Лону стало хуже. У него остановилось сердце. Его реанимировали, но положение неважно. Мне нужно побыть с Рейчел.

– Поезжай, Сакс. Мы здесь все сделаем сами. – Райм заколебался. Потом спросил: – Позвонишь Пам, узнаешь, захочет ли она поехать с тобой? Лон ей всегда нравился.

Снимая с вешалки куртку, Сакс помедлила. Наконец ответила:

– Нет. Честно говоря, не думаю, что смогу перенести еще один отказ.

Глава 71

Однако Билли как будто не собирался ее убивать. Во всяком случае, пока. Тату-пистолет он зарядил краской, а не ядом.

– Перестань дергаться, – приказал он, стоя на коленях перед диваном, на котором она лежала.

– Рукам больно, – проговорила Пам. – Прошу тебя, сними ленту. Пожалуйста.

– Нет.

– Тогда свяжи их впереди.

– Нет. Лежи тихо.

Он свирепо посмотрел на нее, и девушка перестала извиваться.

– Что, черт побери…

Еще одна сильная пощечина.

– Нам нужно сохранять имидж. Поняла? Никогда больше не чертыхайся и не говори таким тоном! – Билли схватил ее за волосы и затряс, как лисица добычу. – Отныне твоя роль – быть моей женщиной. Наши люди будут видеть тебя рядом со мной – верную жену. – Он продолжил наносить татуировку.

Пам хотелось закричать, но она была уверена, что тогда он точно изобьет ее до полусмерти. К тому же в здании никого не было. Одна квартира пустовала, другие жильцы отправились в круиз.

Билли рассеянно говорил ей:

– Нам потребуется на время уйти в глубокое подполье. Тетя с дядей меня не выдадут. Но кузен Джошуа? Его хитростью заставят сказать все, что он знает. Про меня в том числе. Это просто вопрос времени. Нам нельзя возвращаться в южный Иллинойс. Твой друг Линкольн заставит ФБР

арестовать всю верхушку ПСАС. И снова заподозрит «ополченцев» из Ларчвуда, так что Миссури тоже исключается. Придется отправиться куда-то еще. Может, в «Ассамблею патриотов» на севере штата Нью-Йорк. Их сейчас не беспокоят. – Он повернулся к ней. – Или в Техас. Там есть люди, которые помнят моих родителей как мучеников борьбы за свободу. Мы сможем пожить у них.

– Но, Сет…

– Мы заляжем на дно на несколько лет. Назовешь меня еще раз Сетом – я тебя изобью. Я смогу зарабатывать деньги татуировкой. Ты будешь преподавать в воскресной школе. Мало-помалу мы поднимемся на поверхность. С новыми именами. С ПСАС теперь покончено, но, может, оно и к лучшему. Мы пойдем дальше, организуем новое движение. И сделаем куда лучшую работу. Так, как нужно. Определим наших женщин в школы – я имею в виду не церковные, а общественные и частные. Пусть рожают детей в юные годы. Приобщают их к делу. Мы, мужчины, будем выставлять свои кандидатуры на должности, пусть поначалу незначительные, в городах и округах. Потом станем подниматься выше. О, это будет совершенно новый мир. Ты сейчас так не думаешь, но со временем станешь гордиться тем, что ты его часть.

Билли отвел машинку от ее ноги, осмотрел работу и продолжил:

– Мой дядя отсталый во многих отношениях. Но и у него был свой звездный час. Он придумал Принцип кожи. Читал лекции о нем по всей стране – в других группах, на церковных службах, в охотничьих лагерях. – Глаза Билли засверкали. – Принцип кожи… Это блестяще. Только подумай: кожа говорит нам о нашем физическом здоровье, так? Она румяная или бледная. Яркая или тусклая. Сухая или эластичная. Покрытая сыпью или чистая… Она говорит и о нашем духовном развитии. Интеллектуальном. Эмоциональном. Белая – хорошая, благородная. Черная, коричневая и желтая – губительна и опасна.

– Неужели ты это всерьез?

Он сжал кулак, Пам съежилась и замолчала.

– Ты хочешь доказательств? Вчера я был в Бронксе, и один тип остановил меня. Молодой человек примерно твоих лет. У него на лице были келоидные рубцы – шрамы, похожие на татуировки. Красивые. Их сделал настоящий художник. – Билли отвел взгляд в сторону. – И знаешь, почему он остановил меня? Чтобы продать наркотики. Вот правда о таких людях. Принцип кожи. Его не обманешь.

Пам с горечью засмеялась.

– Чернокожий парень хотел продать тебе наркотики в Бронксе? Знаешь что? Поезжай в Западную Виргинию, там их продать тебе попытается какой-нибудь белый парень.

Билли не слушал.

– О Гитлере велся спор: действительно ли он ненавидел евреев, педиков, цыган и хотел, уничтожив их, сделать мир лучше? Или же они были ему безразличны, но он считал, что немцы их ненавидят, и воспользовался этой ненавистью и страхом, чтобы захватить власть?

– Ты видишь в Гитлере образец для подражания?

– Есть и худшие образцы.

– Вот как? Билли, что тебе нужно? Ты действительно веришь в Принцип кожи или используешь его для власти, для себя, для самолюбия?

– Разве не ясно? – Он хохотнул. – Ты достаточно умна, Пам.

Она промолчала, и Билли стер с ее щек слезы боли. И Пам поняла ответ. С ней что-то произошло, ударило, как его кулак. Она вспомнила о блоге, который они вели вместе с Сетом, и прошептала:

– А как же наш блог? Он противоположность всему, что ты говоришь. Зачем… зачем ты создал этот блог?

– Как ты думаешь? Каждый, кто отправляет благоприятный отзыв, попадает в наш список. Сторонники абортов, сторонники талонов на питание, сторонники иммиграционной реформы. Их судный день близится.

Что-то отправили на этот сайт около пятнадцати тысяч человек. Что их ждет? Он будет выслеживать их и убивать? Поджигать их дома или квартиры?

Билли отложил тату-пистолет и смазал вазелином наколку на ее бедрах. Потом улыбнулся и произнес:

– Посмотри. Что скажешь?

Читая сверху вниз, Пам увидела у себя на бедрах два слова.

ПАМ

УИ

Черт взьми, что он сделал? Что имел в виду?

Билли спустил свои джинсы, и она увидела наколки на его бедрах, сделанные тем же шрифтом.

ЕЛА

ЛЬЯМ

Вместе они читались:

ПАМ ЕЛА

УИ ЛЬЯМ

– Мы называем их разделителями. Любовники выкалывают на теле друг друга части своих имен. Их можно прочесть, только когда она вместе. Это мы, понимаешь? Порознь нам чего-то не хватает. Вместе мы одно целое. – На его землистом лице промелькнуло подобие улыбки.

– Любовники? – прошептала Пам и посмотрела на его наколки – они были сделаны несколько лет назад.

Он внимательно посмотрел на ее смущенное лицо. Натянул свои, потом ее джинсы, застегнул молнии и пуговицы.

– Я знал, что когда-нибудь верну тебя. – Билли указал на места наколок. – «Памела». «Уильям». Хорошая деталь, тебе не кажется? Наши имена будут полными, когда мы ляжем вместе, чтобы зачать наших детей. – Он заметил на ее лице испуг.

– Почему у тебя такой вид? – Билли словно обращался к дочери, расстроенной неудачным днем в школе.

– Я любила тебя! – выкрикнула она.

– Нет, ты любила кого-то, представлявшего собой часть раковой опухоли этой страны. – Взгляд его смягчился, и он зашептал: – А как же я, Пам? Женщина, которую я любил всю жизнь, оказалась врагом. Они отвратили от меня твой разум, твое сердце.

– Никто меня не менял. Я никогда не разделяла веры моей матери. Твоей веры.

Билли погладил ее по голове, улыбнулся и негромко заговорил:

– Тебе устроили промывание мозгов. Понимаю. Я исправлю тебя, милая. Верну в лоно церкви. А теперь давай собираться.

– Хорошо, хорошо.

Он поднял ее на ноги. Пам повернулась и посмотрела ему в глаза.

– Знаешь, Билли… – мягко начала она.

– Что? – Он как будто с удовольствием увидел ее улыбку.

– Тебе следовало проверить мои карманы. – Пам выбросила правую руку к его лицу, крепко, как только могла, держа выдвижной нож, которым разрезала клейкую ленту. Этот нож она постоянно носила в набедренном кармане после тех ужасных дней в Ларчвуде.

Лезвие прошлось по щеке и губам Билли. Но не с чавкающим звуком, как в кино. Это было беззвучное рассечение плоти.

Когда он взвыл и, схватившись за лицо, отвернулся, Пам перепрыгнула через журнальный столик и бросилась к входной двери с криком:

– Это модификация тебе, идиот.

Глава 72

Руки Пам были скользкими от крови Билли, но она распахнула дверь и, спотыкаясь, выскочила в коридор. Она выбежит на улицу и начнет кричать изо всех сил. Пусть в доме некому услышать ее просьбы о помощи, но ведь вокруг много соседей.

Десять футов, пять футов… Есть! Она сейчас…

Но тут его пальцы схватили ее за щиколотки, и она с криком упала на пол вестибюля. Голова ее ударилась о доски, нож вылетел из руки. Пам изогнулась, повернулась лицом к Билли и принялась яростно пинаться, метя ему в пах.

Его лицо было изуродовано – ее это и радовало, и пугало. Разрез начинался под глазом и шел до середины щеки. Пам надеялась ослепить его, но он, похоже, хорошо видел. Кровь все еще лилась из щеки и пузырилась на губах. Девушка понимала, что прорезала щеку насквозь. Она не могла разобрать, что он говорил. Угрожал, само собой. Он был в ярости.

Кровь залила ее куртку, руку, ладонь. Все лицо было в мелких кровавых брызгах. Билли, судя по ужасающему выражению лица, испытывал невыносимую боль.

Отлично!

Пам перестала отбиваться. Он слабел, но был все еще гораздо сильнее ее. «Беги, – мысленно сказала она себе. – Черт возьми, вырвись на улицу!»

Упираясь руками в пол, она смогла отодвинуться примерно на фут от него, ближе к двери. Но он остановил ее, перевернул на спину, нанес удар в солнечное сплетение, снова заставив выдохнуть из легких весь воздух и согнуться. Она тут же вырвалась – окровавленные руки у него стали скользкими – и поднялась на колени. Но ярость придала ему силы. Билли уперся ногой о стену, прыгнул вперед и ухватил ее руками за горло. Пам вновь оказалась на спине, ловя ртом воздух. Она опять ударила ногой и угодила коленом ему в пах. Билли ахнул, с силой вдохнул и начал выкашливать кровь. Снова сел на нее. Хватка его ослабла, он откинулся назад, стал бить ее по щеке и челюсти, гневно изрыгал слова, которые она не могла разобрать, и продолжал пачкать ее кровью.

Пам пыталась снова пнуть его, ударить рукой, но не могла использовать собственный вес. И все время ловила ртом воздух, стараясь вдохнуть и позвать на помощь. Но ничего не получалось.

Рана на его лице была жуткой, но поток крови замедлялся, она запекалась вокруг раны, словно темно-бордовый лед. Теперь Пам сумела разобрать: «Как ты могла это сделать?» Билли произнес еще какие-то слова, но они были отрывистыми, шипящими и неразборчивыми. Он выплюнул кровь.

– Какая ты дура, Пам! Тебя уже невозможно спасти. Я должен был это понять. – Он наклонился, схватил ее за горло и стал сжимать пальцы.

Стук у нее в голове усилился, боль нарастала, никак не удавалось вдохнуть. В висках и лице пульсировала кровь. В коридоре начало темнеть.

Ну и ладно, сказала она себе. Лучше умереть, чем возвращаться в «ополчение» и жить так, как того потребует Билли. Это лучше, чем быть «его женщиной».

Ей вспомнилось, как мать, Шарлотта, разговаривала с ней, четырехлетней:

– Мы едем в Нью-Йорк по важному делу, милая. Оно будет вроде игры. Я буду Кэрол. Если услышишь, что меня так назвали, и скажешь, что меня зовут по-другому, я запорю тебя до полусмерти. Понимаешь, милочка? Я возьму хлыст. Сперва тебе будет хлыст, потом чулан.

– Да, мама. Я буду хорошей.

И Пам поняла, что умирает, потому что все вокруг нее стало светлым, блестяще-светлым, красновато-светлым, слепящее-светлым. И она едва не засмеялась, подумав: «Может быть, я ничего не знала про Бога? Я вижу небесный свет». Или адский, или какой-то еще.

Потом она ощутила легкость, и ее душа начала подниматься. Но нет, нет, нет… Просто Билли слез с нее, встал, схватил и поднял выдвижной нож. Он хочет перерезать ей горло.

Губы его зашевелились – он что-то сказал. Пам не расслышала. Но зато явственно услышала два громких хлопка, затем третий – от парадной двери многоквартирного здания. Увидела, что источником света было солнце: солнечный свет лился на обращенный к западу фасад. Разглядела силуэты двух мужчин с пистолетами в руках. Обратив потом взгляд на Билли, Пам заметила, как он пятится, шатаясь и держась за грудь. Его рассеченный рот широко раскрылся.

Билли посмотрел на нее, выронил нож, неуклюже сел, потом повалился на бок. Захлопал глазами, казалось, удивленно. Что-то прошептал. Руки его дернулись.

Потом полицейские вошли в коридор, подхватили, подняли на ноги и повели к парадной двери. Пам, однако, вырвалась, должно быть, удивив их своей силой. «Нет», – прошептала она, повернулась и посмотрела в глаза Билли. Пам смотрела, пока его взгляд не стал рассеянным, а зрачки не потускнели. Глубоко вдохнув, она немного подождала, потом отвернулась, а полицейские подошли к телу Билли, держа наготове пистолеты. Официальная процедура, догадалась Пам, ведь было ясно, совершенно ясно, что он больше не представляет собой угрозы.

Глава 73

Медики оказали помощь Пам Уиллоуби, и она вышла из дома на холодную, светлую улицу. Сидя в кресле-каталке на тротуаре, Линкольн Райм видел, как Амелия Сакс сделала шаг вперед, чтобы обнять ее, но потом остановилась. Отступила назад и опустила руки, когда Пам лишь холодно кивнула ей в знак приветствия.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Райм.

– Прихожу в себя, – мрачно ответила молодая женщина.

Райм больше не мог думать о ней как о девочке. Ему рассказали, как она сражалась с Иксом, и он гордился ею.

Почему-то Пам все время потирала кулаками переднюю сторону бедер. Это напомнило ему, как Амелия Сакс иногда машинально трогала собственное тело. Заметив его взгляд, Пам объяснила:

– Он сделал мне татуировку. Но не ядом. Это обычная татуировка. Раньше он выколол у себя на ногах части своего и моего имени, а теперь остальные части у меня.

Райм вспомнил, что Т.Т. Гордон назвал их «разделителями», которые любовники выкалывают друг другу.

– Я… – Она сглотнула. – Я испытываю гадливость.

– Я знаю человека, который может их удалить. У меня есть его телефон.

Если Т.Т. Гордон умел делать наколки, то наверняка умел и удалять их.

Пам кивнула и снова машинально принялась тереть бедра.

– Он говорил ужасные вещи. Похоже, планировал стать новым Гитлером. Собирался убить дядю с тетей и создать свое собственное движение. Знаешь, моя мать была далеко не так умна. Она болтала, болтала, и ее слова не воспринимались всерьез. Но Билли был на голову выше. Он учился в колледже. Хотел организовать школы и внушать детям свои взгляды. Говорил о Принципе кожи. Я видела, что он помешан на нем. Настоящий расизм.

– Принцип кожи, – задумчиво произнес Райм.

Это совпадало с манифестом, который террористы хотели оставить на месте отравления воды. Ему вспомнились слова Терри Добинса:

«Если сможете выяснить, почему он так увлечен кожей, это будет ключом к пониманию всего дела…»

Пам продолжала:

– И он был одержим мыслями обо мне все эти годы. – Она рассказала о помолвке, о том, что Билли приехал в Нью-Йорк год назад, планируя нанести удар по городу и соблазнить ее. Ее затрясло.

– Хочешь сесть в машину? – спросил Райм, указав подбородком на автомобиль, который подогнал Том. Квартира Пам была опечатана для осмотра места преступления, а она явно замерзла: ее нос и глаза покраснели, кончики пальцев тоже.

– Нет, – ответила Пам, не задумываясь. Ей казалось спокойнее на солнечном свете, несмотря на холод. – Вы схватили их всех?

– Похоже, всех, кто был здесь, в Нью-Йорке, – ответил Райм. – Мэттью и Гарриет Стэнтонов, их сына Джошуа.

Поисковая группа нашла на теле Икса его подлинные документы. Уильям Хейвен, двадцати пяти лет. Тату-мастер, живший в городе Саут-Лейкс, штат Иллинойс.

Райм продолжал:

– Сейчас ведется работа со всеми их документами, записями, телефонами, компьютерами. Мы арестовали нескольких заговорщиков в южном Иллинойсе, но будут и еще аресты. Взрывные устройства, хоть и не были приведены в готовность, оказались настоящими: порох, детонаторы и пусковые схемы, включаемые по сотовому телефону. Тот, кто их изготовил, знал свое дело.

– Если это такая же подпольная группа, как та, в которой состояла моя мать, «Патриоты границы», к этому могут оказаться причастны десятки людей. Они всегда встречались поздно ночью, сидели на кухнях, пили кофе и строили свои гнусные, мелкие планы… Линкольн, – позвала Пам.

Он приподнял бровь.

– Как ты узнал? О Сете… чтобы отправить сюда полицию…

– Я не знал. Но заподозрил, когда мне пришло в голову: как Икс узнал о Тэ-Тэ Гордоне?

– О ком?

– О тату-мастере, которого вы с Сетом встретили у меня в лаборатории.

– А, о том человеке со странной бородой и пирсингами.

– Да. Билли ворвался в мастерскую, убил его сотрудника. Думаю, хотел убить Тэ-Тэ, но его там не оказалось. Возможно, он разузнал о Гордоне каким-то другим путем, но это объяснение было самым простым – он увидел Тэ-Тэ в моем таунхаусе.

Поскольку мы узнали, что целью этой группы являлся внутренний терроризм и что существовала давняя связь с тобой и с твоей матерью – через Собирателя Костей, – я подумал: не слишком ли много случайностей привело к появлению Сета в твоей жизни?

Конечно, у Икса была наколка в виде многоножки. У Сета как будто не было никаких: я видел его в майке с короткими рукавами. Как это объяснить? А потом я вспомнил о водостойких чернилах – красных – в одном из пакетов с уликами. Тэ-Тэ сказал нам, что некоторые татуировщики используют для нанесения контуров перья и смываемую краску. Может быть, Икс делал именно это – временную татуировку, чтобы ввести нас в заблуждение.

Пам кивнула.

– Да, совершенно верно. Он объяснил мне, что рисовал на руке многоножку, чтобы люди принимали его за кого-то другого. Потом смывал ее, когда играл роль Сета. Он сделал одному бездомному наколку многоножки и заплатил ему, чтобы он просверлил трубу. Сказал, что не поверил, будто в трубе перекрыли давление. Осторожничал.

– А, значит, вот кто это был. – И Райм продолжил: – Потом он влез в мой таунхаус и попытался отравить меня. Мы подумали, что он мастер отпирать замки – следов отмычки на замке не оказалось. Но, конечно…

– Он снял ключ от твоего таунхауса с моей цепочки, – с гримасой договорила Пам. – И сделал дубликат.

– Да, я так и подумал. Был ли это Икс? Разумеется, с уверенностью сказать я не мог, но рисковать не хотел. Позвонил в полицию, и сюда срочно отправили нескольких патрульных.

– И это нападение, – вмешалась Сакс. – Он разыграл его. Ввел себе немного пропофола, потом надел наручники. Положил на пол бутылочку с ядом, шприц и лег подремать до появления полицейских.

– Зачем? – спросила Пам.

– Хотел снять с себя подозрения, – ответила Сакс. – Лучший способ для этого – представить себя жертвой.

– И должен признаться, – заговорил Райм, – нам помогли наши психологи. Они провели кое-какие исследования и пришли к выводу, что многоножка в литературе и искусстве представляет собой символ вторжения в уютное, безопасное место. Невидимые, они лежат и ждут. Таков был и Сет. Ладно, Билли.

– Конечно. – Пам оглянулась на свою квартиру. Нахмурилась, достала из кармана бумажную салфетку, намочила ее и стерла со щеки кровь.

Сакс, возглавившая расследование после того, как Лон Селлитто вышел из строя, минут двадцать опрашивала девушку в присутствии Райма. Они узнали, что Билли хотел, взяв с собой Пам, скрыться на севере штата Нью-Йорк, в группе «ополченцев», называющих себя «Ассамблея патриотов», с которой Райм и Сакс уже имели дело.

Рон Пуласки закончил осмотр в квартире Пам – хотя преступник был остановлен в самом полном смысле этого слова, формальности все равно необходимо соблюсти. Собрав улики, он подписал регистрационные карточки и сказал Райму, что отвезет все в таунхаус. Сотрудники медэксперта вывезли тело. Холодными, как воздух, глазами Пам смотрела, как носилки на колесах везут к автомобилю.

Потом Райм сосредоточился на Сакс. Разговаривая с Пам о только что произошедшем, она то и дело пыталась пошутить или выразить сочувствие. Пам отвечала холодной улыбкой, очень похожей на усмешку. Было ясно, что Амелию выражение ее лица глубоко ранит.

Возникла пауза. Сакс, уперев руки в бедра, оглядела дом и обратилась к Пам:

– Место преступления осмотрено. Давай помогу тебе убраться.

Райм обратил внимание, что Сакс колеблется, и по тону ее голоса понял, что она считает эту тему опасной.

– Знаешь, я сейчас поеду к Оливетти. И, может, на этой неделе возьму машину Говарда, приеду к таунхаусу и заберу то, что осталось. Можно, Линкольн?

– Конечно.

– Погоди, – твердо сказала Сакс.

Пам вызывающе посмотрела на нее. Амелия продолжала:

– Я хочу, чтобы ты повидалась кое с кем. Поговорила с ними о случившемся. – Она полезла в сумочку. – Это визитка Терри Добинса. Он работает в управлении полиции, но может свести тебя кое с кем.

– Я не...

– Пожалуйста, сделай это.

Пам пожала плечами. Карточка исчезла в заднем кармане джинсов, где она носила телефон.

Сакс добавила:

– Потребуется что-нибудь, звони. В любое время. – В ее голосе звучала нотка отчаяния, слышать которую было мучительно.

Девушка ничего не ответила, вошла внутрь дома и вышла с рюкзаком и компьютерной сумкой. Белые провода шли от ушей к айподу. Она помахала рукой в сторону Райма и Сакс, но никому конкретно. Сакс смотрела ей вслед.

Через минуту Райм произнес:

– Сакс, люди не любят оказываться неправыми, даже когда это для их же собственного блага. Может быть, особенно в этом случае.

– Похоже, да. – Амелия раскачивалась взад-вперед, глядя, как Пам скрывается вдали. – Райм, я все испортила.

В такие минуты Райм особенно ненавидел свою беспомощность. Ему больше всего на свете хотелось подойти к Сакс и крепко обнять ее за дрожащие плечи.

– Как Лон? – спросил Райм.

– Кризис миновал. Но он все еще без сознания. Рейчел очень расстроена. Сын Лона здесь.

– Я разговаривал с ним, – сказал Райм.

– Лон крепкий. Выкарабкается.

– Едем обратно в таунхаус?

– Скоро приеду, – ответила Сакс. – Мне нужно увидеться со свидетелем по делу Метрополитен-музея.

Другим делом Селлитто было проникновение в музей на Пятой авеню. Поскольку Лон лежал в больнице, его замещали другие полицейские из отдела расследования тяжких преступлений. Теперь, когда заговор ПСАС был раскрыт, пора было вновь вернуться к политически важному, хотя и загадочному делу.

Сакс пошла к своему «Торино». Заработал мотор, и она отъехала от тротуара, поднимая дым, который из синего становился фиолетовым в красных лучах заходящего солнца.

Глава 74

Линкольн Райм был недоволен, что не догадался о личности Икса сам – источниками сведений о Билли Хейвене стали обыск трупа и объяснение Пам.

– Я все-таки должен был догадаться, – сказал он Пуласки и Куперу.

– О чем? – Рон положил пластиковый пакет, из которого доставал пинцетом улики, и повернулся к Райму.

– Что Билли как-то связан со Стэнтонами. Помнишь реакцию Гарриет, когда Амелия сообщила ей, что он мертв? У нее началась истерика. Я должен был сделать вывод, что она хорошо его знала. Очень хорошо. И их сын, Джошуа. Я думал, он упадет в обморок, узнав об этом. Я мог бы сообразить, что если Икс не член их семьи, то хотя бы родственник. Мы знаем, что он племянник, знаем его имя. Однако, новичок, ищи другие подробности о мистере Уильяме Хейвене. Стат.

– Латынь, от statim, то есть немедленно, – пояснил Пуласки.

– Да, верно. Ты знаток классических языков. И, насколько я помню, детективных фильмов, в которых болтовня не по теме отвлекает от недостатков сюжета и раскрытия характеров. Например, тех правильно говорящих убийц, о которых ты упоминал. Ну, будем заниматься неотложной задачей?

– Exempli gratia[22], – пробормотал Пуласки и быстро заработал на клавиатуре. Через несколько минут он поднял взгляд от монитора и объявил: – Negotium ibi terminttur.

– Работа закончена, – перевел Райм. – Лучше сказать «Factum est». Приятнее звучит. Вот в чем проблема с латынью. Звучит так, будто грызешь камни. Спасибо итальянцам и румынам, что вытащили этот язык из огня.

Пуласки стал читать с экрана:

– Мэттью Стэнтон был единственным ребенком. Но у Гарриет была сестра, Элизабет. Вышла замуж за Эббета Хейвена. У них родился сын, Уильям Эрон. Эббет был старейшиной в ПСАС, но он и его жена погибли, когда ребенок был маленьким. – Он поднял взгляд. – В лагере «Ветви

Давидовой». Они приехали туда, чтобы продавать оружие, и оказались на ранчо «Маунт-Кармел» во время осады.

Уильям стал жить с тетей Гарриет и дядей Мэттью. Называли его главным образом Билли. У него была судимость – в детстве, поэтому в деле нет отпечатков пальцев, оно было закрыто. Обвинялся он в оскорблении действием. Преступление на почве ненависти. Билли избил в школе еврейского мальчика. Потом в столовой выколол свастику на его предплечье. Мальчику было десять лет. Есть фотография. Посмотрите.

Райм обратил внимание, что татуировка сделана хорошо. Двухцветная, четкая, с тонкими линиями.

– Потом он изучал изобразительное искусство и политические науки в университете южного Иллинойса. Затем по какой-то причине открыл тату-студию. В рюкзаке Билли обнаружены квитанции на оплату двух квартир в городе. Одна, на Мюррей-Хилл, была снята на имя Сета Макгуина – кавалера Пам. Другая, на Фрэнка Сэмюэлса, находится возле Китайского квартала, у Канал-стрит. Улики собраны в обеих. Билли смыл почти все, но во втором месте – в мастерской – обнаружены оборудование и террариумы с растениями, из которых Билли извлекал и дистиллировал яды, используемые для убийств.

Эти ящики и их жутковатые светильники стояли теперь в гостиной Райма, у дальней стены. Все, кроме одного – опечатанного террариума со спорами ботулина. Биохимики из форта Детрик решили, что самое лучшее – взять его под свой контроль. Райм, обычно не желавший расставаться с уликами, эту отдал охотно.

Криминалист закончил регистрировать растения, заметив, что болиголов особенно красив. Потом позвонил Фреду Деллрэю, агенту ФБР, который будет вести федеральную часть расследования, чтобы рассказать о находках. Эксцентричный агент произнес:

– Это превосходит все остальное. А я ломал голову, где Хусейн берет оружие массового уничтожения. В конце концов мы нашли его в двух кварталах от моего любимого китайского ресторана «Счастливая панда». Того, что на Канал-стрит. Нет, не на Мотт и не на Шестой авеню. Это настоящая, одна-единственная «Счастливая панда». Вкуснейшая еда. Медузы. Нет-нет, лучше, чем ты думаешь. Ладно, позвони мне, когда будет готов рапорт.

Завершив разговор, Райм услышал смех в другом конце комнаты.

– Отлично, – сказал Мел Купер, глядя на экран компьютера.

– Что там? – спросил Райм.

Пуласки, тоже смеявшийся, повернул монитор. На нем была открыта компьютерная версия газеты «Нью-Йорк пост». Над материалом о Стэнтонах красовался заголовок «Ядовитое перо». Намек на орудие убийств Билли Хейвена. Неплохо.

Купер и Пуласки продолжали анализировать и вносить в каталог улики из квартиры Пам и мастерской Билли. Райм подкатил к столу с уликами.

– Перчатку, – потребовал он.

– Ты хочешь… – начал было Том.

– Перчатку! Я хочу поласкать одну улику.

Помощник с трудом натянул Райму перчатку на правую руку.

– Так. Вот эту. – Линкольн указал на тонкую тетрадь, озаглавленную «Модификация», где были страницы с деталями плана отравления: время, выбор жертв, места, полицейские процедуры, цитаты из «Серийных городов», из документальной книги о Райме и указания, как «опередить прозорливца». Записи были сделаны красивым наклонным почерком Билли. При его художественном мастерстве было неудивительно, что буквы походили на шрифт старинных рукописей.

Райм уже бегло просмотрел эту тетрадь, но теперь хотел глубоко ее проштудировать для поиска остальных заговорщиков.

Том уложил тетрадь на подлокотник кресла-каталки, и Линкольн Райм иногда неловкими, иногда изящными, но всегда уверенными движениями стал перелистывать страницы.

V

Воссоединение

Суббота, 9 ноября, 17.00

Глава 75

Коренастый, лысеющий мужчина в коротком сером пальто шагал по широкому тротуару, выворачивая наружу носки ботинок. В руке у него был старый портфель. Мало кто на улице обращал внимание на его телосложение или походку. Он был совершенно неприметным. Бизнесменом, бухгалтером, администратором рекламного агентства.

Или маглом из «Гарри Поттера». Альфредом Пруфроком из поэмы Т. С. Элиота.

Ему нравился этот район. Гринвич-Виллидж менее красив, чем Сохо или Трайбека, но более дружелюбен. «Маленькая Италия» появилась и исчезла, а Виллидж остается оплотом манхэттенцев старой школы, ловких, артистичных потомков европейских иммигрантов. Да, здесь живут коренастые, лысеющие мужья и их флегматичные жены, честолюбивые, но скромные сыновья, умные дочери. Здесь он ничем не выделяется.

И это хорошо. Учитывая его задачу.

Солнце зашло, похолодало, но, по крайней мере, небо было ясным, дождь со снегом, шедший последние несколько дней, прекратился.

Мужчина подошел к окну кафе «Артизан» и внимательно прочел покрытое пятнами меню. Это была настоящая кофейня. Итальянская. Здесь поднимался молочный пар еще до того, как некоему жителю Сиэтла, не сицилийцу, пришла мысль о создании франшизы «Старбакс». Сквозь раннюю выставку рождественских украшений в витрине с кондитерскими изделиями он пристально рассматривал пару за столиком у дальней стены. Рыжеволосая женщина в бордовом свитере и облегающих черных джинсах сидела напротив мужчины в костюме. Мужчина был худощавым, похожим на готовящегося отойти от дел адвоката. Женщина задавала вопросы и бегло записывала ответы в маленький блокнот. Столик, заметил он, слегка шатался – даже клинышек под одной из ножек не спасал.

Он старательно разглядывал мужчину и женщину. Интересуйся он сексом, женщина определенно бы его привлекла.

Амелия Сакс, женщина, убить которую он пришел сюда, была очень красива.

Погода была холодной, и никому не бросалось в глаза, что на руках у этого человека перчатки. И это было очень кстати. Черные перчатки были вязаными, потому что кожаные оставляют почти столь же четкий отпечаток, как папиллярный узор. Иначе говоря, заметный. А трикотаж? Нет.

Он обратил внимание, где стоит сумочка Амелии – на спинке ее кресла. До чего ж доверчивы здесь люди. В Сан-Паулу или в Мехико сумочка была бы привязана к спинке нейлоновой веревкой вроде тех, какими связывают мусорные мешки и руки заключенных.

Сумочка была на запоре, но его это не волновало. Несколько дней назад он купил точно такую же и тренировался, тренировался, тренировался опускать в нее что-то беззвучно (он годами отрабатывал ловкость рук). В конце концов научился за три секунды открывать сумочку, опускать внутрь маленький предмет и запирать ее снова. Он это проделал сотню раз.

Теперь он полез в карман и взял пузырек с продающимися без рецепта болеутоляющими капсулами. Той самой марки, что предпочитала Амелия Сакс. (Он узнал это, заглянув в ее аптечку.) В прошлом она страдала остеоартритом, и хотя в последнее время он как будто почти не беспокоил ее, она все-таки время от времени глотала капсулы. Каким только испытаниям не подвергает нас наше тело.

Капсулы в этом пузырьке выглядели точно такими же, как те, что покупала она. Но одно различие все же существовало: каждая была начинена сурьмой.

Как и мышьяк, сурьма – химический элемент, металлоид. Название переводится с греческого как «избавляющая от одиночества». В прошлом ее использвали для окраски бровей и век распутные женщины, в том числе и библейская Иезавель.

Это повсеместно встречающийся полезный элемент, до сих пор часто применяемый в промышленности. Но сурьма, Sb, атомный номер 51, была на протяжении истории еще и причиной тысяч мучительных смертей. Самой знаменитой жертвой, очевидно, стал Вольфганг Амадей Моцарт. (Оставался вопрос: случайной или нет? Нужно бы спросить Антонио Сальери.)

При возникновении боли в восстановленном колене, которую она рано или поздно ощутит, Сакс проглотит две капсулы. И вместо облегчения получит неистовую головную боль, рвоту, понос, онемение конечностей. Она умрет через несколько дней – по сообщениям средств массовой информации, станет очередной жертвой Билли Хейвена, который ухитрился подсунуть отравленное лекарство ей в сумочку до того, как он и его родственники-террористы были обезврежены. Хотя на самом деле Стэнтоны не имели никакого отношения к задуманному им убийству.

Человека, стоявшего у кафе «Артизан» и готовящегося убить Амелию, звали Чарльз Веспасиан Хейл. Это имя он получил при рождении, однако был известен еще под многими другими. Одно из них – Ричард Логан. И самое недавнее – Дэвид Уэллер, возмущенный адвокат, позвонивший в Нью-Йоркское бюро расследований по поводу самонадеянного молодого полицейского Рона Пуласки.

Однако единственным именем, какое ему нравилось, было то, которое характеризовало его наилучшим образом – Часовщик. Оно говорило о его мастерстве в создании хитроумных преступных планов и о страсти к наручным и карманным часам.

Теперь он смотрел на одни из них – «Вентура СПАРК Сигма МГС», электронные наручные часы стоимостью пять тысяч долларов. У Хейла было 117 наручных и карманных часов, большинство из которых представляли собой аналоги, хотя были снабжены электроникой и батарейками. У него были «Бом и Мерсье», «Ролекс» и «Таг Хойер». У него была возможность украсть стоящие шесть миллионов долларов «Патек Филипп Калибр 89», знаменитые памятные карманные часы, изготовленные в честь стопятидесятилетней годовщины компании. С ними было больше сложностей – эти окошки и шкалы давали в дополнение к настоящему времени разную информацию, – чем с любыми другими часами. Этот восемнадцатикаратный шедевр предлагал такую информацию, как фаза луны, запас хода, месяц, температура, дата очередной Пасхи, созвездия, время заката и доли секунды.

И однако же Хейл решил не красть этот шедевр. Почему? Потому что «Патек» был реликтом. Время аналогов прошло. Хейлу потребовалось время, чтобы это принять, но арест, который устроил ему Линкольн Райм несколько лет назад, показал, что мир изменился. И Хейл восстал, чтобы встретить новую зарю.

«Вентура» на его запястье представляли собой это новое лицо – если можно так выразиться – хронометрии. Их беспримерная точность доставляла ему большую радость и утешение. Он снова взглянул на них. И повел обратный отсчет.

Четыре... Три... Два... Один...

Из задней части кафе раздался рев пожарной сирены. Хейл надел на бритую голову вязаную шапочку и вошел в удушливо жаркую кофейню.

Его не видел никто, в том числе и Амелия Сакс и ее собеседник, – они смотрели в сторону кухни, где он оставил это устройство двадцать минут назад. Автономный детектор дыма на полке казался старым и грязным, хотя действительности соответствовало только второе. Работники найдут его и решат, что он был списан и случайно оставлен на верхней полке. Кто-нибудь снимет его оттуда и выбросит, вынув батарейку. О ложной тревоге никто не вспомнит.

Амелия оглядывалась по сторонам, как и все остальные, ища взглядом дым, но его не было. Когда ее взгляд вернулся к кухонной двери, за

которой не смолкал рев, Хейл сел в кресло позади Амелии и, ставя портфель на пол, сунул пузырек ей в сумочку. Новый рекорд: две секунды.

Потом он огляделся, словно решая, стоит ли пить кофе с молоком в месте, где вот-вот начнется пожар. Нет. Он пойдет в другое. Хейл встал и вышел на улицу.

Рев прекратился – кто-то вынул батарейку. Хейл оглянулся. Сакс вернулась к своему кофе, к своим записям. Не имея понятия о близящейся смерти.

Часовщик направился ко входу в метро на Четвертой Западной улице. Пока он шел на бодрящем воздухе по тротуару, ему в голову пришла интересная мысль. Мышьяк и сурьма – металлоиды, вещества, обладающие свойствами металлов и неметаллов, но достаточно твердые, чтобы делать из них стойкие предметы. Можно ли, подумал он, изготовить из этих ядов часы? До чего интересная мысль!

Хейл знал, что она будет занимать его изобретательный ум несколько недель и даже месяцев.

Глава 76

– Дай ему ход, – сказал Линкольн Райм.

Криминалист сидел в гостиной один, разговаривая по громкой связи и рассеянно поглядывая на сайт классического антиквариата и предметов искусства.

– Так, – раздался в ответ голос, принадлежавший капитану, находившемуся сейчас в управлении полиции – в Большом доме.

– Что «так»? – отрывисто спросил Райм.

Раньше он тоже был капитаном, но слишком всерьез звания не принимал. Ум и компетентность были важнее.

– Материал слегка необычный.

«Что все это, черт возьми, значит?» – подумал Райм. С другой стороны, он сам когда-то был госслужащим в мире госслужащих и знал, что иногда приходится вести игру. Ему была понятна нерешительность этого человека. Но оправдать ее он не мог.

– Капитан, я это знаю. Но нам нужно дать ход этому материалу. Это вопрос жизни и смерти.

Имя у капитана было странное – Дэгфилд. Кто так называет людей?

– Знаешь, – сказал Дэг, оправдываясь, – его нужно отредактировать, внести правку…

– Материал написал я. Редактировать его не нужно. А правку можешь сделать ты. Начинай. У нас мало времени.

– Ты просишь меня не править. Ты просишь дать ход тому, что ты написал, Линкольн.

– Ты просмотрел этот материал, прочел. Считай, что это правка. Мы должны дать ему ход, Дэг. Время важно. Очень.

Последовал вздох.

– Мне надо сперва поговорить кое с кем.

Райм подумал о других тактических возможностях. Их почти не было.

– Дэг, положение вот какое. Меня невозможно уволить. Я независимый консультант, нанять которого адвокаты по всей стране хотят не меньше, чем полицейское управление Нью-Йорка. Возможно, даже больше, да и платят они лучше. Если ты не дашь ход этому пресс-релизу в том, именно в том виде, в каком я тебе его послал, я займусь частной практикой с адвокатами и перестану работать на управление. А когда комиссар узнает, что я работаю против управления, тебе придется работать в частном секторе, я имею в виду предприятия быстрого питания. – Райм остался не особенно доволен своей тирадой. Она могла быть получше. Но ничего не поделаешь.

– Ты мне угрожаешь?

Ответа на этот вопрос не требовалось. Через десять секунд его собеседник произнес:

– Черт.

Звук брошенной трубки прозвучал для Райма многообещающе. Он подкатил на кресле-каталке к окну – посмотреть на Центральный парк. Зимой этот вид нравился ему больше, чем летом. Кое-кто мог бы подумать: дело в том, что в теплые месяцы люди занимаются летними видами спорта, бегают, бросают летающие диски, играют в софтбол, что навсегда заказано Райму. Но на самом деле он просто любил этот вид.

Даже до несчастного случая Райма не привлекала вся эта бессмысленная резвость. Он вспомнил давнее дело, связанное с Собирателем Костей.

Тогда, сразу же после несчастного случая, Райм разочаровался в жизни, решил, что больше не будет существовать в нормальном мире. Но то дело открыло ему истину: он и не хотел нормальной жизни. Никогда, даже когда был здоров. Его мир был миром умозаключений, логики, интеллектуальных атак и защит, сражения с помощью мысли, а не пистолетов или ударов карате.

И теперь, глядя на голые ветки деревьев Центрального парка, Линкольн чувствовал себя совершенно свободным, усвоившим урок, который Собиратель Костей преподал ему много лет назад.

Райм вернулся к компьютеру и снова попал в мир изящных искусств. Он просмотрел новости и обнаружил, что Дэг сделал все, что от него требовалось. Пресс-релиз был опубликован без правки, без редактирования и разошелся по Сети. Райм взглянул на часы на экране компьютера и возобновил просмотр.

Полчаса спустя его телефон зазвонил, и он увидел на определителе номера надпись «неизвестный».

Два звонка. Три. Он нажал кнопку ответа правым указательным пальцем и произнес: «Алло».

– Линкольн, – сказал человек, которого Райм знал как Ричарда Логана, Часовщика. – Найдется у тебя время поговорить?

– Для тебя всегда.

Глава 77

– Я видел новости, – сообщил Райму Часовщик. – Ты передал телевидению мой портрет. Или рисунок художника, изобразившего меня как Дейва Уэллера. Неплохая работа. Фоторобот, я полагаю. Толстый и худой, с волосами и без волос, с усами и чисто выбритый. Линкольн, ты стал мастером совмещения искусства и компьютерных технологий?

Речь шла о пресс-релизе, дать ход которому Райм вынудил полицейское начальство.

– Значит, портрет верный? – уточнил криминалист. – Мой полицейский, работавший с художником, не был уверен, что правильно передал форму щек.

– Тот молодой человек? Пуласки? – Часовщик, казалось, потешался. – Он видит двухмерно и заранее делает выводы. Думаю, ему лучше работать на месте преступления, чем играть роль. Там меньше импровизации. У него что, было сотрясение мозга?

– Да. Совершенно верно.

Часовщик продолжал:

– Ему повезло, что я передал его Бюро расследований, а не своим друзьям. Тогда он был бы мертв.

– Как знать, – неторопливо произнес Райм. – Реакция у него быстрая. И он хороший стрелок. Во всяком случае, отправить мне больше было некого. Я должен был остановить помешанного убийцу-татуировщика.

Теперь зная, что Часовщик жив и бежал из тюрьмы, Райм вспомнил, как он выглядел несколько лет назад, когда они в последний раз сталкивались с ним лицом к лицу. Да, думал Линкольн, есть определенное сходство между адвокатом, которого Пуласки описал составителю фоторобота, и Часовщиком, каким он видел его несколько лет назад. Это касалось характерных черт, какие Райм мог припомнить, хотя некоторые важные признаки стали иными. Он сказал:

– Ты перенес нехирургическое вмешательство. Вроде введения в щеки силикона или ваты. И волосы – их выстригли и выбрили, создав впечатление, что ты лысеешь. Использовали грим. В большинстве киностудий это делают неумело. Вес, полнота созданы с помощью одежек. Набрать пятьдесят фунтов за четыре дня не может никто. Еще ты, видимо, использовал автозагар.

– Угу. – Смешок. – Может быть. Или побывал в солярии. В Нью-Йорке их около четырехсот. Можешь начать опросы. Если повезет, к Рождеству найдешь тот, где я был.

Райм заметил:

– Но ты изменился, – модифицировался, если угодно, – снова, так ведь? После того, как мы передали этот фоторобот.

– Конечно. Теперь, Линкольн, я хочу узнать, зачем ты передал сведения обо мне телевидению. Пошел на риск, что я уйду в подполье. Что я и сделал.

– Существовала вероятность, что тебя кто-нибудь засечет. Они бы позвонили. Мы готовы к быстрым действиям.

– Онлайн-игра в жанре «экшн»?

В сообщении, которое Райм заставил отправить полицейское начальство, говорилось, что человек, известный как Ричард Логан, он же Часовщик, он же Дэйв Уэллер, несколько дней назад бежал из тюрьмы в

Уэстчестере. Были приложены фотороботы и сообщение, что он может имитировать южный акцент.

– Но никто на это не пошел, – сообщил Часовщик. – Никто меня не выдал. Потому что я по-прежнему… там, где я нахожусь.

– Да, и, кстати, я не пытаюсь отследить этот звонок. Ты используешь автоматические выключатели и модули доступа в Сеть. – Это не было вопросом. – И мы навели справки о юридической фирме Уэллера.

В ответ послышался смешок.

– Автоответчик, номер почтового ящика и сайт в Интернете?

– Точно, – подтвердил Райм. – А вот история со случайной смертью кажется несколько жестокой.

– Простое совпадение. Это было первое, что пришло мне в голову.

– Спрашиваю просто из любопытства: на самом деле ведь ты не Ричард Логан? Это тоже один из твоих псевдонимов?

– Да. – Часовщик не назвал своего настоящего имени, а Райм не стал настаивать.

– Ну, и как ты догадался, что я сбежал?

– Во многом из того, что я делаю – что мы *оба* делаем, – существуют допущения.

– Интуиция, – уточнил Часовщик.

Райм подумал о Сакс, часто упрекавшей его за насмешки над этим словом, и улыбнулся.

– Если угодно.

– Что ты и подтвердил на практике. А откуда взялось это допущение?

– В рюкзаке Билли Хейвена мы нашли тетрадь, озаглавленную «Модификация», – инструкции, как ввести ботулин в нью-йоркский водопровод. Предельно ясные, как инженерный план. Каждый шаг описан, рассчитан до минуты. Я усомнился, что Стэнтоны и Билли могли что-то разработать так тщательно: серийный убийца отвлекает от намерения взорвать водопровод, что, в свою очередь, скрывает настоящую цель – отравить воду. А ты знал, как превратить яд в оружие. Сделать его устойчивым к воздействию хлора. Отличный ход.

– Ты нашел тетрадь? – Судя по голосу, Часовщик был недоволен. – Я велел Билли переписать все в зашифрованный файл без доступа в Интернет, а потом уничтожить оригинал. – Пауза. – Но я не удивляюсь. Вся эта шайка из южного Иллинойса действовала по шаблону и не отличалась особенным умом. Как тебе понравились яды, которые Билли решил применять? Я рекомендовал ему свободно продающиеся химикаты, но у него было пристрастие к растениям. Насколько я понял, подростком он много времени проводил один в лесу, делая их зарисовки. Тяжелое детство, когда твои родители убиты федералами, а твой моральный идеал – неонацистское ополчение.

– Модификация. Ты сам выбрал это слово?

– Да, сам. Хотя меня вдохновило увлечение Билли. Модифицирование тела. Оно соответствовало их апокалиптическим взглядам. Я даже забеспокоился: слишком уж явно. Но им понравилось звучание слова.

– Ты продиктовал Билли весь план?

– Да. И его тете. Но записал его Билли. Они навещали меня в тюрьме под предлогом, что Билли пишет книгу о моей жизни. – Пауза. – Будто я очень хотел рассказать о ней, но не мог найти подходящего слушателя. Думаю, Линкольн, ты оценишь это. Когда я закончил диктовать план, а он все записал, я сказал ему: «Это твое, Моисей. Вперед!» Билли и Гарриет не поняли. Я знаю, ты знаком с теологической концепцией Бога как часовщика.

Размышляя над происхождением Вселенной, Исаак Ньютон, Рене Декарт и другие деятели научной революции семнадцатого-восемнадцатого веков пришли в выводу, что для изобретения требуется изобретатель. Если нечто такое сложное, как часы, не могло бы существовать без часовщика, то, по аналогии, человеческая жизнь во Вселенной – гораздо более сложная, чем часовой механизм, – никак не могла бы существовать без Бога.

Пришлось объяснить им, что, учитывая мое прозвище, диктуя «Модификацию», я напоминал Бога, дающего десять заповедей Моисею. Я сказал это в шутку, но они восприняли всерьез. Стали относиться к плану как к заповедям Модификации. – Часовщик поцокал языком. – Мне жаль тех, кто не понимает юмора. Но вернемся к нашей теме: как ты узнал обо мне… Если готов сказать.

– Конечно, готов.

– У тебя была тетрадь. Но там не мой почерк; все написано рукой Билли. Не было ни отпечатков пальцев, ни ДНК. Я к ней не прикасался. Да, там

много упоминаний о необходимости правильного расчета времени – когда и где вводить яд, об отвлекающих маневрах, когда посылать Джошуа, кузена Билли, доставить прожектора и аккумуляторы в туннели, где совершать преступление, через сколько минут после вызова по телефону ждать появления полиции. Все это, конечно, было. Но как ты связал это с моим побегом из тюрьмы?

Райму стало любопытно, где стоит Часовщик, какая у него поза. Он мерзнет на холоде или изнывает от жары? «Возмездие» – слово неточное, мелодраматичное. Но Райм позволил себе мысленно применить его к нему. И сказал:

– Улика.

– Линкольн, это меня не удивляет. Но какая?

– Тетродотоксин. Мы нашли следы.

Сильнейший яд из рыбы фугу.

– Ах, черт… – На другом конце провода послышался вздох. – Я велел Билли уничтожить все следы.

– Не сомневаюсь, что он пытался. На одном из мест преступления остался крохотный след. – Райм лучше кого бы то ни было знал, как трудно полностью уничтожить следы какого-то вещества. – Мы не нашли тетродотоксина в его убежище, так откуда же он взялся? Я связался с ФБР и узнал, что этот яд в течение нескольких лет не использовался ни в каких преступлениях. Тогда зачем тетродотоксин понадобился Билли? И тут меня осенило: ключом стало его разговорное название «средство для зомбирования». Чтобы создать видимость остановки сердца и смерти.

– Это так, – признался Часовщик. – Билли пронес его между листами тетради. В тюрьме ищут бритвы и наркотики, а не частицы яичника рыбы. Я использовал его, чтобы создать видимость сердечного приступа, и меня переправили в больницу в Уайт-Плейнс.

Что это? В отдалении послышался крик чайки? А затем гудок судна? Нет, это был звук сигнального горна. Интересно. Сейчас, во времена радаров и системы глобального позиционирования их редко используют. Райм отметил это для себя. Вспыхнул экран компьютера – пришло сообщение от Родни Шарнека, специалиста по компьютерным преступлениям. Анализ звонка Часовщика ничего не дал; он привел к какому-то анонимному серверу в Казахстане. Райм солгал, что не пытался отследить этот звонок.

Мысленно пожав плечами – ничем не рискнув, ничего не получишь, – он вернулся к разговору:

– В конце концов меня убедила твоя ошибка.

– Вот как?

– На улице с Роном Пуласки ты сказал о попытке убить федерального полицейского чиновника в Мехико. Этот план ты составил несколько лет назад.

– Верно. Я хотел упомянуть что-то реальное. Для правдоподобия.

– Да, но это дело закрыто. Будь ты настоящим адвокатом, никогда, по твоему утверждению, не встречавшимся с Ричардом Логаном, ты бы понятия не имел об истории в Мехико.

Пауза. Потом Часовщик спросил:

– Закрыто?

– Очевидно, госдепартамент и мексиканский «Gabinete Legal» были недовольны, что ты, американец, едва не убил высокопоставленного мексиканского правоохранителя. И решили делать вид, что такого инцидента не было. В прессе о нем не упоминалось.

– Вот как. – Логан казался расстроенным.

Райм сказал:

– Теперь ответь мне на один вопрос.

– Ладно.

– Как ты получил наводку? На Стэнтонов и их ПСАС?

– Настало время выйти из тюрьмы. Я связался с людьми, причастными к акции, устроенной внутренними террористами несколько лет назад, когда мы с тобой столкнулись лицом к лицу. Помнишь?

– Конечно.

– Они свели меня с ПСАС – еще одним ополчением сторонников власти белых. Я сказал, что могу сделать их известными. Гарриет с Билли приходили в тюрьму проведать меня, и я составил им план. Кстати, ты хоть раз видел их вместе, тетю и племянника? Отношения между ними

непростые. Придают совершенно новый смысл названию «Первые американские семьи».

Райм промолчал. Это утверждение, правдивое или нет, его не интересовало.

Часовщик продолжал:

– Они хотели получить известность. Поэтому мы решали проблему сообща. Я выдвинул идею ботулина в питьевой воде. Я узнал, что Билли – тату-мастер. Мы татуировали жертв сообщениями из Ветхого Завета. Я сказал: «Апокалипсис». Им очень нравится эта риторика – нанести удар во имя их идиотских ценностей. Еще им понравилось, когда я предложил использовать яд как орудие убийства. Равные права для меньшинств, социалистические ценности отравляют общество и т.д., и т.п. Он, они прямо-таки набросились на все это. То есть Мэттью набросился. Билли и Гарриет казались более сдержанными. Знаешь, Линкольн, недалекие люди наиболее опасны.

«Не обязательно», – подумал криминалист, вспомнив о человеке, с которым разговаривал.

Глава 78

– Стало быть, – продолжал Райм, – в обмен на твой план они пронесли тебе тетродотоксин. Организовали подкуп медиков и тюремных охранников, чтобы тебя объявили мертвым и тайком вывезли из тюрьмы. И нашли труп какого-то бездомного, чтобы отправить на кремацию в похоронное бюро.

– Примерно так.

– Должно быть, это стоило больших денег.

– В общей сложности двадцать миллионов наличными.

– А фарс в похоронном бюро? С тобой в роли Уэллера. Зачем?

– Я знал, ты отправишь человека посмотреть, кто заберет прах. Мне было нужно, чтобы ты окончательно поверил, будто Часовщик мертв. Лучшим способом для этого было отправить за ним семейного адвоката… и донести на твоего полицейского в штатском властям. Дело обернулось замечательно. Я даже не ожидал такого.

Райм сказал:

– Но мне непонятно вот что: Лон Селлитто. Отравил его, разумеется, ты. Одолжил одежду пожарного в «Бельведер апартментс» и дал ему отравленный кофе.

– Ты понял и это?

– Мышьяк – это металлоид. Билли использовал только растительные яды.

– Хм. Не учел. Mea culpa[23]. Скажи, Линкольн, был ты одним из тех ребят, кто читал детские книжки-головоломки и всегда мог найти, что неправильно на рисунке?

Да, был, и да, мог.

– И ты сунул поддельные обезболивающие капсулы в сумочку Амелии Сакс, – произнес Райм.

Напряженная пауза.

– Вы нашли их?

Как только Райм пришел к выводу, что Часовщик жив и, возможно, отравил Лона, он сказал Сакс, Пуласки и Куперу, чтобы были готовы к любой форме нападения. Амелия вспомнила, что кто-то сидел возле нее в кофейне, где она встречалась со свидетелем по делу Метрополитен-музея. И нашла в сумке второй пузырек с капсулами.

– Тоже мышьяк? – спросил Райм. – Результаты анализа пока не готовы.

– Скажу, раз ты понял. Сурьма.

Линкольн проговорил:

– Знаешь, я не понимаю вот чего: ты хотел убить Лона и Амелию и свалить вину на Стэнтонов? Это ты одевался как Билли Хейвен на местах преступления? Смотрел на Сакс через отверстие в крышке люка на Элизабет-стрит? Возле ресторана в Адской кухне, в здании возле «Бельведера» тоже был ты?

– Да, я.

– Тогда зачем… – Голос Райма замер. Мысли его быстро неслись и взрывались, как шутихи. – Разве что…

– Догадываешься, а, Линкольн.

– Двадцать миллионов долларов, – прошептал Райм. – На покупку твоей свободы. Стэнтоны и ПСАС никак не могли раздобыть такие деньги на подкуп охранников и медиков. Нет, нет – они едва сводили концы с концами. Кто-то другой финансировал твой побег. Да! Тот, кто нуждался в тебе для иной работы. Ты использовал ПСАС как прикрытие для чего-то другого.

– О, узнаю моего Линкольна, – заметил Часовщик.

Голос его был снисходительным, и в душе Райма на миг вспыхнул гнев. Но потом он громко рассмеялся.

– Лон. Лон Селлитто! Все дело в нем. Тебе нужно было убить его или вывести из игры, и ты использовал ПСАС как козла отпущения.

– Совершенно верно, – прошептал Часовщик. Его тон поддразнивал: «Продолжай».

– Дело, над которым он работал. Конечно. Проникновение в Метрополитен-музей. Он приближался к разгадке того, в чем там было дело, и твоему нанимателю требовалось его остановить. – Линкольн обдумал другие факты. – И Амелию. Потому что она приняла это дело… Но сейчас ты все это признаешь, – добавил обеспокоенный Райм. – Почему?

– Пожалуй, Линкольн, я на этом остановлюсь. Думаю, распространяться дальше не стоит. Но скажу тебе, что больше никому ничего не грозит. Амелия в безопасности. Единственной причиной отравить ее, Рона или твоего блестящего помощника Мела Купера была цель свалить вину на ПСАС. Ясно, что смысла теперь в этом нет. Кроме того, я сменил курс.

Райм представил, как Часовщик пожимает плечами.

– Ты, конечно, тоже в безопасности. Всегда был.

Всегда? Райм усмехнулся.

– Звонок неизвестного, сообщившего о том, что кто-то проник в мой таунхаус через заднюю дверь, когда Билли отравил мое виски. Это звонил ты.

– Я вел за ним слежку. В тот вечер, когда он прокрался в твой таунхаус, я шел за ним. Он не должен был ни убивать тебя, ни причинять какой-либо вред. Когда он переоделся в комбинезон и приготовил шприц, я понял, что у него на уме.

Это казалось совершенно бессмысленным. Но после краткого размышления Райм пробормотал:

– Я нужен тебе для чего-то. Нужен живым. Зачем? Само собой, для расследования преступления. Да, да. Но какого? Совершенного недавно? – «Какие дела открыты по тяжким преступлениям?» – подумал Райм. Потом понял. – Или которое будет совершено? Через неделю?

– Или через месяц, или через год, – насмешливо ответил Часовщик.

– Проникновение в Метрополитен-музей? Или что-то другое?

Молчание.

– Почему я?

Пауза.

– Скажу только, для плана, который я составил, нужен ты.

– И нужно, чтобы я об этом знал, – добавил Райм. – Значит, мое знание представляет собой шестеренку, пружину или маховик в твоих часах.

Смех.

– Отлично сказано. Приятно говорить с человеком, у которого хорошо подвешен язык… Но теперь, Линкольн, мне пора.

– Последний вопрос.

– Задавай, конечно. Но ответа может и не быть.

– Ты велел Билли найти ту книгу, «Серийные города»?

– Да. Нужно было, чтобы он и Стэнтоны оценили, как хорошо ты знаешь свое дело и как много вы с Амелией узнали об «ополчениях» и их тактиках.

Райм печально сказал:

– У тебя не было особого интереса к Собирателю Костей? Я ошибся.

– Видимо, да.

– Значит, связи, которую я обнаружил между Собирателем Костей и тобой, не существовало? – усмехнулся Райм.

Пауза.

– Ты нашел связь между нами? – В голосе Часовщика прозвучало любопытство.

– Здесь, в Манхэттене, выставлены знаменитые карманные часы, полностью сделанные из кости. Изготовил их, кажется, какой-то русский. Я подумал, не входит ли в твой план их кража.

– В городе есть изделие Михаила Семеновича Бронникова?

– Имя, кажется, это. А ты не знал?

– Я был очень… занят в последнее время. Но эта вещь мне знакома. Она совершенно поразительна. Середина шестидесятых годов девятнадцатого века. И ты прав: часы целиком костяные.

– Думаю, тебе нет смысла идти на риск – и, так сказать, попусту терять время, – пытаясь проникнуть в манхэттенский антикварный магазин для кражи часов.

– Нет, Линкольн, но это было творческое мышление. Ничего другого я от тебя не ожидал. – Еще пауза.

Райм представил, как Логан смотрит на свои часы.

– Теперь, думаю, Линкольн, нам пора распрощаться. Я вел разговор по этой линии слишком долго. Знаешь, иногда эти автоматические выключатели и модули доступа можно проследить. Но ты не будешь пытаться. – Смешок. – Пока мы не встретимся снова.

Через неделю, через месяц, через год.

Связь прервалась.

VI

Кожа и кости

Вторник, 12 ноября. 13.00

Глава 79

Рон Пуласки получил задание тщательно осмотреть похоронное бюро Берковица в поисках улик и свидетелей – любых нитей, какие могли привести к Часовщику. Видимо, он принял свою неудачу в роли «крота» близко к сердцу, хотя вряд ли следовало его винить: Часовщик узнал его сразу же. Он видел этого молодого полицейского, когда тот участвовал в расследовании его проекта в Нью-Йорке несколько лет назад.

Кроме того, Райм понимал, что дело даже не в этой оплошности: парень был никуда не годным актером. Лучшие драматические актеры не играли персонажей, они становились ими. Как Гилгуд.

Поэтому молодой полицейский собрал следы с документов в похоронной конторе, которые Ричард Логан – или как там его настоящее имя – подписал, когда забирал коробку с прахом неизвестного бездомного из городского морга. Расспросил всех, кто был в зале в то время, когда в бюро находился Часовщик, в том числе родственников некоего Бенджамина Арделла, известного также как Джонни Родд. Однако никаких нитей найти не удалось.

Не было их и у агентов Нью-Йоркского бюро расследований, которых Часовщик тоже обвел вокруг пальца. Они общались с «Дэйвом Уэллером» только по телефону. А мобильный, по которому он звонил им относительно Пуласки, разумеется, давно исчез. Аккумулятор оказался в одной канализационной трубе, переломанный надвое корпус – в другой.

Сакс занималась другой стороной дела, разыскивала тех, кто содействовал побегу Логана, – медиков, служителя городского морга и нескольких тюремных охранников. Райм понимал, что они пошли на огромный риск. Если откроется, что Логан жив, круг подозреваемых будет очень мал, и их наверняка установят. Но Райм знал: Часовщика не волновало, смогут ли они скрыть полученные от него взятки или представить достоверные алиби после того, как выписали ложные медицинские заключения и свидетельство о смерти. Нужно проявить смекалку, чтобы заработать несколько миллионов.

Кое-кто удрал из Нью-Йорка, но их отыщут, это только вопрос времени. Глупо пользоваться кредитной карточкой, когда ты в бегах. Принцип естественного отбора применим к преступникам точно так же, как к тритонам и обезьянам.

Райм вел часть расследования, хотя, как ни странно, бездоказательную. У криминалиста тоже был тщательно разработанный план. Возможно, из него ничего не выйдет, но Линкольн не мог упускать никаких возможностей.

Он посмотрел в окно, чтобы узнать погоду: опять тучи, белые и серые, – и стал думать: «Где ты? И что у тебя на уме? Зачем ты проник в Метрополитен-музей? И в какой части этого плана я нужен тебе живым?»

В проеме двери появился Том.

– Я разговаривал с Рейчел. Выезжаем через час?

– Хорошо.

Речь шла о поездке в медицинский центр. Лон Селлитто пришел в сознание. Несмотря на слабость, детектив оставался верен себе. Рейчел сообщила, что когда он очнулся, тут же посмотрел на свой живот и с улыбкой заявил: «Черт, должно быть, я потерял фунтов тридцать». И лишь потом спросил о деле Икса Пять-Одиннадцать.

Однако по поводу его исцеления оставалось еще много вопросов. Его лечили и будут продолжать лечить хелатирующими препаратами, которые связывают и дезактивируют яды. Легче поправляются пациенты, которые хронически подвергаются внешнему воздействию, такие как промышленные рабочие (или жертвы медленно отравляющих их супругов), но полное восстановление здоровья в случае острого отравления, как у Селлитто, проблематично. Врачи считали, что детективу предстоит еще долгое лечение. Были возможны невротические нарушения, проблемы с печенью и почками. Может быть, даже пожизненный паралич. Время покажет.

В гостиную вошла Амелия Сакс.

– Лон? – спросила она.

– Примерно через час выезжаем.

– Цветы возьмем?

– Я уже договаривался насчет цветов на этой неделе, – пробормотал Райм. – Больше не буду.

Зазвонил городской телефон. Сакс, взглянув на определитель, быстро сказала:

– Райм, наверно, ему становится хуже.

Он подкатил поближе.

– Да?

– Мистер Райм, это Джейсон? Джейсон Хезерли? – Вопросительные непонятно почему фразы звучали торопливо, голос звонившего приводил в недоумение. – Я…

– Я помню вас, мистер Хезерли. – Как мог Райм не помнить? Они разговаривали от силы неделю назад.

– В общем – не знаю, как это объяснить, – но то, что могло, по вашим словам, случиться, случилось.

Райм и Сакс улыбнулись друг другу.

– Они исчезли. Это невозможно, но это так. Вчера вечером, когда я уходил, сигнализация была включена. Утром, когда я пришел, она была включена. Ничто не тронуто. Все на своих местах. Все. Но они исчезли.

– Вот как.

«Они» – так возбужденный ювелир называл часы, которые Михаил Семенович Бронников полностью изготовил из кости.

Несмотря на слова, сказанные Часовщику, Райм не верил, что у него была какая-то связь с Собирателем Костей. Сказал он это лишь в качестве приманки. И чем легче всего заманить в ловушку человека, силой (и слабостью) которого были часы, как не редкостными часами?

Райм выяснил, что изготовленные Бронниковым часы – одни из немногих – находились в Лондоне, хоть и не продавались. Но он использовал все свое обаяние, чтобы убедить владельца передумать (точнее, обаяние и двадцать тысяч долларов), и потратил еще десять тысяч, чтобы по воздуху доставить эти часы в Нью-Йорк. Курьером был Рон Пуласки.

Райм позвонил Фреду Деллрэю и узнал, что есть торговец произведениями искусства, которого обвиняют в уклонении от уплаты налогов, Джейсон Хезерли. Деллрэй убедил прокурора снять несколько обвинений, если Хезерли согласится сотрудничать. Федералы хотели вернуть Часовщика в тюрьму не меньше, чем Райм и полицейское управление.

Хезерли согласился, часы были доставлены и выставлены в витрине его антикварного магазина – художественной галереи в Верхнем Ист-Сайде.

В разговоре с Часовщиком неделю назад Райм вспомнил Собирателя Костей, а потом небрежно завел речь о часах Бронникова, упомянув, что они находятся в одной из галерей на Манхэттене. Он старался не выдать своего интереса и надеялся, что это получилось у него лучше, чем у Рона Пуласки. Очевидно, получилось.

Через несколько дней после этого разговора Хезерли сообщил, что звонил какой-то человек, спрашивал о часах, выставленных на продажу, хотя ничего не сказал о Бронникове. Хезерли перечислил ему то, что у

него было, упомянув и о часах из кости. Человек поблагодарил его и положил трубку. Его номер не определился.

Райм и оперативная группа обсудили, как вести дело. ФБР хотело оставить у галереи наблюдение и группу захвата, готовую действовать, как только кто-то войдет, чтобы купить или украсть эти часы. Райм был против. Часовщик мгновенно их обнаружит. Нужен другой подход, более тонкий. Поэтому специалисты из ФБР и полиции установили миниатюрное устройство в металлическом брелоке часов. Большую часть времени оно будет находиться в режиме пониженного потребления энергии, его будет невозможно обнаружить детектором радиоволн. Каждые двое суток оно станет коротким, на миллисекунду, излучением сообщать о своем местонахождении Международной спутниковой системе глобального позиционирования, охватывающей почти все населенные районы Земли. Потом будет вновь переходить в спящий режим.

Информация о его местонахождении будет поступать прямо на компьютер оперативной группы. Когда Часовщик будет перемещаться, оперативники смогут определить страну и регион, по которым он движется, и предупредить пограничные власти. Или, если повезет, сумеют найти его не меняющим местонахождения, потягивающим на пляже холодное вино и любующимся похищенными часами из кости.

А может, Часовщик немедленно снимет с часов брелок, отправит его по почте в Шри-Ланку и снова вернется к плану ограбления или убийства.

Значит, мое знание об этом представляет собой шестеренку, пружину или маховик в часах твоего плана...

Владелец галереи продолжал взволнованно говорить о вторжении.

– Это невозможно. Сигнализация. Замки. Видеокамеры. – Он тяжело дышал.

Райм особо подчеркивал недопустимость упущений в мерах безопасности, чтобы не облегчать Часовщику кражу приманки: он тут же заподозрил бы опасность и отказался от своего намерения.

Хезерли продолжал:

– Ни один человек не мог проникнуть внутрь.

«Но мы имеем дело не с обычным человеком», – подумал Райм, попрощался с владельцем галереи и положил трубку.

Теперь ждать. *День, месяц, год...*

Райм отъехал от смотрового стола, взглянул на другие часы – брегет, который Часовщик подарил ему несколько лет назад. Потом сказал Сакс:

– Позвони Пуласки. Пусть как следует все осмотрит в этой художественной галерее.

Она поговорила с молодым полицейским и отправила его к Хезерли. Райм не питал особых надежд, что на месте кражи обнаружатся какие-то улики. Но все-таки требовалось убедиться.

– Том, – произнес Райм, – перед поездкой к Лону я выпью на дорожку – двойную порцию, с твоего позволения.

Райм приготовился услышать отказ, но помощник почему-то не возражал против употребления превосходного, выдержанного – и неотравленного – односолодового виски. Может быть, сочувствовал ему: хотя криминалист и предотвратил террористический акт, Часовщик все же ускользнул. И Райм при этом потерял целых тридцать тысяч.

В подстаканнике появился стакан. Райм сделал глоток пахнущего дымом напитка. Отлично, отлично. Он обменялся письмами с тату-мастером Т.Т. Гордоном, к которому проникся симпатией. Гордон собирался наведаться к чуваку в кресле-каталке на будущей неделе. Они будут говорить о грамматике, самоанской культуре и жизни в хипстерском Нью-Йорке. И как знать, какие еще темы могут возникнуть? Возможно, гора Эверест и соколы.

Линкольн поднял голову и прислушался. Снаружи донесся хруст льда под ногами. Потом щелчок замка парадной двери и звук шагов.

Райм отпил еще глоток виски. Этот звук сказал ему все. Однако Сакс никак не истолковала его и оставалась настороженной… пока Пам Уиллоуби не вышла из-за угла и не остановилась в сводчатом проеме.

– Привет. – Девушка кивнула всем, разматывая впечатляющей длины шарф. День был ясный, безветренный, но, должно быть, холодный. Ее хорошенький носик порозовел, плечи сутулились.

С другой стороны, плечи Сакс тоже были опущены, но она сумела улыбнуться. Видимо, ей вспомнилось, что Пам собиралась взять машину приемного отца и забрать свои вещи из спальни наверху.

Недолгое молчание. Сакс как будто сделала глубокий вдох.

– Как дела?

– Ничего. Нормально. Премьера спектакля состоится на будущей неделе. Дел много. Викторианские костюмы весят тонну – одеяния.

Пустой разговор. Бессмысленный.

Повисло молчание. Потом Сакс произнесла:

– Я помогу тебе собрать вещи. – Она указала подбородком на лестницу.

Пам оглядела гостиную, стараясь ни с кем не встречаться взглядом.

– Ну, собственно, как вы думаете, ничего, если я вернусь сюда? На время, пока не найду что-то еще? Честно говоря, не хочется возвращаться в ту квартиру в Хайтс. Там ведь все это произошло. Оливетти отличные люди. Только… – Она опустила глаза, потом подняла. – Вы не будете против?

Сакс подошла к ней и крепко обняла.

– Тебе не нужно об этом спрашивать.

Том спросил:

– Нужно внести какие-то вещи?

– Они в машине. Да, конечно, я не откажусь от помощи.

Том обмотался шарфом, надел русскую казацкую шапку из искусственного меха и направился вслед за Пам к машине.

Сакс надела куртку, перчатки и пошла за ними. Остановившись у сводчатого прохода, отделяющего холл от гостиной, повернулась к Райму.

– Погоди-ка.

– Что такое?

Она подошла поближе, наклонила голову и посмотрела на него, как на преступника, которого только что задержала. Негромко проговорила:

– Том сменил замки. После того, как сюда проник Билли.

Райм пожал плечами, отхлебнул виски.

– Ну?

– Что «ну»? – пробормотал он.

– Пам вошла без стука. Значит, у нее был один из новых ключей.

– Новых ключей?

– Почему ты повторяешь мои слова? Откуда у Пам новый ключ? Ее не было здесь больше недели.

– Хм. Не знаю. Загадка.

Амелия бросила на него неуверенный взгляд.

– Райм, если я просмотрю твои последние звонки, найду ли среди них исходящие Пам?

– Где мне взять время на болтовню с кем бы то ни было? Да и вообще я не болтун. Разве я похож на болтуна?

– Ты уклоняешься от ответа.

– Если просмотришь журнал, но не найдешь никаких звонков Пам. Ни давних, ни недавних.

Это было правдой: он удалил информацию о всех звонках.

Конечно, Райм упустил из виду, что Сакс сможет их раскусить, когда несколько дней назад, после их, так сказать, «болтовни» отправил Пам ключ с посыльным.

Сакс засмеялась, наклонилась и крепко поцеловала его, потом направилась к двери, чтобы помочь заносить вещи, оставив Райма делать то, чего он уже несколько часов ожидал с нетерпением. Он снова подкатил к смотровому столу.

На стерильном подносе лежал кусочек грязно-белой резины, глины или пластика, обнаруженный в браслете наручных часов банкира, убитого прошлой ночью в Верхнем Ист-Сайде. Само по себе убийство было непримечательным – здесь Райм твердо держался взгляда на смерть номер один, – но ему показалось необычным, что убийство совершено возле стройплощадки между Мэдисон– и Парк-авеню. Западная сторона фундамента находилась примерно в десяти футах от туннеля, который после нескольких поворотов выходил прямо к подземным архивам Метрополитен-музея.

Было очевидно, что на месте преступления произошла ожесточенная борьба. Не исключено, что улику в браслете оставил убийца и она может многое рассказать о человеке, отнявшем жизнь жертвы.

Но пока материал не был идентифицирован, а его источник установлен, эти предположения ничего не значили. Материал может оказаться либо веской уликой и попасть на белую доску, либо ничего не стоящей пустышкой и отправиться в мусорный бак, как осенние листья, большей частью опавшие с деревьев за окном. Райм приготовил образец для хроматографа и подкатил к гудящей машине – проверить, какая из этих двух возможностей окажется верной.

Благодарности

С огромной благодарностью: Уиллу и Тине Андерсонам, Софии Бейкер, Соне Чоз, Джейн Дэвис, Джулии Дивер, Дженне Долан, Кэт Глинсон, Джейми Ходдер-Уильямсу, Митчу Хоффману, Керри Худ, Эмме Найт, Кэролайн Мэйс, Клер Нозирес, Хезел Орм, Майклу Питчу, Джейми Рабу, Бетси Роббинс, Линдси Роз, Кэти Роуз, Мариссе Санджакомо, Роберто Сантакьяре, Деборе Шнайдер, Вивьен Шустер, Мадлен Уорчолик. Лучше вас нет никого!

Примечания

1

Меня зовут (*фр.*). – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Фрактура – поздняя разновидность готического шрифта.

3

ОАСУЛОП – Объединенная автоматизированная система установления личности по отпечаткам пальцев.

4

Автомобиль быстрого реагирования.

5

Уровни террористической угрозы различаются по цветам: красный, оранжевый, желтый, синий, зеленый. Наивысшую степень опасности обозначает красный.

6

Дедвуд – город в Южной Дакоте с высоким уровнем преступности. О нем снят одноименный сериал.

7

Тазер – электрошоковый пистолет, стреляющий металлическими стрелами.

8

ОБР – отряд быстрого реагирования.

9

«Холидей инн» – компания в отельном бизнесе, имеющая разветвленную сеть недорогих отелей в США и за рубежом.

10

Бругмансия – небольшое ядовитое дерево семейства пасленовых. Его цветы имеют форму рупора.

11

Общее название неблагополучных кварталов Нью-Йорка.

12

Улиток с овсяной крупой (*фр.*).

13

Сама не знаю, что (*фр.*).

14

Доктор Сьюз (1904–1991) – Теодор Сьюз Гайзел, американский детский писатель и иллюстратор своих книг.

15

Следовательно (*лат.*).

16

Так звали девочку – героиню сказки Л. Ф. Баума «Волшебник из страны Оз».

17

Болезнь, вызванная употреблением молока от коров с интоксикацией некоторыми видами ядовитых растений.

18

Серпико – герой одноименного фильма, основанного на реальных фактах, полицейский, выступивший с разоблачением массовой коррупции в полиции. Сэр Артур Джон Гилгуд (1904–2000) – английский актер и театральный режиссер, один из крупнейших исполнителей шекспировских ролей в истории театра.

19

Первый масштабный теракт в США в 1995 году.

20

Кордебалет киноконцертного зала «Радио-сити».

21

Шотландская певица.

22

Например (*лат.*).

23

Моя вина (*лат.*).